

sf_action

Алекс
Кош
ed793c80-2a80-102a-9ae1-2dfe723fe7c7

Если бы я был вампиром

Сколько случайностей может подкинуть нам жизнь? Много! А какова вероятность того, что проскользнувшая где-то в уголках сознания мысль сможет соединить незримой нитью двух существ: вампира и человека — так похожих внешне и настолько различных внутри? Что произойдёт, если они поменяются местами? А вот и не угадали. Вампир, к примеру, пойдёт в библиотеку или будет с утра до ночи смотреть телевизор и научится «ботать по фене», а уж что достанется человеку, ставшему на место всем ненавистного вампира в совершенно незнакомом мире... Хотя откуда мне знать? Вот если бы я был вампиром
...

2004

ru

MCat78
MCat78
MCat78@ya.ru

FB Editor v2.0, AlReader2
13 January 2009
<http://www.litres.ru>
Текст предоставлен автором
873e2680-4c95-4fef-b18b-cfeae3a1bfa4
2.1

v 2.0 — MСat78 — создание fb2-документа из авторского текста
v 2.1 — вычитка, добавление буквы ё — (Forcosigan)

Если бы я был вампиром
Армада
Москва
2007
5-93556-874-8

Алекс Кош
Если бы я был вампиром

Предисловие

Середина лета. Пора сессий уже закончилась, и наступила куда более милая сердцу горожан пора пьянок и повального оседания на грязных, но от этого не менее людных пляжах. Каждое лето проскакивает настолько быстро, что мы не успеваем заметить. И именно в июле это ощущается особенно остро. Таково свойство всего хорошего — если оно когда-нибудь и начинается, то очень быстро заканчивается. Шашлыки, рыбалки, походы затихают, и в двери стучится осень. Правда, иногда бывает и по-иному, когда сердце режет ожидание конца этого чёртового времени года... С этой вечной духотой и докучливым солнцем, нещадно жгущим бледную кожу городского человека, выдавшего рыбу только в банках с килькой и любовавшегося природой исключительно в ближайшем загрязнённом по самое не хочу парке. Летние дни, как правило, быстро надоедают своей однообразностью, и мы вскоре уже хотим вернуться в школы, институты, на работу, о чём, впрочем, начинаем жалеть в первый же день влюбом из заведений. Однако я отвлёкся. И к чему я всё это написал? Ладно, будем считать предисловие лёгкой разминкой. У меня есть оправдание, я не писатель, а всего лишь... об этом, пожалуй, потом. Кстати, а вы читали Дракулу? Нет? Только фильм смотрели? А я вот прочитал. К чему я об этом заговорил? Просто именно с произведения о Дракуле началось шествие вампиров по всему свету. До этого они упоминались лишь в легендах, но после выхода рассказа Брэма Стокера стали известны во всём мире. Позднее эти жутковатые, но по-своему очаровательные существа стали одной из любимейших тем для писателей и кинематографистов. В последнее время вышло много интересных вариаций на эту тему — фильмы, туча книг, сотни статей и даже некоторое количество научных трудов, описывающих жизнь вампирскую. Одни называют вампиров суевериями, другие утверждают, что вампиризм — это болезнь, а третьи говорят, что вампиры — это более высокая ступень эволюции. А может, вампиры просто существуют, и всё? Кто может совершенно точно сказать, что существует, а что нет? Кто сможет провести линию, отделяющую реальность от вымысла? На самом деле в нашем мире происходит множество удивительнейших явлений, и существует столько всего необъяснимого, что даже пресловутый чёрт сломает ногу (вот чертей всё же не существует). Только в последнее время наша наука стала куда прозорливее и ловчее чёрта и может объяснить любое явление. Так кто же такой вампир, спросите вы. Я мог бы ответить, что это существа, пьющие кровь, боящиеся света, не терпящие чеснока и умеющие превращаться в летучих мышей, но это только легенды. Как обстоят дела на самом деле, не знает никто, кроме, наверное, самих вампиров. Так что на вопрос «Кто же такие вампиры?» точного ответа пока нет, мы можем лишь догадываться о природе этого явления и, может быть, слегка помечтать. У вас хорошее воображение? У меня весьма. И именно плоды моего воображения вам и предстоит вкушать некоторое время... а может быть, это и не воображение, а просто слегка подправленная вымыслом правда? Вот только скажи я вам, что всё написанное в этом произведении произошло на самом деле со, ну, скажем, с моим близким другом, вы же всё равно не поверите. Или же, наоборот, затаритесь осиновыми колями и пойдёте гулять по моему любимому парку. В любом случае ничего хорошего из этого не выйдет. А посему прочитайте мою историю как простое произведение-выдумку. И самое главное, отложив прочитанную книгу, подумайте, а что было бы, «если бы я был вампиром»?

Однако ж я опять отвлёкся. Вернёмся к середине лета, ведь именно тогда всё и началось...

Часть I Посвящённый в...

Глава 1

За месяц и сколько-то там дней до...

Поезд Москва-Киев тронулся с перрона и монотонно застучал колёсами по рельсам. Было довольно раннее утро, и пассажиры, толком ещё не проснувшись, лениво возлежали на полках, размышляя над важным вопросом — то ли продолжить прерванный утренний сон, то ли с преувеличенной бодростью подняться и начать надоедать дурацкими вопросами дремлющим соседям по купе. В большинстве своём русские люди издавна славились вредностью, поэтому заснуть в общем-то никому толком так и не удалось. Все вскочили со своих мест с мнимой жадной общением. От общения не ушёл никто. Вернее, почти никто. Во всём поезде оказался лишь один человек, которого так и не потревожили жадные до бесед соседи. У него просто не было соседей. Этот человек в гордом одиночестве занимал целое купе. Что довольно странно, если учесть, что поезда этого направления летом всегда забиты до отказа.

Так молодой человек и сидел, почитывая какую-то старую книгу и временами глядя в окно. Но на следующей же станции к нему в купе ввалился здоровенный, поперёк себя шире, мужик, тихо поздоровался и тут же бухнулся на соседнюю полку, одарив молодого человека странным взглядом.

Молодой человек же, казалось, даже не заметил этого. Он не отрывал восторженных глаз от книги.

— Ты это, спать мне не мешай, — пробасил здоровяк, потешно крутанув глазами и скорчив недовольную мину.

Если он хотел как-то обратить на себя внимание, то ему это не удалось. Да и мешать спать ему явно никто не собирался, поэтому мужик действительно лёг и тут же захрапел.

Преувеличенно громко и слишком часто. Чем-то это напоминало игру плохого актёра, но... Молодой человек не обратил и на это никакого внимания. Сейчас он ничего не видел и не слышал. Он был далеко отсюда. В другой Вселенной. Он был в книге.

О, что это была за книга! Кто когда-нибудь читал вампирские саги и восхищался красотой и загадочностью вампирского декаданса, поймёт. Смесь ужаса и уважения, брезгливости и восхищения. Пир на крови и благородство вампирских родов, древних как сам мир. Дети Тьмы, Хозяева Ночи. Вампиры.

Не всякий поймёт всю их красоту и притягательность, но того, кто понял и принял... от книги не оттащить, сколько ни старайся. Разве что он сам решит отдохнуть...

Молодой человек сладко зевнул. И только тут заметил своего нового и, собственно, единственного соседа. Он недоверчиво посмотрел на «спящую» и громко храпящую тушу, покачал головой и немного глупо усмехнулся.

Книга отложена, позади три бессонных ночи подготовки к выступлению на съезде писателей, а впереди целый день пути. Не стоит упускать шанс в кои-то веки выспаться. Молодой человек ещё раз усмехнулся и лёг на свою полку. Нижнюю, кстати. Он закрыл глаза, но ещё долго ворочался, думая о чём-то. И если бы кто-нибудь прочитал его мысли, то услышат бы: «Интересно, а если бы я был вампиром?»

Наконец молодой человек уснул. И тут же здоровяк с соседней полки с удивительным для его комплекции проворством вскочил и достал из кармана небольшой шприц. Спустя секунду шприц был воткнут в шею спящего парня, и содержимое разлилось по венам. Поезд Москва-Киев продолжал свой путь...

* * *

Собственно сегодня.

Должен сразу вам объяснить кое-что, так сказать, расставить все точки над пресловутым «і». Я — вампир. В этом факте моей биографии нет ничего необычного. В наше время существует множество вампиров. Правда, так уж вышло, что я не встречал ни одного за всю свою относительно недолгую человеческую и совсем уж короткую «вампирскую» жизнь. Но, если верить телевизионным сериалам и книгам, коих я пересмотрел и перечитал невероятное множество — вся Москва так и кишит нечистью. Вот уж сомневаюсь, что вампиров настолько много, но с другой стороны... Я же ведь не один такой... больной (шутка). Да и вампиром я стал не самостоятельно. Тут не обошлось без помощи и непосредственного участия самых натуральных вампиров.

Вот только сам процесс «овампиривания» я помню смутно. Хотя события ночи, повлёкшей за собой необратимые изменения в моём организме и в моей весьма мирной жизни, до сих пор преследуют меня в кошмарах.

Итак. Мой здоровый и крепкий дневной сон был прерван звонком в дверь. Это в субботу-то утром!

Я с трудом разлепил глаза и уставился в потолок, пытаясь собраться с мыслями. Потолок слегка облупился, даже несмотря на то, что недавно в квартире делали евроремонт. Может, это потому, что его делали хохлы? Такие милые мужички с явным еврохохляцким акцентом. Они искренне обещали европейское качество по своим скромным хохляцким ценам. Вышло конечно же наоборот...

Мысли в моей сонной голове текли вяло и цеплялись одна за другую. Но это даже хорошо, потому что появление мыслей сразу после пробуждения, пусть и не очень здравых и чётких, уже само по себе чуть ли не чудо.

Хм... странно. Все мои знакомые знают, что раньше шести вечера меня лучше не беспокоить — опасно для здоровья. Вот только знакомых у меня маловато, я бы даже сказал почти и нет. Во всяком случае знакомых, которые могли бы запросто прийти ко мне в гости в такую рань. Почему рань? Так ведь всего же... э-э-э... двенадцать часов.

Кстати, относительно вампирского дневного сна. Сплю я как все нормальные люди. Ни в какие летаргические сны не впадаю до тех пор, пока сам не лягу спать, не закрою глаза и полчаса не поворачиваюсь. Летаргический у меня сон или обычный, я проверить, конечно, не могу, потому что сплю. Правда, спать я стал всё же крепче, чем раньше.

Уж не знаю, может ли это указывать на что-то подозрительное, но на всякий случай я взял на заметку и этот факт. Да и предпочтение я всё больше стал отдавать дневному сну, проявляя ночью повышенную активность. Тут тебе и Интернет, и телевизор, и книги. Впрочем, я не совсем вампир в том смысле, который обычно вкладывают в это слово.

Может, через некоторое время, если верить всё тем же книгам, я и стану бояться света, невольно впадать на весь день в летаргию, кидаться на людей и превращаться в летучих мышей и туманные облачка. Но пока свет мне доставляет лишь некоторое неудобство, с которым легко можно справиться с помощью обычных тёмных очков (можно даже и без них обойтись при особом желании). Да и на людей кидаться я не собираюсь.

А может, я вообще всё это придумал? Подумаешь, в сон стало клонить немного больше, чем обычно, видеть в темноте стал чуть лучше. Эка невидаль. Третью жителей Москвы предпочитает дневной жизни ночную, а уж про зрение я и вовсе молчу. С моими минус тремя особо ничего и не разглядишь. Что поделать, издержки ночного Интернета (так ведь дешевле) и чтения книг (работа такая).

Этот вопрос я себе задаю каждый день уже в течение месяца и каждый день отвечаю на него по-разному. В зависимости от настроения. Толку-то всё равно мало. Что бы я ни думал, а некоторые подозрительные расстройства организма, так сказать, налицо.

В прихожей продолжала настойчиво играть мелодия похоронного марша.

Не так давно я считал это довольно хорошей шуткой, видимо, теперь я звонок сменю. А лучше и вовсе отключу. Да и дверь надо вторую поставить со звукоизоляцией, давно уже собирался, да всё руки не доходили.

Я и лёг-то буквально пару часов назад, часов в десять. Последние несколько ночей я посвятил изучению Интернет-сайтов с какими-либо сведениями о вампирах. Скажу честно — почти всё, что там пишут, сплошная липа и вода, но при желании можно найти и нечто полезное. Рецепты приворотных зелий из чешуек дракона-девственника или обряды Вуду, проводящиеся в Подмоскovie школьниками младших классов — всё это имеет мало

смысла. А исторические факты могут весьма пригодиться. Вот вы знали, что граф Дракула действительно существовал как исторический персонаж? Более того, он действительно пил кровь, хотя ничего сверхъестественного в этом не было, он просто был извращенцем. А нынешний граф Дракула нормальный мужик, тратит кучу денег на благотворительность и с улыбкой встречает очередную просьбу показать клыки, которых у него конечно же нет. Должен заметить, что у меня тоже, слава богу, пока ничего подобного не отросло.

Превращаться в мечту дантиста мне не улыбается.

Хр-р... — если звонить не прекратят, я забуду о том, что не собирался кидаться на людей.

Мелодия отыграла финальные ноты и началась сначала.

Меня и раньше-то разбудить было трудно, а теперь уж, когда я стал тем, кем стал, я считал, что это и вовсе невозможно. Видимо, кому-то я очень понадобился, и он трезвонит довольно давно.

— Да иду я, иду!

Чтоб их...

Направляясь к двери параллельно с натягиванием штанов, я всё же задался вопросом: а кто бы это мог быть? Как говорится, «лучше поздно, чем никогда». Кроме того, по пути я ещё умудрился повалить на пол красный дырявый торшер, доставшийся мне от старых жильцов, и сосчитать своими далеко не широкими плечами все углы коридора.

Я, если честно, ни с кем особенно не общаюсь вообще, и в последнее время особенно. Так уж получилось, что от всех своих друзей по школе я отдалился, едва поступив в институт, а в институте я всё сдавал экстерном и появлялся лишь раз в месяц, когда становилось совсем скучно. Работа отнимала немало времени, да и человек я по натуре ленивый, чтобы вставать в семь утра и ехать неизвестно куда и неизвестно зачем. Таким образом, из друзей у меня осталось человека четыре (не считая кучи знакомых самой разной дальности), причём почти все наше общение сводится ныне к телефонным разговорам, и то не со всеми. Исключение составляли посетители «Литерхома», но это не друзья, а скорее родственные души. Да и с ними я после памятной поездки в Киев практически не общался.

Оставался ещё Интернет. Вот тут у меня было невероятное множество знакомых.

Признаюсь, меня всегда поражало количество людей, с которыми я там был знаком. Там можно было пообщаться на равных с кем угодно, будь то школьник, банкир, стриптизёрша или депутат Госдумы. Однако «лично» из них меня не знала ни одна живая душа. И на все предложения встретиться я отвечал коротко: «Нет», и всё. Право же, зачем людей пугать?

— Кто там?

Всегда мечтал задать этот вопрос. А тут такой момент. Да и в глазок лень смотреть.

Ответа не последовало. Звонок честно продолжал напевать заунывную мелодию.

Нет, теперь точно его сменю.

Придётся, видимо, ради такого случая заглянуть в глазок.

Оп-па. Никого. Быть того не может. А звонок тогда с чего звонит? Ладно, надо проверить.

Аккуратно открыв дверь и выглянув наружу, предварительно накинув цепочку (а то мало ли что), я не увидел ровным счётом никого. Посмотрев на звонок, чертыхнулся. Он был залеплен жвачкой, к которой был прилеплен небольшой конверт. Совершенно белый, без всяких картинок, индексов и уж тем более обратных адресов. Единственным опознавательным знаком была размашистая надпись: «Найт».

Найт... что-то знакомое. Где-то я это уже видел... Ой! Да это ж я! Но это невозможно! Это мой ник в Интернете, им я подписывался в разных дискуссиях, посвящённых вампирам и прочей чертовщине, в чатах и на почтовых сообщениях. Но, как я уже говорил, никто там не знает моего настоящего имени. Более того, уж точно никто не может знать моего адреса! Чертовщина какая-то.

Я проделал все операции, какие полагается проделать для проверки реальности происходящего: протёр глаза и ущипнул себя за руку.

Ау-у! — я немного перестарался с испугу.

— Опять ты что-то замышляешь?! — с этими словами передо мной появилась старушенция из соседней квартиры.

С этой старушкой я веду войну уже три с половиной года, с тех пор как переехал в эту квартиру. Всё плохое, что происходило в подъезде, по её мнению, было делом исключительно моих рук. В результате мне постоянно приходилось выслушивать

обвинения во всём: начиная от перегоревшей лампочки и заканчивая убийством (было и такое, только в это время я был на «отдыхе» в Киеве, но это, видимо, не являлось достаточным алиби).

— Да как вы можете, Клавдия Степановна? Вы же меня знаете, — сказал я, одарив её самой любезной улыбкой, на которую был способен в столь ранний для меня час.

При ней я вообще старался как можно больше улыбаться. Это её особенно злило. И то правда. Как я смею ей улыбаться после того, как, по её мнению, именно я подло и со злым умыслом похитил её милую кошечку? Я лично подозреваю, что кошечка оказалась умнее, чем я думал, и смылась от старой брюзги подобру-поздорову. Более того, мне кажется, что в квартире ворчливой соседки даже тараканы передохли. Эта милая старушка доведёт кого угодно.

— Конечно, — завела она свою волынку. — А кто вчера в подъезде песни пел? Вон погляди-ка. До сих пор бутылки ваши валяются.

— А это не моё, Клавдия Степановна. Я пою так, что мне собаки подвывать начинают (на самом деле всё гораздо хуже, но зачем пугать старушку), и я не пью водку, — сказал я, покосившись на бутылки из-под «Привета», валяющиеся на пролёт ниже.

Да-а-а. Кто-то тут вчера хорошо погулял. А почему я ничего не слышал? Даже странно. Я вроде не спал, да и музыка играла у меня негромко (ну... относительно негромко).

Определённо, что-то очень странное последнее время творится.

— Так я тебе и поверила, — сказала старушка, спускаясь вниз и подбирая бутылки (сдавать, что ли, пойдёт?), — вот как вызову милицию, она-то во всём разберётся.

Вот что меня всегда удивляло, так это её непоколебимая вера в наши правоохранительные органы. Особенно касательно их способности во всём разобраться. Сколько слышу эту угрозу, столько удивляюсь.

— До свидания, Клавдия Степановна, — с облегчением сказал я, прикрывая за собой дверь. Что ни говори, а всё же любой устанет изо дня в день выслушивать обвинения в свой адрес. Пусть даже от безвредной старушки. Да ещё при этом умудряться сохранять на лице милую улыбку. Хорошо ещё, что остальные соседи не очень-то верят во все её сказки, а то моя жизнь в этом доме стала бы сплошным кошмаром.

Так. Я отвлёкся от главной проблемы. Выслушивая обвинения в свой адрес, я по инерции отлепил жвачку от звонка и положил за пазуху письмо. Что же в нём? И кто, а главное как узнал, что я и есть этот самый Найт? Да-а-а... День определённо испорчен, хотя он ещё даже толком не начался.

Вернувшись в комнату, я зашторил окна и включил музыку (тихо-тихо, ватт эдак на триста). В последнее время я стал видеть в темноте намного лучше и мог уже даже читать ночью книги, не включая лампочки. Экономия! За зрение я особо не волновался, потому что всё равно дальше его уже портить некуда. Так что полумрак комнаты ни в коей мере не мешал, наоборот, во мраке я отчётливее видел всю обстановку комнаты.

Моя комната — это вообще отдельная история. Три с половиной года назад я жил с родителями в трёхкомнатной квартире и ни о чём не волновался. Всё было замечательно и, в отличие от моих сверстников, я не стремился покинуть родное гнездо и отправиться в вольный полёт. Но в одно прекрасное утро родители меня обрадовали — они разменивают нашу замечательную квартирку на две помельче и поскромнее. Короче говоря, избавились от меня и отправили, помимо моего желания, в самостоятельное плавание по просторам жизненного океана.

Я окинул взглядом свою захламлённую донельзя комнатку и вздохнул. Не хватает женской руки, да и остальные части тела мне определённо бы не помешали.

Всюду валяются книги, даже телевизор едва виден за стопкой полного собрания Роберта Джордана (уже двадцать с лишним томов и конца серии не предвидится). Меня не перестаёт удивлять скорость написания и количество его книг, эдакая фэнтезийная «Санта-Барбара». Именно в стиле фэнтези и были все плакаты, развешанные по моей комнатухе, чтобы прикрыть результаты «евроремонта». Драконы, эльфы, маги, красавица Николь Кидман... ой! Это к делу не относится. Так о чём мы? Ах да...

Взяв конверт в руки, я заметил то, чего раньше заметить попросту не успел. В нём что-то лежало помимо самого письма. На секунду в голове появилась дурацкая мысль, что это

бомба или вирус, который, по слухам, рассылают по почте, но потом я усмехнулся своему идиотизму и открыл конверт.

Из него вывалился странный перстень.

— Однако...

Признаюсь, есть за мной одна странность. Я привык иногда рассуждать вслух. Психолога вызывать не надо, это не так страшно, как кажется, бывает довольно редко и никому не мешает. К таким вещам быстро привыкаешь, живя в одиночестве и редко выходя из дому. Откровенно говоря, последний месяц я вовсе из квартиры не выходил, а продукты только по телефону заказывал. Когда я стал вампиром, я просто опасался выходить на улицу. Сначала я боялся, что на кого-нибудь брошусь или просто сгорю от лучей солнца, а потом (когда понял, что с солнцем у меня остались дружеские отношения) просто стал себя чувствовать не таким, как все... чужим, что ли... Сейчас это уже почти прошло, но всё равно чувствуешь себя неуютно.

Осмотрев перстень, я заметил, что он не похож на обычные побрякушки, коих я насмотрелся, гуляя по рынкам с очередной девушкой. Перстень отливал зелёным цветом и, хотя он и не светился, мне показалось, что если на него долго смотреть, то немного режет глаза. На нём красовался странный рисунок в виде глаза с голубым зрачком и совершенно красным белком, как бы странно это ни звучало.

— Всё страньше и страньше, — пробормотал я, отложив перстень и достав из конверта лист всего с несколькими строчками рукописного текста на ветхой (старой?) бумаге. Текст был написан на латыни удивительно красивым почерком. Так писали в давние времена: куча всяких закорючек, чуть не руны какие-то. Неужели тот, кто писал это письмо, знал о моём увлечении латынью? Хотя они просто могли читать мои статьи или переводы. Или всё же это случайность?

Письмо составляли три коротких предложения:

«Non fit sine periculo facinus magnum. Omne initium difficile est. Fac et spera».

Я сел в кресло и достал латинский словарь. Конечно, я знаю латынь совсем неплохо, но со словарём спокойнее. Перевести текст не составило труда:

«Великих дел, не сопряжённых с опасностью, не бывает. Всякое начало трудно. Действуй и надейся».

Я задумался над тем, что же означают эти слова, при этом по привычке начав вертеться в кресле. Я просто обожаю это дело. Кресло — моя единственная серьёзная покупка. Остальное досталось при дележе имущества с родителями и от старых жильцов. Я увидел кресло в магазине и понял, что это любовь с первого взгляда. С тех пор я писал свои заметки, статьи и делал переводы исключительно в нём.

Повернувшись к зашторенному окну, я задумчиво спросил у этого самого окна:

— К чему бы это? Или я чего-то не догоняю?

Ответом мне было лишь завывание «Арии». Кстати, хорошая песня — «Вампир». Не очень соответствует истине, но мне нравится. Глупо, наверно, но недавно я составил целый сборник песен о вампирах. Интересно послушать, хотя настроение, конечно, портится.

— Стоп. А это что? — Я перевернул лист и только сейчас заметил ещё одну надпись в виде какого-то особо заковыристого узора.

Взяв увеличительное стекло, я прочёл:

«Gens una sumus»

. Это я перевёл и без словаря:

«Мы — одно племя»

.

Вот те раз. Уж не от «родственников» ли письмецо? Может, это они меня и вычислили? В последнее время я нарочно лазил по страничкам разных культов и верований, оставляя прозрачные намёки, надеясь найти кого-нибудь из «кровопийц». Но всё было зря... До этого дня. Может, они наконец прольют свет на то, что со мной произошло? Но почему тогда они не оставили своего адреса? Что за странные слова? И перстень зачем? Слишком много вопросов и ни одного ответа. Хотя...

Стоило бы осмотреть конверт.

Я взял в руки странную посылку и ничего интересного, естественно, ни внутри, ни снаружи больше не обнаружил. Обычный белый конверт без всяких рисунков, самый стандартный, продаётся на любом почтамте, и кроме надписи «Найт» на нём больше ничего не написано. Ну что ж, придётся прибегнуть к помощи современных технологий.

Я включил компьютер и вылез в Интернет. Заглянув в свой почтовый ящик, выяснил, что выиграл какую-то путёвку (чего только не присылают), прочитал пару писем от знакомых из чата... Вот одно интересное послание: одна знакомая предлагает встретиться. Может, не отказываться? Я уже устал от одиночества (да, даже за один месяц можно устать). Пора бы развеяться. Так почему бы не развеяться с девушкой, с которой меня ничто не связывает, кроме удалённой дружбы? Я посмотрел на дату письма, и все надежды рухнули. Да это же письмо недельной давности! Давненько я почту не проверял. Боюсь, что ей не понравится то, что я отвечаю лишь через неделю, так что лучше вообще отвечать не буду. Остальные письма были из разных Интернет-рассылок и никакой полезной информации в себе не несли (только не спрашивайте, зачем я тогда на них подписался, сам не знаю).

Закончив с почтой, я начал поиск по ключевым словам и фразам из письма. На самом деле я искал рисунок, хоть как-то похожий на рисунок на перстне (но поисков такого типа пока ещё не придумали, поэтому приходилось искать по словам), поиски, впрочем, ничего не дали, что совершенно неудивительно, ведь Интернет на самом деле одна большая помойка. Я ещё раз заглянул в почтовый ящик и обнаружил новое письмо. Видать, только что пришло. Я бы не обратил на это письмо никакого внимания, если бы не один момент. В углу был изображён рисунок красного глаза с голубым зрачком, точно такой же, как на перстне, только без зелёного отлива вокруг. Я открыл текстовый файл:

«Дорогой Виктор. Мы рады, что вы проявили интерес к нашему братству. Если вам действительно безразличны наши ценности и заветы, то мы имеем честь пригласить вас на Посвящение. Как вы уже знаете, после этого вы станете полноправным братом по крови. Посвящение является таинством единения с нашим Владыкой, и обо всех подробностях, как и о самом факте проведения, мы не имеем права сообщать людям, не входящим в братство, поэтому, это письмо после прочтения сотрётся. Ваша кандидатура была рассмотрена на собрании братьев по крови и признана наиболее желательной, поэтому мы надеемся, что вы в должное время придёте в наш храм. Да пребудет с вами Владыка...»

Далее шёл адрес и сегодняшнее число...

Значит, меня приглашают на какое-то Посвящение в секте «Братья по крови». Видимо, я так долго светился на форумах всяких сект, связанных с поклонением вампирам, что меня заметили. Наконец-то! Этого я и ждал. Вот только что именно проповедует эта секта, я уже забыл (если вообще знал), все эти секты так похожи, что просто смешались в моей голове. Может, потом вспомню. Интересно, а как это они рассматривали мою кандидатуру? Что именно в моей биографии их интересовало? Были ли в моей родне люди с психическими отклонениями? Или моя профессиональная пригодность? И зачем я только оставлял в этих сектах свои данные? Хорошо ещё, что для сектантов я отдельный почтовый ящик использовал, а то могли бы провести параллель с неким Найтом, весьма известным в некоторых кругах, в том числе сектантских, только скорее как противник, нежели адепт. Записав адрес и время «проведения Посвящения», я откинулся на спинку кресла и задумался. Письмо действительно стёрлось, хотя я понятия не имею как. Я в хакры не записывался.

А стоит ли мне туда наведываться?

— Пожалуй, всё же стоит. Не сидеть же всю жизнь дома, — решительно сказал я монитору. Всё же звук своего голоса немного обнадеживает. Спокойнее как-то становится. Хотя особенно красивым голосом я похвастать не могу.

Если честно, меня до сих пор совершенно не тянет гулять по улицам. С тех пор как «это» со мной случилось и я вернулся из Киева, я даже из дома-то не выходил, впрочем, я уже об этом говорил. Так что сегодня, видимо, будет мой первый выход в свет, можно так сказать. Ах да. Я же ещё не рассказал самое главное: чем же всё-таки питаются вампиры, а точнее, некий вампир по имени Виктор. Я предпочитаю питаться как нормальные люди.

Удовольствие от еды — это одно из немногих удовольствий, которые мне доступны, не выходя из дому. Хотя в последнее время возникает жажда, которую нельзя утолить простой водой, но с ней я пока справляюсь с помощью слегка недожаренной печени. Вообще-то гадость жуткая, но всё лучше, чем пить кровь. Кто бы знал, как глупо я себя чувствовал, когда впервые попробовал эту недожаренную печёнку. Даже не столько глупо, сколько противно. Хорошо ещё, что эта жажда появляется всего два или три раза в неделю. А то ведь и ломки могут начаться, как у наркомана.

Если честно, то я просто не могу представить, что пью кровь. Сразу мутить начинает. И слава богу, вот когда перестанет мутить, пора будет харакири осиновым кольшком делать. Отключив компьютер, я прикинул, через сколько мне выходить. Получилось, что ещё часа три в запасе есть, если ехать в центр, а точнее, на Кузнецкий мост, то надо выходить минут за сорок. А значит, до четырёх я свободен.

Можно ещё поспать. Едва закрыв глаза, я тут же их открыл. Опять заиграла заунывная мелодия звонка.

Нет. Я его точно отключу. Вот прямо сейчас встану, дойду до двери и отключу, оторвав провод от динамика.

Подойдя к двери, я услышал голос соседки и мужские голоса.

«Неужели и вправду милицию вызвала, старая карга?» — промелькнула мысль.

Ну точно. Это просто невероятно. Заглянув в глазок, я увидел старушенцию, которая клялась двум милиционерам, что видела, как некий субъект, до жути похожий на меня, тащил труп мимо её квартиры. С ума сойти.

Я открыл дверь и выглянул на лестничную клетку.

— Э-э-э... Здрасти.

Главное — вежливость. На лестничной клетке стояли два милиционера. Один невысокий, с лысиной а-ля Горбачев, а другой поздоровей и помоложе, заметно, что только закончил школу милиции. Причём, по всей видимости, младший уже что-то успел напортачить, потому что лысый на него периодически косился и тот под его взглядом постоянно вертелся, явно чувствуя себя в чём-то виноватым.

Заговорил, естественно, тот, что постарше:

— Капитан Лысько, — представился он. — Вы Виктор Светлов?

Ну да, конечно, сразу к делу. А ведь фамилия у него очень соответствует внешнему виду.

— Ещё вчера был.

Будем считать это сарказмом.

— Вы не могли бы сообщить, где вы были 21 июня?

Так я и думал.

— В Киеве. Есть свидетели. А что, меня в чём-то подозревают?

Ничего. Мы тоже можем быть серьёзными.

— Подозревают в краже особо ценного имущества в виде кошки преклонных лет, проживающей в соседней квартире.

Надо же, да он ещё и шутить умеет, а я думал, что для того, чтобы шутить, нужны мозги.

— Вы что, всерьёз подумали, что мы вас подозреваем в убийстве? — спросил Лысько.

— Подумал. Вон, у вас даже свидетель есть. Э-э-э... вернее, был. — А бабка-то не дура, уже смылась давно. Наверняка как только я вышел, так сразу и смылась.

— Ладно, — капитан махнул рукой на дверь соседки. — В каждом доме таких свидетелей полно. Слушай я их, мне бы пришлось тогда каждого второго сажать и каждого третьего расстреливать.

— Да? — Я, честно говоря, обрадовался. — Значит, я не один так мучаюсь? Есть всё-таки справедливость в нашей стране.

— Есть, но только очень мало и почему-то только для избранных, — неожиданно грустно ответил капитан.

Эк сразу посерьёзnel, видать задело. Оно и понятно, нынче милиции тоже несладко живётся.

— Вы ничего подозрительного не замечали? Люди какие-нибудь незнакомые тут не ходили?

— Я? Да я болею уже второй месяц, не выхожу никуда, — тут же ответил я.

— Наслышаны. Вас, между прочим, весь дом обсуждает. Молодой человек, с виду здоров как бык, и за целый месяц ни разу не вышел из дому. Странно, не находите?

А говорит, что не подозревает. Надо же, как меня соседи любят. «Быком» назвали. Таких комплиментов мне уже давненько не говорили.

— Нет. Не нахожу. — Шутить как-то сразу расхотелось. — У меня свои дела, у вас свои.

— Ну да. Конечно. Значит, ничего особенного не замечали? — поднял бровь капитан. Вот пристал-то.

— Нет. Вы извините, но у меня чайник на плите. Мне идти надо.

Как я легко умею найти отговорку, а? И главное, как удачно. Может, я за этот месяц с людьми общаться разучился? Ну уж врать-то я точно разучился, если вообще умел.

— Ну да. Раз чайник... До свидания, Виктор Михайлович.

По отчеству даже. Да я ему в сыновья гожусь, а он по отчеству.

— До свидания.

Это я уже из комнаты сказал. На самом деле никаких свиданий с этими милыми людьми мне не хочется, но надо же оставаться вежливым.

Интересно, я сегодня посплю вообще?

Глянув на часы, удивился. Уже три часа. Всего час до выхода в свет. Хотя свет, мне кажется, меня особо не ждёт. То-то соседи удивятся, а уж Клавдия Степановна так и вовсе от счастья прыгать будет — теперь мне ещё и все происшествия во дворе пришить можно. Перед выходом я решил как следует позавтракать и пообедать, чтобы сил побольше было. Ведь столько времени взаперти зря не проходит, может, у меня уже ноги атрофировались (мозги-то уже давно...).

Я гордо прошествовал на совершенно не соответствующую этой гордости кухню.

Пришлось, как обычно, немного прожарить ненавистную печёнку, опережая гадкую жажду, и сварить картошку. Немного подумав, налил себе стакан соку, чтобы запить недожаренное мясо, и приготовился к трапезе.

Какая же трапеза в наше время без телевизора? Сразу наткнулся на новости и решил пока оставить. Хотя вообще-то я предпочитаю фильмы ужасов. Они не столь страшны, как те же вечерние новости.

Диктор с радостью сообщал, что лето скоро подойдёт к концу и что скоро всем школьникам и студентам вновь придётся вступить в борьбу за выживание с системой образования.

Ничего особо интересного. Я переключил канал и попал на «Дорожный патруль». В нём сообщалось об очередном найденном трупе с разодранной шеей. Похоже на работу крупного зверя или маньяка.

Я насторожился.

В нашем подъезде нашли такой же труп в июне. Может, они связаны? И что это за странные следы укусов якобы зверя? Может, это вампиры? Да нет, быть не может, наверно, собаки дикие, их тоже последнее время развелось полно.

У меня до сих пор нет ни малейшего намёка на появление клыков. И вообще, должны ли они появиться? И крылья не растут. А мне лета-а-а-ать... охота.

Я упорно жевал свою недожаренную печёнку и размышлял.

И тут опять звонок в дверь.

— Да что же это такое?! — воскликнул я и чуть не подавился. — Тьфу. Ну что им всем надо? — спросил я у потолка. Потолок промолчал, видимо, задумался о чём-то своём. Звонок опять разразился заунывной мелодией.

— Да иду я! Иду!

Всё. Вот прямо сейчас я отключу звонок. Честное слово.

Я даже в глазок забыл посмотреть от досады. А зря. Открыв дверь, я увидел трёх здоровяков. Кроме как здоровяками, их ещё можно было бы назвать костоломами или

амбалами, а ещё точнее «скинами». Растительность на голове практически отсутствовала, что, впрочем, было трудно заметить под беретами.

Все трое в чёрном. Нет, я, конечно, ничего против чёрного не имею, сам люблю в чёрном ходить, но эти явно перестарались. Да и посмотрится на них всё как-то зловеще, что ли...

— Вам кого, ребята?

Ага. Ребята. Да им лет по двадцать пять. Они ж старше меня. И шире раза в два, если не в три.

— Тебя.

Эх. А я ещё жаловался, что ко мне по отчеству обращаются, сам напросился.

— Да? По поводу?

— Ты с ментами разговаривал. О чём?

Как же это я сразу не догадался.

— Я? С ментами? А! Вы имеете в виду тех двух милых людей в сереньком? Да так...

Друзья пришли проведать. Что да как. Чего не появляюсь давно. А что?

Экий я милый, правда?

— Ты нас тут не парь. По-хорошему спрашиваю пока что. О чём был базар?

Они мне однозначно не нравятся. Ну вот никаких манер.

— Ладно. Вы извините, но у меня чайник там кипит.

— Ты чего, не понял? Щас сам по чайнику получишь!

Ну вот. А с капитаном получилось. И по чайнику получать не хочется совсем. Он у меня не железный.

Вообще-то у вампиров вроде как всё быстро заживает, но проверять, так ли быстро у меня пройдёт сотрясение мозга (если вообще пройдёт и если ещё есть, что сотрясать), я желанием не горю.

— А ну убирайтесь! Я милицию вызвала! — это уже из-за соседней двери.

Вот те на! Соседка меня спасает. Может, она не такая уж и грымза?

— Ты смотри. Тебе повезло, что ты из дому не выходишь. Но мы ещё вернёмся, — зло проговорил здоровяк, который у них, по всей видимости, был за главного.

Эх-х... Знал бы он, что именно сегодня я решил выйти. Но я же ему это сообщать не буду.

Я же не самоубийца.

Я стоял у двери и смотрел, как мои новые знакомые спускаются вниз мимо исписанных стен, на которых прочитывались многочисленные сочинения некоего Вовы о некоем Диме, о его сексуальных пристрастиях, родственниках и друзьях.

Вот спасибо бабушке. Надо прямо сейчас и сказать, а то потом передумаю.

— Спасибо вам, Клавдия Степановна, — сказал я двери, за которой притаилась милая старушка.

Дверь, между прочим, капитальная. И где она такую на свою пенсию-то откопала? У меня и то не такая мощная, а денег я получаю побольше... иногда, когда вообще получаю.

— Смотри у меня. В этот раз ты выкрутился, а в следующий тебя вместе с твоими дружками-бандитами поймают. Я всё про тебя знаю.

Ну вот. Только я обрадовался, а она меня к ним в банду теперь ещё записала. Вот счастье-то на мою голову.

Я захлопнул дверь и полный раздумий об участии, которую уготовила мне соседка, пошёл доедать остывшее и недожаренное мясо.

Ладно. Пора уже идти. Итак, готовься, мир! Я иду...

Глава 2

Перед выходом я решил подготовиться. Я выбрал самую лучшую одежду, какая у меня была на данный момент в сносном состоянии: брюки (вытащил из-под кровати), чёрную футболку (нашёл на кухне под столом), чёрные же ботинки (про молчу, где я их нашёл) и, самое главное, тёмные очки (они мирно лежали на подоконнике). Как я уже говорил, я люблю чёрный цвет, да и солнышко меня не жалует в последнее время.

Подойдя к зеркалу, я по привычке сосредоточился на своём отражении.

Моё отражение — это весьма непостоянное явление. Все почему-то считают, что у вампиров нет отражения. Это не так. Оно есть, но его не так просто увидеть. Если вы к нему не присматриваетесь, то оно выходит из поля зрения. Но стоит присмотреться — и вот оно, такое же, как у любого нормального человека. Мне потребовалось тренироваться две недели, чтобы научиться, как нормальному человеку, смотреться в зеркало. Это вовсе не так просто, как кажется. Попробуйте постоянно быть сосредоточенными на одной детали в течение десяти минут, и вы поймёте, что я имею в виду.

Из зеркала на меня смотрел парень двадцати с небольшим лет. Особой красотой я никогда не отличался, о чём мне с радостью сообщали все девушки, с которыми я когда-либо был знаком. Тёмные волосы и неестественная бледность, вот и всё, что хоть как-то выделяло меня из толпы. Мне повезло, что до памятной поездки в Киев я не отличался особой румянностью, да и не загорал никогда. Так что, когда я вернулся, «слегка» изменившись, никто разницы не заметил. Ну, стал человек чуть бледнее обычного, и что? А вы попробуйте посидите дома столько времени, ещё и посинеете, и позеленеете. Надев тёмные очки, я и вправду стал похож на Дракулу в русском варианте, только тот был посимпатичнее. Ну и бог с ним, не больно-то и хотелось.

Выйдя на лестничную клетку и закрыв дверь, я помахал на прощанье двери соседки (уверен, что она уже давно дежурит у глазка) и начал спускаться по лестнице. Особо утруждаться не пришлось. Живу я на втором этаже, в самой обычной кирпичной пятиэтажке.

Перед самой дверью подъезда что-то заставило меня оглянуться, и я увидел странный блеск под лестницей. Я по натуре человек любознательный (читай: всегда сую нос не в свои дела), поэтому не поленился и подобрал светящийся предмет. Им оказался осколок от непонятно чего, красного цвета. Пихнув его зачем-то в карман брюк, отправился на улицу. Улица встретила меня криками детей, завыванием машин и ударом чем-то тяжёлым по лбу. От неожиданности я сделал пару шагов назад и облокотился о косяк.

— Крутятся тут всякие, — сказано это было милым женским голоском, но с таким пренебрежением, что я ощутил себя просто полным ничтожеством.
— Ам-м...

Ну да, я всегда умел найти самые подходящие слова.

— Ну что уставился? Ты пройдёшь или так и будешь дверь подпирать? — сердитый голос доносился из-за огромной коробки, в которую я, судя по всему, и врезался.
— Да... Извините.

Я тут же открыл дверь и пропустил сердитую «даму с коробкой».

— До свидания, — сказал я закрывшейся двери.

Да дружище, девушки от тебя просто млеют. Блин.

За этим происшествием я не сразу заметил интересный факт. Когда на меня попадали прямые солнечные лучи, на лице появлялся лёгкий зуд наподобие аллергии. Он сильно не мешал, но без него было намного лучше. Может, мне всё же следует вести ночной образ жизни? А то не ровен час и вправду сгорю на солнышке.

Я не успел отойти от подъезда, как ко мне подбежала девчушка лет десяти.

— А вы и есть тот чудик, который из дому не выходит?

Да, вот она — детская непосредственность.

— Да. А что?

— А зачем вы тогда вышли?

Хороший вопрос. Я бы сам хотел знать ответ на него.

— Нужно же мне когда-то выходить, чтобы кровь пить, — сказал я зловецким шёпотом, — я же ведь вампир.

Девчушка недоверчиво осмотрела меня с головы до пят и выдала:

— Ну да, конечно, я вам не ребёнок, чтобы меня обманывать. Вампиры днём не ходят, они света боятся.

Удивительная просвещённость в этом вопросе. Хотя в наше время дети знают о вампирах больше, чем о себе подобных.

— А я, может, особенный, — гордо сказал я, уже отойдя от девчушки на порядочное расстояние, скорее даже себе, чем ей. Но та умудрилась услышать.

— До свидания, дядя
особенный
вампир.

Я ошибся, или у ребёнка в голосе послышался сарказм?

Наконец-то можно насладиться видом перерытого двора в лучах летнего солнца. Хоть солнце и причиняло мне определённые неудобства, я был рад тому, что выполз из своей берлоги. Зелёные деревья, лай собак, крики детей, рёв машин — всё это доставляло мне ни с чем не сравнимое удовольствие (вот честное слово). Как же я от всего этого отвык. Отойдя от двора, я направился в сторону метро. Прогулка пешком мне не мешает, хотя до метро три автобусных остановки. Я думаю, что не развалюсь (вернее, — надеюсь), если пройду до него пешочком.

Путь к станции «Выхино» проходил мимо парка и дальше шёл вдоль дороги с весьма плотным потоком машин. Так что о чистом воздухе можно было не мечтать.

Я, не торопясь, пошёл вдоль парка. Народу на улице было на редкость немного, видимо, все осели на пляжах где-нибудь в Подмоскowie. И чем им так нравится на солнце валяться? По мне, так лучше бы дождь шёл, чем такое пекло. Я так считал с самого детства, а уж теперь тем более предпочитаю пасмурную погоду.

Я уже не знал, куда деваться от вездесущего солнца. Тени, отбрасываемые домами, как назло, были совершенно в другую сторону. Пришлось идти по открытому пространству, и я уже просто не знал, куда деваться от уже успевшего порядочно надоесть зуда, когда неожиданно мне на глаза попалась единственная на всю улицу тень. Её отбрасывало одинокое дерево, стоящее посреди улицы. Я двинулся к спасительной кроне и на радостях не сразу заметил, что там уже стоит какой-то человек. Одет он был, как и я, во всё чёрное, видимо, поэтому я его заметил слишком поздно. На полном ходу я буквально налетел на незнакомца. Мне показалось, что я врезался в столб, потому что мужчина даже не шелохнулся. Пробормотав извинения, я со смесью раздражения и удивления поплёлся дальше к метро, всё так же изнемогая от лучей палящего солнца. Весь оптимистический настрой с меня сошёл ещё за первую пару минут, и теперь я проклинал пешие прогулки на чём свет стоит. И ещё мне не давал покоя этот человек в тени. Станный он какой-то был, не знаю почему, но что-то было в нём настораживающее...

Однако я быстро отбросил глупые мысли, ускорил шаг, я бы даже сказал «перешёл на бег», и полетел вдоль дороги к метро.

Пора бы себе купить машину, думал я, глядя на проезжавшие мимо «мерсы» и джипы.

Наверное, так хорошо покататься летом за городом на машине с девушками и друзьями.

Вот осталось только купить машину, вернуть друзей и откопать себе девушку. Эй! В переносном смысле!

Дойдя до метро, я купил себе проездной у милейшего вида бабушки и спустился вниз. Ничего особенного: обычный день обычного человека. Как приятно звучит — обычный человек. Может, бросить поиски и просто жить, наслаждаться жизнью? Вот только как быть с моим возможным превращением в настоящего вампира? Всё же мне надо узнать, как можно бороться с этим

.

С такими невесёлыми мыслями я и зашёл в вагон. На меня внимания не обратил ровным счётом никто. Даже бдительная милиция, коей в вагоне было человек десять, не заметила такую «подозрительную» личность, как я.

Я прислонился к двери и задумался о том, что же за Посвящение мне предстоит. Сразу вспомнились заметки из журналов, рассказывающие о жутких ритуалах тайных обществ старых времён. Да даже современные ритуалы, например посвящения в скины или панки, были весьма и весьма неприятны. А то ещё заставят себе палец отрезать наподобие японцев, или ещё чего похуже, уж лучше обойтись без такого Посвящения.

Доехав до нужной остановки, я вышел из вагона и огляделся. Мне следовало идти в сторону Центрального Детского Мира, куда я и двинулся.

Спросив у зевающего рядом с выходом из метро работника органов, где находится нужный мне адрес, я получил исчерпывающий ответ на тему, куда мне пойти вместе с этой улицей и ещё пару нелицеприятных отзывов в свой адрес. Поняв, что помощи ждать не от кого, я отправился в сторону Большого театра, рассматривая вывески с названиями улиц. Вскоре нужное здание обнаружилось. Оно представляло собой четырёхэтажный старинный дом. Бежевенький такой, с балкончиками и почему-то без характерных для центра города решёток на окнах.

Я сделал вокруг пару кругов и, не найдя ничего лучшего, позвонил в единственную дверь. Дверь была настолько же старинной и весила, должно быть, тонны две.

Едва прозвучал звонок, дверь тут же открыла приятного вида девушка.

— Что вам угодно?

А, судя по тону, что бы мне ни было угодно, этого мне здесь точно не найти.

— Здравствуйте. Я, собственно, пришёл на... хм... ну, в общем...

Я честно пялился на существо женского пола, открывшее мне дверь. Я сказал, что она милая? Не-э-эт. Она не милая, она невероятно красивая! Тёмные длинные волосы, карие глаза, идеальная фигурка, вот только ростом повыше меня будет. Но это она на каблучках, а так как раз с меня.

— На Посвящение?

Надо же. Она мне улыбнулась. Удивительно.

— Точно. Вот только я не совсем понял, на Посвящение во что? — виновато пожал я плечами.

— Ну, вам всё объяснят. Проходите, — с этими словами она пропустила меня внутрь.

Внутри дом оказался намного современнее, чем снаружи. Камеры на каждом углу, да и обстановка вовсе не тянет на тайные общества или секты. Хотя... Сколько я сект видел? Ни одной. Вот то-то же. Так что не будем судить о книге по обложке.

— Так откуда вы узнали про Посвящение?

— Из Интернета, мне письмо прислали.

— А! Значит, вы тринадцатый! — В её глазах мелькнуло нечто похожее на радость, но какую-то не такую. Что-то в ней всё же есть... кровожадное, что ли...

— Я? Не знаю. А что? — отстранённо спросил я, осматриваясь по сторонам.

— Да нет. Просто это значит, что вам ещё предстоит пройти собеседование с наставником перед прохождением Посвящения.

Это уже интересно.

— Я готов, — улыбнулся я, в душе всё же сильно в этом сомневаясь.

— Отлично, тогда вам дальше по коридору в дверь номер 13. А мне нужно встретить других послушников, — произнесла она и вернулась к входной двери.

Она сказала послушников? Уж очень секту напоминает. Бедная мамочка, знала бы она, куда занесло её непутёвого сына. Однако ж меня сейчас интересует кое-что поважнее.

— Простите, а что вы делаете сегодня вечером? — бросил я вдогонку красавице.

Девушка удивлённо обернулась и некоторое время молча смотрела на меня, пытаясь понять, что я, собственно, сказал.

— Об этом мы поговорим после Посвящения, — наконец ответила она.

Она тут же отвернулась и скрылась за поворотом, а мне ничего не оставалось, кроме как пойти на поиски двери номер 13.

Дверь со столь многообещающим номером я нашёл достаточно быстро. Не раздумывая, я постучал и, распахнув настежь, заглянул внутрь, да так и остался стоять с открытым ртом. Эта комната была полной противоположностью всей обстановке дома. Сразу вспомнились фильмы ужасов, в которых описывались жилища ведьм и колдунов. Тёмные стены, расписанные непонятными узорами-письменами, стопки книг, стоящие по всей комнате, разные сосуды, о содержании которых я даже предполагать боялся. Вроде в одной из банок я видел плавающий глаз. Но, может, мне показалось, а?

— Идите на мой голос, молодой человек.

Ах да. В помещении ведь темно, хоть глаз выколи. Я уже успел так привыкнуть к своему ночному зрению, что и не заметил этого. Что светло, что темно — какая разница вампиру? Голос принадлежал отнюдь не старику, а мужчине лет сорока, причём по телосложению он никак не напоминал колдуна или профессора. Скорее был похож на военного в отставке:

весом примерно раза в два больше моих шестидесяти пяти кэгэ и ростом примерно на голову выше меня, хотя, когда он сидит, рост всё же определить трудно. И ещё у него была борода, длинная чёрная борода, с полметра. Повнимательней рассмотреть его мне не удалось, потому что практически всё лицо было закрыто бородой.

— Иду. А свет нельзя включить? — спросил я, на всякий случай делая вид, что ничего не вижу, и идя к столу, за которым сидел сей субъект. Для приличия я даже наткнулся на стул, стоящий как раз на моём пути.

— Будет вам свет. Садитесь, — произнеся последнее слово, он достал спички и зажёл пару свечей в виде каких-то красных демонов с рогами и крыльями.

— Итак, молодой человек. Зачем вы пришли в сей дом?

На редкость зычный голос наверняка наработал, командуя каким-нибудь взводом оболтусов в армии.

— Я пришёл на Посвящение.

Логично.

— А зачем вам Посвящение? Что вы от него ждёте?

Хотел бы я сам это знать.

— Я хочу стать кем-то большим, чем есть.

Чистая правда.

По всей видимости, я ответил правильно, потому что последующие полчаса я отвечал исключительно на вопросы, касающиеся моей жизни. С кем живу? Как зарабатываю на жизнь? Чем увлекаюсь? Занимался ли боевыми искусствами?

Я честно отвечал, что живу один, что работаю переводчиком текстов, что работаю дома по свободному графику и что занимался в детстве карате.

Помню, тогда это было очень модно, и я получил свой жёлтый пояс. На этом пришлось остановиться, потому что драться я не любил.

Далее было много разных вопросов, из которых меня встревожил только один.

— Верите ли вы в потусторонние силы? В вампиров, оборотней?

Признаюсь, я сначала немного испугался. Но потом понял, что ничего особенного он наверняка в виду не имеет.

— Я? А почему бы и нет? Ведь в мире есть столько всего необъяснимого, почему не быть вампирам и оборотням?

— Да, а почему бы и не быть... — задумчиво пробормотал Колдун.

Я его сразу мысленно окрестил Колдуном, тем более что на вопрос об имени он ответил, что имя его знать мне не полагается по статусу. Даже посвящённые и те не знают имён друг друга.

Ещё меня весьма удивил вопрос об отношениях с соседями. А вообще-то вопросы он задавал как-то вяло, и мне показалось, что он не очень-то и слушает мои ответы.

После того как его вопросы иссякли, я попытался сам спросить о том, что же такое это Посвящение, но он ответил, что мне всё объяснят на самом Посвящении, и я бросил свои бесполезные попытки что-либо у него узнать.

Выйдя из «прибежища Колдуна», я увидел ту девушку, которая меня встретила у входа. По всей видимости, она стояла здесь все полчаса, что я отвечал на вопросы Колдуна.

— Вы не меня случаем ждёте? — Я одарил её самой очаровательной улыбкой, на которую был способен.

— Вас уже ждут на церемонии. Вы всех задерживаете, проходите за мной, — холодно отчеканила она и пошла по лестнице вниз.

Этой лестницы я не заметил, когда проходил по коридору.

Может, моя невнимательность?

Спустившись по лестнице, мы попали в просторную залу. Высота потолков метров десять, да и от стенки до стенки метров сто. Как это она, интересно, в подвале-то поместилась?

— А вот и последний адепт, — произнёс безжизненный голос откуда-то сверху.

— Всем привет, — бодро известил всех я о своём приходе.

Вот только никто особо не был рад моему приходу. По-моему, никто его вообще не заметил. Двенадцать человек стояли полукругом напротив статуи какой-то... то ли горгульи, то ли огромной летучей мыши, сделанной из цельного камня и размером не уступающей памятнику Петра I на коне. Вместе с конём. Красная фигура с не менее

красными глазами и такой физиономией, от которой кошмары могут сниться до глубокой старости.

— Попрошу занять место среди братьев.

Откуда голос-то доносится?

Я молча прошёл в левый угол зала и встал лицом к статуе. Сразу стало ясно, что я единственный, кто не был одет в рясу с капюшоном. Видимо, мне её выдать забыли. Вечно все на мне экономят.

— Испейте же кровь богов, дети мои, — в безжизненном голосе прорезались нотки торжественности.

Все одновременно двинулись к чашам, которые я поначалу счёл за часть помоста статуи.

Я старался не отставать от остальных и, взяв чашу, подозрительно принялся. Запах ничего, пахнет какими-то пряностями. Залпом осушил сосуд, и тут промелькнула мысль.

Чем-то кровь по вкусу напоминает...

Дальше был только туман, я отключился...

Вот так всегда. Только я лягу спать, звонит звонок.

Я кубарем скатился с кровати и поплёлся открывать дверь. По пути я заметил, что частично одет (или частично раздет). На мне были брюки, причём в жутком состоянии, и рваная рубашка. На автомате скинул рваную рубашку и пригладил волосы.

Заглянув в глазок, я же тоже чему-то учусь, увидел за дверью девушку, которая упорно давила на звонок с таким видом, будто её не пускают в собственную квартиру. Интересно, что ей нужно от бедного, не выпавшегося и побитого меня.

Побитого?

Я вдруг заметил, что тело моё покрыто синяками. Они уже были жёлтого цвета, как будто я их получил неделю назад. Какой ужас. И когда я успел-то?

Я открыл дверь.

— Вы что там? Спите? — раздражённо спросила она.

Какая догадливая девушка.

Я старательно прятался за дверью, пытаюсь скрыть синяки.

— А как вы догадались?

Сонное ехидство — новый вид юмора.

— Уже три часа дня. А вы всё спите. Как не стыдно? Здоровый мужчина.

Судя по тону, которым это было сказано, в последних двух словах она сильно сомневалась.

— А вы, простите, кто будете?

Я ещё в себя не пришёл, и на манеры мне было плевать.

— Я ваша соседка сверху.

А, ну всё ясно, тогда конечно. Соседка сверху имеет полное право на меня кричать и звонить в звонок до потери пульса. Боюсь, что эта будет похуже старушки. Да старушка ангел по сравнению с этой девушкой, в чём я тут же и убедился.

— Не смешно. Хватит. Мне совершенно не нравятся ни вы, ни ваше чувство юмора.

Правда?

— Я зашла потому, что вчера вы врезались в мою коробку с музыкальным центром, и он теперь не работает. Попрошу вас починить то, что вы сломали.

Я не стал указывать на то, что это она в меня врезалась и что от простой встречи с моим лбом, должен согласиться, весьма крепким лбом, ни один центр работать не перестанет.

— Я с радостью вам помогу, как только выплыву, позавтракаю, поглажу шнурки и вообще приду в себя, — сказал я, пытаюсь закрыть дверь перед её носом.

Она придержала дверь ногой и быстро вымолвила:

— Мне нужно, чтобы вы починили его сейчас же, и тогда, может быть, я даже накормлю вас завтраком.

А она не такая уж и вредная. Надо же. Может, она меня даже не отравит.

— Ну ладно. Можно, я хоть рубашку накину?

— Одевайтесь, только побыстрее.

Я быстренько нашёл новую рубашку и, захлопнув дверь, пошёл вслед за соседкой вверх.

Жила она, как выяснилось, прямо надо мной.

В квартире её была чистота. Удивительно. Как я понял, она только вчера въехала, и уже всё разобрано, мебель расставлена. Я так удивился, что даже отважился у неё спросить, как она так быстро всё разобрала.

— Очень просто. Мне помогли соседи, такие милые люди.

Ну да, конечно. Как же я сразу не догадался? Такой девушке, наверно, бросились помогать все соседи мужского пола старше десяти и моложе восьмидесяти.

Должен признать, что это стоило того. Только сейчас я наконец пригляделся к своей соседке как следует.

Ладная девушка лет двадцати трёх, блондинка, красивое личико, хотя и немного высокомерное, длинные ноги, соответствующий бюст. В общем всё, что нужно, чтобы стать объектом мечтаний некоего Виктора, вот только характер...

— А вот где вы были в это время? Мне сказали, что вы из дома вообще не выходите в последний месяц, а тут вдруг взяли и ушли. Все соседи были так удивлены, что только о вас и говорили, — произнесла она как бы мельком.

Я, кажется, уловил обиду? И правда, соседи говорят о каком-то жалком чудике, который не выходит из дому в то время, когда есть куда более приятный объект для обсуждения — она.

— Дела, знаете ли.

— Да? И именно эти дела вам и насажали синяков?

Вот чёрт. Я же забыл рубашку до конца застегнуть. Мои синяки на шее оказались на виду.

Я быстро застегнул рубашку до самого горла.

— Поскользнулся, упал. Очнулся — синяки, — слегка нервно пошутил я.

Попробуем отшутиться.

Мы зашли в комнату, в которой явно делали настоящий евроремонт. В углу на столе сиротливо расположился музыкальный центр.

— Ну да. А не друзья ли их насажали, которые вчера к вам заходили? — ехидно спросила она, глядя на то, как я пытаюсь сделать вид, что умею чинить музыкальные центры.

— Которые из них? — не моргнув глазом, спросил я.

Она улыбнулась. О, господи! Какая у неё улыбка.

Я поскорее уткнулся носом в панель музыкального центра, кстати, хороший центр. Такой «Пионер», наверно, стоит не одну мою месячную зарплату.

— Ну, кто они, ваши друзья, это вы мне должны сказать.

Я бы с радостью. Вот только я, хоть убей, не помню, что же я вчера делал. Помню, как вышел из дома, помню, как поехал в эту секту. Я даже названия-то не помню, кажется, братья какие-то. А дальше туман...

— Вот как вспомню, так сразу скажу, обещаю, — сказал я, попытавшись изобразить ослепительную улыбку. Улыбка получилась какой-то виноватой.

— Вот и всё. Всё работает. У вас просто провод питания отошёл, и мой лоб тут ни при чём.

— Вот спасибо, тогда я вам сейчас чаю налью за беспокойство, пойдёмте на кухню.

Вот это да. Я даже не знаю, как её зовут. Вот я болван-то.

— Простите. А как вас зовут? Я, конечно, понимаю, что я немного опоздал...

Я опять виновато улыбнулся и чуть не врезался в дверь кухни.

— Меня зовут Светлана, но друзья называют меня Ланой, — она опять улыбнулась.

Какая же у неё улыбка. Так и с ума сойти недолго.

— А меня, как вы уже, наверно, знаете, Виктор. Очень рад нашему знакомству.

Она вопросительно подняла бровь.

— Рады? А поначалу особой радости я не наблюдала.

Сказав это, она повернулась к плите и взяла с полки чашки.

— Ха! А вы попробуйте порадоваться, когда у вас всё тело болит, и вас разбудили, когда вы только легли... наверно... — я сам замолчал, поскольку не помнил ни когда лёг, ни когда пришёл домой. И вообще, все события вчерашнего дня, с того момента как я вышел из квартиры, были как в тумане.

— Что? Так всё болит? — она озабоченно оглянулась.

— Да уже нет.

И вправду всё уже прошло. Совсем. По-моему, даже синяков уже не было. Вот только куда они делись?

— А то давайте я вам йодом всё помажу, — сказала она, ставя чашки на стол.

— Нет. Спасибо, не надо.

Видимо, я ответил слишком резко, потому что она нахмурилась.

— Ну нет так нет.

Я побыстрее заткнул свой рот печеньем из вазочки, стоящей на столе, чтобы ещё чего не ляпнуть.

— Так чем вы зарабатываете на жизнь? — продолжала разговор Лана.

— Я переводчик художественной литературы.

— Да? Значит, много языков знаете?

— Много, но в основном со словарём, — признался я. — А чем вы занимаетесь?

— Давайте перейдём на ты, — улыбнулась Лана.

— Конечно. Так кем ты работаешь?

Говоря это, я вовсю пил чай с печеньем. А дома и печенья-то нету.

— Да так. В основном статьи в газеты пишу, плюс фотографии делаю.

— Здорово, так мы с тобой практически в одной сфере работаем, — обрадовался я.

— Ну да, почти.

Всё это, конечно, хорошо, но...

— Вы меня извините, но мне надо идти.

А что тут ещё делать? Чай выпит, печенье съедено... Хотя я бы всё равно с удовольствием остался поболтать, но она меня слишком отвлекает. А мне нужно подумать о том, что же произошло вчера.

— Да, конечно. Пойдёмте, я с вами спущусь, мне всё равно в магазин надо.

Признаюсь, я обрадовался. Я бы с удовольствием всё своё время с ней проводил, но сомневаюсь, что я ей интересен как мужчина. Только как странный сосед, о котором никто и ничего не знает.

* * *

Спустившись на второй этаж, я обнаружил очень интересный факт. Моя входная дверь отсутствовала. Её просто не было.

Я бы так и стоял с открытым ртом, если бы не Лана. Она деловито достала сотовый телефон и вызвала милицию. Только тогда я опомнился и не торопясь вошёл в квартиру.

— Видимо, кому-то очень понадобилась ваша входная дверь, — заметила Лана, затем она зашла вслед за мной и высказала своё мнение: — Похоже, тут что-то искали, всё перевёрнуто.

Я, пожалуй, промолчу, что ничего не переворачивали, а это самое обычное (причём далеко не самое худшее) состояние моей квартиры.

Она по-хозяйски осматривала мою квартиру. Я даже возмутиться не успел, как она прошла в мою комнату, и тут же оттуда послышался её крик.

Вбежав в комнату, я тут же увидел

это

.

Это

было на стене.

Это

было изображением красного глаза с голубым зрачком размером в полстены. Но самое странное было в том, что рисунок был выжжен в стене, а глаз был красным вовсе не от краски. У меня появилось подозрение, что кто-то не пожалел пары литров крови на сие произведение искусства.

— Если я скажу тебе, что так и было, ты не поверишь, да?

Глупый вопрос, но надо же хоть что-то сказать.

— Ты прав. Кстати, рисунок похож на тот, который нарисован на твоём перстне.

— Каком перстне?!

— Том, который надет на твой палец, дурачок.

Она усмехнулась немного бледной улыбкой.

Я глянул на свою руку и ахнул. На пальце у меня был надет перстень с изображением того самого глаза. Сначала я подумал, что это то кольцо, которое пришло мне по почте, но тут же понял, что это вовсе не так. Оно было не зелёным, а красным. А я его и не заметил. Но откуда оно взялось?!

Я начинал потихоньку припоминать события вчерашнего дня.

Я поехал в ту секту, на Посвящение. Кажется, я прошёл это Посвящение, но как это происходило, я не помню.

Попытка снять перстень не увенчалась успехом. Лана смотрела на меня с возрастающим интересом.

— Что, никак не снимается? — сочувственно поинтересовалась она наконец.

— Ага. Ничего не понимаю. Размер нормальный, а всё равно не снимается. Чертовщина какая-то.

— Ты лучше оберни его чем-нибудь, а то милиция заинтересуется связью перстня на твоей руке с этим рисунком.

Какая, же она умница, не то что я — остолоп.

Я быстро сбегал за бинтом и замотал для верности всю ладонь. Лана в это время ходила и рассматривала мои книжные полки.

— Однако интересная направленность: «Вампиры», «Легенды об оборотнях», «Нечисть и способы борьбы с ней». Ты что, фильмов ужасов посмотрелся? — покосилась она на меня.

— Просто я перевожу книги по этой теме.

Кстати, опять-таки почти чистая правда.

— Ага. Понятно.

Видимо, не поверила. И правильно сделала, я врать всё-таки не умею.

Очень удачно я вспомнил об объявлении, которое видел в газете. Там была реклама установки железных дверей новейших моделей в течение часа. Я позвонил в эту фирму и, назвав свой адрес, вызвал бригаду рабочих. Не хотелось бы сегодня спать без входной двери. Неуютно как-то, да и дуть будет.

* * *

Через час приехала милиция в лице капитана Лысько. За это время каждый сосед по дому успел зайти ко мне в гости, посочувствовать и поглазеть на Лану. Видимо, последнее их тянуло даже больше, чем возможность молча позлорадствовать, глядя на раскуроченный вход в моё жилище.

Лана же оставалась со мной до последнего, за что я ей был очень благодарен. Ведь она могла уйти, но она сидела со мной вплоть до того момента, когда вся милиция (в лице всё того же капитана Лысько) разъехалась и рабочие начали установку двери.

Ближе к одиннадцати вечера я распрощался с Ланой и предложил, в благодарность за помощь и поддержку, сводить её вечером следующего дня в ресторан. Самое удивительное, что она согласилась. Я был так счастлив, что даже забыл о том, что мне следует обдумать события прошлого, а теперь ещё и сегодняшнего дней.

Распрощавшись с рабочими и отдав им свою последнюю заначку, я лёг спать под этим огромным глазом. А что делать? Я так и не решил, как от него можно избавиться, не снеся несущую стену. Может, потом занавешу чем-нибудь. Да и внимания на него никто из рабочих не обратил, можно подумать, глаз в полстены — обычное дело. Даже Лысько лишь мельком взглянул на него и пошёл дальше осматривать квартиру. А ведь я боялся, что его этот глаз очень сильно заинтересует. Даже Лана больше не стала спрашивать ни про глаз, ни про перстень. Вот уж действительно странно, ведь женское любопытство бесконечно. Я зевнул. Странно, обычно меня совершенно не тянет ночью спать, даже наоборот. Ночью у меня прилив сил, а тут я почувствовал себя таким разбитым, что едва сумел доплестись до кровати, прежде чем отключиться.

Глава 3

Мне снилась та памятная ночь в Киеве. Я вышел из вагона поезда и направился вдоль перрона к автобусной остановке. Я даже и не предполагал, что приеду сюда так поздно

ночью. Меня пригласили на съезд писателей и переводчиков художественной литературы. Вообще-то я слышал о таком съезде впервые, но не упускать же возможность съездить в другой город, тем более за чужой счёт.

Вокруг была жуткая темень, видны были только редкие светящиеся окошки в домах. Дворы почему-то совершенно не освещались, даже на перроне горела только одна лампочка, и та доживала последние минуты и то и дело мигала. Я дождался автобуса и сел в самый дальний угол. Я был единственным пассажиром. Да и кто ещё в час ночи будет ездить по городу в автобусе? Районы тут довольно опасные...

На одной из остановок в автобус вошли девушка с пареньком. Они сели в противоположном конце автобуса и начали целоваться. Я отвернулся и сделал вид, что очень заинтересован ночным пейзажем. Так я и задремал. Проснулся я оттого, что кто-то меня тряс. Водитель автобуса сообщил мне, что это конечная и что я его задерживаю. Я, ещё ничего не понимая, вышел из автобуса и огляделся. Кроме меня, на улице никого не было. Куда я приехал, я не имел ни малейшего понятия. «Эх-х-х... До гостиницы мне уже не добраться», — подумал я. Взяв свою сумку с вещами, я побрёл по улице...

Я два часа пробродил по ночному Киеву и не увидел ни одного человека. Даже собак не было. Неожиданно, проходя мимо парка, я услышал женский крик. Я вбежал в парк и не увидел ровным счётом ничего. Темно, хоть глаз выколи. Пройдя пару шагов, споткнулся обо что-то мягкое. Едва не упав, я сообщил темноте, что я о ней думаю, и, сев на корточки, стал рассматривать то, обо что я споткнулся. Приглядевшись, я узнал ту самую девушку, что ехала со мной в одном автобусе. Она была мертва. Тёмная фигура, лежащая немного поодаль, видимо, недавно была её дружкой. Сердце забилося, выбивая дикий ритм. Я огляделся по сторонам в поисках хоть одного прохожего. Прохожих не было, но невдалеке я заметил телефонный автомат. Он был всего в двадцати метрах, и я, не теряя времени, отправился к нему. На полпути к телефону я услышал за спиной мужской голос: «Не стоит звонить в милицию, дружок. Им это уже не поможет»...

Я не стал оглядываться, а просто побежал. Я бежал минут двадцать со скоростью, с которой никогда ещё не бегал. Вот что с людьми страх делает. Устав, я наконец опустился на скамейку и попытался осмыслить происшедшее. Я видел трупы и, видимо, слышал голос убийцы, возможно маньяка. Остаётся надеяться, что он за мной не побежал или очень сильно отстал, потому что сил бежать у меня больше нет. Неожиданно я увидел вдалеке приближающуюся парочку. Я было побежал снова, но то, что я увидел, заставило меня застыть на месте. Ко мне приближалась та самая парочка из автобуса. Но это же невозможно! Я видел их трупы. Я встал со скамейки и пошёл из последних сил. Не успел пройти и пары шагов, как на плечо мне легла тяжёлая рука и тот же голос, что я слышал в парке, произнёс: «Ну что? Ещё не набегался?» Я тяжело опустился на землю и подумал, что всё, видимо, кончено.

Но незнакомец меня не убивал, он терпеливо ждал, пока подойдёт та самая парочка.

— Ну что, дети? Хотите есть? — ласково спросил незнакомец.

— Да, — промурлыкала девушка, — я хочу его крови.

Больные они, что ли?

— Только не торопись и оставь немного своему другу.

Я почувствовал лёгкое дуновение ветра на своей шее и подумал было, что это дыхание, но оно было совершенно холодным... Вдруг я почувствовал острую боль в шее. Едва не потеряв сознание, я всё же вырвался и бросился бежать.

— Куда же ты, дичь? Тебе не уйти, дичь! — обрадовано закричала девушка, брызгая кровью... моей кровью...

Я бежал, не останавливаясь, долго, казалось, целую вечность. И когда силы мои были на исходе, я упал и потерял сознание.

Очнулся я на рассвете. Солнце только взошло и ещё не вошло в полную силу, но я сразу почувствовал, что глаза начали слезиться. Я поспешил скрыться в каком-то подъезде и просидел там до самого вечера. Я долго думал о том, что произошло, и пришёл к выводу, что это не было сном и я действительно видел вампиров. Более того, я сам мог частично стать вампиром. Почему частично? А потому, что солнце меня не убило, да и чувствовал я себя вполне живым. Как раз перед поездкой я прочитал множество статей и книг про вампиров, так как мне нужно было перевести текст, связанный с легендами о них. Так что я

опознал в тех людях вампиров и понял, что и сам, по всей видимости, стану со временем одним из них, ведь укус вампира делает из людей вампиров.

Вечером я доехал на автобусе до станции и купил обратный билет. Про съезд писателей я забыл, мне было не до этого.

Я понял, что таким, как раньше, мне уже не быть и что мои проблемы только начинаются...

* * *

В этот раз я проснулся не от звонка. Кто-то упорно тряс меня за плечи.

Я открыл глаза и увидел ангела. Ангел дико ругался и, мне кажется, даже плакал. С чего бы это?

— Ангел, не плачь, — сказал я спростоня, ещё не придя до конца в себя.

Ангел вlepил мне пощёчину.

Я вскочил с постели и удивлённо уставился на... Лану.

— Э-э-э... А что ты тут делаешь?

Скажем так, я удивлён, даже более того, я в ступоре.

— Ты что творишь?! — крикнула Лана, схватив меня за плечи и продолжая трясти.

— Я? Это что ты творишь?! Я сплю, — обиженно пробормотал я, пытаюсь вырваться из её рук.

— У тебя же сердце не билось. Я тебя целых десять минут трясу, — едва не всхлипнула она.

— Ну вот, — огорчился я, — даже умереть спокойно не дадут.

И едва успел увернуться от летящей в меня книжки. Кажется, Фауст полетел...

— Эй! Хватит. А то я так и вправду концы отдам. Тебе показалось, — попытался я её успокоить, а заодно и себя.

— Ага. Показалось. У тебя пульса не было вообще. Ты холодный был.

Мне кажется, она немного успокоилась.

— А что ты тут вообще делаешь-то? Вроде я дверь новую поставил? Как же ты вошла? И вообще, я же не одет, — сделал я неожиданное открытие.

Она покраснела. Как ей идёт этот румянец.

— Ну... — протянула она, отвернувшись. — Я подумала, что уже пора идти в ресторан, а ты всё не заходил. Вот и решила зайти. Звонила целый час, а когда ты так и не открыл, позвонила в фирму, которая тебе дверь ставила и заказала у них ключ к твоей двери, вот и всё.

— А что? Нынче все фирмы так просто раздают ключи от дверей, которые только что установили?

Лана покраснела ещё больше. Боже мой, как она прекрасна!

— А я сказала, что я твоя девушка. Ну мы идём в ресторан? Тему переводим? Ладно, сделаем вид, что не заметили.

— В ресторан? Так мы же на вечер договорились, а сейчас... а сколько сейчас?

Я начал волноваться.

— Уже седьмой час, — сказала Лана, глядя на свои золотые часики.

— Оп-па, — я плавно осел на кровать.

Но я же только что лёг. Как я мог столько проспать? Это же просто невозможно. Дайте-ка подумать... почти двадцать часов проспал!

Из оцепенения меня вывела Лана.

— Я пойду переоденусь, а ты пока одевайся и приходи в себя. В ресторане всё и обсудим. Кстати, твои синяки...

Действительно, синяки-то пропали. Как же я это могу объяснить? Ресторан — это, конечно, хорошо, но вот обсуждать я ничего не хочу. Что я ей скажу? Что я вампир? Нет уж.

— В ресторан? — рассеянно пробормотал я. — Да, конечно...

Лана не заметила ничего странного в моём тоне и отправилась переодеваться.

Размышляя, я автоматически провожал её взглядом. Я даже не сразу заметил, что слежу не за фигурой девушки, а за её шеей. Помимо моего желания у меня в голове пронеслась мысль о том, как было бы приятно вонзить в её шею зубы и выпить кровь... красную... вкусную... тёплую...

Да что это со мной?! Вот оно. Дождь! Нет, мне нужно срочно уходить отсюда, чтобы не случилось чего-нибудь непоправимого и ужасного. Не хотелось бы расслабиться и невольно броситься на Лану, следуя появившемуся у меня желанию.

Я быстро оделся и, взяв бумагу и ручку, начёркал на листке, что сожалею, но мне надо бежать, и чтобы она не волновалась, если некоторое время меня не будет.

Прилепив записку к двери, я кинул ключ от квартиры под коврик и выбежал из подъезда. Несмотря на плохое настроение, я себя чувствовал просто великолепно. Ощущение было таким, словно я вот-вот взлечу. Мне даже показалось, что я немного отрываюсь от земли, когда бегу. Солнце уже почти село, и кожа практически не зудела от его надоедливых лучей.

Пробежав пару кварталов, я даже не запыхался. Я свернул в парк и побежал по тропинке к озеру. Мне нужно было подумать, а небольшое озеро в парке всегда меня успокаивало.

* * *

Я сидел на берегу и размышлял о том, что со мной случилось за последние три дня. Всё началось в субботу, сначала это Посвящение, потом исчезнувшая дверь в квартире, теперь подозрительно долгий сон. Что же будет дальше? Стоп. Прежде всего, следует вернуться к тому, с чего всё началось.

Память определённо играла со мной. Она прятала куски того самого злополучного дня, когда я отправился в эту дурацкую секту. Со мной такое было впервые. Нет, бывало, я напивался, но оставались же хоть какие-то отрывки воспоминаний. А тут сплошной пробел. Сходить, что ли, на сеанс гипноза?

И какой чёрт меня дёрнул пойти в эту секту?

Я никак не мог сосредоточиться на самом главном, потому что перед глазами всё время появлялась Лана. В результате я просто просидел несколько часов, думая о девушке, от которой так позорно сбежал любоваться водной гладью.

Единственное, к чему я пришёл, так это к тому, что мне надо ещё раз навестить в здание «прохождения Посвящения».

* * *

Добежав до метро всего минут за десять, я сел на поезд в сторону центра. Стоя напротив двери, вдруг заметил, что не могу сфокусироваться как обычно и увидеть своё отражение. Я простоял всё время пути перед дверью, но так и не смог его углядеть. Что-то изменилось с тех пор, как я проснулся в тот «первый день» после Посвящения? Это очевидно. Но что же там со мной сделали, что я начал меняться намного быстрее, чем до этого? Я бы даже сказал, что до этого я практически не менялся. Только в темноте стал лучше видеть, свет перестал любить, да ещё спать стал чуть больше. Но не на день же засыпать! Впрочем, даже столь долгий сон можно было бы списать на какую-нибудь болезнь, если бы не жажда крови, которая меня обуяла при взгляде на шею Ланы.

Я бы мог решить, что дома это была случайность, но когда я проходил мимо какой-то миленькой девушки на станции метро, моё внимание, как обычно, переместилось на неё. Только не на лицо и фигуру, как бывало обычно, а снова на шею. Мои губы изобразили странную гримасу, которой она, к счастью, не видела, и я невольно облизнулся. Хорошо ещё, что я вовремя спохватился и не пошёл за ней, судорожно стиснув зубы. Лишь несколько человек шарахнулись от меня и проводили испуганными взглядами.

Теперь я ехал в вагоне и старался не смотреть на девушек. Зато в голове стали появляться другие довольно странные мысли. Я посмотрел на парня, стоящего напротив меня. Он стоял слегка вразвалку, расправив свои широкие плечи и окидывая вагон нагловатым взглядом. Я таких никогда не любил, и у меня появилась довольно странная мысль. А что, если подойти и со всего размаху засадить этому парню локтём в нос? А потом, когда он упадёт, пинать его ногами. Как поведут себя люди в вагоне? Женщины конечно же начнут кричать, а вот кто из мужчин попробует меня остановить? Этот прыщавый очкарик, конечно, поспешит отойти в другой угол, толстоватый мужик справа даже от книжки не оторвётся... жаль, что милиционеров в этот раз в вагоне не оказалось, вот они бы точно меня остановили. Сами бы потом меня попинали. Мне кажется, что в вагоне нет ни одного нормального человека, который стал бы защищать незнакомого парня. Получается, что нет ничего хорошего в нашем обществе...

Естественно, никого бить я не собирался. Просто так я развлекал себя размышлениями до своей остановки. Всё равно делать было больше нечего.

Неожиданно я обратил внимание на то, что кое-кто из пассажиров удивлённо смотрит на стекло в двери. Видимо, пытаясь найти отражение этого странного типа в помятых чёрных брюках и рубашке, застёгнутой до самого горла. И это притом, что температура на улице плюс двадцать.

Странный тип в чёрном ретировался в дальний угол, на всякий случай слегка расстегнул ворот и притих. А то мало ли что.

Доехав до «Кузнецкого моста» и выйдя на улицу, я добежал до того самого здания, где прошёл этот странный ритуал, так меня изменивший. Здание пустовало. Я толкнул незапертую дверь.

Внутри было пусто, никаких видеокамер, картин, ничего не было. Голые, облезлые стены и, самое главное, никакой лестницы в подвал. Чертовщина какая-то.

Я побродил по комнатам и, так ничего толком и не обнаружив, поехал домой.

Теперь я старался обходить все места, где можно было увидеть моё отражение, вернее, не увидеть. Зачем привлекать излишнее внимание к своей скромной персоне?

Приехав на свою станцию, я не торопясь вышел из вагона и направился в сторону парка. Там я свернул на аллею и побрёл в тени огромных дубов. Я специально пошёл по самой безлюдной аллее. Мне совершенно не нравилась эта жажда крови, она меня пугала. Кроме того, на обратном пути в метро у меня начали трястись руки, а в глазах поплыли красные круги.

Едва я вошёл в парк, сердце стало биться так учащённо, будто собиралось выпрыгнуть из груди. Ни с того ни с сего я начал ощущать сильное беспокойство, будто перед походом к зубному. Странные мурашки по телу и замирание сердца — «синдром больного зуба».

Куда же мне идти? Наверное, всё же домой. Просплюсь, извинюсь перед Ланой и свожу её в ресторан. Пора забыть про все эти тайны. Может, всё и так обойдётся, вот только как быть с этой жаждой?.. Нет. Опасно это. Может, обратиться к врачам? Они меня запрут в лаборатории. Вполне возможно, что оно будет к лучшему. Я не смогу никому нанести вред, и есть вероятность того, что меня всё же вылечат...

Мои безрадостные размышления прервал чей-то голос:

— Оп-па. Ребята. Вы поглядите, кто выполз из своей норы, да ещё и на ночь глядя. А не боишься нарваться на бандитов? У нас район не из спокойных.

Я резко повернулся, чтобы увидеть говорившего. Им оказался один из тех самых трёх типов, которые не так давно заходили ко мне со странными вопросами.

— Привет, друзья. Как дела? — приветливо сказал я, делая шаг в сторону метро.

А я и не заметил, как углубился в парк. До метро я, видимо, уже не добегу, далековато.

— И куда же ты собрался, мил человек? — Это уже из-за спины.

Я резво обернулся и увидел ещё двух любителей чёрного. Они, приветливо улыбаясь, доставали ножи.

Ну, вот и всё. Вампир ты или не вампир, а с тремя здоровяками с ножами тебе не справиться.

С такими невесёлыми мыслями я остановился и принял то, что считал боевой стойкой: руки перед лицом, ноги немного согнуты. Так меня в детстве учили на карате. Если бы всё зависело только от стойки, то я бы даже, может быть, и продержался минутку-другую...

Однако всё кончилось быстро. Один из них просто взял и вставил нож мне меж рёбер. Я даже сказать «мама» не успел, а просто начал плавно оседать на землю.

Прижав руку к ране, я тщетно пытался её прикрыть и остановить кровь. Ничего не получалось, и кровь продолжала литься. Вот так я и сидел на коленях, тупо глядя на то, как моя рубашка пропитывается кровью.

А трое придурков стояли и ржали. Должно быть, и вправду смешно, подумал я, теряя сознание.

Не знаю, как так получилось, но кровь попала мне на губы. Неожиданно я почувствовал, что жажда, мучившая меня весь сегодняшний вечер, стала настолько сильной, что всё остальное меня просто перестало волновать. Я не только перестал терять сознание, но все мои чувства обострились и во мне откуда-то взялись силы, которых раньше не было.

Я почувствовал, как кровь проходит по моим венам, стучит в висках, как бьётся моё сердце. Вокруг меня слышался странный стук. Немного прислушавшись, я понял, что это стук сердец здоровяков, стоящих надо мной. Я просто физически ощущал, как кровь проходит по венам этих жалких людишек. Они даже ничего не поняли, когда я вскочил, одним прыжком преодолел пять метров до одного из них и впился ему в шею.

Позже, вспоминая, я понял, что никакие клыки на самом деле не нужны, достаточно просто правильно и достаточно сильно укусить в артерию, и вот она — жидкость, дающая жизнь. Однако сейчас мне было не до этих тонкостей, всё произошло слишком быстро. Казалось, что время для меня замедлилось. Его товарищи ещё не закончили смеяться, как с первым из них было кончено.

Всего за несколько секунд я разобрался и с остальными. Мне уже не нужна была их кровь, я напился их товарищем, и теперь просто с наслаждением переломал им шею.

Чувствовал я себя просто великолепно. Состояние эйфории захлестнуло всё моё существо. Если бы я знал, насколько это приятно, то давно бы уже начал пить кровь. Я сам не заметил, как поднялся в воздух и завис в трёх метрах над землёй. Энергия требовала выхода, и я использовал её как мог.

Вдруг на меня нахлынули воспоминания. В голове проносилась вся моя жизнь в таких подробностях, которых я бы никогда не вспомнил в обычном состоянии. Особенно ярко вспыхнуло воспоминание о том, что произошло на том самом «Посвящении». Я практически переживал всё это во второй раз.

* * *

Я поднёс позолоченную чашу к губам и залпом осушил. По телу разлилась тёплая волна. Я почувствовал невероятную лёгкость и невольно отдался столь приятному и новому для меня чувству.

— Почувствуйте силу, дети мои, и повинуйтесь мне, — прогрохотал голос над головой. Та самая девушка, которая открыла мне дверь, принесла коробочку, в которой лежали три перстня. Они были похожи на тот, который я получил по почте, но в то же время были совсем другими. И разница была не только в цвете — они отливали красным. Теперь, когда я выпил крови, а я уверен, что это была именно кровь, я смог почувствовать исходящую от этих перстней злую, кровавую ауру. Девушка подошла ко мне и взяла мою руку, чтобы надеть на неё перстень.

— Нет. Я не хочу, — процедил я сквозь зубы и попытался отойти.

Не тут-то было. Как по команде трое «послушников» подскочили сзади и схватили меня так, что я даже вздохнуть не мог.

— Станьте теми, кто крадёт в ночи, станьте моими детьми! — рокотало по всему залу. Не хочу я быть ничьим дитём. Мне моя мама нравится.

Я вдруг вспомнил, что недавно чувствовал невероятную силу. Собравшись с духом, я взмахнул руками и откинул всех троих «послушников».

Да они же лёгкие, как пушинки. И чего я их боялся? Я расправил плечи, которые вдруг перестали казаться худыми, и повернулся к остальным «послушникам».

— Ну, сейчас полетят клочки по закоулочкам, — выдавил я.

Двое «послушников» попытались зайти ко мне со спины, но один удар рукой на двоих убедил их отдохнуть. Ещё пятерых я просто раскидал по залу, поднимая над головой и бросая в стены. Я получал от этого невероятное удовольствие, а та лёгкость, с которой я поднимал их над головой, просто изумляла.

Неожиданно глаза фигуры, которая вроде бы недавно была каменной, засветились, и она закачалась. Прошла какая-то пара секунд, и она шагнула в мою сторону.

Бог мой! Да что же это такое-то? Новый вид роботов, что ли? Да нет, не похоже. Вон как крыльями каменными размахался, да и проводков не видеть.

— Смертный! Ты ничтожество. Никто не смеет противиться мне! Не хочешь присоединиться, так умри!

Сколько пафоса. Видно, он не те книги в детстве читал.

Ой, мама, а когти-то какие. Каждый с мою руку.

Раздался визг — это та дамочка наконец поняла, что делать ей тут совершенно нечего. Вот «послушники» оказались намного умнее, те, кто ещё мог ходить, уже давно смылись. Остались только я и он.

Причём он явно не чай пить пришёл. Не успел я развернуться, чтобы бежать, как он схватил меня своей лапой и начал сжимать. Самое удивительное, что у него ничего не получалось. Похоже, что он был удивлён не меньше меня. А уж когда я разжал его когти и прыгнул вниз, то и вовсе опешил.

— Как ты смеешь мне сопротивляться?! — удивлённо спросил-пророкотал он, а потом, немного подумав, добавил: — Букашка.
— А на-а-ам всё равно! — неожиданно вырвалось у меня. Почему бы и не спеть перед смертью?
— А на-а-ам всё равно!

Он взбесился ещё больше. Бедный, даже смотреть на него жалко стало.

— А может, разойдёмся по-доброму? — расхрабрился я. — Ты не в моей весовой категории.

Он прыгнул на меня, и я еле успел отскочить. Вот те раз. Да он же каменный, а я и забыл.

Врезавшись в противоположную стенку, он обломал себе часть крыла и взвыл от боли.

— Что? Щиплет? — обеспокоено спросил я.
Он взвыл ещё громче и опять бросился на меня. Я элегантно сальто перепрыгнул через него. Эх. Жалко, некому оценить, даже я со страху не оценил и не удивился, как это я умудрился такое выдать. Я на физкультуре в школе даже простых кувырков-то делать не умел.

А у моего соперника отломался ещё один кусок крыла, да и коготков поубавилось.

Пожалуй, теперь я буду называть его не он, а он.

Последующий час я провёл в прыжках, кувырках, откатах, отбегах и отскоках. Вскоре всё было кончено. Я лично раскрошил последний кусочек этой горгульи — летучей мыши.
— Вот и всё, — устало сказал я раскуроченному залу и опустился на колени. И куда подевалась вся таинственность и завораживающая красота зала? Остались одни осколки да обезображенные настенные фрески.

Я тщетно пытался отдышаться и неторопливо водил взглядом по залу. Кроме взгляда я ничем больше управлять уже не мог, тело не повиновалось. Я собрался с силами и... В этот момент мне на голову опустился камешек, по размерам, наверное, не уступающий моей многострадальной голове. Последнее, что я почувствовал, — это чьи-то ловкие ручки, надевающие мне на палец перстень...

* * *

— Так вот как всё было! — оповестил я небо о своей радости и опустился на землю. Меня вдруг охватила дремота. Так захотелось спать, что просто сил не было. Я даже не успел отойти от трёх растерзанных тел, как упал на траву и провалился в сон.

* * *

Последнее время все мои пробуждения отличаются особой неприятностью. Сегодняшний день не был исключением. Я проснулся в каком-то ржавом железном ящике. Сколько себя помню, всегда боялся замкнутых пространств, поэтому я тут же начал ворочаться и вскоре умудрился вылезти из чёртова гроба. Это оказался именно гроб, причём в морге.

Морг выглядел... как морг. Множество железных ящиков, в которых, насколько я понимаю, лежали тела. Атмосфера от этого вовсе не улучшалась, и я поспешил ретироваться. Вот только где раздобыть одежду?

Я стоял посреди морга в чём мать родила. На месте ранения ножом не осталось даже шрама. Совсем неплохо для недоделанного вампира. Про синяки я и вовсе молчу, они исчезли ещё до того, как меня разбудила Лана.

Я отлично помнил всё, что произошло сегодня ночью. Лучше бы я этого не помнил. Я же теперь убийца, куда уж до меня Джеку-Потрошителю... Как ни странно, совесть меня совершенно не мучила, потому что они меня пытались убить. Да и вообще, не такие в наше время люди живут, чтобы из-за них сильно переживать. И без этого проблем хватает. Выглянув из окна морга, я увидел, что нахожусь на пятом этаже какой-то больницы. Уже светало. Неожиданно за дверью послышались голоса.

Я вспомнил о том, как парил в воздухе всего несколько часов назад, и скрепя сердце прыгнул за окно, когда входная дверь уже начала открываться.

Шмяк!

Это не я сказал, это тело сказала... асфальту...

— Ой ты ё...

А вот это уже я.

Я с трудом поднял голову и посмотрел вверх. Наверху я увидел окно, из которого только что выпал, и мои и без того болевшие конечности прямо-таки взвыли.

Кое-как я отполз под размашистые ветки дуба. Из окна выглянул озабоченный работник морга в форменном халате, огляделся по сторонам, чертыхнулся и скрылся из моего поля зрения.

Чёрт возьми, как же больно! Я даже не мог представить, что можно испытывать такую боль. Некоторое время я просто валялся под деревом, пытаюсь не потерять сознание.

Почувствовав себя немного лучше, я пополз в сторону дома. Слава богу, что до него не так уж и далеко. Больница-то находилась недалеко от Вешняковской улицы, а от неё до моего дома десять минут ходу.

Прошло часа два, прежде чем я добрался до дома. Ещё минут двадцать я доползал до своего этажа и открывал свою новую железную дверь с помощью ключа, который так удачно спрятал под ковриком.

Признаюсь честно, довольно трудно добраться до дома в семь утра, во вторник, если на вас нет никакой одежды и почти все конечности у вас переломаны.

Как я добрался до дома, да ещё так, что меня никто не заметил, для меня останется загадкой на всю, надеюсь ещё долгую, жизнь. В течение своего продвижения я терял сознание раз пять, а уж останавливался передохнуть каждые пять минут.

Едва закрыв за собой дверь, я с трудом дополз до кровати и уснул.

* * *

Разбудили меня голоса за дверью. Уж очень их было много, и очень уж громко они говорили.

Не прошло и пары минут, как я вскочил и сбежал в ванную. Там в душе я смыл с себя всю кровь, которой было так много, что я засомневался... а осталась ли во мне хоть капля? Затем быстро оделся и прильнул к глазку. Я себя чувствовал превосходно. Так и лучился здоровьем и силой. О том, что ещё недавно у меня были переломаны ноги и ещё чёрт знает что, я старался не вспоминать. Воспоминания были очень расплывчатыми, как будто я давеча очень сильно напился. Тело же и вовсе не помнило ничего. То есть обычно после перелома или ожога ты помнишь, что болело именно в этом месте и примерно так. А я вот не помнил. Я помнил, что, кажется, у меня было что-то сломано и было даже больно. Но вот что было сломано, где и как болело, я не помнил.

На лестничной площадке собрались мои соседи. Они всё что-то громко обсуждали. Там были все и самое главное — Лана. Лана стояла с заплаканными глазами и просто молчала, в то время как остальные просто не замолкали.

Я прислушался...

— ...он сам виноват... странный... убили... Ничего не понимаю.

— Я же говорила, что он с мафией связан...

Знакомый голос, уж не Клавдия Степановна ли?

— ...я сама видела, как они к нему приходили...

Ну точно, она самая. Так это они про меня, что ли?

— Теперь у нас в районе только спокойнее станет...

Та-ак. Это почему, интересно?

— А у него родственники-то были? А то кому квартира-то теперь?

Оп-па. Уже добро делят.

Лана, казалось, сейчас уже не выдержит, она едва сдерживалась, чтобы опять не разрыдаться. Пора вмешаться.

Я приоткрыл дверь и, облокотившись на дверной косяк, стал слушать.

Первой меня заметила умница Лана. Она уставилась на меня, как будто увидела призрака, и даже глаза протёрла для верности.

Щас ещё ущипнёт себя.

— Ау!

Ну точно, ущипнула.

Все резко затихли и уставились на Лану. Только старая гримза продолжала надрываться:

— По нему вообще давно тюрьма плакала...

Заметив, что все молчат, она тоже замолчала. Постепенно все повернулись в мою сторону, и тишина уже стала зловещей. Все стояли и молча пялились на меня.

— Кого хороним? — радостно спросил я, не преминув одарить всех улыбкой.

Лана радостно бросилась ко мне и заплакала у меня на плече.

— Ну что ты? — Я немного смутился.

— Они... они сказали, что тебя убили у нас в парке... — она разрыдалась ещё больше.

— Ну... слухи о моей смерти слегка преувеличены. Ты это... плакать заканчивай, я футболку только что постирал.

Она умудрилась меня ещё и локтём под рёбра ткнуть. Ишь какая обидчивая. Но как она мне нравится.

Первой конечно же смылась Клавдия Степановна. Потом начали расходиться и остальные.

Кое-кто мне даже руку пожал. Раньше за ними такого не водилось, надо умирать почаше.

Может, и уважать начнут.

— Пойдём ко мне, я тебя чаем буду поить, — сказал я, обнимая Лану за плечи.

— Я бы и чего-нибудь покрепче выпила, — пробормотала она.

— Запросто, ты только пойдёшь умойся, а то ведь вся заплаканная. И не стыдно? Взрослая женщина и плачет...

Ау! Она ещё и щиплется.

— Я же мёртвый! Можно бы и понежнее...

— Это уже не смешно, я знаешь как переживала.

— Ну, прости, пожалуйста, Ланочка. Я не виноват, что меня с кем-то спутали, — начал оправдываться я.

Она скрылась в ванной. Ой, чёрт!

— Спутали?! А кровь откуда?

Это уже пахнет истерикой.

Должен признаться, что я, в общем-то, её понимаю. Вот только кто же меня поймёт?

— Я всё объясню... потом...

— Нет. Либо ты мне всё сейчас объяснишь, либо никогда, потому что я уйду, — сказала она, выйдя из ванной.

— Эй, я же всё-таки мёртвый. Ко мне должно быть уважение и...

Она направилась к двери.

— Стой! Хорошо...

— Ну?

Ах, как она ножкой притоптывает в нетерпении, а как ей идёт это синее платье, оно так подчёркивает белую кожу на шее... Тьфу. Опять отвлёкся.

— Ладно. Я работник ФСБ.

Она сделала шаг в сторону двери.

— Тьфу. Хорошо, сама напросилась. Я — вампир. Стой, говорю.

Последние слова я сказал уже закрытой двери. На лестнице послышались быстрые шаги, сопровождаемые нелестными словами в мой адрес... кажется, даже нецензурными. Она даже вспомнила о том, что я её так и не сводил в ресторан, как обещал. Шутки шутками, а денег у меня всё равно нет. Да и документы остались где-то в морге. Возвращаться я за ними, безусловно, не собираюсь. И без того проблем хватает.

Я молча смотрел на дверь и думал о своей жизни в свете преобразований, произошедших со мной за последние месяцы... Блин! От меня девушка ушла! Хотя она номинально никогда моей девушкой и не была... но могла бы стать... наверно... хотя с таким характером зачем она мне нужна?

Впрочем... Может, оно и к лучшему. Ей будет куда спокойнее без меня. Вот только я-то как же? Мне лучше не будет, это уж точно, хотя не придётся о ней волноваться. Но, может, всё же это стоило бы волнений? Волнения были бы по-королевски вознаграждены.

Я проверил замок на двери и, продолжая рассуждать, отправился в комнату. Там я сел в кресло и уставился на глаз, который, в свою очередь, выжидательно уставился на меня. Я поудобнее устроился в своём любимом кресле и задумался над темой для книги. Думать о том, что со мной произошло, совершенно не хотелось. Становилось страшно. А книга... я давно мечтал написать книгу, вот только писать мне на данный момент ничего не хотелось, но кушать-то надо что-то, а то деньги уже почти кончились. Как бы её назвать?..

Мой взгляд невольно опустился на руку. На пальце играл светом красный перстень. Веяло от него каким-то... страхом, что ли. До меня даже не сразу дошло, что шторы-то все задёрнуты. Никакое освещение не включено. Откуда же свет на перстне берётся?

Получается, из него самого?

Мне вспомнилось, как на Посвящении, выпив крови, я ощутил сильное зло, исходящее от перстня. А теперь эта гадость у меня на пальце. Интересно, зачем? Чего добивались люди, ударившие меня по голове и надевшие на меня перстень? По всей видимости, он что-то должен был со мной сделать. Подчинить их воле и сделать послушной игрушкой? Или ещё что-нибудь? Может быть, эта жажда именно из-за перстня усилилась? Но ведь она была и до появления перстня. Найти бы кого-нибудь из этих «посвящённых», вот только они все были в капюшонах. Найти бы хоть ту девушку. Неужели эта красавица тоже с этим связана? Да, ещё есть и Колдун. Устроить бы кому-нибудь из них допрос с пристрастием...

Глава 4

Вот так всегда. Я умудрился задремать. Хорошо хоть чайник не поставил, а то бы точно сгорел тут вместе со всем барахлом и квартирой. И полдень уже наступил, пока я спал. Ну да ладно, время прогуляться до кассы оплаты Интернета. Эта прогулка мне очень кстати, заодно прикуплю продуктов, а то в холодильнике осталась лишь бутылка кефира (трёхнедельной давности), кусок сыра (месячной давности) да ещё тарелка недоеденных котлет (сколько они в нём лежали, понять трудно, но, судя по слою плесени, их не доели ещё предыдущие жильцы).

Постояв немного у открытого холодильника и прикинув, стоит ли его включать ради сохранности находящихся в нём продуктов (если их вообще можно назвать таким гордым словом), я решил всё же его включить и полез под стол, чтобы найти розетку. Розетка присутствовала, но в ответ на мои попытки вставить в неё вилку от холодильника она сердито заискрила и задымилась. Чертыхнувшись, я бросил это гиблое дело и пошёл умываться.

В ванной тоже были проблемы. Уже с неделю у меня подтекала труба. Не сильно, но ведро я всё же на всякий случай ставил. И надо же было этой трубе именно сегодня прохудиться окончательно. Едва войдя, я наступил в лужу. Не столь большую, как могло бы быть, но всё же. Ведро переполнилось, и вода из него медленно стекала на пол. Я быстро вылил ведро и подставил его обратно под капаящую трубу. Я даже начал вытирать лужу на полу, но это было слишком неблагодарное занятие для такого ленивого до любых физических нагрузок человека, как я. Так что я бросил эту дурацкую затею и пошёл одеваться.

В коридоре я кое-как забрался в ботинки и глянул в зеркало — пусто. Вздохнув, я отправился было на выход, как чуть не свернул себе шею, наступив на не завязанные шнурки. Склероз, однако.

Когда я нагнулся завязать треклятые шнурки, у меня из кармана брюк выпал осколок, подобранный в подъезде. Я взял его в руку, чтобы убрать обратно, как вдруг заметил определённое сходство осколка с перстнем на моей руке. Повнимательнее рассмотрев осколок, а заодно и перстень, я заметил, что на нём виднеется часть глаза, такого же, как и на перстне.

Это уже интересно. Откуда же он взялся в нашем подъезде?

Глядя на осколок и пытаясь выдавить хоть одну дельную мысль из своего, отказывающегося работать мозга, я вышел на лестничную клетку. На ней было пусто (что не удивительно в свете последних событий) и всюду валялись окурки сигарет, брошенные толпившимися тут утром соседями. А ведь и эти окурки Клава на меня спишет. Всё я виноват, вот такая я зараза.

Едва выйдя на улицу, я подвергся обстрелу солнечными лучами. Сначала мне показалось, что я просто ослеп. Чёрные очки пропали вместе с документами, а других у меня и не было. Я чуть было не ломанулся обратно в подъезд, потому что в довершение у меня и кожа лица начала гореть так, как будто меня облили кислотой. Но неожиданно, словно сжалившись надо мной, солнце скрылось за тучами, и стало, в общем-то, довольно терпимо. Пришлось сделать заметку, что нужно купить новые солнечные очки. И это притом, что денег и так крайне мало. Но делать нечего, Интернет мне всё равно нужен для работы.

Когда за спиной уже был и подъезд, и двор, ко мне в хвост пристроился странный человек. Я его заметил не сразу, только когда он попёрся за мной через весь Кусковский парк к метро «Перово». Я сам не знаю, с чего меня потянуло именно туда, но факт остаётся фактом, я отправился не к ближайшему метро — «Выхино», и не к «Новогиреево», а именно к «Перово». Идя по парку в тени деревьев и смотря по сторонам, наслаждаясь видом зелени, я периодически натыкался взглядом на тощую фигуру, идущую поодаль и старательно делающую вид, что просто гуляет. Причём эта фигура была подозрительно похожа на ту, в которую я врезался по пути на Посвящение. Хотя, возможно, просто даёт о себе знать паранойя...

Я дошёл до выставки-продажи картин и остановился, чтобы осмотреться.

Эта выставка уже давно привлекла моё внимание. В своё время я часто тут отдыхал, общаясь с художниками и просто интересными людьми, собирающимися тут каждый солнечный или хороший денёк.

Сегодня было довольно пасмурно и народу собралось не так много. Аркаша (вечно смурной пейзажист), Чиж (весёлый паренёк моего возраста, пишущий портреты и являвшийся моим давним другом) и ещё несколько человек, которых я не знал. Недолго думая, я направился к Чижу.

Чижик — это удивительнейший человек. Ещё пару-тройку месяцев назад мы с ним вместе шлялись по дискотекам и развлекались как только можно, но потом я отправился в Киев и... Сегодня я его увидел в первый раз за весь месяц. У него была своеобразная философия, которая ему не позволяла навязываться кому бы то ни было, и именно поэтому его звонков не раздавалось в моей квартире ни разу за весь прошедший месяц. Странно, конечно, но

при этом он всё равно считал меня одним из лучших друзей. А для меня он был почти братом, но, стыдно сказать, про него я не вспоминал в последнее время ни разу. Подойдя к Чижу, пишущему картину с очередной красотки, коих липло к нему постоянно невероятное множество, я перегнулся через его плечо и глянул на портрет. Что ни говори, а рисовать он умел. С картины на меня смотрела очаровательная девушка, но что-то в этой девушке было не похоже на ту, что сидела перед ним. Это свойство Чижа я заметил уже давно. Все портреты девушек, которые он писал, в чём-то были схожи — везде проскальзывала некоторая идеализация. То ли он сам по себе идеалист, то ли просто хочет сделать приятное девушке?

Ободряюще подмигнув, судя по виду, уставшей девушке, я постучал Чижа по плечу.

— Отстань. Не видишь, я пишу картину, — не оглядываясь, проворчал он, — Думаешь, раз давно не появлялся, так теперь всё можно?

И как же он догадался, что это я? Вот уж точно, вечно с ним одни сюрпризы.

— Неблагодарная скотина, — возопил я. — Я пришёл его навестить, а он на меня ноль внимания. Вот обижусь и уйду.

— Куда ты денешься? Раз пришёл, значит, так сразу не уйдёшь. Как в Киев съездил?

Ох уж мне этот Киев, глаза бы мои его не выдввали.

— Прекрасно. Поездка была весьма... познавательной... местами.

Неожиданно он повернулся и пристально посмотрел мне в глаза.

— Где же ты был последний месяц? Я уж думал, что ты там пропал, пока не увидел сегодня в газете статью о твоей смерти.

Ой! Это ж надо. Что ж ему ответить-то?

— Да я это... загулял по Киеву, потерялся. А там... это долгий разговор на самом деле.

Давай в другой раз, хорошо?

— Ладно, — просто ответил он.

— А ты как? Как твои девушки поживают?

— Которые? — не моргнув глазом, уточнил он.

— Ну, а какие есть?

— А никаких нету. Я в свободном поиске.

Я даже растерялся. У Чижа нет девушки?! Видно, грядёт конец света.

— Ты что, заболел? — участливо спросил я. — Или на солнышке перегрелся?

— Да нет. Просто человеку моего возраста пора уже задуматься о будущем. Нужно что-то постоянное, а не какие-то мелкие увлечения.

«Моего возраста»... да он младше меня на год.

— Я понял. Ты тут без меня от скуки с ума сошёл. У меня есть знакомый психиатр...

— Нет, я серьёзно, — перебил меня Чиж. — Этот психиатр и мой знакомый, если ты не забыл, и я знаю одного человека, которому помощь этого самого психиатра могла бы оказаться значительно полезнее.

— Ну-у... — неопределённо высказался я.

— И вообще, не мешай мне работать. Приходи вечером в клуб, там и поговорим. Тебя уже давно хочет видеть Хаз.

Хазом мы называли нашего работодателя, который подкидывал мне, Чижу и прочим людям искусства различные тексты на перевод и периодически заказывал статьи. За что его так называют, я не знаю (как, впрочем, почему Чижа зовут Чижом, а меня Руном).

— Опять перевод с китайского? — подозрительно осведомился я.

Чиж не выдержал и захохотал, едва не уронив кисточку.

Это была давняя шутка. Мне тогда заказали перевести статью и забыли сообщить, на каком она языке. Я, естественно, согласился, как обычно — не глядя, и подписал контракт. Каково же было моё удивление, когда она оказалась на китайском! Я сидел над ней целый месяц, а когда перевёл — это оказалась биография Мао Цзэдуна, которая была практически точной копией моей же статьи в книге «Всё обо всех». Смеху в клубе было столько, что стёкла дрожали. Жалко, я этого не слышал, потому что в это время ломал нос Хазу. С тех пор у нас с ним на людях довольно натянутые отношения (читай: лучше мне на глаза не попадайся), а на самом деле мы очень даже неплохо ладим. Да и нос я ему сломал случайно.

— Не знаю, не знаю, — сказал, отсмеявшись, Чиж, — но уж китайский он тебе точно не подсунет, он до сих пор вспоминает «добрым» словом тот дивный вечер, когда его

очаровательный нос подвергся осквернению со стороны тебя. Он ещё найдёт способ отомстить, и тогда не сносить тебе головы.

— Я ему ещё раз нос сломаю.

— Так, хватит! Иди отсюда, а то я так до вечера ничего не нарисую, — произнёс он, поворачиваясь к заскучавшей девице. Та, в свою очередь, тут же приняла возвышенно-задумчивую позу и уставилась вдаль.

— Ну ладно, до вечера. А руку жать не буду, грязный ты, — мстительно сказал я.

— Чао, мон ами, — не оборачиваясь, ответил Чиж.

Я же повернулся и отправился в сторону метро. Незнакомец всё так же неотступно шёл за мной, а я ведь уже почти забыл про него. Настырный он, однако. Может, побегать немного? Разминка не помешает, а впрочем... Я повернул на очередной аллее и резво прыгнул за ближайшее дерево. Через минуту показался мой дружок. Он бойко топал по аллее мимо меня. Я присмотрелся к нему повнимательней. Он был одет явно не по погоде: в тёмном плаще (на улице плюс восемнадцать!), тёмных очках и шляпе, что было особенно странно, ибо шляпа его была белой! И в такой одежде он намеревался следить за мной и оставаться незамеченным?

Когда он прошёл мимо, я выпрыгнул из-за дерева и, подскочив к нему сзади, ударил по ногам. Нелепо взмахнув руками, джентльмен повалился навзничь. Я обрадовано напрыгнул сверху и схватил за грудки... вот только хватать было некого.

Неожиданно появившаяся парочка подростков увидела удивительную сцену. Не будь всё так страшно, это было бы смешно: я, бледный, с криком трясую пустой плащ.

Парень блеснул остроумием и спросил:

— Что он вам сделал, этот плащ?

На что я тут же ответил, куда пойти ему со своим остроумием, что с ним сделать, и вообще, это не его дело, я псих, у меня даже белый билет есть (и дико засверкал глазами для остротки). Парочка в спешке удалилась, поняв, что на месте плаща могут оказаться они. Мало ли что психу в голову взбредёт.

Я потряс плащ, поднял и осмотрел шляпу, и даже сломавшиеся очки проверил. Ничего особенного в них не было, кроме того, что они ходили сами по себе, причём ходили исключительно за мной.

Немного посидев на асфальте с удивлённо-бессмысленным выражением лица, я поднялся, перекинул через руку плащ, надел сверхмодную шляпу и отправился к метро.

Без дальнейших приключений я купил возле метро Интернет-карту и, во избежание других происшествий, поймал машину.

Вот тут мне повезло. Выйдя на Перовскую улицу, я моментально стопанул новенькую БМВ. Каково же было моё удивление, когда за рулём оказалась молоденькая девушка. Я тут же выдал свою самую обворожительную улыбку вида «я дурак, но я не виноват» и радостно сказал:

— Здрасти...

На этом всё моё красноречие иссякло. Хорошо, что девушка оказалась весьма словоохотливой... даже слишком, я бы сказал.

— Приветик! Вам куда? А то мне одной ехать скучно, вот я и решила подвезти кого-нибудь. Я только права получила, так что ещё никого и никогда не подвозила, а это, наверное, так интересно. Совершенно незнакомый человек едет с вами и рассказывает о себе. Вы ведь расскажете о себе, правда?..

Всё это было произнесено на одном дыхании и так быстро, что мне потребовалось некоторое усилие, чтобы всё усвоить.

— А... ну да.

— А как вас зовут? Меня Лида. Только не Лидия, а именно Лида, я ненавижу, когда меня называют Лидией. Как-то это уж очень заумно. Так что называйте меня Лидой. Что же вы молчите? Да вы садитесь. А вам куда?

Я перегрузился и едва не завис от перенапряжения. Пока усаживался в машину, я всё же умудрился представиться и объяснить, куда ехать.

— А, понятно. А кем вы работаете? Я вот в салоне работаю моделью. Конечно, вы подумаете, что я хвастаюсь, но я правда там работаю, и мне нравится. И я не хвастаюсь, просто рассказываю.

— Я так и понял, что вы в салоне работаете. Где ещё может работать такая очаровательная девушка?

— Да что вы, — покраснела она. — Так уж и очаровательная.

Не то слово, я ни капельки не соврал. Она действительно была очаровательна. Худенькая, миловидная девушка чуть моложе меня (хотя, кто их знает) с прекрасными светлыми выщипанными волосами и удивительно тёплой улыбкой.

— Так кем же вы работаете? Или вы не хотите говорить? Если не хотите, то так и скажите, я пойму. Вернее не пойму, но не обижусь.

— Да нет, я работаю переводчиком, а по совместительству писателем, — ответил я, глядя на тоненькую шейку девушки.

Вот ведь издевательство. Хотя от любых плохих мыслей о крови и жажде я пытался избавиться, мой взгляд всё равно утыкался в шею девушки. Чуть ли не с внутренним скрипом я всё же поднял взгляд и сосредоточился на беседе.

— Да?! Удивительно, никогда не видела живых писателей. Ой! Простите, ну вы меня поняли. И что пишете? Может, я что-нибудь читала?

— Вряд ли вы читали что-либо. Вот здесь направо. Я пишу в основном для разных энциклопедий и журналов.

— А для каких журналов?

— Ну... Последний раз для «НЛО» написал статью о вампирах и оборотнях, — немного смутился я.

— Да? Как интересно. И что там про них? Мне, кстати, очень нравятся фильмы ужасов. Особенно старые, которые почему-то намного страшнее современных.

— А, так тут всё очень просто, — обрадовался я подходящей теме. — В современных любят делать хеппи-энды, а в старых предпочитали заканчивать плохо, для пущего страха.

— Да, наверно. В старых фильмах всё как в жизни: никаких хеппи-эндов. Хорошо всё кончается только в кино, а в жизни, увы... — грустно произнесла собеседница.

Я был немного удивлён. Только что была такая весёлая, а тут вдруг задумалась. Как же быстро человек меняет настроение. А уж про девушек я вообще молчу.

— Вот и мой дом, — с сожалением и в то же время облегчением сказал я. — Спасибо, что подвезли.

— Да не за что, мне было интересно пообщаться. И я смотрю, что вы стесняетесь, так вы не стесняйтесь. Можете смело попросить у меня телефон, а впрочем, вот вам моя визитка. Может, ещё свидимся. Ой! Как мило, наверное, хорошо рядом с парком жить. Гулять вечером по аллеям... Ладно, до свидания, я поехала, и кстати, милая шляпа.

— Пока... — с сожалением пробормотал я, захлопывая дверцу машины и придерживая рукой белую шляпу, которая, кстати, совершенно не шла к моей чёрной одежде.

Слегка переведя дух и судорожно вздохнув, я проводил задумчивым взглядом машину. В течение всей поездки я упорно боролся с собой. Я даже не сразу заметил, что руки у меня в крови. Оказывается, я так сильно сжимал кулаки, что ногтями расцарапал ладони.

Где же она была раньше? Месяца два назад... С другой стороны, всё не так уж и плохо, если не думать о проблемах, то можно даже позволить себе немного оптимизма. Когда-нибудь эта жажда должна пройти, и тогда я ей позвоню и мы куда-нибудь сходим. И с Ланой я, может быть, даже помирюсь. Станем добрыми соседями и друзьями.

Идя к подъезду, я фальшиво насвистывал слегка грустную мелодию и крутил в руках визитную карточку.

А вот в продуктовый магазин я опять забыл зайти, вспомнил я и, развернувшись на сто восемьдесят градусов, отправился к ближайшему магазину, который находился в соседнем доме.

Вообще-то все дворы Москвы весьма схожи между собой по грязности, захламлённости и колориту, а-ля «свалка после субботника», когда всё вроде убрано, но свалка остаётся свалкой. Наш двор ничем от других не отличался, разве что трубы из земли торчат диаметром эдак под два метра. Вот между этими трубами я и пробирался к заветной цели в виде хиреющего магазинчика местного алкашного масштаба. Всё бы хорошо, но я умудрился порвать новые брюки (ну относительно новые) о торчащий из земли то ли осколок ракеты, то ли остаток зарытой детской игрушки.

Ругаясь на чём свет стоит, я всё же добрался до магазина, выдал стоящей возле входа алкашне мзду в виде рубля якобы на хлеб и открыл-таки обклеенную рекламой памперсов дверь. С ходу в полуосвещённом помещении бросалась в глаза грязь на стенах, и на потолке, и на витрине (на которой, кроме трёх сортов пива и водки, больше ничего не было), и на полу, и даже на продавщице (дородной даме весом раза в три тяжелее меня). Но грязным всё это казалось лишь с первого взгляда, со второго оказалось, что всё ещё грязнее, а уж с третьего... такой дыры я ещё ни разу не видел.

Последние слова я произнёс вслух, да ещё с таким чувством, что продавщица подняла на меня мутный взгляд и сплюнула под ноги.

— Чё нада?

Ну и голосок, как будто в гонг ударили кувалдой.

— Мне бы батон хлеба и ещё что-нибудь съестное.

— Ну-ну. Есть сухарики: это тебе и хлеб, и съестное.

— А мы с вами на брудершафт не пили.

— Чё?!

Какой полный, красочный и богатейший словарь, однако.

— Да это я так... мысли вслух. Давайте ваши сухари и пиво, скажем, «Балтику» третью. В трёх экземплярах и того и другого.

— В авоську, али в руках потащишь? — произнесла дама, доставая из-под прилавка три бутылки и пару пакетов сухарей. — Последние два.

Раздражает она меня. Как-то неуютно тут вообще.

— Ну, давайте, и в пакет всё, — сказал я, кидая на прилавок свою последнюю сотню.

Едва глянув на то, как продавщица достаёт из замусоленного кармана гору мелочи, я поспешил её обрадовать, что сдачи не надо, но тут подскочил какой-то алкоголик с невероятно красным носом и радостно возопил, что, дескать, не стоит волноваться — он сдачу возьмёт. Я благосклонно кивнул и гордо удалился через дверь, обклеенную с этой стороны рекламой какого-то средства от тараканов с всё объясняющим названием «Маша». Великолепное название для средства от тараканов. Воображение сразу рисует эту самую Машу, бегущую по квартире за тараканами со свёрнутой газеткой.

Выйдя из магазина, я обнаружил, что алкаши куда-то благополучно отчалили. Так что, не считая меня, на улице больше никого не было. Не успел я отойти на пару десятков метров от магазина, как дверь распахнулась и из неё выскочила продавщица. Она велела мне подождать и подбежала ко мне.

— Мужики тому плохо стало. Вы не поможете? — заискивающе спросила тётка.

Руки у неё как-то чересчур тряслись, но я почему-то подумал, что она просто за алкаша волнуется.

— Конечно, — недолго думая ответил я. — Пойдёмте.

Едва войдя в магазин, я получил по чайнику. Чайник отозвался лёгким звоном в ушах и тут же жутко разболелся. Упасть я, правда, не упал, но некоторое чувство дискомфорта всё же почувствовал, о чём тут же заявил криком раненого медведя.

— Ау! Да что же это творится?

На меня уставились две пары удивлённых донельзя глаз. Тот самый мужик, который так ловко оприходовал мою сдачу, удивлялся меньше продавщицы, он достал из-за пазухи пистолет и направил на меня. Тут уж не до шуток. И откуда, интересно, у законченного алкоголика пистолет?

— Брось бяку. А то поранишься ещё.

— Деньги давай, — рявкнул мужик.

— Эй! Мы так не договаривались! Ты же говорил, что мы его просто оглушим, — заверещала продавщица.

— Заткнись.

Мне это уже начало порядком надоедать. Ну что ко мне все пристают? Что я им сделал?

— В общем, вы тут пока разбирайтесь, а я пошёл.

Я повернулся было к двери, но мужик, то ли от дурости, то ли от слишком большого ума, пальнул в мою сторону.

Грохнуло. Снайпером он наверняка не был и в трезвом состоянии, а уж в пьяном то, что он вообще нащупал курок, было просто чудом. Пуля пролетела в паре сантиметров над моей

головой и ударила в стенку. Продавщица тут же затихла и удивлённо уставилась на своего напарника. Напарник же её выглядел не менее удивлённым, чем она, но быстро пришёл в себя и вновь направил на меня подрагивающий ствол.

— Деньги, я сказал.

Всё, мне это надоело! Что бы мне с ним сделать? Помнится, если он в меня пальнёт, то жив я всё равно останусь, но вот уж очень мало приятного в получении пули в лоб или куда там ещё попадёт этот недоделанный снайпер. Да и пачкать одежду не хотелось бы, и так всё, что можно, уже испачкал.

Задумавшись, я расслабленным взглядом посмотрел в глаза мужика, и мне показалось, что происходит что-то странное. В моей голове проносились странные картины и появлялись мысли, которые принадлежали явно не мне. Мне потребовалась пара секунд, чтобы понять: это мысли этого самого недоделанного снайпера, держащего меня на мушке. Вот сейчас он думает о том, что, если я опять повернусь к двери, то он выстрелит мне в ногу. А деньги, которые он у меня заберёт, он потратит на недельную пьянку с друзьями. Вот только деньги он может забрать и у трупа, и плевать ему на продавщицу, её он тоже убьёт, если будет много вякать. Всё равно только что с зоны вышел, будет он ещё какого-то фраера бояться. Последним, кто на него наезжал, был молодой мент. И где же он теперь? В морге. А пистолетик-то вот он.

Вот тут я действительно испугался. Но не того, что меня хотят убить, этого на моей памяти уже хватало, а того, что я каким-то образом читаю мысли. Напоминает прогрессирующую шизофрению. Может быть, Чиж был прав и пора обратиться к психиатру? А тут ещё этот зануда пистолетом машет. Впрочем, посмотрим ещё кто кого. Я-то уже в морге был, и ничего, жив пока.

А если мне попробовать слегка изменить ход его мыслей? Раз уж может идти передача от него ко мне, то почему нельзя сделать наоборот? Я ведь не сразу понял, что это его мысли, а не мои. А уж он-то и вовсе не разберётся. Сам он пьяный, да и мысли у него неровные, скачут. В принципе, это должно быть довольно просто, достаточно, слушая его мысли, менять их: сначала понемногу подсказывая, зародив сомнения, а потом просто заставить. Я посмотрел ему в глаза и подумал о том, что пистолет ему совершенно не нужен, что он боится убить человека, а затем подумал за него о том, что он вообще боится вида крови. Он стал чувствовать себя неуверенно. Я готов поспорить, что остальное он додумает сам, главное было дать толчок. Прошла пара секунд, и я, устав ждать, решил рискнуть и мысленно приказал положить пистолет. Он его тут же уронил, чем заслужил удивлённый взгляд продавщицы, которая вроде бы не собиралась меня убивать, но и не хотела оставаться без преимущества. Я же мысленно приказал мужику выйти из магазина и отправиться в милицию с повинной.

Мужик, пошатываясь, вышел из магазина, и послышались удаляющиеся, слегка неуверенные шаги.

Я посмотрел на продавщицу и тут понял, что не ловлю ничего, кроме страха. Видимо, мои силы иссякли, или всё, что было до этого, мой очередной глюк? Однако тут уж никакого гипноза и не требовалось.

— Это всё он! Он меня заставил! Говорит, вон, смотри, сколько у него, наверное, денег, он даже сдачу не берёт. Позови его сюда, я его тут оглушу, мы заберём деньги, а потом кинем под деревом в парке, он сам и не поймёт, что с ним произошло.

Мне даже смешно стало. Знал бы он, что, кроме той сотни, у меня ничего с собой нет.

— Ты меня не видела, — произнёс я, сохраняя каменное лицо, и вышел из магазина.

Вот те на. Вроде как я только что применил прикладной гипноз. Но как я это сделал? Его мысли были у меня как на ладони. Это тоже вампирские штучки? Но тогда почему я не продельвал такое в течение прошедшего месяца, а смог только сейчас, а с продавщицей у меня уже ничего не получилось? Ну и фиг с ним, нечего голову бредом забивать, а то так и свихнуться недолго. Хотя всё равно интересно...

Пролезая обратно через те же трубы, умудрился влезть в какую-то лужу то ли мазута, то ли какого-то масла.

В результате до подъезда я добрался помятым, слегка грязным и с порванным пакетом. Из него пришлось всё вынуть и нести в руках.

У подъезда топтался подозрительный тип. Вроде бы совершенно обычно одет: серые брюки, кофта и кепка. Вот только он как-то странно на меня посмотрел, чем-то он неуловимо смахивал на крысу. Быть может, чертами лица и бегающими глазками. Пока я думал о том, что в последнее время вокруг меня вьётся слишком много странных личностей, тот куда-то ускользнул. Решив, что это просто очередной ухажёр какой-нибудь девушки из нашего подъезда, а у меня появилась мания преследования, я успокоился и продолжил поступательное движение домой.

В подъезд я вошёл, держа в руках три бутылки пива и плащ, с сухарями в зубах и белой шляпой на голове (учитывая мою помятость, это было стоящим зрелищем).

Именно этим зрелищем и насладилась Лана, спускавшаяся по лестнице в тот самый момент, когда я, всё-таки уронив пакет с сухариками, лез в карман за ключами.

— Здравствуй. А я думала, что ты не пьёшь. Впрочем, все вы любите выпить, когда проблемы появляются.

Сколько сарказма.

— Какие проблемы? Нет у меня никаких проблем, — ляпнул я. — А ты куда такая размалёванная намылилась?

Что я болтаю?! Заткните мне рот!

— На свидание с чудесным молодым человеком. Причём у него нет от меня секретов, он ещё ни разу не умирал, и ещё он очень хорошо воспитан в отличие от некоторых, — спокойно сказала она.

— А... ну бывай, — буркнул я и нырнул в открывшуюся наконец-то дверь.

— И шляпа у тебя дурацкая... — послышалось вдогонку.

Зайдя в квартиру, я всё бросил и попытался успокоиться. Что я болтал-то? Надо было сказать, что я хочу извиниться, хотя особо не за что, и предложить остаться друзьями. А я начал чушь какую-то пороть. Впрочем, слишком она высокомерная и вредная. Это сразу видно, не повезло её парню. Правда, хотелось бы остаться хотя бы друзьями. Тем более, есть уже девушка, которая мне нравится больше. Она даже оставила мне визитку. Сразу звонить всё же не стоит, а вот денька через два обязательно позвоню. И плевать на эту глупую жажду, справлюсь с ней как-нибудь. Но все же я такую чушь порол... так стыдно... Я прислонился спиной к стенке и медленно сполз по ней.

— Идиот...

Легче не стало.

— Дятел сибирский...

Только хуже.

Я ещё немного посидел и повыскакивался на тему «ну я и...», через полчаса решил, что достаточно восстановил своё внутреннее равновесие и отправился в комнату пить пиво. Остаток вечера я провёл перед телевизором, щёлкая по каналам и потягивая пиво с сухариками, которые, кстати, оказались просроченными (да, и такое бывает).

* * *

Часам к десяти мне всё наскучило и я, вырубив телевизор, начал собираться на ежевечерние посиделки в клуб.

Эти посиделки являлись неким мероприятием, которое сочетало в себе пьянку, работу, общение, плюс иногда ещё поэтические вечера. Началось всё это несколько лет назад, когда у Хаза была своя газета под названием «Мир как он ни есть». Глупейшая по содержанию газета, которая имела множество почитателей и вскоре переросла в целую сеть газет, книг и журналов на ту же тематику. А писались в них исключительно стихи и статьи с сомнительной информацией. Например: «Лох-замоскворецкое чудовище загрызло трёх человек» или «Появился двойник президента Америки женского пола» и другая подобная муть, но людям это нравится и по сей день. По вечерам редакция газеты собиралась в этом клубе для обсуждения новых статей, а позднее редакция прикупила этот бар и назвала гордым названием «Литерхом». Название звучало весьма глупо, но люди уже привыкли, и менять его никто не стал. В этот клуб меня привёл Чиж месяцев пять назад. Я ещё на первом курсе написал несколько книг и стал членом местного союза писателей, но в этот клуб меня привели намного позднее, потому что попасть в него было довольно сложно. Позже он же меня перевёл из писателей в художественные переводчики. Я был не против,

ибо времени эта работа занимала меньше, чем написание книг, а денег платили значительно больше. Давненько я в клубе не появлялся. Так что сегодня там будет весьма интересно. В предвкушении весёлого общения и философских бесед обо всём и ни о чём я умылся, вылил воду из наполнившегося за моё отсутствие ведра под раковиной, передел порванные брюки и отправился в «Литерхом».

Находилось сие заведение во дворах возле метро «Новогиреево». То, что оно располагалось во дворах, весьма способствовало тишине и спокойствию наших встреч. Все лишние элементы отсеивались по пути в клуб, теряясь в однообразных домах. Первое посещение клуба всегда было по приглашению, а приглашения получали только хорошие знакомые или известные в литературных кругах личности. Даже меня Чиж пригласил сюда только через два года знакомства.

Итак, я подошёл к неприметному входу в клуб, который выглядел довольно-таки простенько и незатейливо: обычная железная дверь без всяких вывесок, звонков и даже глазков. Подле входа, как обычно, толпился народ. В зале курить воспрещалось, и все выходили наружу, отсюда постоянное столпотворение. Из толпы тут же выделилось несколько человек.

— Какие люди! Руно! Где пропадал? Без тебя тут Хаз совсем от рук отбился, некому его приструнить.

— Да, тут Чиж тебя уже искал, он вниз пошёл.

— Привет всем, — сказал я, пожимая руки. — Я проездом из Сибири. Вы разве не слышали, что меня сослали в ссылку?

— И за что же? — усмехнулся тот, что первым меня узнал.

— За антиобщественное поведение и разбитие носов в неположенном месте.

А вот и Хаз.

Хаз, он же Константин Валерьевич Головян, весьма своеобразная, я бы даже сказал, колоритная фигура. Весом под сотню кило, в совокупности с ростом метр восемьдесят пять и густой чёрной бородой он смотрится весьма угрожающе. Вы спросите, как же я тогда ему нос сломал? Может, это враньё? Нет, это не враньё, просто кое-какие детали люди, по своему обычному свойству забывать то, что им не интересно, упустили. Такие, например, как моё бессознательное тело, уносимое Чижом в укромный угол клуба. Я не забыл сказать, что он бывший кмс по боксу? Так что после моего знаменательного удара я моментом ушёл на скамейку запасных после первого же тычка справа (он назвал это тычком, по мне, так это был удар, да ещё какой). При этом у нас с Хазом была хорошая дружба, которая только усилилась после того нашумевшего происшествия. Мы оба в тот вечер немало выпили и на следующий день вместе смеялись над собой и рассказами очевидцев. Однако, веселья ради, мы на публике поддерживали видимость вражды.

— Здравствуй-здравствуй, друг прекрасный, — пропел я. — Как твоя паршивая жизнь?

— Да всё так же. Ты где шлялся? Мне как раз нужен переводчик... с японского.

— Шла бы ты, Пенелопа... — проворчал я.

— Ладно, иди-ка ты вниз пока, а я тебя потом выловлю, у меня дела тут кое-какие.

Как обычно, ходит по клубу и пугает бедных новичков. Сам помню, как он подходил ко мне в моё первое посещение и спрашивал своим громким басом: «Вы кто? Кто вас сюда привёл? Покажите пропуск». Кто есть кто, он знал прекрасно, да и пропусков никаких сроду не было, но надо же попугать новичков. Зачем? А просто так, ради интереса.

— Чао, — помахал я ему ручкой и отправился к входной двери, периодически пожимая руки и здороваясь.

Толкнув массивную дверь, я пропустил парочку незнакомых девушек и зашёл в прихожую. Тут стоял всё тот же пожилой охранник Вася. Вася тут стоял у прежних хозяев и достался клубу по наследству. Замечательный, бодрый старичок с весёлой улыбкой на усатой физиономии.

— Вечер добрый, сэр.

— С каких это пор ты стал называть меня сэром, Васёк? — удивился я.

— А, это ты. Ну, проходи, коль пришёл, — ухмыльнулся старичок.

— Вот по твоей врождённой приветливости я скучал всё это время, — радостно сообщил я ему и, помахав рукой очередной знакомой парочке, отправился вниз.

Внизу помещались более тихие залы. Там обычно проходили поэтические вечера и посиделки поэтов-писателей, которые любили спокойно обсудить свои или не свои произведения за чашечкой кофе или бокалом вина.

Клуб был выполнен в итальянском стиле и изобилует соответственными текстурами на стенах и соответственным меню. Все столы, естественно, были исключительно круглыми. Сам я не видел, но говорят, что именно за такими столами итальянцы особенно любят есть свои спагетти.

Освещение было довольно скудным, но мне-то это не помеха, и я сразу заметил Чижа. Он сидел в гордом одиночестве за столиком в углу и что-то читал. Меня он, естественно, не заметил из-за мрака, царящего вокруг.

Я тихонько подкрался к нему сзади и, крикнув в ухо «Аллах Акбар!», схватил его за шею и начал трясти, старательно изображая Отелло.

— Хва-а-а-тит меня-а-а трясти-и-и... маньяк ты, понял? Я теперь всем расскажу, что ты маньяк и извращенец.

— А извращенец-то почему? — удивился я, садясь за стол напротив него.

— А вот так. Как же иначе? Маньяк и не извращенец? Так не бывает, — авторитетно заявил Чиж.

— Ну, тогда ладно, — смиловился я.

— С Хазом виделся?

— Ага. — Я отыскал глазами официанта и крикнул: — Можно мне чипсов, что ли, — за его счёт.

Я нагло ткнул Чижа в его неизменный коричневый пиджак.

— Ну и как он тебя встретил?

— Плохо, недостаточно учтив. Он даже не бросился мне в ножки с просьбой позволить ему облобызать мои священные белые и пушистые тапочки.

— Хм... Когда будешь ему сегодня ломать нос, меня позови.

— Ну да, чтобы ты меня опять уносил с поля боя непобеждённым, но побитым? — саркастически спросил я.

— Вот ещё. Я просто с удовольствием попинаю немного твоё бездыханное тело, — мечтательно прищурился Чиж.

— Тогда не позову. Чтобы всякие неизвестно кто пинали мой бездыханный труп. И вообще, ты чего такой кровожадный сегодня?

— А ты чего сегодня на мою шею сел? — в свою очередь поддел Чиж. — Денег нема?

— Нема, — вздохнул я. — Срочно нужна работа.

— Спроси у Хаза, может, он чего подкинет.

— За тем и пришёл. А ты чего такой отвратительно радостный? — заметил я.

— Ты не поверишь, я сегодня встретил ту самую.

— Кого-кого? — не понял я.

— Девушку моей мечты. Она такая... такая...

— Красивая, — подсказал я.

— Да, а ещё такая...

— Умная, — ещё раз подсказал я.

— Точно, ты её что, знаешь? — подозрительно спросил влюблённый.

— Ну да, я всех красивых девушек нашего района знаю. Ведь она из нашего района? — сказал я, жуя чипсы, только что принесённые официантом.

— Не знаю. Она обещала сегодня сюда подойти. Она, оказывается, тут уже бывала.

— О! Так она писательница? — почему-то обрадовался я.

— Не знаю, — покачал головой Чиж.

Я покосился на него с нескрываемым сочувствием.

— Ты и имя забыл спросить?

— Нет, не забыл... О! Вот она идёт! Здравствуй, милая.

Из-за моей спины послышался мелодичный голос:

— Здравствуй, Эдик. Ты не очень долго ждал?

Эдик... хм-м... знакомое имя. Это она про Чижа, что ли? А я за несколько лет знакомства так и не запомнил его настоящего имени. М-да. Такое спорить мог только я, кстати, голос-то весьма знакомый. Или мне кажется?

— Да что ты, мне тут Руно компанию составил. Знакомся — это Руно. А это...
— Светлана, — упавшим голосом сказал я, повернувшись на столь знакомый мне голос.

Глава 5

— Здравствуй, Виктор, — спокойно приветствовала она меня.
М-да, Москва — это большая деревня, кого только не встретишь. Чей-то как-то тут неуютно стало... и душно.
— Так вы знакомы? — удивился Эдик, видимо вспомнив мои слова о том, что я знаю всех красивых девушек в городе.
— Ну да... как бы, — ответил я, глядя на пролетающие мимо меня клубы дыма, которые переливались в причудливые формы.
Вот коня напоминает, вот со...
— Так что ж ты молчал?! Не мог меня познакомить с такой девушкой? Эгоист! — от души веселился Чиж.
— Да я это... некогда мне.
— Он занят очень в последнее время, — вставила Лана, — то дверь в квартире меняет, то в морги с экскурсиями ходит.
— Кстати, так что там насчёт слухов о твоей смерти? — спохватился Чиж. — Только не говори, что они слегка преувеличены.
Чёрт. Он что, мысли читает?
— Ну так что? — продолжил приставать Чиж.
Под выжидательными взглядами Ланы и Чижа мне стало как-то неуютно. Нужно на что-то их отвлечь. Неожиданно послышались крики наверху. Вот моё спасение!
— Что это там за крики? — поспешнее, чем следовало, воскликнул я. — Пойдёмте, посмотрим.
И пока никто не успел вставить ни одного слова, направился наверх. Лане и Чижу ничего не оставалось, кроме как отправиться за мной следом.
По пути нам пришлось расталкивать спешащих туда же поэтов. Видимо, им тоже захотелось зрелищ. И вправду, на моём веку тут только один раз была такая буча, и это было как раз тогда, когда Хаз получил в нос, а я в самый опасный момент тихо и мирно потерял сознание.
Наверху творилось чёрте что. Весь народ столпился в кучу. Пока мы пробирались через толпу, я успел услышать и крики «бей его», и задумчивые споры на тему «особенности ямба», и даже почему-то всплывшее моё имя. Видимо, опять Хаз развлекается. Вообще-то он доброй души человек, но уж очень быстро заводится и иногда не может совладать с нравом, впитанным ещё с хуками и апперкотами, которые он получал в советской сборной по боксу с раннего детства.
Едва пробившись через толпу, мы увидели Хаза. Он с кем-то горячо спорил на какую-то, судя по всему, спортивную тему. Тему разговора можно было угадать легко, он что-то усиленно объяснял кому-то небольшого роста (даже по сравнению со мной, а уж про Хаза я вообще молчу), дополняя свои речи красивыми и быстрыми движениями профессионального спортсмена: хуками, апперкотами и другими рукомашествами. Народ наслаждался зрелищем и ждал продолжения. Мы втроём пробрались поближе и тоже принялись наблюдать за дальнейшим развитием событий.
— ...Ты не понимаешь, один удар профессионального боксёра — и любой твой худенький мастер ушу не встанет.
— Прости, но кто сказал, что этот удар достигнет цели? — спокойно произнёс тщедушный человек. Он стоял ко мне спиной и, к сожалению, я не видел его лица.
Интересно, он что, самоубийца?
— Прости, а кто сказал, что удар будет один? Их будет много, и уж один-то достигнет цели,
— горячо утверждал Хаз.
— Хм... Между прочим, есть ещё ноги, которыми боксёры не пользуются. Достаточно одной подсечки — и всё, мясная туша, именуемая боксёром, сидит, пардон, на заднице.

Произнося это, он всё-таки повернулся ко мне лицом. Лицо у него было восточное, но с русскими чертами. От него прямо-таки веяло спокойствием и уверенностью. На долю секунды я даже поверил, что достаточно одной подсечки, чтобы уронить тушу, именуемую боксёром. Правда, всего на секунду.

— Это такая худенькая балерина-то, — Хаз скептически смерил взглядом собеседника, — уронит профессионального боксёра? А здоровья хватит?

— А при чём тут здоровье? Тут важно не здоровье, а умение. Если учесть, что искусство боя в Китае развивалось веками и охватило все техники ведения боя: от борьбы до владения холодным оружием, то ваш бокс по сути своей отделившаяся часть более сложной системы. Хаз уже начал закипать.

— Не смейся меня, видел я ваше кунг-фу, балет это в чистой форме!

Я на минуту отвлёкся от спора, потому что услышал из разговора соседей, что они знают этого щедедушного, так спокойно спорящего с всё больше распаляющимся Хазом.

— Простите, а кто это? — Я некультурно ткнул пальцем в сторону незнакомца.

— Ну да, — ответил один из людей, стоявших в первых рядах чуть левее нас. — Это местный учитель кунг-фу, Чин, кажется. Он недавно открыл в нашем районе школу. Да, кстати, совсем недалеко отсюда, всего в нескольких кварталах.

— Понятно, а тут он что забыл? Кто же его мог пригласить-то? Он что, поэт или писатель?

— Да нет вроде бы. Понятия не имею, кто его сюда пригласил.

От меня тут же отвернулись, потому что действия на «сцене» стали более активными.

Видимо, спорщики пришли-таки к какому-то решению. И этим решением было разрешить спор показательным выступлением. Они разошлись, слегка раздвигая толпу для увеличения зоны «ринга». Хаз снял пиджак и кинул кому-то из своих рабочих клуба. Китайцу же было некому вручить свой пиджак, он вопросительно посмотрел на ближайшего человека из толпы, и я кивнул ему в ответ. Чин мягким движением кинул мне свой пиджак и спокойно встал напротив огромного по сравнению с ним (да и не только с ним) Хаза. Я же стоял в первом ряду, держал пиджак китайца и удивлялся его спокойствию. Я-то тогда пьяный в стельку был, когда полез на Хаза, да и то дрожь была в коленках, а этот-то помельче меня будет. По толпе прошла волна удивления, слышалось: «самоубийца» и «жить надоело». Лана и Чиж стояли полностью поглощённые действием. Пока они не видели, я слегка сместился влево, так что вновь оказался за спиной у китайца вне видимости этой парочки. Жаль, что у меня не было камеры, я бы посмотрел всё в замедленном темпе, потому что без этого что-либо понять было совершенно невозможно. Вот они стоят друг напротив друга: Хаз прыгает с ноги на ногу в типичной боксёрской стойке, а Чин спокойно стоит напротив и держит перед собой руки в самой обычной стойке. А в следующий момент Хаз бросается вперёд и тут же оказывается на земле. Недолго думая, он вскакивает и тут же опять натирает мозоль на пятой точке.

Желание увидеть действие получше так меня захватило, что я не заметил, как люди вокруг стали двигаться на порядок медленнее, как при прокрутке плёнки на видеомagneтофоне в замедленном режиме. И наконец-то я увидел всё действие: Хаз бросается вперёд и делает два резких боковых удара, от первого Чин уходит вбок, второй ловит рукой и, сделав элегантную подсечку, при этом дёрнув за пойманную руку, отправляет Хаза на землю. Но тут кто-то меня толкнул, и всё тут же вновь вернулось к обычной скорости. Хаз же с Чином продолжали свои танцы, только теперь я опять не мог увидеть ни одного конкретного движения. Только нападение и падение. А уж когда до меня начало доходить то, что происходило секунды назад, мне стало и вовсе не до слежения за действием. Я, конечно, подозревал, что я тормоз... но чтобы других тормозить... Может, всё же показалось? Но что-то мне подсказывает, что не показалось...

Мои размышления прервала наша родная милиция. Опасливо выглянув из-за угла и убедившись, что ничего особенно серьёзного тут не происходит, они грозно пошли к эпицентру беспокойства, то есть к красному от злости Хазу и оставшемуся невозмутимым учителю кунг-фу.

— Что здесь происходит? — грозно спросил лейтенант, врываясь в так называемый ринг. Он тут же наткнулся взглядом на красное и злое лицо Хаза. Такое, скажу вам честно, выдержит не каждый, да ещё и без предварительной подготовки.

Лейтенант судорожно сглотнул и сделал шаг назад. Тут из толпы материализовался второй лейтенант, и вдвоём они всё же справились с оцепенением и ещё раз задали тот же вопрос, хоть уже и не так уверенно.

— Так что же тут происходит?

— Всё в порядке, — отреагировала толпа, так бесцеремонно лишённая развлечения.

— Как мне кажется, тут имеет место драка, — нарочито громко сказал своему напарнику тот, что повыше. — Придётся отвести обоих в отделение, они ещё и выпили наверняка немало.

— Лейтенант. Как не стыдно? — качая головой, произнёс Хаз.

Он уже принял свой обычный вид: надел пиджак и успокоился.

— Константин Валерьевич, а я вас и не узнал, — смешался длинный. — Вы были сами на себя не похожи.

Скажи проще: с такой красной физиономией я вас не узнал, нет ведь, всё надо извратить.

— Так как? Инцидент исчерпан? — решил всё же удостовериться Константин Валерьевич.

— Ну конечно. Извините, что побеспокоили, — быстро ответили оба серых брата и поспешили скрыться.

— Вот и ладушки, — потирая руки и опять развеселившись проговорил Хаз. —

Продолжать, я думаю, не будем, а то мои старые кости этого не вынесут.

Китаец, который во время разговора спокойно стоял в сторонке, согласно кивнул и подошёл ко мне забрать пиджак.

— Ну вы даёте, — проговорил я.

Народ начал потихоньку стекаться внутрь, и я, уже давно потеряв из виду Лану и Чижа (слава богу), стоял один и ждал, пока Чин оденется.

— Да что вы, это всё мелочи. На самом деле ушу — это более путь духа, чем тела.

— Кхе... Ну всё равно вы его хорошо покидали. Кстати, позвольте представиться, Виктор, — как обычно запоздало представился я.

— Чин Кхо. А вы кто, поэт или писатель?

— Я и то и другое, — улыбнулся я. — А вы сказали ушу. Я-то думал, что вы кунг-фу изучаете.

Чин Кхо улыбнулся.

— Не вы первый, не вы последний. У меня часто это спрашивают. На китайском кунг-фу означает мастерство. Грубо говоря, даже повар может сказать, что он изучает кунг-фу. Так что в данном случае подразумевается боевое мастерство.

— А, понял. Извините, что я такой необразованный. Чюй чшифань ба пхэнъеу, — блеснул я своим знанием китайского.

— О, так вы знаете китайский? — удивился Чин Кхо.

— Хе дяр. Просто я однажды переводил текст с китайского, пришлось немного подучить.

— А вас случаем не Руно кличут? — неожиданно спросил китаец.

— Оно самое.

Неужели меня тут каждый знает? Опять, что ли, из-за Хаза? Так я-то только нос разбил, а сам он его валял тут спокойно.

— Я должен попросить у вас прощения. Ту статью должен был переводить я. Просто я в то время уехал в Китай и не смог.

Да уж. Вот те на. И обидеться даже не получается.

— Да ладно, чего уж там. Было очень познавательно. Хотя, если подумать, вы можете во искупление своей вины научить меня Хаза валять. Я бы с огромной радостью раз в неделю проводил пару часиков за этим приятным занятием.

— Заходите ко мне в школу, и всё устроим. Только учтите, что это не так просто и понадобится много времени, — сказал он, протягивая свою визитку. — А уж если вы захотите стать мастером...

— Лет десять? — с подозрением спросил будущий адепт боевых искусств, запихивая визитку в карман брюк.

— Почти. Лет сто плюс-минус год.

Я прикинул свои планы на ближайшие сто лет и понял, что можно и попробовать. Вот умора будет. Я — и вдруг занимаюсь спортом.

Тут к нам подошёл Хаз:

— Что вы тут встали? Народ уже внизу стихи читает. О! Собрались изверги: один нос мне сломал, второй по земле валяет. Вы тут решили секту создать? Будете каждую пятницу меня пинать, да?

Он изобразил жуткий испуг, что не очень-то смотрелось на его широком лице вкупе с сотней-другой кило мускулов.

— Ага. Готовься к следующей пятнице, — зловеще проревел я.

— Ну вас, злые вы, — обиделся Хаз. — Ладно, Чин, нам пора, у нас ещё сегодня встреча с издателями. Так что прости Руно, но мы тебя оставим.

— А я-то думал, что вы незнакомы были до сегодняшнего вечера, — удивился я.

— Ну да, как же. А кто, думаешь, его сюда пригласил? — подмигнул мне Хаз.

— Ты?!

— Какой догадливый ребёнок. На конфетку.

И он действительно достал из кармана конфетку. Да я и не против: я её тут же оприходовал. Дома-то особенно есть нечего.

— А вы так злились, спорили, подрались ещё, всё же было по-настоящему. Зачем?!

— Видишь ли. У нас с Чином уже давно такой спор. Я бы это даже спором не назвал, просто на каждом нашем спарринге он меня валяет. Скажу по секрету, я даже к нему в школу хожу, но пока даже схватить его не могу.

Я в шоке. От Хаза я такого не ожидал. Он — и ходит в школу ушу?!

— Хотя Чин и против рекламы, я его всё же уговорил устроить показательное валяние меня. Чтобы привлечь людей к этому благородному искусству.

— Ну одного человека вы уже заинтересовали, — задумчиво протянул я.

— Вот и замечательно, — радостно потёр руки Хаз. — Увидимся на ринге.

Ой, мамочки.

— А... ну я пошёл, — пробормотал я и, пожав обоим руки, поспешил внутрь, решив как следует всё обдумать. — До свидания. Тзайдянь.

Внутри вовсю шли споры, все давно уже забыли о стычке, имевшей место всего с десятков минут назад. Я спустился на этаж ниже и как раз застал выходящих из клуба Лану и Чижа.

— Уже уходите?

— Да, надо. Скучно тут с вами, — Чиж лукаво покосился на Лану. — Да и даму надо бы до дома проводить.

— Не устал ещё дам провожать каждый вечер? — поддел я его.

Да, такой вот я злой и вредный. Обидно, да. Чиж ничуть не возмутился.

— Ну кто же виноват, что все люди как люди, а я такой красивый?

— Это риторический вопрос? — осведомился я.

— Молчи, неверный, сын неверного, и вообще, ты нас задерживаешь, — Чиж ещё раз покосился на молчавшую Лану. — Пойдём?

— Пойдём, пойдём, — ответила она. — Пока, Виктор.

— Тзайдянь, — автоматически ответил я.

Чиж и Лана посмотрели на меня как на больного, синхронно пожали плечами и ушли.

Видимо, к Лане домой. Ну и фиг с ними, у меня есть визитка Лиды. Вот соберусь с духом и позвоню. Должен признать, что они вдвоём хорошо смотрятся.

Я проводил поднимающуюся по лестнице парочку взглядом, пока они не скрылись из виду. Потом достал визитку, посмотрел на неё, вздохнул и, убрав в карман рубашки, чтобы не потерять, пошёл к одной из шумных компаний.

— Какие люди!

— Руно!

— Где пропал?

Вокруг меня появилось множество радостных лиц, знакомых и не очень. Вот уж никогда бы не подумал, что успел завести столько знакомств. И уж тем более не догадывался, что по мне кто-то мог и соскучиться. Во всяком случае, моему появлению были весьма рады, а это уже огромное достижение для такого нелюдимого буки, как я.

— Да вот, ушёл в загул, понимаешь, — отвечал я, стараясь не показывать, насколько я польщён.

— Наверняка ушёл не в загул, а в запой! — предположил кто-то.

— Скорее встретил любовь всей своей жизни! — раздался незнакомый мне женский голос.

Такое конечно же могло прийти в голову только женщине.

Я не нашёл что ответить, но этого и не требовалось. Все догадки, в основном довольно глупые, быстро иссякли, и наступило время тостов. Тосты были самые разные, но и их изобилие было не бесконечным. Вскоре все люди «от искусства» перешли на стандартные «Будем» и «Хлопнули». Обычно я предпочитал безалкогольные напитки, но последние события давали о себе знать, и даже я, знатный трезвенник, ухватился за стаканчик мартини. Не отказываться же, тем более если предлагают выпить на халяву.

— Вы не слышали новостей? Тут недавно случай очень интересный произошёл, — обратился ко мне рыжий толстяк довольно потрёпанного вида, явно считавший меня своим знакомым. Хотя я был уверен, что вижу его впервые.

— И что же за случай? — с деланной заинтересованностью спросил я, морально приготовившись к очередному описанию политической или социальной жизни нашего района, изобилующей совершенно ненужными подробностями и нелестными отзывами в адрес государства.

Толстяк призывно махнул рукой в сторону стойки бара, и я с ужасом понял, что подробностей будет много. Но отказываться было уже поздно, и я с видом мученика последовал за ним. Едва сев за стойку, толстяк начал свой слегка сбивчивый рассказ.

— Совсем недалеко отсюда пропал человек при довольно странных обстоятельствах, — толстяк нервно посмотрел по сторонам. — Это произошло совсем рядом, знаете Кусковский парк, там ещё усадьба такая миленькая.

— Что-то такое слышал, — растерянно ответил я. Я рассчитывал не на это. Вполне возможно, что толстяк может рассказать что-нибудь весьма полезное.

— Вы можете не верить, но я писатель.

Я поперхнулся недопитым мартини и едва сдержался, чтобы не расхохотаться. Уж чего-чего, а этого добра тут хватает.

— Постараюсь верить, — совладал с собой я.

— Так вот именно в этот день я гулял в парке со своей собакой. Представьте себе, я видел, как этот человек исчез!

— Что вы говорите.

Подумаешь, люди пропадают каждый день, что в этом особенного?

— Да, — толстяк глотнул из своей кружки пиво. — Я видел, как его... как он...

Мой собеседник явно нервничал и от этого сбивался.

— Я видел, как

это

утатило его в пруд, — толстяк замолк, давая мне проникнуться загадочностью момента.

Откровение на меня не снизошло, но интерес возрос.

—

Это

, это что? — спросил я, выдержав паузу и смутно догадываясь, что услышу очередную историю о лох-несском чудовище в его кусковском варианте.

Толстяк опять посмотрел по сторонам, будто опасаясь того, что его услышит это самое нечто. Напуганным он, впрочем, не выглядел.

— Оно было странного синего цвета, под цвет воды, и напоминало сказочного водяного из детских сказок.

Хм-м... про цвет воды это он загнул. Синяя вода. Это в Москве-то? И что это за чудовище такое — водяной? Я бы сказал, что он перечитал сказок, но звучит это как-то глупо.

Особенно применительно к этому толстяку, хоть он и одет довольно неряшливо, но, должно быть, достаточно уважаем в наших кругах. Собственно, иначе его бы здесь не было.

— И что, кроме вас никто этого не видел? — продолжил я расспросы.

— Может, и видел, но кто же в этом признается-то? В наше время все стремятся сохранить лицо, это одна из важнейших задач современного человека. Человек сделает всё, что

угодно, лишь бы не показаться смешным. Только человек, не отягощённый этим жалким самолюбием и стремлением всем понравиться, может говорить правду вне зависимости от того, как она звучит.

— И как же она звучит?

— Кто она? — переспросил толстяк.

— Ну, правда эта ваша.

Толстяк просветлел.

— А правда в том, что в нашем мире появились силы зла, которых в нём ещё недавно не было. Нет, чёрные маги там, демоны всякие, это дело привычное. Но чтобы такие твари появлялись, это впервые. Ведь старые демоны всегда боялись дневного света и появлялись только ночью, а эти и днём по городу ходят. Где это видано такое, а?

Я почесал затылок.

— И вправду нигде, — неожиданно у меня появился весьма своевременный вопрос. — А почему вы это рассказываете именно мне?

— Именно вам? Что вы имеете в виду? — толстяк очень естественно удивился.

— Ведь тут же куча народу, почему вы начали рассказывать свою историю именно мне?

— Я всем рассказывал. Вот только никто меня не слушает, — толстяк обиженно притих.

Тогда понятно, почему он так опасливо смотрел по сторонам. Он просто боялся насмешек. Я даже и не заметил, что за стойкой рядом со мной уже довольно долгое время сидит Хаз и старательно делает вид, что ждёт вовсе не меня, что он не слушает и что ему всё равно.

— Ой, Константин Валерьевич, здравствуйте. Я как раз собирался вам показать свою новую книгу из «демонической серии», — затараторил толстяк, заметив Хаза на долю секунды раньше меня.

— Замечательно, Игнат Львович, подходите ко мне в офис завтра с рукописью, там всё и обсудим.

Своим тоном Хаз дал понять, что аудиенция для Игната как-его-там была закончена.

Толстяк пожал мне руку, сунув визитку, пробормотал что-то насчёт продолжения рассказа следующим вечером и пошёл искать новую жертву.

На его место тут же сел Хаз.

— Ну что, уже услышал душеспитательную историю о чудище из ужасного Кусковского пруда? — насмешливо спросил он.

Мне почему-то стало обидно за толстяка, насколько я понял, он искренне в это верил.

— Слышал, и что? — с вызовом спросил я.

— Да нет, ничего. Он вообще-то нормальный мужик и писатель хороший. Это у него на той неделе заскок появился. Раньше за ним такого не водилось.

— А, может, он действительно что-то видел? — не слишком уверенно спросил я.

— Что-то он, конечно, видел, но, скорее, в своём воображении. Помешался на своих книгах и принял желаемое за действительное. Ведь он уже поди лет десять со своими демонами носится. Изучает всякие легенды, строит догадки, иногда, когда совсем с деньгами проблемы, пишет фантастические книги про своих любимцев. Увидел, как человек падает в воду, а воображение дорисовало всё недостающее — и чудище синее, и клыки, и крылья.

— Крылья? — переспросил я.

— Крылья, крылья. Большие такие, перепончатые.

— А я думал, что он из воды вылез.

— Так, ну-ка, хватит. Ты что, всерьёз его сказки принимаешь? Перепил уже, что ли? — в голосе Хаза проскользнули презрительные нотки. Он просто терпеть не мог пьяных людей. Сам он пил очень редко и мало, впрочем, ему хватало и этого. Его здоровый организм спортсмена улетал от одного бокала вина.

Если бы он только знал, что со мной происходило в последнее время, то сам бы напилсь вдрызг. Верю ли я этому толстяку? Ха! Да я сейчас и в драконов, живущих в горах Шотландии, поверю, и в Горца пресловутого со всеми его драками на мечах, да во что хочешь.

— Не пил я, — ответил я слегка раздражённо. — Никак этот стакан мартини добить не могу.

— Ну, раз не пил, пойдём тогда прогуляемся на улицу. Мне с тобой поговорить нужно. Есть работа.

Работа? Очень кстати. Именно об этом я и собирался поговорить, вот только Хазу об этом говорить я, пожалуй, не буду. Немного поломаюсь для приличия, тогда и соглашусь. Имидж, как-никак, следует поддерживать. А какой у меня имидж? Правильно, никакого. Просто так неприятно признаваться в том, что финансовое положение оставляет желать лучшего.

Мы вышли на улицу и слегка отделились от основной толпы. Хаз всегда предпочитал приватные беседы тет-а-тет, если разговор касался работы.

— Слушай, тут у меня довольно специфический заказ. — Хаз сразу перешёл к делу, не забыв, однако, предложить мне очередную конфету из своего нескончаемого запаса.

Я многозначительно молчал, ожидая продолжения.

Хаз почесал свой, что называется «чугунок», и продолжил:

— Я знаю, что ты не очень любишь «жориков», но, кроме тебя, мне это поручить просто некому.

«Жорики» — это любовное название аббревиатуры ЖР, что означает журналистское расследование. Как бы гордо ни звучало слово «расследование», ничего общего с попыткой выяснить что-то очень важное или скрытое здесь не было. Обычно всё происходило просто: вам дают задание, вы долго и совершенно бесполезно расспрашиваете людей, которым до вас нет никакого дела (я их в общем-то понимаю), затем получаете втык от редактора на тему «целый день прошёл, а вы так ничего и не на расследовали», и в результате, поскольку за день выяснить что-либо просто невозможно, вы даёте волю фантазии. По этому поводу даже имелось мнение об ином переводе слова «жорики», связанном с тем, что за ЖР берутся только журналисты с повышенными аппетитами. Денег, конечно, заработать на этом можно, но уважение коллег и авторитет могут пошатнуться.

— Я? Взяться за ЖР?! — Мне даже не пришлось притворяться. Как бы мне ни нужны были деньги, за это я браться не стану. Лучше голодная смерть.

Хаз передёрнул плечами, больше смахивающими на два огромных валуна.

— Я всё понимаю, но это не совсем обычное ЖР...

— Обычное, необычное, какая разница! — перебил я Хаза.

Хотя этого делать как раз не стоило. Хаза просто бесило, если кто-то перебивал его, а уж во время рабочих разговоров...

— Ты! — взревел он. — Сначала дослушай, а потом высказывай своё очень ценное мнение! Я втянул голову в плечи и благополучно заткнулся.

— Это не совсем обычное ЖР. Я бы даже сказал, что это ЖР без буквы Ж. Просто требуется найти необходимую информацию для одного человека.

Хаз замолчал, ожидая моей реакции.

Я, не решаясь говорить что-либо вслух, просто кивнул.

— Поскольку это дело тесно связано с темой твоей последней статьи, заказчик попросил меня, чтобы занялся расследованием именно ты.

— Я, безусловно, польщён, но ты же мне предлагаешь переквалифицироваться из писателя в Шерлоки Холмсы. Я что, похож на человека, который будет бегать по всему городу за ужасными бандитами, попутно спасая красивых и не очень девиц? Есть же профессиональные детективы, пусть он их и наймёт.

Хаз покачал головой.

— Профессионалы ему не помогут. Собственно, они за такое и не возьмутся.

— Значит, они не возьмутся, а я возьмусь? — ошетинился я.

— Значит, — сказал, как отрезал, Хаз. — Тем более, ты будешь не один. Тебе по статусу полагается Доктор Ватсон.

— И кто же это? — обречённо спросил я, понимая бесполезность моих жалких попыток отказать. Вообще у меня сложилось такое впечатление, будто Хаз знал о моих финансовых проблемах. Иначе бы он не стал так уверенно настаивать на своём.

— С этим милым толстячком ты уже познакомился, мне кажется, вы с ним неплохо ладили. Пусть так будет и дальше.

Просто бред какой-то.

— Он-то тут при чём? Какой с него толк?

— А какой с тебя толк? — усмехнулся Хаз. — Тут дело не в толке, а в знании предмета.

— Знании предмета? — переспросил я. Действительно, ведь он до сих пор не сказал мне, в чём заключается работа.

— Ты в последнее время занимался каталогизацией знаний о вампирах и оборотнях, наш горячо любимый Игнат Львович, сколько себя помнит, исследует демонов, так? — Хаз многозначительно поднял указательный палец толщиной с мой бицепс. — С чем чаще всего ассоциируются эти существа?

— С безвкусным кино, — уверенно ответил я.

— Нет, хотя и с этим тоже. Прежде всего в настоящее время вся эта живность ассоциируется с сектами.

Вот радость на мою голову. Сейчас он ещё предложит глубокое внедрение в структуру, а затем отправит в самую дурацкую из них. Сколько прекрасных минут мне это доставит, вот давеча побывал в одной секте, мне это понравилось просто до потери сознания.

Я неуверенно потоптался на месте, пытаюсь придумать хоть одно оправдание для отказа.

— Хаз, ты знаешь, у меня уже есть одна ра... — я взглянул на его лицо и понял, что он мне не верит ни на йоту. И правильно, в общем-то.

— Ну, хорошо, я возьмусь. Но какие сроки, а главное, какая оплата? И что с авансом?

Хаз потёр руки, поняв, что никаких отговорок больше не будет.

— Аванс я тебе дам в ближайшее время, — Хаз посмотрел на моё лицо, полное надежды. — Хорошо, хорошо. Аванс я тебе дам сейчас.

Он порылся во внутреннем кармане пиджака и (о чудо!) выдал мне аванс! Не очень большой, но для меня и это было настоящей манной небесной.

— Замечательно, — я был уже счастлив. — И где остальные подробности заказа?

— Подробности я, как обычно, пришлю тебе по почте. Что же касается затрат на материалы, необходимые для расследования, с этим обращайся к Доктору Ватсону, он будет пользоваться допуском к моей кредитке.

Я бросил на него недовольный взгляд.

— А почему не я?

— Ты? У меня не настолько много денег в банке, чтобы давать тебе кредитку. Ты же наверняка наймёшь толпу народу, лишь бы ничего не делать.

Тут он меня раскусил.

— Хорошо, — вынужденно согласился я. — А этот, как его там, толстяк, он уже знает, что будет работать со мной?

— Откуда? — удивился Хаз. — Он вообще ещё не знает, что будет работать. Ты же слышал, он придёт завтра ко мне в офис, там и узнает.

— А ты уверен, что он согласится?

— Ты же согласился, вот и он согласится.

Надо отдать ему должное, он как всегда продумал всё до мелочей. Не удивлюсь, если толстяк подошёл ко мне пообщаться с подачи Хаза, чтобы я успел с ним познакомиться до начала работы. Кстати о работе.

— Так что от меня требуется?

Хаз отмахнулся, скорчив недовольную мину.

— Всё, на сегодня хватит о работе. Пойдём лучше отдохнём.

Он быстро свернул разговор и уверенным шагом отправился обратно в клуб. Я последовал за ним, понимая, что темнит он неспроста, но сейчас добиться от него чего-либо я всё равно не смогу. Ничего он мне не скажет, пока сам не захочет.

В клубе народу уже стало поменьше. В основном остались только те, кто живёт поблизости и неженат, и те, кто собрался основательно квасить всю ночь. По большому счету, я отнесился к обоим случаям. Вот только квасить основательно я не собирался, так... чуть-чуть.

Глава 6

Я всё-таки напился. Но я не виноват! Мне всё подливали и подливали. Кто же знал, что виски такая крепкая штука? И вообще, куда я собственно иду-то?

Я посмотрел по сторонам и обнаружил, что забрёл в какой-то незнакомый район. Впрочем, в таком состоянии любой район покажется незнакомым. Вокруг ни души, видимо, глубокая ночь или совсем раннее утро. Что ж, совсем не плохо, я ещё стою на ногах, даже не только стою, а иду... ну или ползу. Какая, собственно, разница?

Чтобы прийти в себя, я решил ополоснуться. По счастью, именно в этот момент мне на глаза попался прудик. Ну и что, что грязный? Не до роскоши.

Я снял пиджак и сполз в воду. Сколько в ней провалялся, я не знаю, как умудрился не утонуть, тоже не знаю. По прошествии энного времени я начал приходить в себя.

Почувствовал холод, голод, тошноту, боль в голове, в общем, ощутил все радости русского народного праздника — похмелья. Ну а кому же сейчас легко? Хм... всем, кроме меня, наверное.

Едва поднявшись, я опять бухнулся в воду. Как же болит башка моя тупая. Ну кто просил столько пить? Всё, больше не пью.

Поднявшись-таки с третьей попытки, я подобрал пиджак, надел и побрёл в сторону... в сторону. Вскоре я узнал знакомый Кусковский парк. Мозг заработал. Медленно, но верно я вычислил, что лежал в Химике. Это пруд такой, возле одноимённого завода. Значит, я на верном пути домой. Вот только присяду на эту скамейку и немного отдохну...

— Ну здравствуй, тринадцатый.

— А?..

Это шутки подсознания? Ну, в смысле глюки, что ли?

— Я тебя тут давно уже жду.

Ага... «Ты кто? — Я? Белая горячка».

— И я вовсе не белая горячка.

— А мысли читать некрасиво, да и невозможно, кстати, наука доказала.

— А я и не читаю, у тебя всё на лице написано. Впрочем, если хочешь, то могу и мысли прочитать. Перстенёк-то поди не снял?

— Снимешь его, как же.

Хорошо. Сажу на лавочке, общаюсь с глюком.

— Ай-ай-ай. Ты до сих пор не веришь в мою реальность?

Не-а.

— Ну, как вам сказать...

— Не веришь. Ну, может, оно и к лучшему. И мне проще, и тебе умирать легче.

— Что, простите?

— Пришёл твой час. Пора тебе ответить за осквернение храма великого нашего повелителя, стоящего над тьмой и повелевающего ею. Ты был избран, но сам выбрал свою участь, отказавшись от великой чести быть избранным.

Э-э-э... Чего?

— Так... Не торопись. По слогам и с выражением.

— Что?!

— Это я хотел бы спросить, что?

— Умрёшь ты сейчас, короче. Голос уже начал беситься.

— А? Да пожалуйста, только я пока посплю, ладно? А вы тут уж без меня...

— Ты не понял, я же тебя сейчас убью...

— Ну и фиг с ним, закончишь убивать — разбудишь.

— ?..

— Идиот. Открой глаза!

А?.. Ой!

Я открыл глаза и узрел такую картину: сажу на лавочке, а напротив меня стоит туша, поперёк себя шире, да ещё и с крыльями. И как же это он летает-то?

— Ты кто?

— Я — твоя смерть!

— А по отчеству?

Видимо, отчество своё он говорить не захотел, иначе не стал бы так махать крыльями и тянуть ко мне лапы.

Я бодренько отскочил за скамейку, и на том месте, где я сидел, пролегло три полосы глубиной сантиметра в два. Коготки-то помельче, чем у того красного будут. Ничё, и не

таких обламывали, ну а если меня убьют, хоть голова перестанет болеть. Кого-то он мне напоминает, то ли я его в фильме видел?

Я залихватски схватил ближайшую палку (читай дрын) и с размаху врезал по морде чудища. Палка сломалась, и чудище чихнуло, да так, что я где стоял, там и сел. Сдуло меня с ног, я же в себя ещё всё-таки не пришёл. Пить-то не умею.

Он тут же обрадовался и бросился на меня с когтями. Я едва успел перехватить его лапы перед своим лицом, хотя нос мне этот гад всё-таки поцарапал.

Тут только до меня дошло, что угроза жизни весьма и весьма реальная. Меня определённо собираются убить. Причём какой-то синий (я бы даже сказал голубой), гадкий и вообще не гигиеничный товарищ, покрытый чешуёй. Ещё и на циклопа чем-то смахивает, глаз-то тоже присутствует на физиономии лишь в одном экземпляре. Кстати, глаз! Повторим же подвиг Одиссея!

С радостным воплем «За Итаку!» я остатком палки ткнул в глаз. Как ни странно, глаз не повредился. Глаз просто исчез, но вместе со всем чудищем.

Я ошалело лежал на земле и ни о чём не думал. В голове совершенно пусто и ни одной мысли. Через пару минут, или часов, ко мне частично вернулось чувство реальности. Я потряс головой и кое-как поднялся на ноги. Что ж ещё делать-то остаётся, как не идти спать?

* * *

Светало, по утреннему парку брёл человек. Грязный, мокрый, в порванном пиджаке, с расцарапанным носом и с полным отсутствием какой-либо мозговой деятельности на лице. Пробегающие мимо маньяки — утренние бегуны смеряли его безразличными взглядами и бежали дальше. «Как можно так пить?» — думали они. Вот они-то уже давно не пьют, они выбрали здоровый образ жизни, а те дураки, что так пьют, так им и надо. Старушки, бродящие по парку в поисках бутылок, оставшихся после вечерних пьянок, сочувственно косились на бедного бомжа. «А ведь так молод, и поди ж ты», — качали они головой. А «пьяница» брёл по парку и смотрел только перед собой. Да и не пьяница это был вовсе, а очень даже приличный человек. И пьёт он редко и то только по праздникам. И уж определённо он не бомж, потому что направляется напрямик в свою личную квартиру с протекающей трубой и разбитым компьютером. Правда, про компьютер он ещё не знает, но очень скоро узнает и жутко удивится. Ещё более он удивится, когда обнаружит, что забыл ключи. Причём обнаружит он это, уже находясь в квартире. А вот как он в неё попал, этот вопрос и задаст он себе... Собственно, этот человек — я.

И как же я вошёл-то?! Ключей-то нет! Они были во внутреннем кармане, а его мне нагло порезал... Так, вот про это мы на время забудем. Так как же я дверь-то открыл?! Ай-ай-ай, батенька, склероз в таком юном возрасте, и ведь уже не первый раз. Замочек-то совершенно новый, ни единой царапинки, значит, я не взломщик. Хоть что-то хорошее. И что это там дымится в комнате? Мать божья, да это же компьютер горит.

Я быстренько побежал в ванную, включил свет и схватил из-под раковины ведро. Затем так же быстренько сбегал и вылил всё содержимое ведра на компьютер. Компьютер поблагодарил меня финальными искрами, ему вторила розетка, в которую он был подключён, и свет во всей квартире погас.

Ага! Так вот как я попал в квартиру-то! Она же открыта была! Значица, теперь осталось понять, как кто-то открыл мою суперсовременную дверь, не повредив и не поцарапав её. Да, надо бы электрика вызвать. Где-то я читал, что энергообеспечение идёт в квартирах моего дома попарно. Значит, если у меня замкнуло электричество, то и ещё у кого-то на моём этаже замкнуло. Ой! Мама! Только бы не у Клавдии Степановны!

Я судорожно бросился к телефону.

Стоп! Сначала часы. Время у нас сейчас восемь утра, можно звонить. Дай боже, чтобы электрик приехал быстро и исправил всё до того, как проснётся Клава.

Я набрал номер ДЕЗа.

— Аллё! Здравствуйте, вас беспокоит жилец дома номер четыре по улице Молдагуловой. У меня тут короткое замыкание в квартире произошло. Можете электрика прислать побыстрее?

— А вы знаете, что у электрика план? Всем вам побыстрее надо. Ладно, какая квартира?

— Двадцать пятая. Спасибо.

Отлично, электрика вызвал, осталось его дожидаться. Главное, чтобы раньше времени не проснулась Клава.

Я поставил на плиту чайник и отправился в комнату посмотреть, что из останков компьютера ещё пригодно для дальнейшего, хотя, судя по всему, и нескорого, использования. Убито оказалось всё, кроме «кулера» и звуковой карты.

Не так уж и плохо, вот только вынуть их у меня не получилось, а когда я попытался выковырять ценные останки с помощью отвёртки... В общем, от системного блока ничего не осталось. И кому понадобилось взрывать мой компьютер? Нормальный человек забрал бы его себе и не мучился, а тут явный акт совершенно ненужного вандализма.

Я дотащил до мусорного ведра отдельные запчасти компьютера, а монитор и оплавленный системный блок снёс в мусоропровод. Вот, собственно, и всё. Осталось от моего компьютера только воспоминание, подкреплённое клавиатурой, мышкой и чёрными пятнами на стене и столе.

Засвистел чайник, и я пошёл на кухню пить чай. На кухне стоял обычный, полный и на удивление уютный бардак. Раковина была заполнена посудой, уже не просто грязной, а заплесневелой и покрытой чёрте чем. Обнаружив, что ни одной чистой чашки, стакана или любого другого сосуда для испития чая не осталось, я глубоко вздохнул и, сняв-таки грязную одежду, бросил её в стиральную машину. Сходя в комнату, я надел слегка порванные джинсы и пошёл мыть посуду.

Горячая вода полилась из крана неохотно и не сразу. Поначалу пришлось мыть посуду холодной, но вскоре из крана пошла тёплая, а потом и вовсе горячая вода. Чашки были уже давно помыты, но во мне проснулась любовь к чистоте, к тому же мытьё посуды успокаивало мои уже начинающие шалить нервы. Даже голова перестала болеть. Столько вопросов и ни одного ответа. Кто снёс мне дверь? Зачем нарисовали глаз в комнате? Что это за осколок красного перстня я нашёл в подъезде, и не связан ли он с убийством, произошедшим, пока я был в Киеве? Что за тип следил за мной в парке, а главное, куда он делся, оставив мне на память плащ и шляпу? А уж куда делось то, что напало на меня на обратном пути из клуба, я вообще не представляю. Правда, почему оно напало, я, кажется, понял — оно мстило за повелителя кого-то там, которого я нечаянно убил на той неделе. Про свои новые способности, которые во мне иногда (по настроению, наверно) проявляются, я и вовсе молчу. Хотя читать мысли, летать и замедлять время не так уж и плохо, в этом есть своя прелесть и свои преимущества. Интересно узнать, что думают о тебе твои знакомые. Да и пользу можно из этого извлечь...

Посуда уже давно была помыта, а я всё стоял перед раковиной и задумчиво смотрел на чистые чашки-тарелки, стоящие на полке дружными рядами. Я так и стоял бы до прихода электрика, если бы не послышались удары во входную дверь.

Удары были такими «тихими и нежными», что, если бы я не поспел вовремя, то, мне кажется, у моей новой бронированной двери были все шансы слететь с петель.

Я, как был в порванных джинсах и весь в мыле, добежал до двери. Перед тем как открывать, следовало глянуть в глазок. Это новое правило (вернее, очень хорошо забытое старое) я вывел ещё тогда, когда, открывши, увидел за ней трёх амбалов. За дверью стоял и улыбался во все свои... сколько-то там зубов Чиж. Что это он тут забыл в такую рань? Время-то всего девять часов.

Я заскрежетал замком и отворил дверь.

— Хай, май френд! — радостно завопил Чиж, бросаясь было ко мне обниматься, но, увидев, какой я чистый, быстро одумался. — Ты что это такой чистый и почему звонок не пашет? Я тут стучу уже полчаса, небось всех соседей перебудил.

Не дай бог.

— Да я тут уборку затеял слегка, а электричество — так это короткое замыкание.

Море удивления, написанное на лице Чижа, оплатило все побитые мной чашки и тарелки, которых было немало, ибо руки меня ещё не совсем слушались.

— Ты? Проснулся раньше часа дня, да ещё и затеял уборку?! Ты не заболел? — неожиданно участливым тоном спросил он.

— Да нет, и ты не прав, я не ложился. На самом деле я час назад из клуба приполз.

— Ты хотел сказать «пришёл», — поправил меня Чиж.

— Да нет, именно приполз, — вздохнул я. — Я слегка перебрал.

Таким удивлённым я его ещё никогда не видел.

— Ты?! Выпил?! Да ещё и перепил?!

Не то что перепил, а я бы сказал — упился до состояния бревна.

— Да, у кого-то там было день рождения, пришлось слегка выпить за здоровье и всё такое.

— Алкаш, — уверенно заявил Чиж, — ты так и будешь держать меня на лестничной клетке?

— Не пускать же тебя в квартиру, — пропустил я Чижа.

— Та-ак. Кстати, а что это физиономия у тебя в крапинку?

— А?

— Ага. Кто поцарапал, спрашиваю?

— А, так пока через парк полз, поцарапался.

— Ну-ну, — скептически проговорил Чиж. Чиж прошёл-таки мимо меня и сразу же прошествовал по коридору на кухню.

— И вправду, посуду помыл, а я думал, шутишь.

Окинув взглядом кухню, он тут же развернулся и пошёл в комнату.

— Это что, следы ядерной войны в миниатюре? — спросил Чиж, увидев чёрные пятна, являющиеся единственным, что напоминало теперь о компьютере.

— Это следы короткого замыкания, — объяснил я.

— А не тут ли у тебя стоял такой миленький новенький компьютер?

— Ну да... стоял...

— Изверг! Не умеешь ты с техникой обращаться! Лучше бы мне отдал.

— У тебя и так три штуки дома стоит. Куда тебе ещё?

Чиж заядлый компьютерщик. Все новинки рынка появляются у него едва ли не раньше, чем на самом рынке. Откуда он на это берёт деньги, для меня загадка.

— А я бы тогда смог вчетвером в Квейк играть. Тёмный ты человек.

Геймер нашёлся. Знаю я его, он бы, небось, на всех четырёх машинах полигоны для испытания вирусов устроил.

Тут взгляд Чижа упал на глаз, внимательно смотрящий со стены.

— Слушай, а что это за произведение искусства такое? Вот проснёшься, увидишь такое — и сердечный приступ гарантирован.

— А мне нравится. Разве тебе Лана про него не рассказывала?

Мне показалось, или он смутился?

— Ну, нам было слегка не до этого...

Тут опять послышался стук в дверь, уже деликатный.

Чиж встrepенулcя.

— Это за мной. Пока. Я побежал, увидимся вечером в клубе.

Он полетел к двери, я за ним.

— Привет, Лана.

— Привет Виктор, прости, что этот чудик тебя так рано разбудил. Я его пыталась отговорить, но это невозможно, если он что-то вбил в голову, то ничем этого не выбьешь.

— Так он не спал! Он только что вернулся из «Литерхома». Он там нагло водку пьянствовал, и без меня! — тут же влез Чиж.

— Да не пил я водки! Так... виски немного...

Бутылки две.

— ...стакана два.

— После двух стаканов ты бы не пошёл мыть посуду. Тут даже бутылкой не обошлось.

Ладно, Лана, прощайся с Руном, мы побежали, у нас дела.

— До вечера, Виктор.

— Чао.

Я захлопнул дверь.

Кстати, им хорошо вместе, я рад. А сам уж как-нибудь перебьюсь. Да и мало ли красивых девушек у нас в городе? Забудем об этом. Тем более чай я так и не попил, так что самое время наверстать упущенное.

Чайник пришлось ставить заново. Вскипятив и попив-таки чаю, я совершенно успокоился. Есть мне совершенно не хотелось, даже несмотря на то, что последний раз я ел вчера

вечером в клубе. Тут я вспомнил про плеер. Хорошо, что я недавно батарейки новые купил. Схватив со стола плеер, я сел в своё любимое кресло и надел наушники.

Удачно получилось — я тут же наткнулся на новости. В новостях говорили о пропаже известного политического деятеля, причём при весьма странных обстоятельствах: вышел на обеденный перерыв погулять в парке и исчез. Его сотрудники видели, как он пошёл в парк, но в парке его не видела ни одна живая душа. Фээсбэшники взломали квартиру, а там пусто. Также сообщали, что в тот же день ушёл и не вернулся некий Владислав Корочкин. Обычный служащий самого обычного банка вышел на перерыв, да так и не вернулся. Что меня заинтересовало в этих, случаях, так это то, что всё произошло вблизи Кусковского парка. Уж не про одного ли из них мне рассказывал вчера вечером толстяк? Нужно будет у него спросить при встрече.

Больше ничего интересного по радио не передавали, и под завывания очередной попсовой группы я задремал...

* * *

Проснулся я сам. Что в последнее время со мной бывало редко. Я открыл глаза и сразу же уставился на настенные часы, судя по ним, уже наступил вечер. Часы показывали точнёхонько восемь часов. Ещё, не до конца осознав, сколько я проспал, я потянулся к выключателю. Скорее по привычке, нежели по необходимости, ведь видел я и без света. Свет, естественно, не работал.

— Чёрт...

А ведь электрик так и не пришёл, я бы от стука в дверь наверняка проснулся. Да и Клава что-то не пришла. Может быть, электричество отрубило только у меня, или ей и без света хорошо? Хорошо, что сейчас лето и темнеет поздно, впрочем, я и так отлично вижу. Плеер конечно же валялся на полу. Ну и фиг с ним, давно пора новый купить... и компьютер заодно, вот только банк ограблю и сразу всё куплю.

Поднявшись-таки с кресла, я пошёл умываться.

Сие занятие определённо возвращает к жизни. А есть-то как хочется... За последние дни я кроме чипсов в баре даже и не ел толком. Зайдя в ванную, вспомнил, что ведро-то я на место под раковиной не поставил, и теперь всё пространство ванной было залито водой. Опять!

Бедные соседи! Я их уже целый год заливаю, а сантехник никак не заходит. Уже раз десять вызывал. Кстати, последний раз всего неделю назад, как раз когда труба потекла. Кинувшись в кухню за тряпкой, я поставил чайник и прихватил с собой ведро. Не прошло и получаса, как всё было насухо вытерто. Чайник уже давно вскипел, и мне оставалось только умыться. Зеркало меня ничем сегодня не порадовало. Моё отражение появилось в нём всего один раз и всего секунд на пять, но мне этого хватило, чтобы понять, что выгляжу я паршиво. Если учесть, что от царапин остались только шрамы, а неестественная бледность проявилась ещё острее, то весь мой вид теперь иллюстрировал пословицу «краше в гроб кладут». Особенно мне не понравился тоненький шрам, горизонтально проходящий через нос и правую щеку. Он выглядел каким-то красноватым и на фоне белого лица совершенно не смотрелся.

В холодильнике хоть шаром покати, в чём нет ничего удивительного. Кто же кроме меня его заполнит? Эх, жениться тебе надо, барин...

У меня вроде бы был аванс. Ах да, это было ещё вчера, но сегодня его уже нет. Пить надо меньше.

Выпив чай на голодный желудок, я заглянул в гардероб. Не густо, и одёжки пора прикупить, правда, мне тут плащик со шляпой подкинули, но что-то не хочется в них ходить. Как же быть с деньгами-то? Хаз, когда давал мне аванс, наверняка не думал, что я его пропью в тот же вечер. Я и сам этого не ожидал, если честно. Нужно сегодня с ним поговорить. Я ведь даже не могу получить информацию о работе, ведь Интернета, как и компьютера, у меня больше нет. Мог бы зайти в Интернет-клуб и получить почту, но денег-то ни копейки. И как я умудрился столько потратить? Нет, вторая бутылка была определённо лишней.

Тут раздался очередной стук в дверь.

Переполненный плохими предчувствиями, я пошёл открывать. То ли это Клава, которая приехала и увидела, что электричества у неё нет, то ли соседи снизу, которых я залил. А может, электрик, да нет, они в такое время уже не ходят, наверное. Заглянув в глазок, я обомлел. Вот этого я не ожидал, у двери стояла милиция, а конкретнее — капитан Лысько собственной персоной. Неужели Клавдия или затопленные соседи перешли к активным мерам? Я открыл дверь.

— Здравствуйте, Виктор Михайлович, — проговорил он.

— Здравствуйте...

Как бишь его по имени-отчеству-то? А фиг его знает.

— Как ни странно, я опять к вам с теми же вопросами. Вы заметили что-нибудь странное сегодня?

Ага, соседи сегодня особенно тихие.

— Да нет, я только что проснулся, я поздно из клуба вернулся...

— Я бы сказал рано, — усмехнулся капитан.

И это знает. Может, знает и с кем я пил?

— Кстати, передавайте привет Константину Валерьевичу, мы с ним бывшие одноклассники.

Однако ж.

— Ладно. А что случилось? — подозрительно спросил я.

— Да как вам сказать... соседку вашу обокрали.

— Как?! Какую?!

Неужели?! Нет... быть того не может...

— Да из квартиры напротив, — сказал капитан.

Фуф. А я уж было подумал...

— А-а... Кто? Я хочу сказать, зачем? — удивлённо спросил я. — У неё же брать-то нечего. Милиционер согласно кивнул.

— Да кто ж теперь молодёжь поймёт, может, просто так, интереса ради обокрали, ведь даже не взяли ничего, кроме каких-то старых бумаг, ещё от её мужа.

— Мужа? Это сколько ж этим бумагам лет-то? Когда я сюда въехал, она уже одна жила. Кому такое понадобилось? — удивился я.

— Понятия не имею. Ну ладно, простите, что я опять вас побеспокоил. Я тогда пойду дальше опрашивать жильцов, кстати, тут на вас жалоба поступила, что вы соседей внизу топите.

Всё-таки поступила.

— Я уже который день жду водопроводчика. Да ещё теперь и электрика.

— То-то я гляжу — звонок не работает. Ну, до свидания, — капитан повернулся и пошёл к соседям.

Я же захлопнул дверь и пошёл на кухню.

На кухне я налил ещё чаю и сел за стол. Интересно всё-таки, что же в этих украденных бумагах такого, что могло заинтересовать воров? И, главное, как они узнали про эти бумаги? От кого? Я бы спросил у Клавдии Степановны, но боюсь, что она мне не ответит... Всё! Хватит! Надо идти в клуб и там попытаться разобраться с некоторыми проблемами. Например, с финансовыми. Серьёзно, если Хаз не даст мне денег хотя бы в долг, тогда я не смогу выполнить его работу, потому что раньше с голоду умру.

Приняв душ и одевшись в относительно чистую одежду, я собрался в «Литерхом».

Прихватив на всякий случай ещё и шляпу, взялся было за ручку двери, как вспомнил, что ключи-то я потерял, а, значит, выйти не могу. Хорошо, что Лана, когда уходила, кинула в коридоре свою нелегальную копию ключей. Они поблёскивали в полумраке рядом с ботинками. Осталось только забрать из кармана порванной рубашки визитку Лиды, а то ведь забуду потом, да так и постираю.

Я полез в стиральную машинку и достал рубашку. Далее я честно попытался засунуть руку в карман, но его просто-напросто не оказалось на месте! Видимо, мне его оторвало голубое чудище.

Вот же тварь!

Я бросил рубашку и выскочил на лестничную клетку. Захлопнув дверь, я бросился вниз по лестнице, едва не сбив с ног молодого лейтенанта, который в прошлый раз заходил вместе с капитаном Лысько.

— Извините, — кинул я на ходу.

Может, ещё не поздно?! Может, визитка ещё там валяется?! Ну, пожалуйста, господи! Ну что тебе стоит?

Расстояние до той самой скамейки я преодолел за рекордное время. Скамейка стояла в том же виде, в каком я её и оставил. Всё осталось по-прежнему, даже дыры там же валялись. Я подбежал и, тяжело дыша, бросился искать в траве визитку. Хорошо ещё, что я в темноте вижу, а то уже совсем темнеть начало. Я тут же нашёл свои ключи, они лежали под лавкой, но вот визитки нигде не было.

Вот за что, а? Только красивую девушку встретишь, как она уходит к другому или теряется по иным, не зависящим от вас обстоятельствам. А я уже размечтался, блин.

Я огорчённо побрёл вдоль аллеи в сторону клуба. Путь мой проходил через весь парк, так что времени для жалости к себе было достаточно.

В который раз я обломался. Бывает, конечно, но слишком уж часто. Может, хоть в клубе расслаблюсь, вот только веселиться совершенно не хочется. Одно успокаивает, хуже уже быть не может.

Глава 7

Может. Однозначно, может быть и хуже. Клуб-то закрыт.

Я стоял у закрытой двери и размышлял над тем, куда мне податься. Домой идти не хотелось, там сейчас милиция разбирается и наводит справки, а кроме дома идти-то и некуда. Придётся отправляться куда глаза глядят. Погуляю я по вечерней Москве. Давненько я этого не делал. Уж не помню, когда последний раз в кино-то был... хотя, кто ж меня в кино без денег пустит?

— Ты что тут стоишь с такой задумчивой физиономией? Людей распугаешь. Ой! Уже распугал, клуб даже закрыли, — вместо приветствия выпалил Чиж, выпрыгнув из-за угла клуба, что выходил прямо на его дом.

Я и забыл, что Чиж живёт рядом. Неужели углядел меня в окно?

— Сижу я на кухне, смотрю себе вечерние новости и вдруг вижу, что ты стоишь тут с таким видом, будто у тебя зуб болит, — объяснил Чиж. — Ты чего такой мутный? Обидел кто?

Задав вопрос, он вытащил сигарету и закурил.

Курил он исключительно «Парламент» и одевался, несмотря на профессию художника, довольно богато. Пиджаки исключительно фирменные, ботинки только из натуральной кожи и прочее. Сейчас он был одет в новенький, с иголки, белый костюм в полосочку и чем-то неуловимо напоминал ээка. Такое сходство не могло не улучшить мне настроения. — Ага. Милиция меня обидела: в доме шастает, всё вынюхивает, — со смешком ответил я. Чиж вопросительно поднял бровь.

— Да соседку обокрали. Бумаги какие-то ценные спёрли, вот и выспрашивает теперь милиция, что да как.

— А ты, значит, главный подозреваемый? — не то утвердительно, не то вопросительно сказал он.

— Конечно. Кто же ещё, если не я? Я же местный авторитет.

— Вот! Я всем говорил, что ты бандит, а мне не верили. Теперь-то уж поверят! — подняв указательный палец, возопил он.

Так, он меня с мысли сбивает.

— Ты извини, но я тут собрался в кино пойти... кажется, — неуверенно начал я.

Чиж удивлённо посмотрел на меня, потрогал мой лоб, а потом ещё и ущипнул себя.

— Так, вроде не заболел, и я не сплю, значит, ты и вправду собрался в кино. С чего это вдруг? И почему именно в кино? Что-то с тобой в последнее время не то творится: то посуду моешь, то в кино... ой не к добру это.

— Да не обязательно в кино, я просто решил оттянуться немного. Имею я право иногда оттянуться или нет?

— Без меня нет, — уверенно ответил Чиж. — Куда ты такой пойдёшь? Ты ж нигде не был никогда и ни одного места нормального не знаешь. Ну, ничего, я тебе такие места покажу, закачаешься!

Ой, не нравится мне этот его энтузиазм.

— А может, не надо? — обречённо спросил я.

— Надо, Федя, надо.

Чиж ухватил меня за плечо и потянул в сторону метро. Глаза его горели в предчувствии веселья.

Вот только мне, боюсь, будет, как всегда, не до смеха. Последний раз, когда мы с ним вместе ходили на дискотеку, там случилась драка. Всё бы ничего, но затеял её Чиж, и не без моей помощи. Он подкатился к каким-то девушкам, и я, естественно, от него не отставал. Оказалось, что дамы пришли не одни, и их друзьям совершенно не понравилось, что два каких-то лоха «клеют» их девчонок. Тут уж сыграла роль наглость Чижа, а мне пришлось помогать ему, отстаивать свою точку зрения на тему «Кто это здесь лох?» Причём так получилось, что досталось только мне, а Чиж умудрился отделаться лёгким испугом. Потом он всех уверял, что затеял всё я, и вкупе с историей моей стычки с Хазом это укрепляло мою очень своеобразную репутацию в клубе. И теперь Чиж опять тащил меня на очередную тусовку. Чем это мне выльется, я не могу себе даже представить.

По пути к метро мне почудилось, будто я увидел в толпе того типа в сером, что стоял вчера у моего подъезда, но тот опять исчез раньше, чем я успел что-либо надумать.

Неожиданно Чиж остановился.

— Слушай, я сейчас Лане позвоню, — сказал он, доставая сотовый самой последней модели.

— Вот я давно хотел спросить: ты откуда деньги берёшь на все эти свои чудеса техники? — спросил я.

— А я и не трачу денег. Это всё братец мой, он меня постоянно снабжает всякой мелочью, — небрежно сказал Чиж, набирая номер.

Ага, если учесть, что брата у него, насколько я знаю, никогда не было, то всё понятно.

— Аллё. Лана? Слушай, мы тут собрались на дискотеку, давай подходи в «Свалку». Ага, там же, где и вчера. Ну всё, пока, целую, — он убрал телефон и глянул на меня. — Эх, оторвёмся мы сегодня. Главное, не зевай, отхвати себе девушку. Знаю я, какой ты придиричивый, ты не высматривай красавиц писанных, бери что есть.

Ага, придиричивый. Не придиричивый, а скромный. Но должна же быть у меня какая-то отговорка.

— Смотря что есть, — неопределённо высказался я.

* * *

Перед входом в метро Чиж купил себе пива и заставил сделать то же самое и меня. Отказ в виде отсутствия денег он не принял, и спустя минуту я уже шёл с бутылкой в руках.

Воспоминания о вчерашней вечеринке в клубе до сих пор отдавались головной болью, а уж когда я сделал глоток пива, мой желудок выразил активный протест. На желудок пришлось наплевать и всё ж таки пить это чёртово пиво, а то Чиж подумает, что я вконец спятил. Не пить пиво на халяву — это уже и вовсе странно.

Ехать в метро с Чижом — это то ещё удовольствие. Каждая мало-мальски симпатичная девушка достаивалась таких реплик, что я, стоя рядом с ним, краснел и делал вид, что не знаю этого придурка.

— Ты смотри, какая фифа... а вот эта как тебе? Не, толстовата, пожалуй... а вот эта прямо конфетка... девушка, а вы замужем? Да? Не повезло кому-то...

Я уж не знал, куда деться. Слава богу, вскоре ему наскучило, и он начал рассказывать мне какие-то пошловатые анекдоты. Так мы и доехали до станции «Профсоюзная» и вышли из метро. На выходе меня опять заставили купить пива.

По всей видимости, он решил меня спойть. Ну уж нет, с меня хватит, я больше не пью, подумал я, допивая вторую бутылку пива.

«Свалка» выглядела довольно-таки невзрачно. Где-то местами клуб действительно соответствовал своему названию. Перед входом нас обыскали и пустили внутрь. Можно

подумать, что таким обыском можно найти бомбу или пистолет, наивные люди. Я бы, конечно, не хотел, чтобы тут проводили обыски в более строгой форме, но всё же. Вот, например, тот человек в чёрном плаще (летом?) запросто мог бы спрятать за голень пистолет или нож, металлоискатель у охранников почему-то не опускался ниже колена обыскиваемого.

Войдя в клуб, я понял, почему его так называли. Тут и какая-то арматура, как мне показалось, забытая рабочими после ремонта, и машины побитые и всякие запчасти, взятые действительно со свалки. А вообще-то очень даже неплохо, тем более что для всех, кроме меня, тут царил приятный полумрак.

Мы прошли на самое открытое и самое видное место (выбирал, естественно, Чиж) и сели, заняв целый стол и пяток стульев, как сказал Чиж — «на всякий случай». На танцполе гремяла какая-то тяжёлая музыка, а там, где сидели мы, играла тихая и успокаивающая мелодия, которую, к сожалению, не очень-то и слышно было из-за звуков, доносящихся всё с того же танцпола.

Подошла миловидная официантка, и мы заказали себе пива (я не хотел!). Чиж тут же куда-то скрылся, крикнув, что пошёл разведать обстановку.

В гордом одиночестве я сидел и потягивал пиво. В такой идиллии и прошёл бы весь вечер, но со мной же был Чиж.

Не прошло и нескольких минут, как он вернулся с радостным известием — он нашёл своих друзей. Друзья пришли вместе с ним и оказались парочкой девиц лёгкого поведения. У меня появилось странное подозрение, что он с ними только что познакомился, но я смолчал.

— Здравствуйте. Вы Виктор, да? Нам о вас много рассказывали, — произнесла одна из них, подсаживаясь ко мне.

В это время вторая под села с другой стороны, а Чиж, пробормотав, что пойдёт встречать Лану, покинул поле боя. Я остался наедине с двумя блондинками. Нет, я, конечно, не против, но две — это слишком, как мне кажется.

— И как вас зовут, милые дамы? — с вымученной улыбкой спросил я.

— Катя. Даша, — представились они.

Вообще-то они очень даже ничего.

— Ну, я Виктор, как вы, наверно, уже знаете. Неужели такие очаровательные девушки пришли сюда одни?

— Нет, не одни, — тут же ответила Катя, — мы с компанией.

— А каким же образом Чиж умудрился вас выкрасть из вашей компании? — удивился я. — Неужели они вас так просто отдали?

Девушки рассмеялись.

— Конечно нет, но Чиж сказал им, что хочет представить нас чемпиону Москвы по боксу, и они не нашли что возразить, — объяснила Даша.

Вернётся — убью.

— Шутник, блин. Никакой я не чемпион по боксу, — признался я.

Девушки переглянулись и посмотрели на меня странными взглядами.

— И по карате не чемпион? — спросила Катя.

— Нет, и по карате не чемпион, я вообще не чемпион, — улыбнулся я.

Девушки ещё раз переглянулись и виновато посмотрели на меня.

— Ну тогда у тебя проблемы, вон идут парни из нашей компании. Они в общем-то ребята неплохие, вот только любят драки в клубах устраивать, дай им только повод, — сказала одна из них.

Мне стало неудобно.

— Я-то повода, кажись, не давал.

— Как не давал? Они же решили, что ты нас цапанул, — рассмеялась Даша.

— Что, обеих? — как-то глупо удивился я.

— Обеих, обеих, — улыбнулась Катя, а потом уже серьёзно продолжила: — Мы бы сюда не пошли, но Чиж сказал, что ты чемпион по боксу, и мы решили, что давно пора проучить наших парней, чтобы они больше не устраивали драк в клубах. А теперь... в общем, мы тебя предупредили... Привет мальчики, знакомьтесь — это Виктор.

Я повернулся и обомлел. За моей спиной стояли три здоровенных парня. Каждый с меня ростом, но шире раза в два. Тогда понятно, почему они потасовки в клубах устраивают, был бы я таким здоровым, сам бы всех пинал направо и налево.

— Ну, здрасти, здрасти, — нехорошо усмехнулся один из них, — значит, девушек уводим? Видимо, придётся тебя наказать за это, чтобы другим неповадно было.

— Да мы просто мило болтаем, ничего такого, — быстро сказал я. — Можете смело их забирать.

— Ты стрелки-то не метай. ПозднЯк. Может, выйдем? — сказал всё тот же парень.

— Лёша, пойдём на танцпол, потанцуем, — решила всё же попробовать спасти мою шкуру Даша.

— Девочки, хорошая мысль, идите потанцуйте, а мы тут поговорим, — ответил тот, который говорил за всех троих.

Девочки виновато посмотрели на меня, но всё же пошли на танцпол.

— Ну что ж, по всей видимости, ты никуда не пойдёшь. Тогда придётся разобраться прямо здесь, — произнёс Лёша.

Народ почуял что-то нехорошее и начал расходиться от стола, за которым я сидел. Моя позиция показалась мне тактически невыгодной, и, поскольку драки уже было не избежать, я поднялся из-за стола. Что-то похожее уже случилось в мой прошлый поход в клуб.

Вернётся Чиж, обязательно скажу ему «спасибо», если буду в сознании.

— Ребята, отойдите, я сам с ним разберусь, — сказал всё тот же Лёша, — пусть всё будет по-честному.

Ага, по-честному. Вот только весит он раза в два больше меня, и весь его вес — это не жир, а молодые и сильные мышцы.

Два бугая, как молчали, так и отошли в стороны молча.

— Может, всё же не стоит? — спросил я.

На самом деле я заговаривал зубы, а в это время пытался вспомнить своё состояние, когда смотрел на драку Хаза с Чином. Тогда я смог увидеть всё в замедленном темпе, вот сейчас мне бы это весьма пригодилось. Если бы я знал какую-нибудь молитву, то даже помолился бы об этом. А ещё лучше было бы попробовать прочесть его мысли и воздействовать на него, чтобы он плюнул на неблагодарное дело пинания меня и пошёл домой.

Но мой собеседник решил не тратить время на беседы. Он как следует размахнулся и ударил меня по лицу. Поскольку я был отвлечён тем, что пытался сосредоточиться на замедлении времени, для меня это было полной неожиданностью.

Я сделал шаг назад и удивлённо уставился на обидчика. Тот, в свою очередь, удивлённо уставился на меня. По его мнению, я уже давно должен был валяться без сознания.

Наверняка таких хлипких, как я, он укладывал одной левой и с одного удара.

Но удивлялся он недолго и, не прошло и нескольких секунд, вновь ринулся на меня. Вокруг уже собралась толпа, и в ней я разглядел сочувственно смотрящих на меня Дашу и Катю. Тут я начал злиться. Да кто он такой, чтобы ни с того ни с сего наезжать на меня?! Если уж я смог убить ходячую статую, то уж этого-то я как-нибудь смогу успокоить.

Я ещё ругался на себя, на него, на Чижа и на девушек, как вдруг заметил, что время замедлилось! На меня медленно шёл здоровяк, делая примерно шаг в минуту. Боясь упустить момент, я тут же бросился вперёд и ударил его в район солнечного сплетения. Не потому, что специально целился, а просто потому, что боялся промахнуться и бил в середину здоровой фигуры. Видимо, я попал весьма удачно, потому что бугай неожиданно резко согнулся и повалился на пол.

Скорость восприятия опять стала обычной, и наступила тишина. Было слышно только моё дыхание (кроме меня его вообще-то вряд ли кто-то слышал) и музыка, доносящаяся с танцпола.

В полной тишине от толпы отделились два друга поверженного и молча кинулись на меня. Я едва отскочил на пару метров, но всё же успел получить в ухо. Время опять замедлилось. Неужели мне каждый раз придётся получать по чайнику, чтобы время замедлялось? Как-то это несколько не перспективно, успел подумать я, пока покрывал расстояние до ближайшего бугая. И опять оба свалились от моих ударов в течение настолько короткого времени, что тишина даже не успела рассеяться.

Я вернулся за свой стол и, отыскав взглядом официантку, сказал ей:

— Пива, пожалуйста, кружку, а то что-то в горле пересохло.

Тут народ вновь загомонил и начал расходиться. Кое-кто из девушек странно косился в мою сторону, а Даша и Катя бросились поднимать «своих». Что характерно, никакой охраны так и не появилось. Вот вернётся Чиж, я ему голову-то откручу, размышлял я, вытирая платком кровь с разбитого носа и попивая судорожными глотками пиво. Неожиданно я почувствовал, что кто-то сзади трогает меня за плечо. Это была Даша, она шепнула мне на ухо, что я молодец и сунула в карман бумажку с номером телефона «если захочешь повеселиться», и тут же исчезла. Я так и сидел, попивая пиво и приходя в себя, до тех пор, пока ко мне не обратились:

— Здравствуйте, Виктор, вы меня не помните? — раздалось из-за спины.

И чего это в последнее время всё стремятся подойти ко мне именно со спины? Сердечный приступ, что ли, хотят мне устроить?

Я обернулся и обомлел. За моей спиной стояла прекрасная девушка, которая не так давно подвозила меня на машине.

— Это вы! — обрадовался я. — А я... я вашу визитку потерял, думал, что больше вас не увижу.

Лида улыбнулась.

— Вот видите, как хорошо, что вы меня здесь встретили. Однако хватит на вы, может, перейдём на ты? — спросила она, садясь на соседний стул.

— С удовольствием, — расплылся я в улыбке и тут же поморщился.

— Болит? — обеспокоено спросила она.

— Немного, — мужественно ответил я. — И как я мог в драку ввязаться? Ты видела, как они меня?

— Они тебя? Это как ты их. За пару секунд всех отрубил. Ты, наверное, уже давно занимаешься каким-нибудь единоборством? — зашебетала Лида.

Как же она очаровательна в этой короткой синей юбочке и серенькой кофточке, так идущей к её глазам.

— Я? Что ты, у меня терпения не хватило бы, — признался я.

— А как же ты тогда их побил?

— Сам не знаю...

Тут послышался какой-то шум в коридоре и из него вывалился запыхавшийся Чиж, держащий за руку Лану.

— Где он?! — закричал Чиж и начал рыскать взглядом по клубу.

Я вспомнил, что это только для меня тут светло как днём, а другим-то не видно ничего. Возникла мимолётная мысль спрятаться под стол. Никуда я конечно же не спрятался, а лишь зло сказал:

— Тут я.

Чиж рванул Лану за руку и полез, распахивая людей, в мою сторону.

— Оставил его на пару минут, и он уже в драку ввязался! — вскричал он, садясь за стол. Я едва не потерял дар речи.

— Ты... да ты... Это ты мне подпихнул каких-то девиц, наплёл им, что я чемпион по боксу или по чему там и смылся, — выговорил я наконец.

— Да ладно, не оправдывайся. Любишь ты подраться, это все знают. А где девушки? Ой. Я же тебя вроде бы с двумя оставил, а тут одна, да ещё и совершенно другая. Быстро же ты. Я уже не знал куда деваться. Лана тихо смеялась, делая вид, что её замучил кашель.

— Лана, я его сейчас убью. Можно, а? Я быстро, он даже мучиться не будет, — сказал я ей вместо приветствия.

— Не стоит, мне ещё за него замуж выходить, — подумав, ответила Лана.

Вот тут уже замолчал Чиж. На моей памяти это был первый раз, когда ему действительно нечего сказать девушке.

— Давно пора, — обрадовался я. — Познакомьтесь, это Лида, моя будущая жена.

Тут уже замолчала и Лана, а Лида удивлённо уставилась на меня. Так бы мы и сидели в тишине, если бы Лида всё-таки не сказала:

— Очень приятно познакомиться. Вот только я за него не выйду, пока он не перестанет драться по любому поводу.

Тут уже пришёл в себя Чиж:

— А он ещё и пьёт. Вы знаете, что позавчера он так напился, что до дома добирался ползком, а ещё у него жуткий характер и атрофированное чувство юмора... Он бы так говорил весь вечер, но тут я увидел возле бара того типа в сером, что сшивался около моего подъезда, и вообще, за последние несколько дней попадался мне на глаза довольно часто. Ошибиться я не мог, потому что видел его уже не в первый раз. Он стоял спиной к нам и читал меню. Адреналин ещё гулял в моей крови, и на этот раз я не стал долго размышлять, а, вскочив, бросился к стойке бара.

Распихивая людей, я подбежал к нему и схватил за плечо. Он было повернулся и начал вставать, но, увидев меня, тут же ойкнул и... исчез. Я так и остался удивлённо стоять у стойки, глядя на пустое место, где только что сидел человек. Никто не обратил ни малейшего внимания на сей странный факт, потому что всем было не до этого, и я с удивлённым донельзя лицом вернулся к столику. Слишком много впечатлений на сегодняшний день и на эту неделю. Да и год, если честно, выдался не очень удачный.

— Ты чего? Совсем больной? — озабоченно спросил Чиж, когда я сел на своё место.

— Простите, просто показалось, что знакомого одного увидел, — извинился я.

Лана и Лида продолжали смотреть на меня странными взглядами.

— Ну вот что, нам срочно нужно пойти привести себя в порядок, — сказала Лана и, ухватив Лиду за руку, удалилась.

— Вот это да. Нам тут Лида рассказала, как ты с ними разделался. Она так шутит? Я их видел, они же здоровее Хаза, — тут же пододвинулся ко мне с расспросами Чиж.

Ну что тут сказать? Что я время умею замедлять?

— Сам не знаю, просто они меня обидели...

— Запомню, что тебя лучше не обижать. Нет, ты серьёзно? — не унимался он.

— Совершенно серьёзно, — ответил я.

Мы ещё немного помолчали, каждый думая о своём, но тут вернулись девушки и размышлениям пришёл конец.

— Мальчишки, пойдём потанцуем, — хором сказали они, и мы пошли на танцпол.

Должен признать, что они удачно выбрали время для танцев. Как раз играла медленная музыка. Трясти задом под долбёж, называемый некоторыми людьми музыкой, меня не заставила бы даже Лида.

Вообще-то я не очень люблю танцевать, но девушке не откажешь. Поэтому я аккуратно приобнял Лиду за талию, и мы начали танцевать.

Никогда не думал, что танцы могут быть столь приятны.

— Если я тебе оттопчу ноги, то ты сама виновата, — шепнул я ей на ушко.

— Не оттопчешь, — ответила она. — И вообще, нашёл, что шептать девушке, тем более той, на которой собрался жениться.

Тут я не нашёл что ответить, а она продолжила:

— Мне Лана рассказала, что ты ещё и писатель. И стихи пишешь, кажется...

— Иногда... но это такой бред, что тебе лучше не читать, чтобы не повредить свою детскую психику, — пошутил я.

— А мне напишешь? — спросила она, приблизившись губами почти вплотную к моим.

— Ну... если хочешь... — выдавил я. Мой взгляд плавно опустился на её шейку, и я сам не заметил, как меня опять охватила сильнейшая жажда. Рот наполнился слюной, и мне до смерти захотелось впиться зубами в яремную вену, которая слегка просвечивала сквозь белую и нежную кожу. Естественно, не до моей смерти, а до смерти девушки... Да что же это такое-то?! Я же так и броситься на неё могу! Нужно взять себя в руки. Ну-ка, хватит на неё смотреть, как на кусок ветчины, извращенец чёртов! Если жажда не уйдёт, то я не знаю, что будет...

Но жажда удивительным образом пропала, едва я посмотрел ей в глаза. Они были прекрасны.

— Но, наверное, просто так ты стихи не пишешь, нужно какое-то вознаграждение, — прошептала она.

Я попытался было придумать какую-нибудь отговорку позаковыристей, но мысли не шли... и тут она меня поцеловала... Прошло несколько минут... или лет... а то и вовсе вечность, и она отстранилась.

— Это тебе в качестве аванса, — прошептала она и пошла к столу, за которым уже сидели Лана и Чиж.

— Хорошо потанцевали, — сказал я, так и не придя в себя.

Чиж насмешливо покосился на меня и сделал вид, что рассматривает противоположную стену клуба. Мы сели на свои места...

Я уже не знал, что говорить и как себя вести, но меня «спас» человек, направившийся к нашему столу. Никто, кроме меня, на него внимания не обращал. Я же его заметил сразу, как только он попал в поле моего зрения. Он перехватил мой взгляд и посмотрел прямо в глаза, даже не в глаза, а в самую душу. Мне показалось, что он смотрел прямо в самую мою суть (наверняка белую и пушистую). Что-то в его взгляде меня напугало, но я так и не успел понять что, и ещё мне показалось, что я его где-то уже видел. Он подошёл к нашему столу и обратился прямо ко мне:

— Виктор, мне нужно с вами поговорить, наедине.

Признаюсь — я испугался. Что-то в его тоне дало понять, что ничего хорошего мне этот разговор не сулит.

— Зачем? Что такого вы мне можете сказать интересного? — осведомился я.

Мужчина неожиданно злорадно ухмыльнулся.

— А я и не буду ничего говорить, я просто тебя убью, — сообщил он мне, — если не хочешь, чтобы пострадали твои друзья, то пойдёшь со мной.

Что меня действительно испугало, так это его спокойствие и уверенность. Он ничуть не сомневался в своих словах.

— И что же, вы так просто убьёте меня на глазах у всей публики? — с трудом справился я с собой.

Неожиданно мне показалось, что мою руку с перстнем начало жечь, и я одёрнул её и спрятал под стол.

— А что публика? Публика ничего не значит, — ответил он.

Я удивлённо на него посмотрел, но остался сидеть на месте. Тогда он сказал:

— Придётся их тоже убить, ну я уже устал болтать, я давал тебе шанс.

Он повернулся и пошёл к стойке бара. Только сейчас я заметил, что даже музыка стихла на время нашего разговора, а мои друзья замерли и сидели, как минуту назад. По всей видимости, как это ни странно звучит, он как-то остановил время. Остановил время! Только я так подумал, как вновь заиграла музыка, и мои собеседники вновь задвигались, как и все в зале.

— Вы знаете, мне кажется, что этот вечер мы запомним надолго, — неожиданно сказала Лида, а Лана согласно кивнула.

Мне было не до них, я следил за человеком, с которым только что разговаривал, — он сидел у стойки бара и наблюдал за мной. Я наконец вспомнил, где видел его лицо. Это был Колдун, тот самый, которого я видел в секте, только без бороды, поэтому я его не сразу узнал, пока не услышал его голос.

— Виктор!

— А? — Мне кажется, я слегка отвлёкся. Лида укоризненно смотрела на меня.

— Ты что молчишь?

— Да я это... мечтаю и всё такое, — не думая ответил я.

— Потом помечтаешь, — пихнул меня Чиж, — а сейчас надо развлекаться!

Тут произошло сразу несколько вещей: неожиданно человек, за которым я следил, кивнул кому-то в толпе, и раздались выстрелы; течение времени для меня моментально замедлилось, и я увидел пули, летящие в нашу сторону. Я сразу же опрокинул железный стол и, толкнув вниз Лану с Чижом, прикрыв Лиду. Время вновь вернулось к обычному течению, и пули застучали по крышке стола.

— Что это? — вскричали разом три голоса. Быстро же они очнулись.

— Вы только не удивляйтесь, но это хотят убить меня. Сидите тут, а я их уведу отсюда, — с этими словами я вскочил и перебежал за ближайший угол.

Тут же за мной прозвучала очередь, и я почувствовал укол в бедро. По ноге потекла струйка крови.

По всему клубу слышались крики людей.

— Всем на пол, если не хотите быть убитыми на месте, — слышался знакомый голос того самого человека, что недавно подходил ко мне и вёл светскую беседу.

Не прошло и минуты, как все лежали на полу и слышались лишь отдельные всхлипы и женский плач.

— Выходи, Виктор! — раздался этот, теперь уже кажущийся мне жутко мерзким, голос. — Если ты не выйдешь через минуту, я начну убивать каждую секунду по одному человеку. Тут слышалась ещё одна очередь. По кому это он стреляет? Неожиданно ко мне за угол кувырком влетела Лида.

— Не вздумай выходить, — проговорила она. — Они тебя тут же убьют, а людей всё равно скоро спасут.

— А ты откуда знаешь? — удивился я.

Неожиданно у меня появились какие-то подозрения.

— Ты вообще кто?

Лида посмотрела на меня и, опустив глаза, сказала:

— Я работаю в одном из отделов ФСБ, мне приказано следить, чтобы с тобой ничего не случилось.

Тогда понятно, почему подвозила и почему она мне здесь встретилась... и почему она меня целовала...

Видимо, ход моих мыслей отразился на моём лице, потому что она тут же сказала:

— Но ты мне нравишься... правда...

Неожиданно раздался голос, который я уже стал откровенно ненавидеть:

— Минута прошла, я начинаю.

Я посмотрел в глаза Лиде и крикнул:

— Не надо, я выхожу! — а потом тихо добавил: — Прости...

Трогательно так... и гордо... если бы губы не дрожали.

Потом поднялся и, перед тем как выйти, снова повернулся к Лиде:

— Если меня убьют, — считайте меня коммунистом, а если нет... то с меня стихи.

* * *

— Вот и правильно. Я знал, что ты дурак, — удовлетворённо сказал Колдун, который, кстати, так и сидел всё это время у стойки бара, никуда от неё не отходя.

— Зачем вам меня убивать? — спросил я.

— А ты так и не понял, тринадцатый? Ты убил земное тело нашего бога. Ему понадобится не один месяц, чтобы восстановиться. Ты убил одного из тринадцати, так что ты заслужил смерть.

Пока он разглагольствовал, я оглядывался по сторонам, пытаясь увидеть, кто же стрелял из автомата. Никого с автоматом я не увидел. В помещении были только люди, лежащие на полу, и я с Колдуном, сидящим у стойки.

— А с чего ты решил, что справишься со мной? — нагло спросил я его, хотя душа у меня была не на месте.

— Во-первых, не тебе со мной тягаться, а во-вторых, я не один. Ребята, покажитесь нашему другу, — злорадно произнёс он.

Тут передо мной появился тот самый человек в сером. Просто так, из ниоткуда, взял и появился. Из-за стойки вылез толстяк, которого я тут же окрестил барменом, хотя, скорее, он был родственником того чудища, что недавно встретилось мне в парке. Но самое жуткое было то, что из-за стола, за которым прятались Лана и Чиж, вышел ещё один мужчина и, держа их на мушке, подвёл к бару. Не доходя до стойки, он оглушил обоих ударами приклада.

— Ну что, Рембо? Какие ещё будут вопросы? — осведомился Колдун.

— А похороны за ваш счёт или за мой? — спросил я, прикидывая расстояние до человека с автоматом.

— За наш, за наш, — успокоил меня собеседник.

— Вот и хорошо, а то, наверное, дорого четыре могилы-то рыть, да ещё и памятники ставить, а впрочем, обойдётесь без памятников, — быстро проговорил я и прыгнул на человека с автоматом.

В этот раз время почему-то не замедлилось, и я напоролся на пули. Мне обожгло грудь, и я упал на пол. Сознание начало мутиться, а перстень на пальце неожиданно начал жечь ещё сильнее, и эта боль не давала мне провалиться в забытие.

— Ну вот и всё, — слышался столь ненавистный мне голос.

«Ещё не всё», — подумал я, собираясь с силами.

— Убейте этих двоих и уходим...

Я приоткрыл один глаз и глянул вокруг. Серый отвернулся и что-то говорил бармену, Колдун так и сидел за стойкой.

— Сними с него перстень, — проговорил он, по всей видимости, автоматчику, потому что он смотрел куда-то в сторону.

Я тут же почувствовал, как с меня пытаются снять перстень. Я резко вскочил и вырвал автомат. Слышался женский вскрик, но мне было не до него, я перехватил оружие и всадил очередь в его владельца. Он ещё не успел упасть на пол, как я развернулся и выпустил очередь в Колдуна. Пули вылетели, но цели не достигли, упав на пол перед ним.

— Ишь ты, живучий какой, — удивлённо проговорил он. — Взять его, что ли.

Я бросил бесполезный автомат и собрал всю злость, какую только смог. Он посмел угрожать людям, моим друзьям, мне, наконец. Да я же его раздавлю!

Время замедлилось, и я отчётливо увидел, как начал растворяться в воздухе человек в сером костюме. Не дав ему до конца исчезнуть, я прыгнул на него и ударил по лицу.

Слышался вскрик, и он вновь появился. Я начал было его бить, но тут кто-то прыгнул мне на спину, по всей вероятности бармен. Я его откинул со всей силы, на какую был способен, и перехватил серого за шею. Он оказался невероятно лёгким, я поднял его над головой и бросил через стойку бара. Время опять пришло в норму.

— Совсем неплохо, — проговорил Колдун.

Я повернулся к нему и сделал шаг в его сторону. Меня опять сбило с ног — это вернулся бармен.

«Как же вы все мне надоели», — подумал я.

Я, не торопясь, поднялся и, собравшись с духом, резко прыгнул на бармена. Тот не ожидал от меня такой прыти и не успел увернуться. Я схватил его за голову и сделал попытку свернуть шею. Неожиданно он пропал с характерным хлопком.

Тут слышались топот наверху. Видимо, это пришла-таки подмога, вызванная Лидой. По всей видимости, это совершенно не входило в планы Колдуна, потому что он мгновенно поднялся из-за стойки и сказал:

— Ладно, мне с вами было весело, но в самый разгар веселья, как всегда, кто-то всё портит. Мне уже пора, дела, знаете ли. Арчи, разберись с ним, — сказав это, он растворился в воздухе.

Не исчез, как серый, а именно растворился.

По всей видимости, Арчи и был тем самым серым. Я тут же стал искать его взглядом. Но серый опять исчез.

Я уже решил было, что всё кончилось, как вдруг за спиной услышал странный щелчок... вновь раздалась очередь. И тут мир взорвался. Я почувствовал, что по телу растекается адская боль. Сознания при этом я так и не потерял и видел, как в зал неслышно врываются спецназовцы, а серый, не замечая их, наводит автомат на меня. Я же лежал и не мог пошевелиться. Раздалась очередь, и на сером появились красные дыры, но он всё же успел перед смертью нажать на курок. Время опять замедлилось, и я увидел пули, летящие к лежащим на полу правее от меня Лане и Чижу. Тело моё не желало слушаться, но кого это волновало? Я прыгнул и в невероятном прыжке успел прикрыть их своей спиной. Меня отбросило на пару метров, и я упал на пол. Я уже ничего не видел и не ощущал и теперь наконец-то мог провалиться в небытие.

Глава 8

Мне так не хотелось просыпаться, но всё же пришлось. Я осторожно открыл глаза, и меня ослепил невероятно яркий свет. Едва не вскрикнув, я зажмурился.

— О! Он пришёл в себя.

Знакомый голос, женский к тому же. Люблю знакомые красивые женские голоса.

— В себя пришёл? Позовите сюда Нестерова. Да, и не забудьте прикрыть за собой дверь, — а вот это сказал уже незнакомый мужской голос.

— Виктор, ты как себя чувствуешь?

Опять женщина.

Голос-то какой приятный, вот только глаза к свету привыкнут...

— Э-э-э... Ух, как будто по мне машина проехала... раза три... туда-сюда.

Да и голова болит... и руки... и ноги... и вообще всё болит.

— А вы близки к истине. Вот только если бы это была машина, то вы бы наверняка смотрелись куда лучше, — сказал мужской голос со смешком.

— Вот спасибо-то, успокоили.

Что же там произошло? Последнее, что я помню — это как мир взрывается болью, а я лечу вверх тормашками.

— Лидочка, посмотри, чтобы никто не подходил к двери, а мне надо поговорить с героем. Это я-то герой?

По всей видимости, он тут главный, раз уж распоряжается.

Глаза мои наконец привыкли к яркому свету, и я успел увидеть силуэт Лиды, закрывающей за собой белую дверь. Вся обстановка помещения, в котором я валялся, была весёлого белого цвета. Кажись больница, вот только что я тут делаю? Мне бы в морге уже давно валяться... дело-то уже в общем-то привычное.

— Ну что ж, я так подозреваю, что у вас много вопросов ко мне. Я прав?

Конечно, прав, вот только мой мозг сможет обрабатывать информацию, и я сразу всё спрошу. Мне бы только денька два поспать.

— Впрочем, давайте я сам начну рассказывать, а вы по ходу можете задавать вопросы. Да, главное не уснуть.

— Конечно...

Я рассмотрел своего собеседника и убедился, что до этого его нигде не встречал. Сухое лицо явно военного человека и коротко стриженные тёмные волосы, тронутые сединой, других особых примет не наблюдается. Совершенно ничем не примечательная внешность. Подозрительно всё это.

— Итак, начнём с представления. Я Сергей Иванович. Фамилия моя вам ничего не скажет, так что её мы опустим. — Тут я едва сдержался, чтобы не засмеяться. Кого он там опускает-то? — С некоторого времени я являюсь одним из создателей и управляющих организацией, мы называем её Агентством, занимающейся поиском и слежкой за новыми изобретениями, которые могут быть опасны для людей, страны, да и всего мира...

— За оружием, короче, — вставил я, желая показать, что ещё не уснул.

— Да, и за оружием тоже. Но речь сейчас не об этом. Вас, наверное, интересует, что происходило с вами в последнее время.

— Вообще-то хотелось бы узнать. А вы можете всё объяснить?

— Да, как ни странно, я действительно могу объяснить почти всё. Более того, я должен извиниться, но во всём, что произошло, виноват я и моя организация.

Та-ак. Это уже интересно.

— Но прежде чем начать, я хотел бы задать вам один вопрос, который меня уже давно интересует: вы не могли бы мне рассказать, что с вами произошло в ту памятную поездку в Киев?

А говорил, что всё знает.

— Конечно. Я сел на поезд, кажется, в восемь утра, в поезде я сидел и читал Барбару Хембли, книга такая про вампиров, мне как раз заказали статью на эту тему, и я последнюю неделю обогащался знаниями...

Когда я начал рассказывать события той памятной ночи, Сергей Иванович долго пытался сдерживать улыбку и оставаться серьёзным, но потом не выдержал и расхохотался. На его смех тут же заглянула Лида.

— Вы что тут делаете? — подозрительно осведомилась она, при этом стараясь не смотреть мне в глаза. — Вы его не слишком тут развлекайте, ему всё же не стоит пока напрягаться.

— Конечно, больше не буду, — честно пытался успокоиться Сергей Иванович. — Нет, надо же до такого дойти. Вампир. Хех. Не, ты только послушай — вампир. Ой не могу, — и он вновь расхохотался.

— Хм. О чём это он? — всё же посмотрела на меня озадаченная девушка.

Мне оставалось только пожать плечами.

Когда дверь за Лидой вновь закрылась, Сергей Иванович всё же успокоился.

— На самом деле это весьма интересный научный факт. Я уверен, что доктор, когда придёт, будет очень заинтересован и ещё помучает вас вопросами недельку-другую.

— Мне не жалко, вот только когда мне объяснят всё, что произошло?

— Конечно, конечно, — опомнился Сергей Иванович. — Во-первых, ни в каком Киеве вы не были. Во-вторых, вы уж точно никакой не вампир, вампиров вообще не существует и никогда не существовало.

— Совсем-совсем? — глупо спросил я.

— Совсем-совсем. Вообще, всё произошедшее объясняется сугубо научно и издавна практиковалось как нами, так и многими другими, не всегда законными, структурами.

— А. Ну-ну... — недоверчиво пробормотал я. — И как же вы объясните то, что я ещё жив, несмотря на то что в меня всадили с десяток пуль?

— А вот это буду объяснять не я, а специалист. Его-то мы, собственно, и ждём. Пока же я расскажу о тех людях, с которыми вы три дня назад поспорили в здании дискотеки.

— Когда?! Три дня назад?!

Сказать, что я удивлён, — это ничего не сказать.

Сергей Иванович опять рассмеялся:

— А ты как думал? Даже такой живчик, как ты, не способен восстановиться за один день. Это тебе не царапины заживлять.

— Ага! — обрадовался я. — Значит, вы не отрицаете факт того, что у меня раны быстро заживают?

— Не отрицаю, но попрошу меня не перебивать.

— Конечно, — отозвался я. — Только давайте перейдём на «ты».

— Хорошо. Итак, — Сергей Иванович ненадолго замолчал, собираясь с мыслями, а затем продолжил: — Ты, скорее всего, даже не догадываешься, что часто работал на наше Агентство. Писал для нас статьи и переводил некоторые документы, но дело не в этом. Просто ты заинтересовал некую подпольную организацию. Не из-за твоей исключительности, просто живёшь ты один, выходишь не так часто и работаешь на дому. Твоя пропажа никого бы не взволновала, а друзей у тебя мало, да и забыли бы они тебя быстро. Им как раз в сжатые сроки нужен был переводчик, и кроме тебя никого они так быстро найти не могли. А мы не могли упустить такую удобную возможность внедрить к ним своего человека.

— Своего?! — чуть не выкрикнул я.

— Понятие «своего» нынче сильно изменилось. Есть гипноз, с помощью которого можно заставить человека делать то, что нужно, а сам он об этом знать не будет, — спокойно продолжил Сергей Иванович. — Поэтому мы и придумали эту твою поездку в Киев. Конечно, в Киеве ты не был, мы просто вытащили тебя из поезда и провели обработку. Гипноз довольно странная вещь, он непредсказуем. Это только по телевизору человеку под гипнозом говорят, что он курица, и он тут же начинает кудахтать. На самом деле результат гипноза сугубо индивидуален. Вот как в твоём случае: тебе внушали нечто типа того, что в Киеве ты заболел чем-то вроде ветрянки и провалился в больницу, а чтобы по приезду ты не выходил некоторое время из дома и ни с кем не общался, тебе внушили, что ты заразный. Кто бы мог подумать, что выйдет совершенно иное. А всё из-за какой-то книги.

Я тихо начал закипать. Это значит — меня, как игрушку, не спросив, взяли, загипнотизировали и внушили, что я вампир. Вернее, даже не вампир, а просто заразный больной, уж не знаю, что хуже.

— А как же отражение? Его же не было в зеркале, — произнёс вслух я.

— Это тоже результат гипноза. Получить его ещё проще, чем закодировать от пьянства, — ответил Сергей Иванович.

— Хорошо, а как же регенерация, и скорость реакции, и ещё эти... чудовища?! Спросите у Лиды, она же сама их видела. Или это тоже гипноз?! — не успокаивался я.

— Нет, это не гипноз. Всё это результат действия перстней. Собственно, мы и ждём человека, который их исследовал.

В дверь постучали, и вновь показалась Лида. Красивая она всё-таки, вот только место работы явно портит её в моих глазах.

— Сергей Иванович, пришёл Нестеров. Пускать?

— Конечно.

В дверь зашёл здоровенный мужик. Если я считал, что Хаз здоров, то уж этот-то был ещё здоровее. И это учёный?!

— Здравствуйте, Сергей Иванович, — звучным басом произнёс учёный. — Приятно познакомиться с вами, Виктор. Голова не болит? Или, может, в глазах красные пятна?

Такое бывает после углублённого гипноза примерно в течение года.

Углублённого?! Ах вы, Франкенштейны недоделанные!

— Голова болит и в глазах красные пятна. Такое бывает после десятка пуль, попавших в голову, — неприветливо ответил я.

Нестеров неожиданно расхохотался.

— Ну вот, а вы говорили, что будет злиться, а он даже шутит.

— Я как раз подошёл к перстням. Не продолжите за меня, доктор?

— Конечно, с удовольствием. Перстни, это удивительнейшая система, — с ходу продолжил Нестеров. — Она включает в себя столько всего, что так сразу и не перечислишь, да всего мы и не знаем. Начнём с того, что, однажды его надев, его уже не снять до конца жизни, он врастает в палец нейроконтактами.

— Нейро... чем? — ляпнул я.

— Не перебивайте, пожалуйста, — попросил учёный. — Можно, конечно, отрезать палец или руку, но нервная система не выдержит потери перстня, и человек всё равно умрёт. Далее, нами было найдено два совершенно идентичных комплекта перстней: зелёный и красный, в каждом по тринадцать перстней. Они ничем не отличаются, кроме того, что каждый из них обладает специфическими свойствами наряду с теми, что присущи всем. Регенерация тканей, повышение выносливости, это даёт любой перстень, а вот телекинез, чтение мыслей, сверхскорость и другие (которые мы сами до конца не изучили) дают отдельные перстни...

— Но я же ведь читал мысли и пользовался телекинезом, да и сверхскоростью, кажется, тоже, — размышлял вслух я.

Мужчины удивлённо уставились на меня, а учёный даже не обратил внимания на то, что я его перебил.

— ...Да?! Но это всё меняет. — А затем он немного подумал и, видимо придя к выводу, что не всем моим словам в данный момент стоит верить, продолжил: — Как мы предполагаем, существование комплектов объясняется тем, что перстни связаны между собой. В теории каждый носитель перстня может общаться с другими с помощью мысли. Вообще, всё управление перстнями сводится к контролю своих мыслей и их направлению на определённые действия. Но это очень непросто — быть полностью сосредоточенным, поэтому мы в наших опытах, да и те, кто украл эти перстни, управляли ими не мыслью, а инстинктами. Инстинкты не менее сильны, чем мысли, но при этом более управляемы. Есть ещё возможность управлять подсознанием, но тут и вовсе ничего не предскажешь, мало ли что находится у нас в подсознании. Собственно регенерация и является результатом работы инстинктов организма, который стремится быстрее залечить раны. То же с силой и повышением выносливости, а вот другие свойства не поддаются управлению инстинктами, потому что намного сложнее. Поэтому нам особенно интересен ваш случай. Вы ведь, как выяснилось, — он с лёгким недоверием посмотрел мне в глаза, — смогли использовать разные свойства, которые, как мы раньше думали, присущи лишь отдельным перстням. Жаль, что один комплект перстней украли, он бы весьма пригодился в опытах... Впрочем, чего уж теперь говорить... я выдвинул новую теорию: я считаю, что все перстни совершенно одинаковы, а то, что мы получали от них разные свойства — зависело лишь от носителей...

— Прости, что перебиваю, но Виктор мне поведал кое-что весьма интересное, после нашего экспериментального гипноза он решил, что он вампир. Причём произошло замещение

памяти, и у него в голове отложились совершенно чёткие воспоминания о его поездке в Киев, где его укусил, не поверишь, вампир, — быстро проговорил Сергей Иванович. Экспериментальный гипноз?! Нашли себе кролика подопытного, я вам ещё выскажу всё, что о вас думаю. Вот только дослушаю ваши объяснения...

— Да! Тогда понятно то, что он мог использовать именно эти свойства: телекинез, сверхскорость, очень быстрая регенерация... Я полагаю, солнце вам причиняет неудобства? — неожиданно спросил учёный.

— Да, кожа начинает зудеть, — признался я.

— Точно! Вы ещё, наверно, и в темноте отлично видите?

Я согласно кивнул.

— Невероятно! Но ведь есть же ещё жажда крови. И это присутствует?

Я ещё раз кивнул.

— Вот это да! Да это же тема не одной диссертации. Но что же привело к такому действию гипноза? — озадаченно спросил не то себя, не то меня Нестеров.

— Так он же книжку в поезде читал про вампиров и целую неделю изучал материалы, связанные с ними, — вставил Сергей Иванович.

— Невероятно! Это следует тщательно изучить, а вот скажите...

Мне эти восклицания уже порядком надоели, и я решил напомнить о том, что надо бы продолжить рассказ.

— Простите, но вы остановились на том, что перстни украли. Кто их украл?

Учёный поморщился, но всё же ответил:

— Их украли из нашей лаборатории полгода назад. Кто-то с допуском высшего уровня унёс их из лаборатории, убив их носителей, так как по-иному их забрать было просто невозможно.

— Но как же их убили? Я же сам уже умирал, но потом воскрес. Как это объяснить? — встрял я.

— Умирали?! Быть того не может! При смерти мозг перестаёт работать и нечему послать сигнал на перстень... невозможно...

Глядя на уходящего в размышления профессора, я пожалел о том, что затронул эту тему, но тут продолжил Сергей Иванович:

— Кто их украл, мы не знаем до сих пор, но украден был лишь один комплект, как вы уже поняли — красный. Зелёный находится в Америке, и к нему мы доступа не имеем...

Про то, что дома у меня лежит зелёный перстень, я смолчал. Раз не знают, значит, им и не следует знать. По крайней мере пока что.

— ...Однако вскоре начались убийства и ограбления, которые можно было объяснить лишь использованием перстней. Через пару месяцев мы вычислили, что перстни находятся в секте поклонников какого-то кровавого бога. Секта была отличным выбором с их стороны, ведь в сектах одни фанатики, и уж они-то (с их фанатичной верой в этого кровавого бога) смогут управлять перстнями лучше других. И в то же время ими самими управлять весьма просто, дескать, бог велел то-то и то-то, и всё — они делают то, что сказано. Мы начали за ними следить и вскоре попытались схватить одного из них, который показался нам наименее опасным. В то время он постоянно ошивался у одного дома, в котором, собственно, вы и живёте. Предположительно, он следил за вами. Зачем вы им нужны, мы не знали, и поэтому решили провести с вами сеанс гипноза, для этого вам и выписали приглашение в Киев. По пути в Киев вам вкололи лёгкий наркотик и на следующей же промежуточной остановке сняли с поезда. После сеанса мы ничего не узнали, вы даже понятия не имели о том, что за вами следят, и вообще не знали ничего ни о перстнях, ни о сектах. Тогда мы решились на серьёзный шаг: попытались взять живым сектанта, который за вами следил. У вас в подезде произошла стычка и, к сожалению, он был убит, а самое ужасное: кольцо было потеряно...

Не потеряно, а уничтожено. Но этого я им тоже пока не скажу.

— ...После этого вас загипнотизировали и вернули домой. Мы ждали дальнейших событий...

Тут очнулся от своих размышлений профессор.

— Вот! Я, кажется, понял. Видимо, ваше оживление является доказательством существования души, которая не умирает с телом. Возможно, душа тоже как-то связана с перстнем, — произнёс он и опять глубоко задумался.

— А может, когда мой мозг умирал, он всё-таки послал сигнал, но перстню потребовалось некоторое время для оживления? — высказался я.

Доктор посмотрел на меня, как на человека, решившего только что как минимум проблему мирового масштаба, и начал обдумывать новую теорию.

Хорошо хоть Сергей Иванович не отвлекался.

— ...О том, что произошло в секте, мы знаем от вас. Вечером того дня, когда из здания, в котором располагалась секта, начали выбегать люди, мы попытались их схватить, но ничего не вышло, трудно поймать человека в центре города, если он знает местность как свои пять пальцев. Тогда же мы зашли внутрь и нашли там вас с перстнем на пальце и в жутком физическом состоянии...

В последнее время это моё обычное состояние.

— ...Мы перевезли вас в лабораторию и с помощью гипноза узнали всё, что там случилось...

— Да! Ещё одно удивительное явление: кровавый бог, с которым вы встретились. По всей видимости, это субмолекулярное превращение из неживого камня в нечто иное, результат совместного воздействия членов секты. Своей верой и с помощью силы перстней они его каким-то образом оживили, хотя, опять-таки, с уверенностью ничего сказать не могу... — выдал профессор.

— ... По всей видимости, вас попытались подвергнуть гипнозу по той же системе, по которой работаем мы, но что-то пошло не так. То, что на вас уже действовали гипнозом, позволило вашему организму выработать некую защиту, которую они пробить не смогли...

— продолжал Сергей Иванович.

Я всё же решил задать вопрос, который меня давно уже мучил:

— А откуда вообще эти перстни взялись? Я так понял, что их создавали не вы, иначе бы вы не говорили об их свойствах с таким сомнением.

Сергей Иванович сделал вид, что не услышал, а профессор и вправду не услышал. Я подождал с минуту и был вознаграждён таки ответом на свой вопрос:

— Мы не знаем. На самом деле они лежали на складе нашей лаборатории ещё со Второй мировой. И совсем недавно, всего пару лет назад, мы совместно с американскими учёными смогли частично понять их свойства. Есть множество гипотез, по одной из которых перстни оставили на земле пришельцы, по другой перстни — это то, благодаря чему столь долго жили египетские фараоны. Есть ещё множество теорий, но все они мало доказуемы. Все на время замолчали: я, переваривая полученную информацию, Сергей Иванович, собираясь с мыслями для окончания своего рассказа, а Нестеров и вовсе углубился в научные рассуждения.

— И вот мы вернули вас домой, — наконец продолжил Сергей Иванович. — Дальнейшее вы знаете куда лучше нас, так как были непосредственным участником событий, а мы лишь наблюдателями. Впрочем, нам известно далеко не всё...

Та-ак, сейчас пойдут расспросы. Лучшая оборона, как известно, нападение, и поэтому я решил опередить его:

— Простите, но как же мне быть с тем, что меня обвинят в убийстве стольких людей, все мои друзья считают меня убитым, да ещё и эти ваши сектанты будут за мной охотиться. И что мне теперь с вашим гипнозом делать? Я же своё отражение по вашей милости уже почти месяц толком не видел!

— А гипноз мы с вас снимем. Вернее, просто перегипнотируем, — спокойно сказал профессор. — Мы-то уж разберёмся с вашей защитой. А сектанты вас не тронут, у нас есть программа защиты свидетелей, да и пока что вы мне понадобится в лаборатории.

Да уж, этот загипнотизирует.

— Не надо мне больше ваших экспериментальных гипнозов! Нашли себе кролика! И лабораторию свою засуньте, знаете куда?! — не выдержал я. — И вообще, я ухожу домой! Сергей Иванович вскочил.

— Не стоит, вы ещё не до конца поправились.

— Сами говорили, что у меня невероятная регенерация, — возразил я.

Доктор тоже поднялся со стула и встал между мной и дверью.

— Что вы, что вы. Я как специалист говорю, что вам сейчас нужен покой.

— Тоже мне специалист. Да я о перстне больше, чем вся ваша лаборатория, знаю, — усмехнулся я, принимая горизонтальное положение и освобождаясь от гипса, в котором было всё моё тело.

Выражение лица Сергея Ивановича претерпело кардинальные изменения, из приветливого оно превратилось от злости в красное.

— Я сам решу, когда вам можно будет выйти, если вообще можно будет. И учти, у меня тут столько охраны, что тебя пристрелят раньше, чем ты успеешь сказать «мама», — проговорил он, потянувшись в карман, причём, скорее всего, не за сигаретами.

— А это мы ещё посмотрим, — усмехнулся я.

* * *

Я, не торопясь, шёл по Красной площади. Глаза мои сильно покраснели от нещадно бьющего в них солнца. Кожа на лице казалась стянутой маской. Причём жгло так, как будто на него вылили кипящее масло. Раньше такого со мной не было. Но приходилось терпеть, потому что тень, как назло, мне не попадалась. Да и нужно было всего лишь дойти до метро.

А больница оказалась в Кремле. Это в ней лечили нашего бывшего президента, может даже, я в его палате лежал. Наверное, всё же не стоило там так буянить. А вообще-то сами виноваты, нашли себе подопытного. Да и к тому же я их не покалечил, а просто вырубил. Профессора лёгким, но действенным ударом в область паха, Сергея Ивановича просто оглушил. Самое неприятное было, когда мне пришлось отключить Лиду. Она ворвалась в палату, едва услышала возню, и мне пришлось, слегка оглушив, связать её одеялом, порванным на полоски. Я честно перед ней извинился, но получил столько оскорблений в свой адрес, что быстро ретировался, конфисковав у охранника, которого тоже пришлось оглушить, защитный костюм «берёзка». И вот теперь я прогулочным шагом шёл домой. Интересно, там уже собрались соседи? Нынче у них это в моду вошло — меня отпевать.

* * *

Зря я решил, что меня так просто отпустят. Военные тоже не дураки.

От Красной площади я далеко не ушёл, меня начали окружать ещё на ней, но я этого не заметил, и, когда прошёл до конца ГУМа и свернул за угол, меня попытались поймать. С двух сторон совершенно безлюдной улицы выехали, шелестя шинами по асфальту, две чёрные «волги» и преградили мне дорогу. Я оказался в тупике. Повернувшись назад, я обнаружил, что на Красной площади уже стоят ряды людей в защитной форме.

И как они успели разогнать всех зевак?

Ряды расступились, и вперёд вышел уже очнувшийся Сергей Иванович.

— Ну что, по-хорошему вернёшься или с шумом? — спросил он, потирая шишку на затылке.

— По-хорошему разойдётся или разогнать? — в свою очередь спросил я.

Вообще-то, странное дело, раньше за мной никакой кровожадности не наблюдалось. И уж тем более я никогда не дрался. А тут легко оглушаю двух военных, да ещё и спокойно прикидываю, как разогнать взвод солдат. Да я даже в школе никогда ни с кем не дрался. Не умел. Хотя, наверное, это всё из-за боли. Она меня уже откровенно начала бесить, и я понял, что порву любого, кто будет пытаться мешать мне дойти до спасительного метро. Из-за спины главного вышел, слегка пошатываясь, Нестеров.

— Вот он, гад. Давайте, отправьте его опять в больницу, — предложил учёный.

Наверное, я его слишком сильно ударил — обиделся видать.

— Зря вы так, всё равно сбегу от вас, — сказал я, ища взглядом, куда бы рвануть.

Сергей Иванович посмотрел на меня тяжёлым взглядом.

— Всё равно без нас тебя убьют. Сектанты, в отличие от тебя, могут управлять своими способностями в полной мере.

В этом он был прав, вот только в полной ли мере? Кто вообще знает эту меру?

— А может, я сам разберусь? — возразил я.

Тут появилась Лида. Она зло посмотрела на меня и что-то тихо сказала главному. Тот кивнул, и Лида пошла в мою сторону.

— Ну что теперь собираешься делать? — спросила она, подходя ко мне.

Хороший вопрос.

— Вот щас размету ваши взводы и пойду домой пить чай, — ответил я.

Я не стал признаваться, что кроме чая у меня дома больше ничего и нет.

— И с чем ты собрался выступить против вооружённых автоматами спецназовцев и снайперов? — осведомилась она, показав рукой сначала на ряды зелёненьких, а потом на ближайшую крышу.

Вот о снайперах я не подумал — это минус.

— Что-нибудь придумаю, но в лабораторию я не пойду, это факт.

— Тогда у меня есть предложение. Мы тебя отпускаем домой, но пять раз в неделю, по будням, ты будешь приходить к Нестерову в лабораторию, скажем... на работу. И у твоего дома постоянно будет вестись слежка. Согласен?

Сейчас я был согласен на всё, лишь бы уйти в тень. Но сразу сдаваться не хотелось.

— Можно подумать?

— Да. Пару секунд, — ответила Лида.

Какая она однако ж злая, а? Но зато красивая...

— Хорошо, — просто ответил я, — только пусть не очень светятся эти ваши шпионы, а то на меня и так уже косо смотрят наши правоохранительные органы.

— Ну, с этим-то мы как-нибудь разберёмся, — улыбнулась она. — Значит, всё хорошо, пойду скажу Сергею Ивановичу, что все в порядке.

— Жаль, что ты работаешь на органы, — вдруг сказал я.

На самом деле я ничего такого говорить не хотел, но как-то вырвалось.

Она ещё раз улыбнулась, как мне показалось, слегка грустно, и пошла к стоящим в стороне главному и профессору. Нестеров всё ещё оживлённо жестикулировал и, по всей вероятности, объяснял Сергею Ивановичу, что отпускать меня нельзя, а надо запереть в камере и ключ выкинуть подальше.

Но всё же его предложение не прошло, и спецназ отпустили восвояси. Не прошло и пяти минут, как на улице не осталось никого, кроме профессора, главного и Лиды. Они не спеша и немного опасливо подошли ко мне.

— Вас подвезти домой? — спросил Сергей Иванович.

Опять на вы перешёл, значит, никаких дружеских разговоров больше не будет. Как жаль, а мы могли бы стать друзьями... Бред!

— Да нет, спасибо, я уж как-нибудь сам, ножками, — махнул я рукой в сторону, в которой, по моему мнению, находилось метро.

Профессор решил просто молчать и зло смотреть на меня из-под чёрных бровей.

— Ну, тогда мы за вами заедем завтра, надо же вам отдохнуть после таких событий хоть денёк, — смилостивился главный.

— У меня есть ещё один вопрос, — неожиданно вспомнил я. — А кто мне глаз в квартире нарисовал?

— Глаз? — удивился Сергей Иванович. — Какой глаз?

Вроде бы он не врал, он и вправду не знал, что за глаз.

— Ну, я тогда пойду? — зачем-то спросил я.

Сергей Иванович замялся. Видимо, его смущали мои красные глаза и лёгкий нервный тик в уголке глаза, который только что появился от уже порядочно надоевшей боли.

— Идите... Может, вас всё же подвезти?

— Бойтесь, что я сбегу? — горько усмехнувшись, спросил я. — Не волнуйтесь, мне некуда бежать, да и жизнь мне моя слишком нравится, чтобы её бросать из-за каких-то лабораторных крыс.

Профессор ещё больше засопел, но промолчал.

— Ну, тогда до встречи, Виктор, — сказал главный и, повернувшись, не торопясь пошёл по Красной площади, засунув руки в карманы брюк.

Учёный повернулся и, напоследок одарив меня злым взглядом, пошёл за ним. Лида тоже хотела уже пойти с ними, но вдруг обернулась и посмотрела на меня. Я сделал вид, что меня дико заинтересовала пролетающая мимо ворона. Лида повернулась и пошла за уходящими сослуживцами.

Я её окликнул.

— Да? — тут же повернулась она.

— За мной ещё стихи... — напомнил я.

* * *

Когда я уже ехал в метро, то понял, что не надо было отпускать её с ними. Но я же слишком гордый! Теперь не смогу смотреть своему отражению в глаза — стыдно. Правда, я его всё равно не увижу.

Я посмотрел на дверь, в которой отражались все пассажиры, кроме меня. Мне было интересно, как теперь выглядит моё лицо и глаза. Как только я вошёл в метро, боль тут же прошла. А спустя пару минут лицо вновь стало мягким, а глаза стали нормально видеть. Только нервный тик продержался чуть дольше, но потом и он пропал.

Как мне объяснил профессор, виноват в этом только я сам. Гипнотизёры, блин. Но я же ведь теперь знаю, что не вампир, что это всё просто результат гипноза. Я посмотрел на стекло и начал повторять, что я не вампир, что вампиров не существует. К своей станции я подъехал с кое-какими результатами — я сумел увидеть в стекле своё левое ухо. Оно появилось на пару секунд, но потом вновь исчезло. Как там говорил этот учёный... Полный контроль? Где-то я это уже слышал. Вот только где? Ну конечно! Мне же что-то такое говорил этот учитель кунг-фу... Надо бы к нему обратиться, тем более он обещал бесплатные уроки.

Мимо меня прошла красивая девушка, и я уже привычно проводил её кроважадным взглядом. Едва я заметил это за собой, как тут же всё прошло и мне стало противно. И я бы смог выпить из неё кровь?! Нет, однозначно, надо идти и учиться управлять самим собой. Иначе скоро всё станет совсем плохо. На солнце я больше не выйду, потому что в следующий раз я могу и в правду сгореть.

А вот интересно, почему жажда у меня особенно сильно проявляется, когда я смотрю на шею девушек? Больше напоминает не вампиризм, а извращение какое-то.

Выйдя на своей станции, я огляделся по сторонам. Ведь наверняка же за мной послали кого-нибудь, чтобы я не сбежал. Но пока вроде никого не видно, посмотрим...

В метро я купил газету и, наплевав на всё, закрыл ею лицо и сделал козырёк. Глаза всё равно слезились, но намного меньше. А жгло только кисти рук, которыми я держал газету. Больно, конечно, но по сравнению с лицом это проело так мелко.

Подойдя к своему дому, я, вопреки ожиданиям, не увидел ничего необычного. Никто не толпился возле моего подъезда, да и в подъезде никого не было, как было видно снизу. Я вошёл, выбросил газету, тихо поднялся по лестнице и тут вспомнил, что ключи-то остались в вещах, которые, в свою очередь, были в больнице. Не возвращаться же туда. И вот, когда я уже почти решил лезть через балкон (в конце-то концов, что со мной может случиться? ну упаду, ну встану и попробую ещё раз), дверь моей квартиры отворилась, и из неё выглянул Чиж.

— О! А вы к кому? — нагло спросил он.

— К себе, — недолго думая, ответил я. — А вы?

— Та же фигня, — радостно ответил он и бросился обниматься.

— Ты чего это? — удивлённо спросил я, когда он перестал мять мои и без того больные кости.

— Больной ты наш, — умилённо сказал он. — Лана! Пришло.

Тут из кухни выскочила Лана.

— Виктор!

Сеанс активного обнимания был повторён.

— Да что вы все? И вообще, что вы тут делаете? — удивлённо спросил я, заходя в свою квартиру.

— Так нам же Лида утром позвонила и сказала, что ты сегодня домой из больницы вернёшься.

Так это что же выходит? Она знала, что я сбегу, и всё предвидела заранее?

— Тебя же ранили тогда на дискотеке. Как ты на пулю-то нарваться умудрился? И вообще, как ты мог связаться с этими бандитами? Лида рассказала нам, что ты им деньги должен был, — нахмурился Чиж. — Ты скажи, если нужны деньги, мы что-нибудь придумаем.

— Спасибо конечно, но всё уже устроено, — чуть не прослезился я.

Приятно всё-таки.

— А что это ты в форме? В армию собрался? — неожиданно спросил Чиж, оглядев меня с ног до головы.

— Ага, мало мне приключений на мою пятую точку, — ехидно ответил я. — Вот армия-то сделает из меня человека, как говаривал мой дед.

— Да, вообще, армия — это школа жизни, — нравоучительно сказал Чиж, который в жизни не подтянулся-то ни разу.

— Вот только я эту школу лучше заочно пройду, — ответил я, снимая ботинки.

Какие же они неудобные, высокие, пока расшнуруешь, три раза упадёшь. Я пошатнулся и вправду едва не упал. Сняв всё-таки обувь, я облокотился о стенку и попытался совладать с окружающим миром, который вдруг пришёл в движение. Головокружение через пару секунд прошло, но слабость всё же осталась.

— Эдик, он же еле на ногах стоит, отстань, — тут же заметила моё состояние Лана. — В общем, мы пока пойдём, а ты поспи. Завтра днём мы ещё зайдём тебя проведать, а лучше вечером в клуб приходи.

Хорошая мысль, сон — это то, что мне нужно.

— О'кей, — ответил я.

Собираясь на выход, они мне рассказали, что приходил электрик и сказал, что, пока не поработает сантехник, он ничего сделать не может. Потом приходил сантехник и сказал, что не будет ничего делать, пока не починит проводку электрик. В результате так ничего и не починили, и придётся ждать, когда они придут вдвоём.

— До завтра, — сказал я ребятам, закрывая дверь.

Однако ж сколько ещё сюрпризов меня ждёт? И как всё-таки Лида узнала, что я очнусь именно сегодня и сегодня же вырвусь домой? Надо будет у неё спросить при первой же возможности.

Я прошёл в комнату и чуть не подскочил, на меня вылупилась всё тот же глаз.

Мне кажется, что теперь он смотрел насмешливо. А я уже отвык от него, так и заикой можно остаться вообще-то.

— Ну тебя... — сказал я ему и добавил укоризненно: — Так и будешь тут зыркать? Лучше бы чем полезным занялся, воров бы пугал, а то мне тут компьютер сломали, а ты ни слухом, ни духом.

Ему, естественно, всё было глубоко по фигу.

Кстати, надо же позвонить Чину Кхо и узнать про занятия. Раз уж решил, то не нужно тянуть, а то раздумаю ещё.

Я взял со стола визитку тренера, хорошо, что я её выложил из кармана брюк, перед тем как идти на дискотеку, и набрал его номер. Долго никто не подходил, но потом в трубке раздался знакомый спокойный голос:

— Я вас слушаю.

— Здравствуйте, это Виктор. Помните, из клуба? Вы мне рассказывали про занятия.

— Конечно. Заинтересовались? — удивился он. Я даже немного обиделся. Что ж я, и заинтересоваться не могу?

— Я бы хотел узнать, когда можно подойти и посмотреть.

— Ну, зачем же смотреть? Нужно сразу приходите заниматься, давайте послезавтра в восемь в спортивной форме, а там уж видно будет.

Да уж, Чиж точно в обморок упадёт, когда узнает, что я решил заняться спортом.

— Конечно, спасибо и до встречи, — зевнув, сказал я.

— Увидимся послезавтра, — ответил Чин Кхо.

Положив трубку, я, едва волоча ноги, дошёл до кровати, упал на неё ничком и мгновенно уснул.

* * *

Разбудил меня тихий, едва слышный стук в дверь.

— Ну нет! Опять! — застонал я. — Мне никогда не дадут поспать!

В квартире было совершенно темно, как и за окном. Я поднялся с кровати и поблагодарил гипнотизёров за то, что могу видеть в темноте. А то я уже давно свернул бы себе шею, пытаясь добраться до двери.

Как же неудобно спать в одежде. Я мельком посмотрел в зеркало, пытаюсь понять, насколько я страшно выгляжу. Ах да. Толку-то, у меня же проблемы с отражением, никак к этому не привыкну.

Заглянув в глазок, я увидел свою любимую соседку — Клавдию Степановну. По всей видимости, она решила сообщить мне всё, что думает обо мне и об отключении по моей вине электричества.

Я открыл дверь и выдавил приветливую улыбку.

— Здравствуйте, Клавдия Степановна, какими судьбами?

— Здравствуйте, Виктор, простите, что мешаю...

Она сказала слово «простите»?! Я за три года ни разу ничего похожего от неё не слышал не то что в мой адрес, а вообще в адрес кого-либо.

— Да что вы! Я всё равно собирался вставать, — соврал я. Однако же я голодный, как целая стая волков. Сейчас бы крови немного... Тьфу ты! Я положительно нездоров...

— Тут у нас электричество перестало работать...

— Я тут ни при чём, — тут же ляпнул я и уставился на неё в надежде, что она не знает, что во всём виноват я.

— Конечно-конечно, я, собственно, не по этому поводу, — тут же сказала она.

Что-то она уж больно вежливая. Подозрительно всё это.

— А по какому? — осторожно осведомился я.

— Видите ли, я бы хотела забрать у вас свой конверт с перстнем, так вышло, что его по ошибке принесли не к моей квартире, а к вашей.

Прошла минута, затем вторая, а я всё стоял и тупо смотрел на гостью.

Это что же получается, перстень не мне, что ли, предназначался? Но ведь следили-то за моей квартирой, хотя, минуточку... Никто не говорил, что следили именно за моей квартирой. За моим подъездом и, готов поспорить, что именно в ожидании этого пакета.

Тогда кое-что становится более или менее понятно, вот только всё равно остаётся столько вопросов, что ум за разум заходит. Пожалуй, на один из них можно узнать ответ прямо сейчас, если, конечно, бабулька захочет отвечать.

— Простите, а чем вы докажете, что конверт действительно предназначался вам? — спросил я. Мне показалось, или она смутилась?

— Видите ли... Этот конверт не совсем мне прислали. Его прислали моему мужу... покойному. Он давно его ждал, но вот пришёл он только сейчас.

Давно ждал. Так ведь, сколько я тут живу, она одна была. Выходит, её муж умер не меньше трёх лет назад. Я, конечно, понимаю, что наша почта особой скоростью не отличается, но чтобы письмо несколько лет шло...

— А кем был ваш муж? — спросил я. — Вы извините, что не приглашаю в квартиру... у меня тут что-то электричество не работает...

— Да нет, ничего. Я вызывала электрика, но когда он ещё придёт. Да и не привыкать нам, мы в военные годы при свечках ужинать...

Я поспешил прервать ход её воспоминаний.

— Так что там с вашим мужем?

— Да... Он был учёным. Я сама не знаю, что он исследовал, но что-то важное, потому что даже мне ничего об этом не говорил, а мы ведь с ним прожили тридцать лет вместе, и раньше он от меня ничего не скрывал...

Что меня удивило, так это, с чего она так охотно стала мне рассказывать о своём муже. Мне казалось, что она меня терпеть не может.

— ...Перед смертью он ждал какой-то конверт из Америки, он так радовался, я никогда не видела его таким возбуждённым... — неожиданно всхлипнула она.

Так. Только слёз мне тут и не хватало.

— А как он умер? — быстро спросил я, пока она совсем не расплакалась. — Извините за такой вопрос, я понимаю, что вам тяжело...

— Да нет, что вы. Сердце у него слабое было. Сердечный приступ у него случился, ничего криминального. Вы ведь об этом подумали? — она выжидательно посмотрела на меня.

— Да нет... Просто спросил... Вы меня извините, но я не могу вам отдать этот конверт, потому что у меня его нет, — соврал я. — Понимаете... у меня на днях было ограбление, и его украли вместе со всеми деньгами и прочей мелочью.

Старушка покачала головой.

— Я так и думала, ведь и меня обокрали. Мне кажется, что обе кражи связаны... — задумчиво произнесла Клавдия Степановна.

Ну прямо мисс Марпл какая-то. Может, она ещё мне допрос сейчас устроит?

Я поспешил опередить её, пока она, чего доброго, и вправду не начала задавать вопросов.

— А что навело вас на мысль о том, что эти две кражи связаны?

Мне показалось, что она задумалась, отвечать ей на этот вопрос или нет, но всё же решила ответить.

— ...От мужа у меня остались некоторые документы, которые он приносил с работы.

Собственно, кроме этих документов и денег у меня больше ничего и не украли. Вы меня извините, но я тогда пойду, что-то я себя чувствую не очень хорошо.

— Да, конечно...

Мне уже было не до неё. Я размышлял о последних событиях. То, что она скрылась за своей дверью, я заметил только через пару минут.

Я рассеянно закрыл входную дверь и поплёлся в свою комнату с твёрдым намерением либо спать до потери пульса, либо размышлять над новыми фактами, пока не опухнет голова.

Неожиданно меня осенило. Чёрт побери! Как же она узнала о том, что конверт находится именно у меня и что в конверте перстень?! И откуда уверенность в том, что это именно тот конверт?! Я бросился было к двери, чтобы сразу задать оба вопроса старушке, но потом вспомнил, что время-то уже не детское, да и старушка говорила, что устала. Лучше уж завтра спросить, а то сейчас как-то неприлично.

Зайдя в комнату, я сразу же почувствовал, что что-то не так. Да и не мудрено, в ней орудовало аж три человека! Видно, воры совсем стыд потеряли.

В тот момент, когда я зашёл, они приступили к обыску моих книжных полок. Половина книг уже валялась на полу, и один из субъектов старательно их рвал, пытаясь что-то в них найти. Второй не торопясь и с расстановкой простукивал стены, а третий открывал дверь стенового шкафа, в котором хранился мой скудный гардероб. Что самое удивительное, всё это происходило в полной тишине. Книги бесшумно падали на пол, стук по стенам, по всей видимости, слышал только сам стучащий. Даже звуки их дыхания поглотила полная тишина моей, как никогда тихой, комнаты.

Я остановился в немом удивлении. Но долго стоять с открытым ртом не пришлось, потому что, по всей видимости, не я один видел в темноте. Все трое, как по команде, резко повернулись в мою сторону. Казалось, они были удивлены не меньше меня (действительно, и что это я забыл в своей собственной квартире?). Однако их оцепенение прошло гораздо быстрее моего. Едва я собрался сказать что-нибудь пугающе-злое и смелое, как они разом бросились к выходу на балкон и прыгнули рыбкой с моего второго этажа. В, отличие от них, я оправился не сразу. Секунд через пять после исчезновения из поля зрения всей троицы.

Я выскочил на балкон. Внизу уже, конечно, никого не было. Да и что можно разглядеть в зелёном палисаднике, даже если ты видишь в темноте. Густые кусты и деревья надёжно прикрыли отход троице, устроившей у меня в комнате незапланированный акт вандализма.

— Что за дела-то вообще? — удивлённо произнёс я наконец вслух.

Но голоса своего не услышал.

В комнате по-прежнему стояла полная тишина. Её не нарушили даже мои слова. Из интереса я поднял книгу и уронил на пол. Ни звука.

Я взял коробку от какого-то компакт-диска и со всей силы кинул на пол.

Опять тишина.

Я настолько удивился, что сходил на кухню за кастрюлей и половником. После чего, взяв в одну руку половник, а в другую кастрюлю, принялся ходить кругами по комнате и бить ими друг о друга. Поначало в комнате по-прежнему было тихо, но вскоре где-то на уровне слышимости появился даже не звук, а отголосок звука. Окрылённый успехом, я стал стучать сильнее и громко кричать.

За этим занятием меня и застала толпа людей (да, три человека в моём коридоре — это уже толпа), ворвавшаяся в мою квартиру.

На миг все замерли: с одной стороны я с кастрюлей и половником в руках, с другой — трое мужчин с АКМ наперевес. Они удивлённо смотрели на меня, а я уставился на них, пока один из них, видимо старший, наконец удивлённо не произнёс:

— Что вы тут делаете?

Я был так поражён, что даже не сразу заметил, что слышу его голос, как и прочие звуки улицы.

— А-а...

Минуточку!

— Я тут живу, а что вы тут делаете?! — пришёл в себя я.

Тут уже в ступор вошли они.

— А-а... Мы дежурили внизу, когда увидели, что из вашей квартиры выпрыгивают три человека. Подумали, что они с вами что-то сделали и поднялись. На звонок никто не ответил, вот и пришлось войти...

— Вы дверь взломали?!

Это чё же, мне опять дверь ставить?!

— Э-э... что ж мы, звери какие. Просто вскрыли, замок-то у вас обыкновенный. Я бы на вашем месте поменял его.

Всё понятно. Вот только что это они такие вежливые? Я-то думал, меня сейчас к стенке поставят, обыщут и в участок, а там уж разберутся, что к чему. А тут чуть ли не на вы.

— А вы, вообще-то, зачем внизу дежурили? — решил всё же спросить я.

Главный, довольно молодой парень, изумился:

— Так нас же поставили вас охранять.

А, ну тогда понятно. Небось Сергей Иванович расстарался, чтобы я не сбежал.

— Вы их хоть поймали? — спросил я, уже догадываясь, что мне ответят.

— Никак нет. Удрали. Нас же всего трое. Как же мы весь палисадник окружим?

Правильно, никак.

— Понятно. Ну, вы, хлопцы, извините, мне спать надо. Так что идите, охраняйте дальше.

Главный спохватился.

— Да, конечно. Извините, а с вами всё в порядке?

Нет, конечно, но ты-то мне уж точно не помощник.

— Да, уверен. Сейчас вот приберусь и спать лягу.

— Ну, спокойной ночи вам. Мы снаружи в машине будем дежурить, так что если что — зовите, — сказал один из них, выходя из моей квартиры.

Я тоже вышел из квартиры и на всякий случай посмотрел на замок. На нём не было ни царапины. Ничего не скажешь, профессионально открыли. Кто бы мог подумать, что в милиции такие умельцы работают.

В комнате был неописуемый бардак. Тут и до этого-то было не очень чисто, а уж теперь и вовсе как на помойке: книги разорванные и целые, осколки от горшков с цветами, земля из этих же горшков, и прочее, и прочее. Никакого желания убираться у меня не возникло.

Даже отдалённого. Но книги я всё же на полке расставил. Ведь книги — это святое.

Единственное, что меня беспокоило на данный момент, так это временное исчезновение звуков. Это было просто невероятно. То, что ко мне в квартиру залезли, мне уже совершенно не казалось чем-то особенно странным. Как-никак, уже в третий раз. Человек ко всему привыкает. Кроме этого что-то ещё не давало мне покоя. Я даже не мог сказать, что именно, но что-то меня волновало где-то на грани сознания. Как я ни напрягался, а понять, что это, не мог.

Как обычно, не раздеваясь, я и лёг спать. Вообще-то странно, что я так часто стал ложиться спать. Вроде только проснулся, как уже спать пора. Зато после сна голод всегда притупляется, даже не верится, что ел я последний раз четыре дня назад. Да и то всего одну упаковку чипсов. Хотя, наверное, в больнице меня всё же как-то кормили... клизмой, наверное.

Сон долго не шёл, и я ворочался полночи. Такое со мной было впервые за долгое время. Обычно я засыпал ещё до того, как голова касалась подушки, а тут вертелись какие-то непонятные образы и голоса. Я вспоминал все события последнего месяца, и мне всё время казалось, что я упустил что-то очень серьёзное. И в тот момент, когда я был совсем близок к разгадке... я уснул.

Глава 9

Солнечный луч пробежался по полу и скользнул на кровать. Вышеупомянутая кровать представляла собой столь пренеприятное зрелище, что луч поспешно скользнул дальше, как будто в надежде найти что-нибудь более достойное своего чистого света. Луч застал эту развороченную кровать далеко не пустой. В кровати лежало тело. Тело не подавало ни малейших признаков жизни: глаза закрыты, пульса нет, бледная, я бы сказал даже синяя (хотя мне видно плохо) кожа и ни намёка на дыхание. Грудная клетка совершенно неподвижна, кровь по жилам не льётся. Тело можно было бы назвать трупом, если бы не одно «но»... Тело принадлежало мне! При этом ничего общего я с этим телом не ощущал. Я его не то что не чувствовал, я его в общем-то даже не видел. Единственным «окном», соединяющим моё сознание с внешним миром, был приоткрытый на один миллиметр правый глаз. Через него-то, как через иллюминатор, я и обзирал своё тело да ещё огромный красный глаз на стене.

Заметил я своё странное состояние за несколько секунд до появления лучика. Представьте себе, каково проснуться, совершенно не ощущая своего тела. Сначала мне показалось, что я умер. Однако, скорее всего просто по инерции, у меня дёрнулся глаз, и я понял, что ещё не всё потеряно. Хотя теперь я понимаю, что это была лишь последняя предсмертная судорога. Как я могу предположить, моё тело решило умереть и забыло сообщить о своих намерениях моей душе.

Я попытался напрячь все силы и встать. Бесполезно. Попробовал двинуть рукой... ногой... хоть пальчиком... Не чувствую. Некоторое время ушло на попытки скосить глаз, но обзриваемая мною картина не сдвинулась ни на миллиметр. Ни дышать, ни сопеть, ни кричать тоже не удавалось. Странное дело, я считал, что, если умер, душа спокойно отделяется от тела и улетает. У меня же всё не по-человечески.

Хотя, опять-таки, я могу предположить, что, возможно, все умирающие видят окружающий мир и после смерти, как я. И лежат вот так же неподвижно бессчётное количество времени. И глаз красный всё как-то странно на меня смотрит...

Только сейчас я заметил, что в зрачке нарисованного глаза торчит зелёный перстень. Тот самый, который я недавно, как выяснилось, получил почтой по ошибке. Я вдруг запоздало удивился, что совершенно не думал о нём и о его местонахождении в последнее время. После того как я его достал из конверта и рассмотрел, он как бы перестал для меня существовать. Только как факт. Дескать, был... получил... посмотрел... и всё! А куда я его положил и почему во время обысков его никто не нашёл, я не знал. Только сейчас, когда я увидел его, я вспомнил, как ни с того ни с сего взял и бросил его через плечо сразу после того, как рассмотрел. Причём именно в сторону той стены, на которой ныне красовался глаз. Я так удивился, что задумался над этим фактом довольно надолго...

* * *

Прошло уже часа три. Хотя, возможно, для меня время летит медленнее или, наоборот, быстрее. Уверенным я не могу быть ни в чём. Кто-то уже с десяток минут стучал в дверь, но открыть было некому. Я задумался о смысле жизни. Мысли текли на удивление быстро, и вообще... слишком много появляется умных мыслей. Это не к добру. Мне кажется, что прошло ещё часа два моего субъективного времени. Я однозначно решил, что мы живём не просто так, но зачем, — решил не думать, становилось страшно. Решил поразмышлять о чём-то более насущном. Долго думал о «Братстве по крови» и пришёл к некоторым выводам. То ли я стал таким умным, то ли раньше об этом просто не задумывался, но есть возможность, что братству я нужен был вовсе не как переводчик. Да и моё одиночество дело десятое. Мало ли в нашем доме одиноко живущих людей? Вот документы, украденные у соседки — это понятно. Наверняка её муж занимался какими-то важными исследованиями для правительства. Не исключено, — что перстнями или чем похуже. Иначе зачем бы ему прислали конверт с перстнем? Если его вообще-то прислали именно ему, в чём полной уверенности нет. Вот пригласить бы Клавдию Степановну на допрос с

пристрастием в Агентство. Они бы со своим экспериментальным гипнозом быстренько проверили все её слова.

Тут на меня опять нахлынула апатия. Тело-то не двигается. Я бы даже сказал точнее — оно мертво! Как же я теперь без тела-то? Никакой связи с внешним миром. А то ведь ещё возьмут и закопают...

* * *

Прошло ещё пятнадцать минут, когда послышался скрип в прихожей. Судя по тому, что никто не звонил — гости явно незванные. Однако единственное, что я вижу, — кусок своего брэнного тела и стену. Так что, когда сзади послышались шаги, я только мысленно вздохнул и стал ждать.

Кто-то тихо крался. Неумело, постоянно натываясь на разбросанные вещи, но всё же явно пытаюсь красться. Прошло минуты две, прежде чем этот кто-то почувствовал себя немного увереннее и подошёл к моей кровати. К сожалению, мой круг зрения не позволял увидеть гостя. Вскоре послышались звуки передвигаемых предметов и шуршание, которое не оставляло никаких сомнений о характере проводимых в комнате работ. В моём неудобном положении мне не оставалось ничего иного, кроме как превратиться в слух.

По правде говоря, хотя я старался об этом не задумываться, возможно, мне придётся «превратиться в слух» надолго, если не навсегда.

Гость явно не собирался отдыхать. Послышались звуки передвигаемой мебели и падения тяжёлых предметов. По шагам я следил за передвижениями гостя и примерно представлял, что он делает в данный момент: вот он скидывает недавно расставленные мною на полки книги, вот он открывает двери стенового шкафа и раскидывает одежду. Я очень надеялся, что он не додумается залезть за трубу батареи, ведь именно туда, как я недавно вспомнил, я спрятал небольшую сумму денег на чёрный день ещё год назад. Но вот послышались удаляющиеся шаги, гость ушёл, оставив меня снова наедине со своим страхом.

Едва стихли шаги, как я начал даже скучать по своему незваному гостю. Единственное, что меня ставило в тупик, так это то, что его не смутило присутствие моего брэнного тела на постели. За все двадцать-тридцать минут, что он был в квартире, только один раз он задержался рядом со мной, да и то на секунду.

Чёрт, о чём я думаю? Нужно думать о том, что делать дальше. Хотя, вообще-то, я делать ничего не могу... Разве что созерцать глаз, немигающе смотрящий на меня со стены. Прошло немало времени. Я много думал. Думал обо всём: начиная от школьных годов и заканчивая сегодняшним днём. Обдумывал все свои ошибки, все победы и поражения. Долго думал о перстнях и о работе в Агентстве. До меня только теперь дошло, что эта работа может быть очень интересной, и даже более того: она может стать моим призванием, с нынешними-то моими способностями. Ведь даже несмотря на все проблемы, последние дни были захватывающими. Это было именно то, о чём я мечтал ещё в детстве, читая под одеялом фантастические рассказы: приключения (увы, небезопасные), девушки (к сожалению, выбирающие других), сверхспособности (скорее причиняющие вред, чем пользу) и загадки (которые лучше и вовсе не разгадывать). И всё же в этом был свой шарм. Всё это было бы даже неплохо... если бы не моё нынешнее положение. И ещё я неожиданно вспомнил, что видеть в темноте я начал до того, как на меня надели перстень. Да и солнце мне уже начинало мешать на обратном пути из Киева, когда никаких перстней и в помине в моей жизни не было. Неужели гипноз может повлиять таким образом?..

* * *

Мои мысли уже начали разбредаться. Я уже не мог рассуждать так чётко, как несколько часов назад. Да и не хотелось. Меня охватила апатия. Мне кажется, что я сошёл бы с ума, пролежи ещё несколько часов неподвижно в одиночестве. Но меня спасли события, которые произошли в ту секунду, когда моя апатия проходила последнюю стадию. Сначала зазвонил телефон. Он звонил раз восемь, минут по пять. Мне даже стало интересно, кому я так сильно понадобился. Едва стих последний звонок телефона, как кто-то начал барабанил в дверь. Терпения явно кому-то не хватило, потому что буквально через минуту в двери повернулся ключ и она скрипнула открываясь. Я примерно догадывался, кто это мог быть, но хотелось проверить свою догадку...

И я оказался почти прав. В коридоре раздался зычный голос:

— И какого чёрта вы притащили меня сюда?! Если этот придурок не хочет идти в лабораторию, приведите его под дулами автоматов, хоть целую армию вызовите, но приведите... Так ведь нет! Зачем им армия, когда есть профессор. И задолженности по зарплате за год ему не придётся отдавать. Ну что уставился? Иди вперёд! Тоже мне защитники отечества, несчастного учёного в самое пекло пускают, — в коридоре послышалась возня, которой обычно сопровождается потасовка.

Я сразу узнал горластого Нестерова. Оказывается, это он настолько по мне соскучился, что решил сам заехать за мной. Как мило. Может, он ещё и кофе в постель принесёт?

Раздались шаги, и кто-то быстро приблизился к постели.

— Простите, но он же мёртв, — раздался незнакомый голос.

— Как это мёртв?! — гаркнул Нестеров.

Неожиданно картина, раскрывающаяся перед моими не совсем зрячими глазами изменилась, и в поле моего зрения возникла красная и злая физиономия.

— Вот засранец! И вправду мёртв... минуточку, да, судя по состоянию тела, он мёртв не один день! Вот и характерная колотая рана.

Колотая рана? Помнится, я ложился спать весьма здоровым. Ну уж колотых ран точно не было, я бы наверняка заметил. Да и мёртвым я себя в последние несколько дней не ощущал. Больным — да, без сознания — тоже бывало, но чтобы мёртвым!

— Нет, ну это надо! — со злостью воскликнул учёный. — Он что, специально сдох?! Да у меня одних тестов было подготовлено на ближайший месяц шестьдесят штук, не говоря уже о... Да я бы его за это сам убил, если бы он не был уже мёртв! Хотя... Нужно его срочно забирать в лабораторию, пока не приехали местные власти. Они, конечно, никогда не торопятся, но чёрт их знает. Эй, капитан, или как там тебя, заворачивай его в ковёр, который висит на стене, и тащи в машину.

Я даже обрадовался тому, что меня сейчас отвезут в лабораторию. Может быть, там они смогут мне помочь. В конце концов, есть же современная техника. Да и должны же они понять, что одной колотой раной меня не убить. Ведь от десятка пулевых ранений я очухался.

В этот момент из коридора раздался удаляющийся голос Нестерова.

— ...может, мы ещё успеем провести тесты на спинном мозге, да и опыты на мозжечке куда удобнее ставить со снятой черепной коробкой...

Весь мой оптимизм куда-то пропал.

С распиленной черепной коробкой я красивее выглядеть не стану, да и шляпу неудобно носить. Нет, ну какая же зараза этот Нестеров! Сначала экспериментальный гипноз, теперь, значит, черепная коробка! Ну, погоди! Вот только оживу, встану и так отделаю! У тебя не то что детей не будет, ты у меня всю жизнь под капельницей лежать будешь! Да я тебя...

— Ну и бардак тут у него. До чего же люди доходят. Такой помойки я даже в квартирах наркоманов не встречал, — неожиданно поведал кому-то уже знакомый мне по голосу капитан.

— И не говори. Чего только один глаз на стене стоит. Такая мерзость.

— Напоминает бред сумасшедшего, не находишь? — послышался голос с прибалтийским акцентом.

И этот голос тоже кажется знакомым. Но откуда?

— Глаз? Фу какая гадость. А я и не заметил его под ковром.

Под чем?! Никакой ковёр глаз ещё минуту назад не прикрывал. Сейчас, правда, я ничего сказать не могу, потому что вижу теперь только потолок.

— И не говори, — опять послышался знакомый голос.

Ну, где же я его слышал?

— В этот ковёр мы его и завернём, — сказал капитан. — А зачем тебе?..

Послышался глухой удар и тут же за ним звук падающего тела. Не моего. Перед тем как на меня набросили ковёр, меня перевернули и я успел увидеть лицо человека, только что оглушившего, а может, и убившего капитана. Лицо было мне незнакомо. Но вот голос я вспомнил. И ошибиться я не мог. Сначала меня сбил с толку прибалтийский акцент, но этот голос я не мог забыть. Это был человек, которого я называл Колдуном.

Если честно, то я даже немного обрадовался. Уж этот-то должен догадаться, что я почти жив... ну, по крайней мере, ещё мыслю, а значит, существую. Может, хотя бы он захочет

услышать мои мольбы о пощаде, прежде чем убьёт, а для этого меня придётся оживить. Учитывая то, что он делал на дискотеке, для него это пара пустяков. Хотя, судя по тому, что творил на дискотеке я, это и для меня должно быть плёвым делом. Но всё же я с надеждой стал ждать, что же будет дальше. Хуже-то быть не может, так что бояться нечего...

— Значит, всё-таки подох... — неожиданно услышал я совсем рядом с собой огорчённый голос.

А я уж понадеялся...

— Перстенёк-то мой тебе теперь не понадобится, я думаю? — с издёвкой добавил Колдун. Я, естественно, молчал.

— Так я и думал...

Послышался шорох, и мой взгляд сместился с ближней стены на потолок. Однако мне было всё равно. Я вдруг вспомнил о том, что говорил мне Нестеров. Ведь когда снимают перстень, человек умирает. С другой стороны, я-то вроде уже и не живой. Хотя и мёртвым меня назвать язык не поворачивается. Особенно у меня...

Но тут мне стало совсем не до размышлений. Я увидел, как Колдун, наконец появившись в поле моего зрения, берёт мою руку с перстнем. Я так сосредоточенно следил за движениями его рук, что время замедлило свой бег. Я отчётливо видел, как он одной рукой сильно сжимает мою кисть, а другой со всей силы дёргает за перстень. И перстень, блеснув мне напоследок красной искоркой, легко слетает с моего пальца. Видимо, Колдун и сам не ожидал, что перстень так легко снимется, потому что он слегка покачнулся, не удержав равновесие, упал и выругался.

Мертвее, чем я уже был, я не стал. Значит, либо я уже и так совсем мёртв, либо что-то тут не так.

Видимо, так решил и Колдун, потому что он окинул моё брненное тело подозрительным взглядом и, неожиданно резко приблизив своё лицо к моему, распахнул мои веки. Если бы я мог, то, наверное, сказал бы спасибо. Теперь я мог наконец рассмотреть Колдуна получше и увидеть, что одет он в милицейскую униформу, как и человек, лежащий недалеко от меня. Жив капитан или мёртв, я не знал. Колдун же, так ничего интересного в моих глазах не увидев, убрал перстень в карман и подошёл к оглушённому милиционеру. Неожиданно он незаметным движением привёл тело в вертикальное положение и похлопал его по щекам.

— А?..

Милиционер слегка сонно открыл глаза, пытаясь понять, что происходит.

— Ты чего задумался? — совершенно спокойно спросил Колдун.

— Я? А... ну да... Ну что, понесли, что ли? — пришёл в себя милиционер.

— Сначала нужно его в ковёр замотать, — напомнил Колдун.

— Ага. Давай. Я разложу ковёр, а ты тело к нему подтащи...

Из ковра слышимость была очень низкая. Если быть точным, то я вообще ничего не слышал, кроме двигателя машины, на которой меня куда-то везли. Мне почему-то с сожалением подумалось, что везут меня вовсе не в морг. Мне так стало себя жалко, что я даже прослезился... мысленно...

За переживаниями я не заметил, как моё тело вынесли из машины и понесли куда-то. Судя по всему, в лабораторию, потому что когда меня вытащили из ковра, то первым, что я увидел, был стол с какими-то колбами и прочей фигнёй, которая так всех интриговала на уроках химии в школе.

Положили меня конечно же на операционный стол, потому что надо мной светила огромная лампа, типичная для операционных, как их показывают в фильмах.

— Ну что? — послышался голос, в котором я легко узнал Сергея Ивановича, по всей видимости пришедшего проводить «больного».

— Мертвее не бывает, — ответил уже начинающий меня раздражать Нестеров.

— Лидии пока что лучше не говорить. Боюсь, она слишком болезненно воспримет известие о его смерти. Тем более удачно, что она как раз сегодня уехала на оперативку в Киев.

Надо мной появилось озабоченное лицо главного.

— Нужно её там ненадолго задержать... на недельку-две.

— Без проблем, — с готовностью ответил доктор. — Тем более там как раз дело есть подходящее. Трупы с разорванными артериями. Видать, очередной маньяк фильмов про вампиров пересмотрел.

Сергей Иванович нахмурился.

— Я надеюсь, что ты прав и это всего лишь маньяк...

Послышался смешок.

— Да брось ты. Ты же не веришь в эту фигню?

— Всякое бывает, тебе ли не знать. Ну ладно, не будем сейчас об этом. У нас других забот хватает. Нужно снять перстень. Шестой экземпляр нам весьма пригодится, хотя лучше бы... да чего уж там... — махнул рукой главный.

— Конечно... А на какой руке он был?

— А не всё равно? — раздражённо отвечает Сергей Иванович.

— На правой нет.

— Ну, посмотри на левой.

— И на левой нет.

— Что?! Ты что, идиот... — Сергей Иванович замолчал и пропал из виду, видимо, сам решил проверить. Спустил ещё минуту:

— Быстро вызывай спецгруппу! Кто забирал с тобой тело?! Как его фамилия?

— Одного Сергеев, а второго... — протянул Нестеров.

— Второго?! Я с тобой одного Сергеева посылал! Как выглядел второй?

Дальнейшего я не услышал, потому что меня отвлек звук. Очень тихий и уже немного подзабытый, но от этого не менее прекрасный. Я на некоторое время просто растворился в этом звуке. Я очень боялся ошибиться и поэтому старался даже не думать, чтобы не отогнать это наваждение. Но это было определённо не наваждение. Я в этом окончательно убедился спустя несколько минут. Я просто физически ощущал, как мой организм пробуждается от своего странного сна: сердце начинает медленно качать кровь, лёгкие начинают расширяться и сжиматься. В общем, организм решил-таки вспомнить о своей работе, от которой он нагло отлынивал последний десяток часов. Я был так счастлив, что не сразу заметил, что обстановка вокруг меня слегка изменилась: появилось несколько людей в белых халатах и масках. Среди них легко угадывалась дородная фигура Нестерова. По всей видимости, за меня всё-таки решили взяться всерьёз. И это тогда, когда я наконец-то почти ожил. Мне вдруг стало так обидно...

— Значит, сначала сделаем разрезы здесь и здесь... — донёсся до меня голос Нестерова.

От реплики доктора меня отвлекло ещё одно обстоятельство: я начал ощущать холод. Особенно спиной и тем, что пониже, я понял, что лежу на холодном железном столе. Это открытие, вопреки всей ужасности, меня обрадовало ничуть не меньше, чем первый удар сердца.

— Начинаем, — неожиданно отчётливо прозвучал голос Нестерова.

Но начать они ничего не успели. Потому что спустя секунду лежание на холодном железе дало о себе знать и я неожиданно дёрнулся всем телом и... громко чихнул.

Тело вновь стало мне повиноваться. От радости я вскочил как был, в одной набедренной повязке странного фасона, и вдохнул наконец-то полной грудью воздух. Как я соскучился по этому сладкому ощущению вдоха...

В лаборатории стояла полная тишина. Врачи, видимо, были не из слабонервных. Потому что никто в обморок не упал. Они просто в оцепенении, не мигая, смотрели на меня. Тут я вспомнил, что, собственно, со мной собирались сделать, и наконец дал волю чувствам:

— Ах вы крысы лабораторные! Меня резать!!! Я вам покажу тесты на мозжечке!

Неожиданно, исключительно по наитию, я подскочил к ближайшей фигуре в халате и ударил между ног. Совершенно случайно (честное слово) этой фигурой оказался уже порядком разозливший меня Нестеров...

* * *

— И не женюсь я никогда, ведь всё ж дороже мне свобода... Чем эти девичьи уста, что подарила нам природа... — распинался актёр на сцене.

Эх... как давно я не был в театре. На самом деле первый и последний раз я был в театре ещё в детстве... кажется, на спектакле «Кот в сапогах». Помню, что родители меня еле

затащили, а потом весь обратный путь я у них допытывался, зачем убили бедного людоеда. Это был сильный удар по моей детской психике... Шучу, конечно, но всё же людоеда было действительно жалко. Как бы там ни было, а ходить в театр, как оказывается, интересно. Особенно когда ты можешь видеть всё действие, даже то, что происходит за кулисами. Видишь, как актёры судорожно бегают от одного выхода к другому и пытаются не забыть текст, неоднократно бубня его под нос. Иногда мне даже удавалось услышать весьма чётко их мысли. Правда, мысли зрителей почему-то услышать не удавалось. Но над этим я совершенно не задумывался: я просто расслаблялся. Как приятно ощущать своё бренное, но от этого не менее родное тело: двигать им, ощущать запахи, осязать. Всё-таки правильно говорят: что имеем — не храним, потерявши — плачем, но уже, как правило, оказывается слишком поздно. И как всё-таки хорошо, что для меня ещё ничего не поздно. Как прекрасна жизнь! После того как я долгое время был с самим собой наедине, после того как почти умер. Я действительно понял, как мне повезло, что я одарён таким богатством, как жизнь. Причём в довольно неплохом теле. Хотя, конечно, надо бы над ним ещё поработать... но об этом потом.

— В мужчинах лишь одно достойно уважения... Что служат женщинам они без всякого стеснения... — насмешливо проговорила худенькая девица, судя по всему, зайдя сердцеедка.

Тут я бы не согласился. Хотя в чём-то...

Вот я, когда только выскочил из здания, в которое меня свезли, сразу увидел прелестное создание. Хорошо ещё, что одежду успел найти. Охраннику она всё равно уже была не нужна. Да и не погнался за мной никто сразу. Некогда им было. Что-то там в лаборатории взорвалось. Уж не знаю что, но та-а-ак жажнуло. Я всего-то пару колбочек уронил, когда докторов недоделанных раскидывал. А тут ещё охранник прибежал... Кто же виноват, что, когда он меня ударил резиновой (резиновой!) дубинкой, его током шарахнуло. А может, и не током, но задёргался он, будто сунул два пальца в розетку.

Ну так вот, когда я вылетел, да-да, именно вылетел из здания, я оказался напротив театра. И так получилось, что я налетел на девушку, продающую билеты на вечерний сеанс. Мне просто повезло, что у охранника в кармане как раз нашлись деньги. И вот теперь сижу в театре и расслабляюсь. И почему я раньше в театр не ходил?

— Он без неё, иль без него она... кто б что ни говорил, а друг без друга... Их жизнь не будет радостью полна... Так стань же, женщина, счастливой ты супругой... — закончил рассказчик, и занавес начал закрываться под бурные аплодисменты.

Что, уже всё? Вот досада. Я так половину и пропустил. Слишком отвлёкся на свои мысли, да и на чужие тоже. Однако ж всё-таки тут есть о чём поразмыслить. Хотя моя многострадальная голова вместе с не менее многострадальным мозжечком начнёт болеть сразу, как только я задумаюсь о последних событиях.

Что со мной было? Повторится ли это ещё? Как Колдун с меня снял перстень? Почему после этого способности не исчезли? Что мне делать дальше? Стоит ли возвращаться в квартиру или меня уже опять похоронили? И, кстати, о квартире: что это всё-таки за глаз такой и почему никто на него не обращает должного внимания? Никому не кажется странным, что в стене выбит огромный глаз, а в центре находится перстень, похожий на те, за которыми все охотятся. Почему? А уж про то, как же мне всё-таки управлять теми способностями, что у меня есть, я и вовсе молчу.

Ну вот, голова заболела. Лучше не думать об этом. Я решил, что отныне не буду зря тратить своё время. Я должен его тратить с максимальной пользой для себя и других. И вот что касается себя... то времени всего девять часов! Ещё могу — успеть на тренировку к Чину. Подумаешь, немного опоздаю и приду без спортивного костюма...

Пока я размышлял, толпа вынесла меня на улицу. Неожиданно мне вспомнилась встреча на Красной площади после моего первого побега. Не хотелось бы повторять свои ошибки. Вот только где метро, я, к сожалению, не знаю. Если честно, то я даже не знаю, в каком театре был.

Однако решать надо было быстро, медлить не стоило. Тем более что я находился всего метрах в ста от здания лаборатории. Почему-то пожарных машин нигде не было. Видать, не сильный пожар был... а жаль.

Я подошёл к ближайшей парочке, одетой в кожаные «косухи», и спросил, в какой стороне находится метро. Униформа охранника внушала уважение даже на моих худых плечах, поэтому мне охотно объяснили весь путь и ещё предложили сигарету и пива. От сигареты я отказался, а вот пива хлебнул.

До метро я добрался довольно быстро и вскоре, предварительно поплутав по переходам, уже ехал в Новогиреево.

В вагоне метро было довольно много народу, но это не помешало мне удовлетворить своё любопытство. Первым делом, вбежав в вагон, я посмотрел в закрывающиеся двери и, конечно, ничего не увидел. Моё отражение по-прежнему было в увольнительной и явно не собиралось приступать к своим обязанностям. Поэтому я, уже по привычке, отошёл от двери и спрятался между двумя людьми в военной форме. Так я и ехал, постоянно прячась от стёкол, на которых должен бы отразиться мой лик. Мог бы... если бы не... Хм... Если бы не что? Что же со мной такое? Всё гипноз их экспериментальный и Посвящение фиг знает во что.

Кстати, жажда стала бить по моим нервам немного настойчивей. И ещё, я заметил жуткую вещь — мне стало всё равно, какую шею провожать жадным взглядом. А уж вид женской шейки и вовсе заставлял меня едва ли не скрежетать зубами. В голову лезли странные мысли, иногда совершенно глупые и даже, я был почти уверен, не совсем мои.

Ещё меня беспокоило то, что я очнулся от своего очень глубокого онемения ближе к вечеру. А началось оно примерно в районе утра. А вдруг это именно «вампирский» дневной сон? Вот ужас-то! Ещё одного дня в таком режиме я не выдержу.

В любом случае, я об этом скоро узнаю... через каких-нибудь шесть-семь часов. Но лучше об этом вообще не думать.

За размышлениями я не заметил, как оказался около спортивного зала. Из него как раз выходили последние ученики.

Значит, я всё-таки опоздал. Досадно, конечно... но, с другой стороны, я так не привык к мысли о занятиях спортом, что никакого особого огорчения не испытал. И когда меня окликнул уже знакомый тихий голос, я даже немного огорчился.

— Здравствуйте, Виктор. Вы всё-таки пришли. Вот уж не думал.

А уж как я-то не думал.

— Здравствуйте. Да, решил вот немного физически и духовно облагородиться, но занятия, к сожалению уже кончились, — огорчённо сказал я.

Как только я увидел этого удивительного человека, мне действительно стало жаль, что я опоздал.

— Ничего страшного. Я не тороплюсь, так что проходите и переодевайтесь.

Я немного удивился, но всё-таки было приятно. Со мной будет заниматься мастер. Вот только...

— А мне не во что переодеваться, — признался я.

— Ничего страшного, — ничуть не возмущился Чин Кхо, — это не столь важно.

Мне ничего не оставалось, как пройти вслед за Чином в спортзал.

Мы прошли по площадке и начали спускаться по лестнице. Как я и подозревал, спортзалом оказался подвал. Однако оборудован он был по высшему разряду: покрытые серым пластиком стены, мягкие маты, груши, какие-то деревянные фигуры, всё это располагалось на площади в шестьдесят квадратных метров. Совсем неплохо для «скромного» зала.

— Проходите в раздевалку и оставьте там обувь, — проинструктировал Чин Кхо, — потом возвращайтесь, и мы начнём.

* * *

Я, конечно, подозревал, что я не в форме, но чтобы настолько! Я даже невольно вспомнил то приятное время, когда не мог ощущать своё тело. Потому что теперь оно просто сводило меня с ума дикими болями, в непривыкших к работе мышцах и растянутых связках.

Сначала была разминка. Всего лишь полчаса. Всего лишь полчаса, по истечении которых я жутко захотел домой, но, мне кажется, уже не дошёл бы. Вроде простые упражнения, с виду всего немного раз и довольно медленно, просто убивали меня. Тело с хрустом в позвонках прокручивалось влево-вправо. Руки делали круговые движения, постоянно напоминая о себе дружным хрустом локтей. Ноги едва держали бедное измученное тело, не забывая хрустеть при каждом движении. А ведь как всё хорошо начиналось!

— Ну, я думаю, что для первого раза мы сделаем тренировку попроще. Скажем, упрощённую тренировку детей-первогодок, — сказал Чин Кхо, окинув сочувствующим взглядом мою фигуру. Меня покорило то, что он говорил совершенно серьёзно. Я, естественно, скрепя сердце согласился, хотя всё же хотел сказать, что жалеть меня не стоит и что он меня недооценивает. Оказалось, что он меня даже переоценил. Лучше было мне сделать тренировку, рассчитанную на детей с нарушенной координацией или с проблемами опорно-двигательной системы, было бы не так страшно. А ещё лучше было сразу отказаться от этой глупой затеи. Ну не выходит из меня спортсмена. Самое обидное, что просто упасть и спокойно умереть мне не позволяли остатки гордости. Если уж я не могу упрощённую тренировку первоклассников выдержать, то что говорить об остальном. Пить было нельзя, поэтому все три часа тренировки я мучился от дикой жажды. Но разминка всё же закончилась, я был ещё жив и даже почти мог двигаться. Поэтому тренировка продолжалась. После того как я в течение часа простоял в одной стойке, постоянно понукаемый к «поправлению ноги», «выпрямлению позвоночника» и «слежению за своим телом», дескать, оно само знает, что ему лучше, просто нужно ему не мешать. Не знаю, как тела других учеников, но моё хотело только одного — завалиться в постель и тихо умереть. Я с ним был в общем-то полностью согласен. Потом в течение часа я ещё повторял одно и то же движение, так, впрочем, мало-мальски правильно его и не сделав. И под конец меня заставили отжаться столько раз, сколько я не отжимался за всю жизнь. К растяжке мы сегодня приступать не стали, потому что я всё же был в брюках. Как я подозреваю, это меня спасло от чего-то ужасного. При выходе из спортзала Чин меня подбодрил, сказав, что я сегодня занимался совсем неплохо для новичка. Следующее занятие мы назначили на понедельник. Выходные мне оставили для расслабления «натруженных» мышц. Если честно, то я очень надеялся на способности к восстановлению, потому что без них раньше чем через месяц-другой я в строй не вернусь. Чин пожал мне руку и отправился в противоположную сторону. Я же, дождавшись, когда он скроется за поворотом, согнулся в три погибели и пополз к автобусной остановке. Более всего я сейчас напоминал Квазимодо в его самые худшие дни, хотя, мне кажется, меня всё же скрутило сильнее. В общем, как бы то ни было, я сел в автобус и поехал домой. Тело у меня болело ничуть не меньше, чем когда я упал из окна морга. Может, даже больше. Вот уж не скажешь, что в этом тихом человеке со спокойным взглядом столько склонности к садизму. Но вообще-то мне Чин нравится. Хорошо, что есть такие люди, которые приносят в этот мир хаоса какую-то стабильность. К дому я подошёл с опаской. Выглянул из-за угла и вроде бы ничего не заметил. Подошёл к подъезду и, тихо открыв дверь, заглянул внутрь. Пусто и тихо. Это хорошо. Я тихонько, немного хрустя костями, поднялся на второй этаж и в который раз понял, что ключей у меня нет. Уж не знаю, где они. В доме или где-то в Агентстве. Но без ключей в квартиру не попасть. Ну не закон подлости, а? В мою квартиру может попасть кто угодно: и милиция, и воры, и вандалы, и убийца, и Лана. Кто угодно, кроме меня — собственно хозяина квартиры. Тело болело, но всё равно другого выхода я не видел. Нужно лезть через балкон. На улице я огляделся по сторонам и, никого не увидев, схватился за трубу и начал по ней подниматься, с трудом преодолевая боль в суставах, связках и мышцах. — Вы куда это собрались, Виктор Михайлович? — послышалось за спиной. Это было столь неожиданно, что последние силы покинули моё тело и я бухнулся вниз с высоты второго этажа, на который уже почти забрался. Сильные руки меня заботливо подняли и опёрли на не менее сильное плечо. Удивительно. А с виду капитан Лыско таким уж крепким не кажется. — Что же вы в таком состоянии ещё и по трубам лазать, — осведомился капитан. Я всё ещё восстанавливал дыхание после падения и не мог ответить. — Уф-ф... — Где же это вас так угораздило? — дав мне прийти в себя, спросил он. — Да вот не поверите, спортом решил заняться. Пошёл в спортивную секцию, а на обратном пути выяснил, что ключи потерял.

— И каким же вы спортом, с вашего позволения, занялись? — с ещё большим интересом спросил капитан.

— Кун... Ушу, — поправился я.

Лицо Лысько просветлело:

— Не у Чина случаем?

— Да, — немного удивлённо ответил я. Это что же, все всех знают, кроме меня? Но вообще-то я всегда считал, что Москва город маленький... Капитан понимающе улыбнулся.

— Первая тренировка? Тогда всё понятно. Помню свою первую, я потом неделю компрессы прикладывал.

— Вы там занимаетесь?!

Вот уж удивительно. А с виду и не скажешь.

— Не занимаюсь, но пробовал, было дело, — ответил капитан, а потом задумчиво добавил:

— Я вас тут ждал, чтобы разобраться наконец со странными событиями вокруг вас. Не внушали вы мне доверия, Виктор Михайлович. Да ещё с самого верха пришло указание ни в коем случае вас не трогать. Я решил вас тут подкараулить и поговорить по душам, тем более, что у подъезда нашёл вот это, — капитан показал мне довольно знакомые ключи. Если честно, то я не думал, что настолько заинтересовал здешнюю милицию.

— Однако Мастеру Чину я доверяю. Он-то в людях разбирается и просто так учить бы вас не стал. Но всё же хотелось бы услышать некоторые объяснения. Например, откуда форма охранника? Неужели переквалифицировались?

Я немного помолчал.

— Это долгая и немного... странная история.

— И без ста грамм не разберёшься, — неожиданно заговорщицки подмигнул мне Лысько.

На том мы и порешили. Я забежал домой, полазил по завалам в комнате и взял остатки денег за батареей — целые двадцать рублей. Я про них вспомнил, пока лежал онемевший, я вообще много чего тогда вспомнил. В том числе и об этой старой записке.

Потом мы с Алексеем Геннадиевичем (после первой мы уже перешли на ты) отправились в близлежащее кафе-бар.

Сказать по правде, фактов я мог предоставить не так уж много, в основном размышления и догадки, но после третьей из меня просто полились откровения. Алексей был хорошим слушателем, не перебивал меня и не выказывал недоверия или скептицизма. Только иногда делал некоторые уточнения. Просто внимательно слушал. Ну... почти внимательно.

— Ну вот я и думаю. Что-то тут не то. Ну, заставил я этого мужика бросить пистолет и пойти с повинной к вам в контору...

— А! Так вот, значит, оно как. У нас весь участок ржал. Пришёл мужик, подписал повинную, дал показания. Собственно, его и так разыскивали. Сам зашёл в камеру, а потом давай удивлённо глазами лупить и кричать, чтобы его немедленно выпустили и что у нас нет доказательств. Теперь всё понятно, — Лысько неопределённо хмыкнул.

— А когда ты зашёл, сказал, что соседку ограбили, — вспомнил я, — потом ещё выяснилось, она имеет какое-то отношение ко всей этой катавасии. Хотя я сам ещё не очень представляю какое. Её муж чем-то очень важным занимался...

— Ага! Вот про мужа я тебе кое-что интересное поведать, пожалуй, могу. Меня это дело тоже заинтересовало, и я навёл справки, какие позволяет моё довольно скромное положение. Муж её пять лет работал в Америке, а потом вернулся на родину, чтобы тут какие-то опыты проводить. Его тут, стоило ли сомневаться, приняли с распростёртыми объятиями, мозги-то в кои веки не утекают, а наоборот — возвращаются, да ещё и не с пустыми руками. Уже тут он женился на Клавдии Степановне и продолжил свою работу в домашних условиях.

— А над чем он работал? — с надеждой спросил я.

— Я тебе кто, Джеймс Бонд, что ли? Или хакер какой? Узнал, что доступно для смертных, а остальное тебе и то легче узнать через Агентство это... кстати, странно, что я о нём никогда не слышал. Хотя, опять-таки, мы люди простые...

Ну не такие уж и простые. Ведь как же это он удачно интересуется именно теми вещами, которые действительно заслуживают внимания. Ну откуда ему было знать, что кража у соседки как-то связана со мной? Интуиция? Это так просто не пропьёшь. Да и верит он

моим бредням или очень хорошо притворяется! Только зачем ему притворяться? Значит, всё-таки, верит...

— А какую ты ждал реакцию? — насмешливо ответил вопросом на мой вопрос Алексей. — Во-первых, против фактов не попрёшь, а во-вторых, современный человек уже ко всему приспособлен. К гадалкам ходим, белым и чёрным магам, потомственным колдунам и шаманам. Порчи снимаем и наводим, читаем гороскопы, крестимся. Нынче такое время. Время, когда все правила и законы, в том числе и природы, имеют сугубо личностный характер. Кто-то верит в Бога, а кто-то называет себя атеистом и читает построенные сугубо на «научном» принципе гороскопы. Всякое в моей жизни бывало, и сверхъестественное встречалось. Будет время, расскажу, — предупреждая мой вопрос, сказал капитан.

В общем, мы посидели весьма неплохо. Даже несмотря на веселящихся в баре братков (без них уже и шагу ступить нельзя!). Форма капитана милиции и охранника внушала некоторое уважение. В кои-то веки я посидел в баре без всяких проблем. Я даже на время забыл про своё брненное тело, которое наконец-то немного расслабилось. Однако едва я попытался встать, чтобы сходить в туалет, как его скрутила болезненная судорога, хотя и слегка притуплённая алкоголем.

— Э, брат, — посмотрев на меня, произнёс Алексей. — Да я и забыл, что у тебя сегодня первый день в спорте. Тебе бы полежать нужно. Могу тебя успокоить, — с улыбкой добавил он, — завтра будет ещё хуже, а уж послезавтра и вовсе...

Он взглянул на страдальческое выражение моего лица и сжалился.

— Ну ладно, остальное расскажешь завтра. Я к тебе вечером заскочу. Ты смотри, лучше завтра из дома не выходи. Мало ли что.

— Да моя бы воля, я бы с недельку не выходил, — честно признался я.

На том и порешили.

Поскольку я успел ему рассказать историю своих злоключений только до побега из больницы в Кремле, он ещё не знал, что до вечера я могу опять потерять контроль над телом.

Я же на обратном пути к дому только об этом и думал. В конце концов я пришёл к выводу, что это не так уж и плохо. Зато не буду чувствовать больного тела. Это было, конечно, глупо, но на не совсем трезвую голову казалось замечательным выходом из ситуации. Поэтому, попрощавшись с Алексеем у своего подъезда и поднявшись домой, я спокойно прошёл по уже привычным завалам в комнате и лёг не раздеваясь. На тот случай, если тело всё-таки отключится и опять припрутся какие-нибудь незваные гости. Не хотелось бы, чтобы меня нашли голым.

В голове был сумбур от повторного переживания событий во время рассказа Алексею и, главным образом, от выпивки.

— На самом деле я никогда особенно не пил. Только в последнее время. Ну, в последнее время-то всё идёт, мягко говоря, не так, как обычно.

В задумчивости я окинул беглым взглядом свою комнату. Завалы достигли прямо-таки глобальных масштабов. Тут и все мои многострадальные потоптанные и многократно порванные книги. От мебели, не считая кровати и стола, ничего не осталось. Все полки раскиданы, стулья в щепки. На слегка подкошенном столе одиноко лежит почерневшая клавиатура. Всюду грязь, всё в следах. О ванной я вообще боялся думать, наверное, там уже целый пруд с лягушками. И так вдруг противно стало. В голове не билось не одной мысли, кроме брезгливости.

Скорее автоматически, чем осознанно, я поднялся с кровати и начал убираться. Сначала, конечно, собрал все уцелевшие книги. Затем начал разгребать мусор и стаскивать его в коридор. Не удержавшись, заглянул в ванную и ужаснулся открывшимся водным просторам. Последующие несколько часов вычёрпывал воду, а затем вытирал пол. Как когда-то мне помогло мытьё посуды, так и теперь уборка быстро избавила от головной боли и похмелья. Единственное, что страдало от уборки, так это моё многострадальное тело. Когда я наконец вышел из ванной, то походил не на Квазимодо (тот показался бы в сравнении со мной просто очаровашкой), а на раздавленную сороконожку. Спина не разгибалась. Но всё же я с удивительным упорством продолжал убираться. На улице уже начало светать.

Пока наводил порядок, я успел решить, что напишу записку, на всякий случай. И если тело опять отключится, то те, кто наверняка ко мне ворвутся, будут знать, что резать и хоронить меня не стоит. С другой стороны, смотря кто ещё ворвётся. А то, может, лучше, чтобы похоронили...

Пока я так рассуждал, дело дошло до сброшенных книжных полок. Я как раз взялся за первую, повесил на один гвоздь и собрался вешать на второй, когда неожиданно заметил, что она никак не желает на этот гвоздь вешаться. Я даже не сразу понял, что на самом деле, как я ни стараюсь, это моя рука не двигается. Я хотел было посмотреть, что с рукой, но голова двигаться тоже отказалась.

Всё повторялось, я перестал чувствовать своё тело, даже записку написать не успел. Перед глазами замерли полка и обои. Тело больше не болело. Собственно, его вообще будто и не было. Осталась только тюрьма с двумя открытыми окнами. Ну, ничего...

Глава 10

Нет, столько стоять предельно неудобно и чертовски скучно. Я уже успел исследовать каждый миллиметр видимого участка жутко грязных обоев с неизвестно откуда взявшимися следами ботинок и изучил всю поверхность полки, которую, кстати, уже довольно долгое время продолжал держать. С другой стороны, стоять таким образом было весьма полезно и продуктивно — для мышления. Я смог наконец-то подключить все свои умственные ресурсы (ну те, что есть, по крайней мере). Тело моё снова отключилось, а разум, как и в прошлый раз, продолжал работать. Интересно, что я не упал, как это бывает при потере сознания, а словно замер. Но если в прошлый раз я считал, что это было связано с перстнем, то теперь-то понимаю, что прямой связи нет. Значит, я упустил ещё что-то очень важное...

Я мысленно зевнул. Минуточку! Мысленно? Может, я и поспать наконец-то смогу, хотя бы мысленно? Стоило попробовать, но как? Закрыть мысленно глаза? Глупо.

Так я и раздумывал, уставившись в одну точку, пока сам не заметил, как действительно отключился. Мне даже что-то снилось. Кажется, немного странная деревня или даже маленький городок. С комичными домами самых невероятных форм и цветов. Не представляю, из чего они могли быть построены. Канонически розовые, зелёные в форме сферы, чёрные, напоминающие маленькие останкинские телебашни. Всё это смотрелось несколько жутко и более чем странно. При этом, хотя я и не уверен, над каждым домом стояла своя погода: где шёл снег, где пекло солнце, а где даже лил дождь. По улицам ходили чудные люди. Более всего это напоминало показ моделей какого-нибудь новомодного кутюрье: кричащие цвета, пугающие фасоны. От всей этой пестроты мне даже во сне стало дурно.

Сновидение было очень расплывчатым, как, впрочем, и всегда. Просто раньше мне ничего похожего не снилось. Поэтому, когда я всё-таки проснулся, мне потребовалось некоторое время, чтобы сбросить наваждение. Вовремя помогла полка, которая неожиданно грохнулась мне на ногу.

Я подскочил и запрыгал по комнате на одной ноге, ругаясь на чём свет стоит. Тут ещё мне подвернулась стопка аккуратно сложенных мной же книг. Я с размаху грохнулся на пол и затаих, продолжая скрежетать зубами.

Спустя пару секунд до меня дошло, что пол-то грязный, а форма охранника, что на мне, — единственная чистая и целая одежда в квартире.

Я вскочил и начал отряхиваться. Мысли в голове забегали табуном, сопровождая своё движение жутким топотом. Неужели я теперь буду вот так каждый день отключаться?

Минуточку... день? Я даже не сразу заметил, что на улице уже вечер. Видел я в окружающей меня темноте просто прекрасно, поэтому, уже почти привыкнув к этой весьма полезной способности, не сразу заметил смену времени суток. И самое удивительное, я не только видел, но и чувствовал себя тоже просто замечательно. Мышцы не ныли, связки не болели.

Даже похмельного синдрома не было. Это, конечно, явный плюс. Об этом стоит подумать во время завтрака.

Желудок отчаянно заурчал.

Вот только есть-то нечего.

Не водится в моей квартире еда. В холодильник заглядывать бесполезно, да и опасно. До того, как выключилось электричество, там уже ничего съедобного не было, а теперь уж... И деньги все вчера в баре проел, вернее пропил. Все свои двадцать рублей. А что?! Мне теперь и пить можно. Как показывает практика, дневной сон действует прямо-таки воскрешающе. За организм можно не волноваться, его теперь хрен погубишь! А вот кушать всё равно хочется. Что же делать-то?

Не верится, что ко мне никто даже не вломился за весь день. Это удивительно, учитывая то, что в последнее время моя квартира стала просто проходным двором.

Можно, можно... можно зайти к соседке.

Хотя всё же не стоит. Неприлично как-то. А вот если...

Мои размышления прервал стук в дверь. В кои-то веки в неё постучали. Не вышибли, не открыли отмычкой, а именно постучали.

Я судорожно оглядел всё ещё весьма захламлённую комнату, всё ещё весьма помятого себя и, вздохнув, пошёл открыть дверь. Может быть, пришла добрая душа покормить меня голодного? Хоть бы три корочки хлеба или мяса кусочек... с кровью. Ой ты ё! Как же меня всё достало!

В глазок я посмотреть забыл, потому что перед моим голодным взором уже проплывали самые разнообразные блюда. От фаршированных баклажанов до супа Галина с Бланком.

Эх, слюнки текут...

— Сантехника вызывали?

Я с трудом отвлёкся от столь вкусных и приятных мыслей и попытался вникнуть в смысл фразы, попутно сглатывая слюну.

— Я грю, сантехника вызывали? — повторил глубокий, хотя и слегка пропитый баритон.

— Да, конечно, вызывал, проходите. Я ещё неделю назад вызывал, — наконец на удивление осмысленно среагировал я.

Здоровенный мужик в довольно приличном костюме (ну, для сантехника приличном), почесал бороду.

— Дык я же говорил, что, пока электрик не придёт, я ничего делать не могу.

— Простите, что спрашиваю, но зачем вы тогда зашли? — не слишком приветливо поинтересовался я.

— Да мимо просто проходил, вот и зашёл.

Поиздеваться он, что ли, зашёл?

— Гм... — многозначительно произнёс я, — но ведь электрик сказал...

— Да знаю я, что он сказал, — перебил сантехник. — Мы с ним на днях согласуем расписания, через недельку-две будет окно, в которое мы неофициально придём вместе и всё сделаем.

— Неофициально — это значит, что и оплата неофициальная? — подозрительно спросил я.

— Конечно. А вы что думали? У нас расписание. Мы же не можем из-за вас его нарушать.

— Ну это, допустим, понятно. Но не через две недели?! Как же я буду без электричества и с протекающим водопроводом. Я же даже из дому отлучиться не могу!

Я потихоньку начал закипать.

— А что я могу без электрика сделать? — развёл он руками. — Между прочим, это очень опасно, работать с водопроводом, когда в квартире проблемы с электропроводкой.

— А жить, значит, по-вашему, в такой квартире безопасно?! — вскричал я.

— Повторяю, без электрика я ничего сделать не могу, — повторно развёл руками сантехник.

Мы замолчали одновременно. В воздухе повисла тягучая пауза.

Внизу хлопнула дверь и послышались тяжёлые шаги. Мы с сантехником невольно замерли, продолжая думать о своём и слушая звук приближающихся шагов.

На лестничной площадке появился маленький коренастый мужичок. Поначалу мне не верилось, что такой небольшой мужичок может так топать, но когда он подошёл и, представившись, пожал руку... крепкий мужик. Больше тут сказать нечего.

— Здравствуйте, — кивнул он, и повернулся к сантехнику: — Здорово, Коляныч. Я тут мимо проходил, вижу, ты стоишь. Дай, думаю, загляну. Тем более в этой квартире, помнится, как раз с электричеством нелады.

— А, так вы электрик, — обрадовался я.

— Точно, — кивнул мужичок. — Ну что, Коль, пойдём, глянем что к чему?

* * *

В последующие десять минут я забыл про голод и с надеждой наблюдал за копошащимися работниками жэка. Спустя ещё минут пять ко мне подошёл электрик и радостно сообщил: — Ну что ж, всё понятно. Сейчас всё сделаем. Только нужно за деталями некоторыми сбегать на рынок, пока он ещё не закрылся, и всё будет тип-топ. С вас две, за работу и за детали.

Этого-то я и боялся.

— А вообще-то вам повезло, что я проходил мимо, — продолжил электрик, — потому что потом бы вы неизвестно когда нас выловили. У нас жёсткий график.

— Извините. У меня сейчас денег нет, — смущённо пробормотал я, — но...

— Э нет, так дело не пойдёт, — тут же перебил электрик, — мы в кредит не работаем. Что же нам, трубки за свои деньги покупать? Мы вам что, благотворительная организация? Коль, пойдём-ка отсюда, здесь не ценят работу настоящих профессионалов.

С этими словами они быстро собрали инструменты и поспешили удалиться. Судя по взглядам, которые они бросили в мою сторону при выходе, окно в графиках они найдут разве что через десяток лет.

Эх, ну что за жизнь такая? Такого удара судьбы я не ожидал. Изменения в моей жизни приобретают прямо-таки катастрофический характер. Без электричества, еды, работы, с протекающим водопроводом. Просто ужас. Более того, у меня теперь нет даже компьютера! Я даже не могу получить самое насущное... вылезти в Интернет. На фоне всего этого тот факт, что я стал вампиром, которых, кстати, вообще-то не существует, просто теряется. И ведь не пойдёшь к друзьям просить деньги в долг, гордость не позволит. Хотя, конечно, сейчас не до гордости...

Между прочим, нужно встретиться с Хазом. После переделки на дискотеке я позабыл, что работа у меня как раз есть. Причём аванс я уже получил и даже успел потратить. Деваться некуда, нужно работать. Вот только что со мной сделает Хаз, когда я появлюсь пред его очи с таким опозданием? Толстяк уж небось вовсю пашет за двоих. Стыдно даже как-то.

В дверь опять постучали. Культурно так, ровно три раза с паузой ровно в секунду.

На сей раз в глазок я посмотрел. За дверью улыбался Сергей Иванович. Открыто так улыбался. Явно не к добру.

Я с лёгкой опаской открыл дверь.

— Здравствуйте, Виктор. Как дела у вас, как себя чувствуете? — подозрительно участливо поинтересовался он.

Пришлось изобразить вымученную улыбку.

— Просто великолепно. Тут давеча так хорошо спал. А что это вы в столь позднее время гуляете или по работе?

— Да, в общем-то, и так, и так, — уклончиво ответил Сергей Иванович.

Поняв, что так просто он не уйдёт, я всё-таки посторонился и пустил его в квартиру.

— Э-э-э. Что-то у вас тут не прибрано и темновато. На дворе вечер, надо хоть свет включать. Я, конечно, понимаю, что вы у нас и в темноте видите, но хоть ради гостя бы включили.

Я понял, что со мной играют в какую-то игру, причём я уже заранее проиграл, но всё же я решил не отступать.

— Да вот нет электричества, компьютер у меня сгорел. Электричество тоже перестало работать. Привыкаю к темноте.

— А что, вам к ней ещё и привыкать нужно? — с интересом осведомился Сергей Иванович.

— Разве вам не всё равно, свет или тьма?

— Нет, — нехотя ответил я, — тьма, как бы это так попонятнее сказать... Она светлее и приветливее... вы не поймёте. Я и сам, чёрт возьми, не понимаю.

— Нужно будет поподробнее это обсудить в лаборатории. С вами давно хочет побеседовать Нестеров. Уверяю вас, он совершенно не обижается за то, что вы его ударили в... ударили. Всего-то два раза.

— Ах да, лаборатория... — протянул я. — Вы понимаете, мне сейчас некогда, нужно срочно на работу идти. Деньги, знаете ли, приходят и уходят, а кушать хочется всегда. Тем более, что у меня есть обязательства.

Сергей Иванович развеселился ещё больше:

— Ну, у нас есть замечательная столовая. Вам там понравится. Кормят прямо-таки на убой.

— Перед посещением вашей лаборатории это как нигде актуально, — ввернул я.

— А что касается денег, — как ни в чём не бывало продолжил он, — так мы вам можем предоставить стандартный оклад сотрудника оперативного отдела. Будете изредка ходить на дежурства и каждый день в лабораторию. Времени больше, чем обычная работа, это не займёт, тем более вам это будет весьма полезно и наверняка интересно, а зарплата весьма достойная. При желании вы сможете это даже совместить с вашими обязательствами.

— Достойная зарплата, это сколько? — нарочито небрежно осведомился я.

Сергей Иванович сделал вид, что что-то подсчитывает в уме.

— Ну... что-то около шести тысяч.

— Немного платят госслужащим, — усмехнулся я.

— Это, конечно, не столь шикарно, как вы привыкли, — признал Сергей Иванович с лёгкой улыбкой, — но и на шесть тысяч долларов можно продержаться... на сухариках.

Сколько?! Да я столько в год не зарабатывал! За такие деньги они могут на мне хоть смертельные вирусы проверять. И я наконец-то почию электричество, куплю новый телевизор, компьютер. Да чего уж там, можно отправиться отдохнуть на солнечные Канары... ах да, какие Канары... Ну хоть в Трансильванию к дедушке съезжу (шутка). Наконец-то смогу достойно выглядеть у нас в клубе и даже Чижа за пояс заткнуть!.. Красота...

Видимо, все мои мысли были написаны на лице, потому что Сергей Иванович кивнул и полез в карман своего модного пиджака.

— Вот аванс на первое время. Мы вам, безусловно, доверяем, так что завтра милости просим к нам в гости. Адрес знаете, вы там уже бывали.

Я молча взял стопку зелёных банкнот и слегка дрожащей рукой отправил в карман брюк.

— Договорились.

Сергей Иванович повернулся было к выходу, но спросил:

— Да, кстати, я полагаю, вы будете работать только в ночную смену?

— Безусловно.

— Замечательно. Тогда до встречи.

— Ладно, только шнурки поглажу и сразу же к вам, — покладисто согласился я.

Дверь за Сергеем Ивановичем закрылась, и я застыл в коридоре, ожидая, пока он спустится по лестнице и отойдёт подальше от моего дома. Как только в моих руках оказались деньги, я едва удержался, чтобы тут же не побежать в магазин. Однако не хотелось показывать, насколько эти деньги мне сейчас нужны. Тем более, было во всём происходящем что-то подозрительное. Не покидало ощущение, что меня купили. С другой стороны, каждый продаёт частицу себя и своего времени, идя на работу. Так почему я не могу продать эту частицу? Тем более за такую цену.

Через несколько минут я выскочил из подъезда и поспешил в магазин. За последнее время я кое-чему научился и не забывал смотреть по сторонам. На мой неискушённый, но всевидящий в темноте взгляд, за мной никто не шёл. Хотя, если вспомнить появляющихся из ниоткуда людей, ни в чём уверенным я быть уже не мог.

Собственно, вечер только начался. Спать я уже, по всем признакам, буду только днём. Так что впереди ещё весь вечер и ночь. Погулять, что ли? Сходить в казино или ресторан, или в Интернет-кафе? Такой большой выбор. Я просто теряюсь.

Прошмыгнув очередной тёмный переулок, я вышел на освещённую улицу, ведущую к метро. Вечернее, на дорогах суeta, сравнимая разве что с толкучкой на Измайловском рынке воскресным утром. Поэтому сразу перескочить на другую сторону улицы не получилось. И, как назло, именно в тот момент, когда я стоял на светофоре и

щёлкал клювом, мимо проходил бравый милиционер. Дёрнул же его чёрт посмотреть на мою слишком радостную для столь растрёпанного вида физиономию и на всякий случай подойти и проверить документы.

— Майор Николаев, будьте добры документики, — с дружеской улыбкой козырнул он.

Документиков для ментика у меня, конечно, нет. Я даже так сразу не вспомню, где же я их оставил-то. То ли в морге, то ли ещё раньше в таинственном зале Посвящения, то ли ещё где. В общем, документы канули в лету.

— Ой, вы знаете, я только в магазин за продуктами выскочил, тут рядом. Документы все дома оставил.

Приветливая улыбка майора сменилась подозрительностью.

— Нехорошо, товарищ, вы читали, что в паспорте написано? Его всегда нужно носить с собой, независимо от того, идёте вы в магазин или едете в другой город.

— Да ладно вам, — махнул рукой я, — обещаю больше так не делать.

— Конечно, больше вы так делать не будете, а пока пройдёмте, — невозмутимо произнёс милиционер.

Я, как любой современный человек, постоянно слышу, что взятки берут все и что давать взятки — это так же естественно, как здороваться. Но сам этого никогда не делал. А поскольку в чём-то я оставался и остаюсь человеком простым, я и сделал просто.

— Сколько? — самым будничным тоном спросил я, доставая из кармана стопку долларов.

Я допускаю, что встречаются честные менты, в той же мере, насколько считал реальным встретить инопланетян. Кто же знал, что именно на это я и напорюсь? Конечно, я имею в виду не инопланетян.

Я, в общем-то, даже понимал, что за отсутствие документов могут отправить в КПЗ. Но, как эта КПЗ выглядит, не представлял. И уж тем более не предполагал, что сразу после того, как честный мент отведёт меня в это КПЗ, меня обыщет куда менее честный мент и заберёт все мои деньги. Что самое обидное, я сдуру взял с собой весь, уже второй по счёту аванс. Сергей Иванович дал мне столько денег наверняка из лучших побуждений. Интересно, он очень огорчится, когда узнает, что у меня их отняли? Может быть, он поймёт меня и даст ещё один маленький авансик, чтобы дожить до первой зарплаты. А я ведь, как назло, так и остался голодным, ну хоть прутья железные грызи.

Сел я на краешек скамьи КПЗ и, знаете, так обидно стало. Ну просто ужасно обидно. Не жизнь, а издевательство какое-то. И ведь никого вокруг нет. Тот мент, что привёл, уже давно дома с семьёй, а тот, что обыскал и посадил в КПЗ, наверное, от радости скачет... причём скачет в сторону ближайшего водочного магазина. А как же иначе? Надо ж отметить столь солидную прибавку к столь скромненькому жалованью.

Примерно с час я просидел на облупившейся скамейке, а потом начал мерить шагами небольшое помещение камеры принудительного заключения. Конечно, никто ко мне в гости заходить не собирался. Дошло до того, что я начал стучать по прутьям и кричать, дескать, кормить-то здесь будут?

Никто на меня внимания не обращал. Сорвав горло, я ради интереса начал читать надписи на скамейке. «Здесь был Петя», «Я ещё вернусь», «Сидишь? Вот и сиди» несколько скрасили с десяток минут времени моего заключения. Но надписи кончились, а клетка всё ещё была закрыта.

Время текло очень медленно. Каждая минута казалась часом, а каждый час — сутками. Я уже успел представить, как утром в камере найдут моё бездыханное тело и что с ним могут сделать до вечера. А то и хуже...

Однако до стадии «а то и хуже» я всё же не дошёл.

В сотый раз меряя ровным шагом огороженный железными прутьями угол, я провалился. Я не разглядел куда, но мне кажется, что более всего это напоминало люк в телевизионной игре «Русская рулетка». Получалось, что кому-то я явно проиграл... причём, вполне возможно, такую мелочь, как моя жизнь.

Глава 11

Пал я минуты две моего сугубо объективного времени. За это время я даже успел удивиться появлению в бетонном полу странного люка. Вот испугаться я, правда, не успел, потому что, когда я уже собрался с силами, моё падение неожиданно завершилось. Вопреки моим ещё до конца не сформировавшимся надеждам, я со всего размаха хряпнулся об очень твёрдый пол. Настолько твёрдый, что пришёл в себя я весьма не скоро. А когда пришёл, то ощутил каждой клеткой больного тела, что больше с такой высоты лучше никогда не падать. Лучше вообще не падать.

А потом я очнулся лежащим в... своей постели?

Так это всё был сон? Нет, минуточку. Это только в книжках бывает, что человек запросто путает сон с явью. На самом деле это возможно только в первые минуты пробуждения. И снов, настолько реальных, что их можно спутать с жизнью, не бывает. Во всяком случае у меня таких снов не бывало. Слишком много в сновидениях неточностей и слишком они распылчатые. Хотя... как хотелось бы действительно оказаться дома, в своей постели. На столе стоит не выключенный компьютер, тихо шуршит телевизор и звонит будильник...

Я открыл глаза и сладко потянулся. И тут мои глаза наткнулись на что-то странное: комната была какой-то не такой. Если быть точным, то это была не та комната, о которой я грезил, а хоромы размером с зал кинотеатра. Все стены были красного цвета, под потолком висела лампа, состоящая из сотни-другой горящих свечей. Окон не было, единственное, что скрашивало обстановку, — это большое количество картин с дневными пейзажами. Все картины были исключительно дневной тематики, что довольно странно смотрелось на фоне сплошных красных стен.

Повернувшись назад, я онемел от удивления. Со стены, к которой прилежала кровать, на меня смотрел знакомый глаз с красным зрачком — копия того, который успел прижиться в моей комнате. Только оболочка у него была не красная, как у меня дома, а зелёная.

Я задумчиво смотрел на глаз, пытаюсь понять, как же я тут оказался и что вообще происходит. Вроде бы психов в роду у меня не было и травку я никогда не курил. Так откуда же такие глюки? Хотя, похоже, и не глюки это вовсе, что самое ужасное.

Вот в таком оцепенении меня и застал некто. Некто зашёл через дверь (она даже не скрипнула) и невозмутимо спросил:

— Что желает граф?

— Не знаю, а почему вы у меня спрашиваете? Вот у него и спросите, — откликнулся я из-за спинки кровати, за которую нырнул всего секунду назад.

Из своего укрытия я смог повнимательнее рассмотреть посетителя: тощий тщедушный старичок с маленькой бородкой-эспаньолкой и усталыми глазами смотрел на меня со странным выражением, а-ля «стена и то выразительнее».

Впрочем, я почему-то сразу решил, что он чем-то недоволен, и посему нарёк его физиономию гордым прилагательным «постная».

— Граф изволит шутить? — всё с той же постной миной спросил старичок.

— Граф изволит отсутствовать, — ответил я. — Я за него.

— Как вам будет угодно. Желаете завтракать? Или наконец-то отправитесь на охоту? — На лице старичка промелькнуло какое-то смутно знакомое кровожадное выражение.

И где я мог видеть подобное?

Тут я вспомнил о том, что я голодный как волк.

— Охота? Можно и поохотиться, — на всякий случай пошутил я. — А сколько время-то нынче? А то окошек-то нема, и часов не наблюдаю, видать, я счастливый.

— Полночь, граф, как всегда. Сколько же ещё?

Ну да, конечно, как же я не догадался. Судя по выражению лица старичка, я, по его мнению, должен представлять собой ходячие часы и знать время вплоть до наносекунд.

— Ну, тогда изволь принести мне одежду. А то как-то я выгляжу не соответствующе в своих семейных трусах в горошек.

И откуда они вообще взялись?

— Всё уже готово, — отвечивал старичок.

И вправду, на кровати уже лежал костюм: чёрные брюки, некое подобие пиджака, рубашка и плащ. Всегда мечтал о плаще, только бы в нём не запутаться. И вообще, откуда это всё взялось?

По-быстрому одевшись, я глянул на старичка.

— А как тебя зовут? Запомнил я, старость не радость, знаешь ли... — побряхтел я для достоверности.

— Понимаю, — невозмутимо ответил старичок. — Я Франкофт Третий, уже третий в своём поколении служу вам верой и правдой...

— А... понятно, — сразу заскучал я. — Ну что? Я поеду охотиться? Или пойду? Или... а?

— Как вам будет угодно.

Вот заладил!

— Всё, я ухожу и больше не вернусь! Злые вы... — я выжидающе уставился на Френки.

— Как вам...

— Мо-олчать!

Если это сон, то это мой сон, а значит, я могу делать, что хочу. Если это глюк, то тем более нужно оторваться, раз есть возможность. А уж если это ни то, ни другое, то терять мне и вовсе нечего. Чувство юмора, пусть и плоского, единственное моё спасение от окончательного помешательства.

Тем более, этот старичок мне уже успел надоест. Надо его как-нибудь расшевелить, раз уж я тут за этого их графа.

— Сми-и-рно!

Старик растерянно моргнул и сделал попытку встать смирно в его понятии, то есть просто-напросто уселся на пол прямо там, где стоял, и удивлённо вылупился на меня.

— Слушай мою команду! Отставить графов! Отставить «как вам будет угодно»! Говорить по-че-ло-ве-чес-ки!

— Да гра... сэр, — ещё более растерянно проблеял старичок, предпринимая попытку подняться.

— Не сэр, а Виктор, — миролюбиво поправил я.

— Слушаюсь, — пискнул вставший с третьей попытки Френк Третий.

— Свободен, — милостиво махнул я рукой.

Старичок поспешно скрылся за дверью, наградив меня напоследок ошалевшим взглядом, а я в очередной раз задумался о том, куда же я всё-таки попал?! И как мне всё это воспринимать. Самым простым было бы считать, что я сплю. Но если признаться самому себе по секрету, то я уже понял, что всё это происходит на самом деле. Все прочие догадки — лишь попытки разума объяснить необъяснимое. Значит, будем мыслить здраво.

Недавно был в тюрьме, потом падение в пропасть (прямо как Алиса в стране чудес), теперь это странное место... Откуда взялись трусы в горошек, тоже непонятно.

Пытаясь привести в порядок мысли, я ходил вдоль стен с картинами.

— Где же я очутился? — спросил я у каменного потолка. Потолок промолчал. Просто мы с ним ещё плохо знакомы, обнадёжил я себя...

Я посмотрел на зелёный глаз. Вот ведь мне везде эти глаза попадаются. И чем я им не угодил? Или я такой обаятельный?

Бросив портить себе настроение, ещё успею, я подошёл к двери и прислушался — за дверью царствовала тишина, нарушаемая лишь урчанием моего желудка, и я тут же вспомнил о голоде. Не просто голоде, а голоде

! Дайте мне хоть корову, я ж от неё даже копыт не оставляю. Просто жутко есть хочется. Хотя вообще-то, если по-честному, то сейчас не до этого.

Если уж я попал куда-то, нужно хотя бы побольше узнать об этом месте. А заодно (совершенно случайно, если вдруг повезёт) можно наткнуться и на кухню, склад или магазин какой-нибудь.

Я толкнул дверь и выглянул в коридор. Коридор проходил в двух направлениях: налево — вдоль нескольких дверей, идентичных той, из-за которой я выглядывал, и ведущий к тупику; и направо — к спуску вниз. Туда-то мне и надо.

Я повернул направо и тихонько побрёл по коридору, внимательно осматриваясь по сторонам. Вдоль каменных стен стояли рыцарские доспехи и факелы в красивых позолоченных подставках.

Позолоченных?!

Я подошёл к одному из факелов и, вынув его из подставки, сунул в руку какому-то пустобрехому рыцарю. Его самолюбие это нисколько не задело, и я с радостью переключился на позолоченную подставку для факела.

Ох и красивая же подставка. Вся в узорах, картинках, просто загляденье. Я долго пытался отскоблить позолоту с помощью гвоздя (он валялся здесь же, недалеко от входа в «мою» комнату). Бесполезно, позолота не отскабливалась. После продолжительных исследований даже такой чайник, как я, понял, что это чистое золото. В моих глазах появился слегка сумасшедший блеск. Я судорожно огляделся в поисках похожих подставок для факелов. Ба! Да ими увешаны все стены! Я наконец-то приведу в порядок свою квартиру. Да что там... я куплю новую! И не нужна мне будет никакая работа в этом Агентстве...

Блеск в моих глазах из «слегка сумасшедшего» перерос в «слегка маниакальный». Недолго думая я схватился за исцарапанную мной же подставку и начал тянуть на себя.

Спустя десять минут я уже начал было сомневаться в своей затее, но вдруг почувствовал, что подставка наконец-то поддаётся.

По коридору пронёсся тихий скрип.

Я упёрся обеими ногами в стенку и, зависнув в воздухе, дёрнул ещё сильнее. Послышался треск и (о чудо!) подставка отделилась от стены... вместе с частью этой самой стены, тучей пыли и, естественно, со мной, любимым.

С умильной улыбкой будущего миллионера я пролетел пару метров и врезался в доспехи, которые совсем недавно послужили новой подставкой для факела.

Поднялся дикий грохот. Доспехи разлетелись по всему коридору, создавая столько шума, что у меня даже заложило уши. Факел вылетел из железной лапы рыцаря и с удовольствием лёг на шикарный ковёр, лежащий на деревянном полу. Ковёр, в свою очередь, тут же весело занялся шикарным красным пламенем, которое моментально перекинулось на настенные картины и шторы милого красного цвета.

Как же тут все любят красный цвет. Даже все резные фигурки из камня, которые стояли недалеко от меня, были исключительно красными. Что-то знакомое было в этих фигурках...

Я с открытым ртом сидел на кирасе до тех пор, пока она не нагрелась и я, ошпарив себе зад, судорожно не вскочил. На грохот и весёлый треск горящего пола начали сбегаться слуги.

Первым прибежал вездесущий Френк Третий. Он выскочил из соседней, самой дальней двери и кинулся тушить картину почтенной бабушки с нездорово бледным лицом. Вообще-то на всех портретах были изображены исключительно бледные физиономии.

Из соседних дверей начали выбегать другие слуги. Причём исключительно мужского пола. Я ещё пару минут смотрел, как они тщетно пытаются тушить разгоревшийся пожар, и отправился дальше по коридору в поисках выхода. Свой трофей в виде золотой подставки весом килограммов двадцать я, естественно, прихватил с собой.

Поскольку для суетящихся слуг я не был виден из-за поворота, я спокойно прошёл к выходу. Выходом служил большой подъёмный мост. Посмотрев по сторонам и не найдя ничего похожего на механизм для его опускания, я кинулся к окну. Выглянув, я оцепенел, подо мной на глубине в сотню метров находился ров с водой, в котором плавало что-то зелёное и, кажется... живое?! В лунном свете было видно нечто непонятное, лениво плавающее на поверхности. Чем-то оно напоминало крокодила... хотя видно было довольно плохо...

— Граф! Где вы?! — послышалось из-за спины.

По коридору в мою сторону спешил всё тот же вездесущий Френк Третий.

Разговаривать с ним я не стремился, а то ещё спросит про пожар, посему я вспомнил историю о молодом Икаре, пообещал себе не лететь слишком высоко и прыгнул в окошко. По пути вниз я успел подумать о том, что этим летом я уже падал так же и полёт тот не доставил особой радости ни мне, ни покорёженному асфальту. Кстати, на асфальте до сих пор осталась выбоина примерно с человеческий рост. «Даже не верится, что её оставил человек, с какой же высоты ему для этого пришлось бы падать?» — вспомнилась мне реплика капитана Лысько и его удивлённое восклицание после моего объяснения — «Надо же, ну ты прямо человек-паук какой-то».

Мои мысли прервались тем, что я влетел в холодную воду.

Холодную?! Я бы сказал, просто-таки ледяную. Как говорится, не май месяц.

Я вынырнул из воды и судорожно вдохнул воздух. Перед моим взором предстал пылающий на невероятной высоте замок. Меня кинуло в дрожь. И я оттуда летел?! Мамочки...

Неожиданно что-то коснулось моей ноги. Что-то гадкое, скользкое и огромное. Я запаниковал. Полностью поддавшись панике, я забил руками и ногами по воде в попытке как можно быстрее доплыть до берега. И, что удивительно, доплыл! Кое-как выбравшись из воды, я почувствовал жуткий холод.

Ведь лето же, почему так холодно-то?

Ничего не видя, я отполз ото рва на пару метров, волоча за собой мою честно выдернутую подставку для факела, и повалился без сил на зелёную травку.

* * *

Вот ведь пакость. До сих пор мурашки по коже. Что же это за гадость там во рву плавает? Перевернувшись на спину, я стал апатично наблюдать за дымом, идущим от старого замка. Дым поднимался из всех окон и исчезал в ночном небе, закрытом тёмными тучами. Тучи представляли собой довольно странное природное явление — они сгустились исключительно над горящим замком, а на остальном небе до самого горизонта не было ни одного облачка. Вообще-то было довольно темно, только горящий замок слегка освещал окрестности да звезды с луной. А иначе я бы и вовсе ничего и не увидел. Очень странно, если учесть, что в последнее время я довольно хорошо стал видеть в темноте. Но кое-что я мог разглядеть и без своей, уже ставшей привычной, способности.

Замок выглядел определённо потрёпанным, а уж после моего посещения он и вовсе стал похож на полыхающие развалины. Несмотря на это, из замка слышались крики слуг, которые, видимо, всё ещё пытались потушить разгоревшийся пожар.

Я слегка приподнялся на локте и охнул. Всё тело ныло, да так, что жить не хотелось... Хотя вообще-то я уже немного привык.

Полежав некоторое время и избавившись от красных пятен, которые мельтешили перед глазами, я снова попробовал подняться.

С четвёртой попытки мне это всё же удалось. Я аккуратно встал и бросил прощальный взгляд на замок, размышляя, куда же мне теперь податься.

Кстати, вообще-то странно, что никто из замка за мной не спустился. Я же ведь всё-таки граф! Или, может быть, настоящий граф вернулся? И как они вообще могли меня спутать с кем-то? У меня же типично русский типаж — такое ни с кем не спутаешь.

Я осмотрел себя с ног до головы, насколько это было возможно, не прибегая к помощи зеркала (в моём случае это дело привычное). Вся новая одежда, которую мне так заботливо выдали в замке, была разорвана в самых неожиданных местах, а уж про физиономию я вообще молчу... потому что не вижу я её.

Осторожно развернувшись в сторону леса и сделав пару маленьких шагов, я опять упал. В глазах помутилось, и мне на миг показалось, что я лежу на полу в так неожиданно покинутой мною камере, но наваждение прошло, и я вновь оказался лицом в травке.

Немного по наслаждавшись полным отсутствием движения и сопровождающей его острой болью во всём теле, я поднялся на корточки и чуть ли не ползком продолжил продвижение в лесную чащу. В замке мне делать было абсолютно нечего, потому что он, судя по всему с моей лёгкой руки, решил сгореть. Понятно, что спасибо за это в замке мне никто не скажет, будь я хоть трижды граф.

Задача: сколько времени потребуется некоему В, чтобы покрыть расстояние М, если он движется со скоростью ленивой улитки и останавливается передохнуть каждые два-три

метра? За траекторию движения принять прямую и не считать время, для того чтобы прийти в себя после очередной встречи лба некоего г-на В с деревьями. Через энный промежуток времени я смог изменить положение своего движущегося тела из горизонтального в вертикальное без особого ущерба для весьма побитого тела. Спустя ещё какое-то время я даже начал получать некоторое удовольствие от прогулки по лесу. Вокруг была сплошная зелень, пели сверчки и всё такое. В общем, всё было не зловеще. Я даже начал подумывать о том, чтобы пустить слезу по своей горькой судьбе, которая вечно меня шпыняет и вообще издевается, как хочет, да ещё и не кормит совсем, как вдруг деревья расступились и я вышел к... кладбищу.

Нет, вы не поняли. Не к кладбищу, а
кладбищу

! Моему обзору открылась нескончаемая череда крестов, памятников, склепов, да и просто слегка прикопанных могил. Такая резкая смена ландшафта меня слегка выбила из колеи, и я остановился. Голод пропал сам собой, я даже забыл, что у меня всё тело болит и что мне холодно в мокрой одежде.

Несмотря на относительную темень, я отчётливо различал очертания могилок и прочей прелести — луна светила довольно ярко. Причём при свете этой самой луны кладбище выглядело особенно недружелюбно.

Атмосфера тут отнюдь не располагала к праздному гулянию. Сверчки и прочая лесная живность будто объявили забастовку на этом участке земли обетованной. Даже комаров, которые с такой радостью пили мою кровушку в лесу, тут не было. Ни одного.

Никакого желания идти по кладбищу я не испытывал, но иного пути не было. Вдалеке, за крестами, виднелся какой-то городок. От него в небо взвивалось множество дымок, виднелись светящиеся окна и даже отсюда, если прислушаться, слышались звуки города — голоса, музыка, лай собак. Вот только от города кладбище было отгорожено высокой стеной, на которой, как мне отсюда казалось, стояло несколько стражей. Возможно, если мне не показалось, одеты они были в некое подобие железных лат.

Вздохнув и пожаловавшись небу на то, что мне плохо и хуже быть уже не может (в очередной раз), я пошёл между крестами в сторону городка.

Вот только дойти до него мне было не суждено. Как только я сделал пару шагов по очередному холмику без опознавательных знаков, моя левая нога провалилась по колено прямо посерединке могилы и застряла. Я судорожно дёрнул ногой и вдруг почувствовал, что правая нога тоже отправилась вслед за левой, а в следующую секунду я отправился за ними куда-то вниз, в провал, появившийся на месте едва видневшейся могилы.

* * *

— Эй! Ты посмотри, что за находка!

В забытьи я услышал голоса, но у меня не было сил даже приоткрыть глаза. Я просто валялся и пытался понять, что происходит вверху.

— Свежевырытая могила, даже не закопанная. Неужели они до того обнаглели, что даже не закапываются? Давай-ка глянем, что там.

Послышалась какая-то возня.

— О! Лежит, даже не потрудился спрятаться. Щас я его колышком-то и прищучу.

Это меня, что ли, колышком?!

— Стой! Давай сначала проверим, вампир ли он, а то в прошлый раз убили какого-то бродягу, уснувшего на улице. — Это уже был другой голос.

— Если после того как я ему сердце колом проткну, он умрёт, значит, он и есть ентот самый вампир.

Замечательная логика. Как жаль, что я даже пошевелиться не могу, я бы проверил, вампир ли он сам.

— Гений, а если тебя колом в сердце? — раздался голос первого.

Возникла небольшая пауза.

— Зачем это?

— А чтобы проверить, вампир ли ты.

— Так я же на солнце стою, зачем меня проверять, к тому же, если мне кол в сердце, я же умру, — послышался озадаченный ответ.

— Так давай его на свет вытащим и проверим.

— Ну хорошо, только если он начнёт кусаться, то я не виноват.

Вот ещё. Делать мне больше нечего.

Послышался треск и грохот, а затем снова тишина. По всей видимости, кто-то спустился и ждал, пока я начну кусаться.

— Ну что ты там? — послышался голос моего спасителя.

— Уже тащу, — это был голос любителя кольев.

Я почувствовал, как меня тащат за ногу. Хорошо, что моё тело онемело, а то мало радости в том, что тебя тащат за ногу по неизвестно чему. Может, я поцарапаюсь, а потом будет заражение.

— Ну вот, а ты говоришь вампир. На солнце-то он не сгорел, — послышался удовлетворённый голос. Так уже утро? Сколько же я тут провалялся?

— Не вампир, а по мне так всё равно. Хороший человек не будет валяться в могиле. Слушай, а давай оставим его здесь? — предложил любитель кольев.

— Нет уж, давай потащим его в город. Может быть, он знает о пожаре, который произошёл в замке, да и вообще, не дело это, бросать его на съедение.

Мне этот человек определённо нравился. Правильно, не стоит меня бросать, тем более на съедение... На съедение?!

— А что это у тебя в руке? — неожиданно поинтересовался голос.

— В какой руке? — суетливо спросил любитель кольев.

— В правой.

— Э... да так, нашёл в могиле... мелочь...

Послышались звуки возни.

— Ничего себе мелочь. Это же чистое золото... сколько за него можно на рынке выручить! Это же моё золото! Я его тащил вовсе не для того, чтобы какие-то оборванцы его на рынке продавали!

— Попролам? — обречённо спросил любитель кольев.

— Конечно, попролам. Ишь, спрятать хотел... ладно, потащили этого в город.

Тут меня взяли за руки, за ноги и понесли. Наконец-то я мог спокойно подумать. Как я здесь оказался-то? И где это здесь? Я слышал слово «вампир», это что, шутка? И что вообще за...

Неожиданно меня уронили. Просто так, ни с того ни с сего взяли и уронили. Мне ничего не оставалось, кроме как опять потерять сознание.

* * *

Очнулся я от странного шума. Тело почему-то было вялым, да и мозги особой резвостью не отличались. Несмотря на всю вялость, я всё же открыл глаза и увидел край довольно приличной по размерам площади, забитой народом. Одет народ был довольно странно — что-то вроде жутко поношенной коллекции Славы Зайцева.

На меня смотрела вся толпа. Я просто-таки ощущал все их взгляды, что довольно странно, потому что тела, например, я почти не чувствовал: даже слух, и тот меня предал. Я совершенно не слышал того, что говорил дородный бородач в рясе, напоминающий инквизитора, вышедший из толпы и вставший передо мной. И того, что говорил другой мужчина, чем-то похожий на вельможного барона из фильма о Средневековье.

Да и не до них мне было. Я окидывал удивлённым взглядом толпу. Это с первого взгляда мне показалось, что одежда поношена, на самом деле в ней просто преобладали серые и тёмно-бежевые цвета. Покрой тоже был самым что ни на есть простым. Тут же почему-то вспомнился сон, в котором я видел людей в цветастых и невероятно вычурных нарядах. Это была полная противоположность. То же касалось и зданий вокруг. Все они отличались простотой и топорностью работы. Но все люди и здания померкли, когда я увидел его

. Вдалеке, явно за чертой города, стояла скульптура огромной летучей мыши. Ну просто очень знакомой летучей мыши. Из странного красного камня. С жутко злобным

выражением морды. Высотой она была с Эйфелеву башню, и она возвышалась над дгорающим замком. Получается, что до этого я не увидел эту статую, потому что её закрывал от моего взгляда замок. Теперь же из города, стоящего на холме над кладбищем, я видел очень отчётливо, что замков там было несколько. Тот, из которого я выпал, был далеко не самым большим. Замки стояли вокруг огромной фигуры, деревня была поодаль, а между ними простиралось крупнейшее кладбище.

Пока мой взгляд блуждал, двое дискутирующих господ на чём-то сошлись и, подхватив по горящему факелу, дружно посеменили в мою сторону.

Своё тело я ощущал весьма смутно, однако этого хватило, чтобы понять, что я привязан к чему-то вроде столба. Под столбом конечно же была свалена куча хвороста. Именно её и собрались поджечь два мужика. Не доходя пары метров до меня, они остановились и уже собрались бросить факелы мне под ноги, когда на площадь въехали всадники в красных ливреях. Вся толпа резво расступилась перед ними, и люди в красном подъехали к мужчинам с факелами. Подъехавших было трое. Одеты они были во что-то напоминающее безразмерные рубахи и такие же просторные штаны. И то и другое было огненно-красного цвета.

Я даже не сразу понял, что до меня доносятся ещё не очень внятные, но всё же приятные до умопомрачения звуки. В том числе голоса людей.

— Уж не расправу ли вы тут собрались устроить? — властным голосом осведомился один из людей в красном.

— А хоть бы и так, — нагло поднял голову тот, кого я назвал Инквизитором. —

Пограничным городам разрешается проводить суды и выносить смертные приговоры. Тем более если это вампир.

— Вампир? — переспросил самый молодой из троих всадников. — А что, солнце нынче вампирам уже не помеха?

Инквизитор смутился и замолчал, а второй мужчина, похожий на барона, воскликнул на удивление тонким голоском:

— Это всё их злое колдовство!

— Вы берётесь утверждать, что разбираетесь в этом лучше меня, Ремесленника? — сладким голосом спросил до этого молчавший мужчина с рыжей бородой.

— Н-нет, что вы, — начал заикаться оппонент.

— Но это ведь граф Вельхеор, посмотрите на него, и вы его сразу узнаете, — сделал последнюю попытку Инквизитор.

Младший подъехал ко мне почти вплотную и присмотрелся.

— Ну, точно, граф Вельхеор собственной персоной, — удивлённо подтвердил он.

— Действительно? Это уже интересно, — протянул рыжий, который назвался Ремесленником.

В то время пока проходила эта весьма интересная беседа, я старательно пытался прийти в себя. Голова у меня кружилась и, как я ни старался, произнести что-либо не мог. Язык меня совершенно не слушался, а уж тело и вовсе было неподвластно, хотя я его ощущал. Это внушало какие-то надежды, значит, я не в онемении и всё же в себя прийти должен. Надеюсь, это произойдёт до того, как меня сожгут.

Двое всадников подъехали к молодому и с любопытством посмотрели на мою скромную персону.

Что-то им не понравилось, потому что они о чём-то тихо заспорили, а потом высокомерный крикнул, обращаясь к толпе:

— Люди, как вы могли так жестоко ошибиться? И главное, как могли так жестоко ошибиться вы, досточтимый сэр Леурус, — он посмотрел на Инквизитора. — Неужели вы не смогли отличить простого человека от подлого графа Вельхеора, от самого подлого из вампиров? Кому как не вам, жителям Приграничья, знать, что вампиры не выносят дневного света и не могут получать синяки, как простые люди. И уж тем более они не могут получить сотрясение мозга, которое получил этот бедный человек.

Так вот почему мне так паршиво. Минуточку, а он-то откуда об этом узнал?

Толпа пристыжено всколыхнулась.

— Я понимаю, почему это произошло. Вы просто приняли желаемое за действительное. Вы слишком ненавидите подлого графа. И есть за что. Для своих изуверских опытов он часто использовал людей из вашего города, хотя сам в этом и не признавался. Мы сами с нетерпением ждём того часа, когда Император даст нам разрешение разнести эту обитель зла, — он простёр руки к замкам вдалеке, — и изжить этих подлых кровопийц. Толпа радостно взывала, а пристыженный сэр Леурус с дружкой притихли, стараясь слиться с пейзажем.

— Вы правы, — вынужденно произнёс Инквизитор, — мы едва не сделали страшной ошибки. Мы должны попросить прощения у досточтимого господина, который просто похож на подлого вампира.

Он поклонился в мою сторону.

— Я думаю, когда досточтимый господин придёт в себя, он вас искренне... простит, — пообещал молодой с едва заметным сарказмом.

Ага. Щас. Прощу, а потом догоню и ещё раз прошу. Вот вернут мне мою подставку от факела, тогда ещё поговорим...

— А сейчас мы заберём этого человека в Литу, чтобы вылечить и расспросить о том, что с ним произошло.

Толпа поняла, что никого сжигать не будут, и вяло начала расходиться. Люди в красном спешились и подошли ко мне, брезгливо разгребая ногами лежащий подо мной хворост.

— И кто понесёт эту тушу? — зевая, спросил младший.

Это я-то туша? На себя бы посмотрел, да я вешу всего шестьдесят пять кило!

— Ты и понесёшь, — спокойно ответил высокомерный. Молодой открыл было рот, чтобы что-то сказать, но наткнулся на спокойный взгляд рыжего Ремесленника и смолчал.

— Всё это очень странно... — протянул высокомерный.

— Не здесь. Обсудим по дороге обратно, — с этими словами Ремесленник развернулся и пошёл обратно к лошадям.

Вслед за ним пошёл и высокомерный, а молодой вздохнул и картинно произнёс:

— Вот так всегда.

Затем он как-то по-особому извернул пальцы левой руки и направил их в мою сторону. Я с удивлением увидел, что мир переворачивается и я, висая в паре метров над землёй, плыву в сторону лошадей.

— Болван, — послышался голос высокомерного. — Столб тебе зачем. Отвяжи его, а уж потом тащи сюда.

Это у них называется «тащить»?

По всей видимости, от столба меня отвязали, потому что перед глазами у меня начали болтаться мои же руки.

— Когда же ты наконец научишься аккуратности, Кей? — со вздохом сказал Ремесленник, и я тут же был водружён поперёк крупы коня.

— Поехали, что ли? — спросил молодой, которого, как я уже слышал, звали Кей.

— Поехали, — подтвердил высокомерный.

* * *

Прошло несколько часов. Я так и не смог пошевелить и пальцем, хотя боль во всех частях тела ощущал уже хорошо. И, скажу вам, скачка на лошади далеко не самое приятное времяпровождение. Особенно когда тебя везут как мешок с... сеном.

— Может, сделаем привал? — зевнув, спросил Кей. — А то везти эту тушу то ещё удовольствие.

— Может, — неопределённо ответил Ремесленник.

Спустя пару минут они всё же остановили коней и спустили меня со спины лошади.

Я увидел, что мы находимся на небольшой полянке посреди леса, а в небе всё ещё сверкает удивительно яркое и большое золотистое солнце. Стоп. Их же два! Два солнца, чтоб их!

Не может быть на Земле такого солнца, вернее таких солнц! Значит, я не на Земле.

Интересно, а где же тогда? В другой галактике или Вселенной?

Трое людей начали расстилать на траве какие-то ковры.

Мне стало жутко интересно, а зачем им это нужно?

Спустя пару минут вокруг ковров начал ходить кругами рыжий Ремесленник, делая какие-то странные пассы. Каково же было моё удивление, когда на коврах прямо из воздуха

начала появляться странного вида беседка. Более всего она напоминала открытый шатёр очень красивой красно-серебряной расцветки. Посреди беседки стоял стол с самыми разными яствами. Я даже не мог сказать, что за удивительные фрукты оказались на столе, потому что ничего подобного никогда не видел: странные золотистые листья, напоминающие салат; красные шарики, напоминающие виноград; кислотно-жёлтые клубни и ещё множество всяких непонятностей.

— В честь чего такой пир? — спросил Кей, садясь на золочёный пуфик перед столом.

— В честь нашего спасённого, — ответил Ремесленник и посмотрел в мою сторону.

Странно как-то посмотрел. Как будто ожидал какой-то ответной реакции.

— А, тогда понятно.

Все трое расселись на пуфиках, а я подплыл к ним и оказался в метре от них в вертикальном положении. Как будто моё тело поддерживало что-то невидимое. Можно подумать, будто они знали, что я всё вижу и слышу, и дали мне возможность присутствовать при беседе.

— А почему вы его там на площади сразу не вылечили, зачем я его столько тащил-то? — спросил Кей.

Хороший вопрос. Я тоже хотел бы знать ответ. Если мог вылечить, то почему не вылечил? Зачем я себе бока наминал на этом чёртовом коне?

— Зачем его лечить? — удивился Ремесленник. — Его не нужно лечить. С него просто нужно снять проклятие.

Проклятие?!

— Проклятие? — повторил мой вопрос вслух высокомерный и с интересом посмотрел куда-то поверх моей головы. — Интересно, дай-ка я взгляну. Хм-м... Это не похоже ни на одно известное мне проклятие. Мне казалось, что я знаю почти все.

— Вот именно, что почти. Это одно из экспериментальных проклятий небезызвестного вам графа Вельхеора. Он просто обожал создавать новые заклятия и пробовать их на людях из близлежащего города. Вот отчего такая ненависть к этому вампиру.

— Понятно, — пробормотал молодой. — Так вы не можете снять проклятие?

— Почему? Могу, — ответил Ремесленник.

Молодой удивлённо моргнул:

— Так почему сразу не сняли?

— Я не хотел делать это при лишних свидетелях. Да и нашу беседу с ним, — Ремесленник кивнул в мою сторону, — не должны, как мне кажется, слышать лишние уши.

Значит, меня скоро вылечат? Вот радость-то. Только чем ему так лишние уши помешали? И стоило ли ради этого так надо мной издеваться? Странно как-то всё это звучит: опыты, проклятия, как будто попал на страницы книги фэнтези.

— А что это за проклятие? — с интересом спросил высокомерный. — Хотелось бы взять на вооружение.

Ужас-то какой. Я думал, они хорошие, милые и добрые, а тут «взять на вооружение».

— Это одно из его «простых» сложных проклятий. Сложнейших проклятий с весьма простым действием. Оно парализует двигательные функции тела, при этом сохраняя чувствительность. Узнать это проклятие легко: тело подаёт признаки жизни, мозг работает совершенно нормально, мысленный фон присутствует в полной мере, только осознанно двинуть ни единой мышцей человек не может. Это проклятие он чаще всего использовал во время пыток и опытов изменения, — менторским тоном произнёс Ремесленник.

— Изменения? — ужаснулся Кей. — Чего изменения-то?

— А вот об этом мы спросим самого графа Вельхеора, — махнул в мою сторону Ремесленник, и я рухнул на корточки.

— Уф-ф...

— Это граф Вельхеор? — подскочил как ужаленный Кей. — Вы же говорили, что это не он.

— Мало ли что я говорил толпе, — махнул рукой Ремесленник, — зачем им лишние волнения.

Я судорожно пытался прийти в себя, но мне это пока не очень удавалось. Я себя чувствовал, как будто вынырнул из глубокого озера и никак не могу надышаться воздухом полной грудью.

— Может, мне его взять под прицел Шали? — деловито поинтересовался высокомерный.
— А то мало ли что.
— Сомневаюсь, что это «мало ли что» возможно. Ведь проклятие это действует только на людей, ведь так, Вельхеор?
Я наконец-то слегка отдышался и мог начать вести беседу.
— Виктор, — поправил я. — Меня зовут Виктор.

* * *

— Так ты говоришь, что у вас люди летают лишь в железных гробах? — веселился Кей.
— А как им ещё летать? — удивился я.
— Вот так, — взмахнул руками он и взлетел над беседкой метров на пять. — И ничего трудного. Всего лишь второй год обучения.
Мне осталось только вздохнуть.

Уже в течение нескольких часов я развлекал Кея рассказами о своём мире, в то время как он знакомил меня со своим. И если для меня его рассказы были просто невероятно удивительны и сказочны, то мои рассказы его веселили и даже вызывали жалость.
— Бедные, так вы даже не можете ощутить радость свободного полёта?

Ну вот, опять.

Хотя мне было и обидно за свой мир, но вообще-то он был прав. По сравнению с их миром мой был просто серой помойкой.

В мире Империи Элиров процветала магия. Магия всех цветов, сфер и видов. Любой, даже самый захудалый житель Империи мог делать такие вещи, которые и не снились нашим фантастам. Простейшие заклятия впитывались ещё с молоком матери, а вся жизнь была окружена техномагией — магией, вложенной в предметы. А уж каста Ремесленников имела просто-таки колоссальные возможности. Самых способных людей принимали в Академию, в которой они в течение довольно долгого времени постигали Ремесло. Самым главным и самым старшим среди троих был Ромиус. Это был тот человек, которого я называл Ремесленником, а Зикер при более близком знакомстве оказался ещё высокомернее, чем я предполагал. На самом деле Ремесленниками были все трое. Ромиус и Зикер давно уже закончили обучение, а Кей должен был закончить через некоторое время, но звание Ремесленника уже заслужил.

Узнав о том, что произошло в замке графа Вельхеора, на которого я оказался жутко похож, двое старших Ремесленников оставили меня с Кеем и ускакали. Как они сказали, чтобы понять, в чём же дело.

О каком деле они говорили, я не понял, но вопросы решил оставить на потом.

Мы с Кеем сидели и продолжали поражать друг друга рассказами о своих мирах. Вернее, он-то как раз меня поражал, а я лишь пытался его поразить. Пока что у меня особенно ничего не получалось. Хотя мне этого очень хотелось, потому что у меня неожиданно появилось чувство гордости за свой мир. Возможно, мой мир не такой интересный и сказочный, как мир Кея, но и он не лишён некоторого, присущего лишь ему очарования.

— Просто удивительно, как же эти ваши жестянки летают, — слышался у меня над головой голос Кея.

— Чистая наука, — гордо ответил я.

— Наука — это Ремесло, — авторитетно заявил «летающий объект».

— Сядь на место, — попросил я. — Неудобно вверх смотреть, шея ещё болит от этих ваших скачек на лошади вверх тормашками.

— Так можешь тоже полетать, — произнёс Кей, и я неожиданно оторвался от пуфика и завис рядом с Кеем.

Весьма интересное ощущение, должен признать, хотя сначала я чуть было позорно не заорал от страха. Потом кое-как с собой сладил, и мне даже понравилось парить в воздухе. О падении вниз, которого в последнее время я стал панически бояться, старался не думать.

— Ты меня только не урони, — слегка севшим голосом попросил я.

— Конечно, конечно.

Вдалеке слышался стук копыт, и на поляну выехали два знакомых всадника.

— Ты что тут за цирк устроил? — бросил Зикер. Кей хотел что-то ответить, но не успел, потому что рухнул вниз, и я вместе с ним.

— Ты же обещал не ронять, — укорил я Кея, потирая ушибленный зад.

— А это не я, — ответил он, проделывая ту же нехитрую операцию. — Это Зикер, зараза, заклинание снял.

— Что ты там сказал? — спросил Зикер, слезая с лошади.

— Ничего, — буркнул обиженный Кей.

Ромиус только усмехнулся и перелетел с лошади на пуфик.

— Да, ну и навёл же ты шороху в замке графа. Кто бы мог подумать, что один человек сможет разрушить то, что не удалось сотням. А ведь среди этих сотен были и не последние Ремесленники.

Кей встрепнулся.

— Что, всё сгорело?

Зикер подошёл и сел рядом со мной.

— Не всё, но достаточно, чтобы вампиры плюнули на этот замок и ушли оттуда. И ведь самое приятное, что они не могут использовать это как предлог к началу войны с Империей, мы никакого отношения к пожару не имеем. Пожар начался, по показаниям очевидцев, из-за самого графа Вельхеора. Куча народу видела, как он удалялся от очага пожара неторопливым шагом, а потом пропал. Так что мы можем сказать тебе спасибо, Вельхеор.

— Я же сказал, что меня зовут Виктор, — разозлился я. Вообще, манера общения этого высокомерного человека меня жутко раздражала. Никогда таких не любил.

— Это как посмотреть.

— В смысле?

На мой вопрос ответил Ромиус.

— Мы покопались в обгоревшей лаборатории графа и нашли слегка обгоревшие, но в целом весьма понятные записи. В последнее время он вёл совершенно новые исследования. Они сводились к изучению «астральных проекций». Предупреждая вопросы, объясню, что это не что иное, как проекция сущности в ином пространстве. Не знаю, каким образом, но он выяснил, что кроме нашего есть ещё множество других миров. Мы тоже об этом знали, но мы также знаем, что переход из одного мира в другой невозможен. Объяснять не буду, но если коротко, то тело не может переходить из одной плоскости бытия в другую. Зато это может сделать «астральная проекция». Мне кажется, что ему каким-то образом помогал их вампирский божок. Ты его, наверное, видел, он стоит как раз между всеми замками. Конечно, видел. Более того, я даже с ним лично встречался.

— Так или иначе, записи о том, как он проводил исследования, сгорели. Но результатом исследований было интересное открытие. В разных мирах существует вероятность появления людей, совершенно одинаковых по своим физическим параметрам.

— По ДНК, — подсказал я.

— По чему? Впрочем, не важно. Так вот, в этих телах конечно же обитают разные сущности, чтобы было понятнее, назовём их душами. Ведь двух одинаковых душ существовать не может. Каким-то образом он нашёл своего двойника и начал медленно и не торопясь исследовать обстановку, иногда выглядывая из «астрала» и глядя глазами двойника. Спустя некоторое время он решил переселиться в ваш мир, потому что тот, по всей видимости, представлял для него весьма удачное место жительства, исследований или что там ему ещё могло понадобиться. Что-то ему у вас понравилось, иначе бы он не стал так стараться влезть в твоё тело.

Я невольно усмехнулся.

Ясное дело что. Бездна. Кто же в нашем мире сможет бороться с настоящим вампиром? Да ему даже противостоять-то никто не сможет.

Я размышлял, а вот перебивать Ремесленника вопросами совершенно не собирался. Даже мысли такой в голову не пришло. Слишком уж он... внушал уважение, что ли.

— Он начал потихоньку обживать новое тело, переносил по частям тёмные частицы своей души и заменял ими частицы души двойника. Спустя определённое время он собирался резким броском вытеснить из тела двойника душу и выбросить её в «астрал». Или же как-то уничтожить, а потом занять окончательно её место. В любом случае просто меняться телами он не собирался. Но что-то пошло не так, и обмен пошёл в ускоренном темпе. Так что, когда пришло время окончательного перехода, он или кто-то, кто ему помогал, не успел избавиться от души двойника, и те просто поменялись местами. Как ты уже понял,

этот двойник ты. Соответственно сейчас ты находишься вовсе не в своём теле, а в теле графа Вельхеора.

— Кхе... — прохрипел я.

— Но почему же он тогда стал человеком, а не вампиром? — спросил Кей.

— Вампиризм не является свойством материального тела. Это, скорее, составляющая тёмной души. В общем-то я так и предполагал, ведь зло появляется в душе человека и лишь потом имеет внешние проявления. А произошедший между вами обмен сущностями только доказал мою теорию. Так что, Виктор, сейчас где-то в твоём мире бродит настоящий Вампир.

— Причём в твоём теле, — добавил Кей.

— Ох-хо...

Дар речи ко мне ещё не вернулся, но мозг работал. Он рисовал картины убийств, совершенных Виктором Светловым. Ну кто в моём мире поймёт, что это не я, а лишь моё тело? Да никто не поймёт. Ужас! И друзья... и Лида... а если кто-то из них пострадает от этого чёртового вампира?!

— И, должен вас огорчить, мы вам ничем помочь не сможем. Граф Вельхеор был жуткой сволочью и извращенцем, но он был гением. В дневник он записывал лишь общий ход исследований, а сами исследования хранились только в его голове. Так что чтобы повторить его опыты, Академии потребуются десятки, если не сотни лет. И не факт, что вообще что-то получится, потому что графу наверняка как-то помог этот их Кровавый бог. Возможно, без этого бога и его кровавых ритуалов вообще переход невозможен. Хотя ничего конкретного я сказать не могу. Нужно собирать Ассамблею и решать вопрос со специалистами.

— Нет, ну каков же сукин сын, — ударил кулаком себя по колену Зикер, — недаром он считался непревзойдённым мастером Искусства.

Ну да. Чтоб ему пусто было, этому их мастеру.

Глава 12

Прошло два дня с тех пор, как я попал в этот мир, и он мне конечно же просто не мог не понравиться. Хотя поначалу настроение у меня и было паршивое, долго хмуриться я не мог, ведь меня окружало столько удивительного и непонятного, что грустить было просто некогда.

Я не успевал переваривать получаемую от Кея информацию, параллельно отвечая на его кажущиеся мне странными вопросы. Мои вопросы удивляли его не меньше. Мы никак не могли привыкнуть, что самые обыденные для нас вещи могут быть совершенно непонятны кому бы то ни было. Так, Кей не мог поверить в существование простейшего телевизора или компьютера, а я просто не представлял, как может действовать эта их «магия». В устройстве телевизора я не разбирался, поэтому Кею пришлось поверить мне на слово, а вот законы «магии» Кей честно попытался мне объяснить.

Если поначалу мне казалось, что все фокусы, которые я видел, можно довольно просто объяснить с точки зрения привычной для меня науки, то после нескольких минут объяснений Кея я совсем запутывался. По его словам, Ремесло, то есть умение владеть и управлять «магами», являлось смесью китайской философии дзен, высшей математики, химии и совсем уж непонятной и донельзя извращённой физики. Результатом взаимодействия этих наук являлись заклинания, чудеса и прочие удивительности самого разного пошиба, в зависимости от затрачиваемых «магов». Сначала я подумал, что получение «магов» от солнечных лучей являет собой простейшее использование солнечной энергии. И конечно же это было бы правильно, если б не такое же использование энергии, получаемой из земли, воздуха, воды и живых существ. А уж понятия «энергия радости» и «энергия злости» просто ввергли меня в уныние. Все надежды понять хоть что-то о такой интересной и сказочной науке волшебства сошли на нет. Вокруг была такая красотища, что предаваться унынию было бы просто стыдно. Тем более что незнание принципа действия не мешало пользоваться плодами Ремесла.

Кея же почему-то очень заинтересовал компьютер, а ещё больше компьютерные игры. Он заставил меня подробно описывать Дум, Цивилизацию, Квейк, Варкрафт. Радовался он, как ребёнок, слушающий на ночь любимую сказку. Кроме того, его очень заинтересовала система искусственного интеллекта и базы данных. Я никогда бы не подумал, что человек из совершенно другого мира, без каких-либо понятий о физике и электронике сможет понять хотя бы общий смысл ИскИна. Поди ж ты, понял, даже пообещал сделать нечто похожее в качестве диссертационного труда! Идею игр он тоже взял на вооружение, сказав, что на этом можно подзаработать. Как он собирался создавать базы данных и информационные матрицы без компьютеров и необходимой подготовки, я спрашивать не стал. Этот найдёт как. Я ведь не знаю всех возможностей их Ремесла. Мало ли чего они там в своей Академии изучали.

Кстати, Ромиус в день прибытия отправился на Ассамблею Ремесленников, чтобы попытаться решить проблему с моим возвращением домой в своё тело Зикер также смылся, высокомерно заявив, что у него дела во дворце.

Я немного огорчился. В любой нормальной книге меня бы представили ко двору и наверняка пригласили бы на эту самую Ассамблею. Ведь не каждый день заглядывают люди из другого мира. В реальности же всё оказалось куда банальнее: дворцу было не до меня, им хватало своих интриг, а в Академию меня просто не пустили. Не положено по статусу.

Оказывается, другие миры им были глубоко по барабану, потому что Ремесленники давно уже выяснили, что перемещения материи между ними совершенно невозможны.

Соответственно, сами они путешествовать не могут, а, значит, тратить время на ненужные исследования не стоит. Мой случай мог заинтересовать их, но вот станут ли они помогать? Ромиус не был уверен, но обещал сделать всё возможное, чтобы уговорить Ремесленников помочь мне. Перед тем как уйти в Академию, он велел Кею быть моим гидом и по совместительству нянькой. Кей был совсем не против и поэтому с радостью таскал меня по всему городу, показывая достопримечательности. Должен признаться, посмотреть было на что.

Город Лита, в который мы с Ремесленниками приехали вечером того же дня, был поистине самым прекрасным местом, которое я когда-либо видел.

Золотистые крыши домов соревновались друг с другом в вычурности форм и рисунков. Мостовые изобиловали замысловатыми узорами, и можно было ходить по городу весь день, наблюдая за плавными перетеканиями удивительных форм.

Площадь Семи Фонтанов, находящаяся недалеко от здания Академии, поражала чудесами, которые выделяли с водой техномагические машины сферы воды. В воздухе висели водяные скульптуры самых разных форм. Причём эти скульптуры не просто висели в воздухе, а двигались, не имея ничего общего с обычными фонтанами! А если кто-нибудь становился на специальные помосты рядом с фонтанами, то его фигура появлялась посередине удивительного ансамбля. Если человек двигался, то фигура полностью повторяла его движения. Часто дети вставали на соседние помосты и устраивали бои водяных фигур. Взрослые со снисходительными улыбками наблюдали за ними и спокойно шли по своим делам. Для них всё это было слишком обыденно.

Великий дворец Императора поражал своей монументальностью, размерами он превосходил не только все известные мне здания, но и некоторые небольшие городки. Насколько я понял, в этом дворце и обитала правящая династия.

Что интересно, Великий, именно с большой буквы, город Лита на самом деле был совсем небольшим. Если за полдня мы смогли на лошадях приехать к центру города, ведь именно в центре города стоял дворец и Академия, то он, скорее всего, был размером с ту часть Москвы, что ограничена МКАДом. Зато таких огромных строений, как дворец, и таких высоких, как Академия, ни в одном городе моего мира не было. Да... Академия...

Здание Академии просто завораживало своей высотой и было бы похоже на Останкинскую телебашню, если бы не было раза в три выше и если бы не бросающаяся в глаза странность формы: здание плавно расширялось снизу вверх. Именно в этой Академии обучались Ремесленники, и именно в ней сейчас решалась моя судьба.

Но больше всего меня восхитил рассвет. Простое утро в этом золотом городе. С первыми лучами солнца мир начинал просыпаться. Раскрывались «ромашки» для улавливания

солнечных лучей, стремясь не упустить ни одного загадочного для меня «мага». Город становился похож на большой сад золотистых ромашек всех размеров. «Ромашки» появлялись на улицах, площадях и на крышах домов зажиточных людей, тех, которые могли себе это позволить. Обычные же люди, которым недоступны «ромашки», использовали крыши своих домов, покрытые специальным составом. Самая большая «ромашка» возвышалась над дворцом. Чем-то она напоминала огромнейшую параболическую антенну, развёрнутую над золотистыми куполами. Что интересно, ни одна из «ромашек» не создавала тени, то есть они совершенно не мешали друг другу. То ли дело было в точном математическом расчёте, то ли в какой-то особенности света здешних солнц, не знаю. Ещё меня удивило, что все городские «ромашки» были абсолютно правильными и пропорциональными. Чем больше дом, тем больше была «ромашка». Причём снизу увидеть её было просто невозможно, по всей видимости, они не должны были быть больше крыши дома, на котором располагались. Когда я спросил, как это так точно рассчитано и почему, если бы мы не поднялись на специальную смотровую башню, я бы не увидел ни одной «ромашки», Кей ответил, что всё рассчитывается по ГОСТу. Сначала я подумал, что мне показалось, но Кей и до этого неоднократно использовал понятные мне выражения, поэтому культурно-филологические вопросы я оставил на потом. И что ещё было интересно, несмотря на обилие всех оттенков золотых цветов, они вовсе не раздражали, а скорее наоборот — радовали глаз. Золотые цвета в основном использовались для улавливания энергии. Как мне объяснил Кей, «маги» использовались в повседневной жизни так же, как у нас электричество. «Маги» выкачивались не только из солнечных лучей, но и из воды, земли. А вампиры, как объяснил мне Кей, забирают из человека не столько кровь, сколько энергию человеческого тела. Кроме обычного применения «маги» использовались для заклинаний. Тот же Кей, когда летал, тратил энергию, которую получал от солнечных лучей и от воздуха. Более сложные заклинания требовали больше энергии, а уж великие заклинания были просто разорением. Не каждый Ремесленник осиливал подобные траты энергии, поэтому чаще несколько Ремесленников объединяли силы для создания техномагии — заклинаний, заложенных в предметы. Ими мог воспользоваться любой житель Литы, умеющий управлять «магами», или, попросту говоря, владеющий простейшей магией. А магией владели все. Сводилась она, как мне объяснили, на начальном уровне к базовому умению владеть внутренней энергией, а позже к получению энергии из других источников, накапливанию её в себе добавлялось умение управлять ею. Позже они обучались простейшим заклинаниям, вроде разведения огня или управления простейшими техномагами. Владение магией носило сугубо личностный характер: некоторые Ремесленники в пределах своих способностей отставали от очень способных людей, по тем или иным причинам не попавших в Академию, хотя такое бывало очень редко. Да и не всем было нужно изучать магию. Мне, как человеку, прочитавшему множество фэнтезийных книг, это было понять трудно. Как можно не учиться магии, если есть возможность? Однако некоторые люди изучали другую магию, не связанную с Ремеслом. Например, вампиры. Зикер уже упоминал при мне о каком-то Искусстве, но я посчитал, что так он назвал ту же магию, или Ремесло, по-другому. Оказалось, что всё не так просто. Мы с Кеем с самого утра гуляли по городу. Это был мой первый день в городе, потому что мы приехали уже за полночь, и ничего толком увидеть я в общем-то не успел. Ремесленники отвезли меня в самую обычную гостиницу и разбежались по своим делам, а я уснул, едва упав на постель. Утром меня разбудил Кей, сообщив о том, куда разбежались Ромиус и Зикер. Затем он быстренько сотворил мне одежду и покормил. Одежда была самой обычной — брюки и рубашка... голубые, правда. Яркие такие голубые брюки и ещё более яркая рубашка. С совершенно серьёзным лицом он объяснил, что это сейчас писк моды. И действительно, едва мы вышли на улицу, я тут же углядел несколько молодых людей в одежде похожего фасона. Их цвета были даже ярче. На небе светил яркий шар солнца, почему-то только один (второе солнце, видимо, сегодня было в отпуске), но совершенно не было жарко. Я не преминул спросить об этом Кея. — Так всё же просто, техномагия дворца внимательно следит за погодой и температурой на площадях, а во дворах домов погода такая, какую пожелают хозяева. Что же касается второго солнца, так оно выходит лишь раз в десять дней.

— Понятно.

Я окинул улицу внимательным взглядом и сразу заметил некоторые вещи, на которые раньше не обращал внимания. Например, отсутствие каких-либо средств передвижения. Все передвигались на своих двоих, а в черте города не встречалось ни одной лошади. Интересно, а как же нас четверых вчера пустили в город на лошадях? Тоже привилегии Ремесленников? Вчера я на это внимания не обратил. Да и не до этого мне было. Ведь вокруг было столько всего интересного, что я просто не успевал и не переставал удивляться.

Невозможно было найти ни одного похожего дома или тем более одежды. Все желали выделиться, при этом стараясь придерживаться веяний моды. Ведь с помощью техномагии можно было создать любую одежду, какую захочешь, не заботясь о ткани, фасоне и размере. Всё сразу же подгонялось и зависело от времени работы техномагической системы, установленной в доме. Всё соизмерялось с состоянием семьи, живущей в этом самом доме. Чем богаче семья, тем пестрее и вычурнее были фасоны одежды и тем оригинальнее был дом. Мне сразу же вспомнился сон, который приснился недавно в моём родном мире. Я видел нечто похожее, но над каждым домом была своя погода, а за всё время моего нахождения в городе я ничего подобного не наблюдал.

На всякий случай я всё же решил спросить:

— А почему тогда никто не меняет погоду над своими домами? Неужели у вас не бывает людей, которые любят тот же дождь или снег. Или так глобально менять погоду они не могут?

Кей рассмеялся:

— Ты недооцениваешь техномагию. Если хозяин захочет, то может устроить даже миниатюрное землетрясение или расположить над крышей дома стометровый смерч. Просто недавно вышел указ о том, что по будням резкие изменения индивидуального климата запрещены. Вот завтра выйдешь и сразу увидишь, насколько различной может быть погода на каждом десятке метров.

Откуда он знает метрическую систему моего мира, я тоже спросить не успел, потому что мы вышли напрямик к скромному чёрному зданию, над которым шёл дождь, висели тучи и царил темнота.

— Ага. Я смотрю, у вас, как и у нас, не все следуют указам, — ехидно кивнул я в сторону здания.

— Это-то? Это же Школа Искусства. Кей посмотрел на меня так, будто это должно было всё объяснить.

— И что? — уже привычно спросил я.

— Всё время забываю, что ты ничего не знаешь, — хлопнул он себя по лбу. — Школы Искусств пользуются особым положением, как и Академия, кстати. Все запреты на использование «магов» к ним не относятся.

— А мне казалось, что Искусство и Ремесло практически одно и то же...

— Ха!

Кей от души заржал, едва не наворачнувшись на ровном месте.

— Ты чего, совсем рехнулся? Кто же в здравом уме спутает Ремесло и Искусство. Это как спутать сферу огня со сферой воды.

— Так мне никто ничего не разъяснил, — почему-то обиделся я. — Ты не выпендривайся, а объясни по-человечески.

Кей посмотрел на некое подобие часов на руке и кивнул.

— Ладно, пойдём, сам всё увидишь. Время до обеда ещё есть, так что можно зайти в гости.

— В гости?

— Именно в гости. Если пустят.

— Если пустят? — Я удивлённо поднял одну бровь. — А мне казалось, что Ремесленнику везде путь открыт. Вы же все из себя такие великие и умные.

— Конечно везде. У простого человека даже и возможности быть приглашённым нет. Кстати, ещё не факт, что тебя вообще пустят. Ты же как раз самый обычный человек. Обычнее некуда. — Кей сделал вид, что размышляет. — Разве что за счёт былых заслуг твоего тела. Это если у них хорошее настроение. А если плохое, то могут и на кусочки

разорвать в счёт тех же заслуг, — злорадно закончил Кей и неторопливо пошёл к тёмному дому.

Я подумал было сообщить, что идти туда мне уже вовсе даже и расхотелось, но любопытство всё же пересилило, и я просто молча пошёл за Кеем. Кроме того, меня как-то успокаивало, что Кею было велено меня защищать. Да и не верилось, что говорил он серьёзно.

С близкого расстояния здание оказалось вовсе не таким страшным, как издалека. Обычный дом из чёрного камня. Обычные пять этажей. Только окон не было.

— Постучим? — почему-то шёпотом спросил я. Кей покрутил пальцем у виска.

— Ты откуда такой вылез? Вон звонок справа. Только позвоню я, а то мало ли что им в голову взбредёт, — так же тихо ответил он.

«Кому им?» — хотел было спросить я, но Кей уже нажал пальцем на неприметный камень возле огромной деревянной двери.

Дверь из чёрного дерева слегка дрогнула от раздавшегося где-то внутри здания жуткого грохота.

— Это ты звонком называешь? — спросил я, лишь чудом не сбившись на предательский фальцет.

— А чем такой звонок хуже прочих? — философски пожал плечами Ремесленник.

Ответить что-нибудь колкое я не успел, потому что дверь с тихим скрипом распахнулась.

— Слушай. Помнишь, я тебе рассказывал, что, когда я начал видеть в темноте, мне в ней стало уютно и мне стало нравиться в ней растворяться... — протянул я.

— Ну-ну. И что? — через плечо спросил Кей, переступая через порог и тут же исчезая в темноте.

Я подошёл к тёмному зеву и, сунув голову в густую, как нефтяное пятно, темноту, прокричал:

— Так вот, теперь я в темноте не вижу, чтоб ты знал! Мне теперь в ней неуютно, противно и... страшно... Я туда не пойду!

«...пойду...пойду...пойду», — ответило эхо.

Я чуть было не отскочил от двери и не бросился бежать. Но в последний момент передумал и решил сначала позвать Кея, а уж потом бежать отсюда что есть сил.

— Ты где?! — крикнул я, ещё раз заглянув в тёмный проход.

«...здесь...здесь...здесь», — ответило эхо. Минуточку! Какое на фиг эхо?!

В следующую секунду что-то схватило меня за плечи и вдёрнуло внутрь. Я по инерции пролетел несколько метров и упал на пол. Пол был холодный и скользкий, но я сразу забыл об этом, потому что вокруг меня была тьма. Как будто я оказался заживо погребённым в фамильном склепе, где нет ни одного окна, двери и даже щёлочки. Хуже того, тьма казалась осязаемой. Она клубилась вокруг меня, создавая странные тени, скручиваясь в немыслимые узоры и фигуры. Вокруг стояла зловещая тишина, и я невольно замер на полу, пытаюсь услышать хоть что-нибудь.

Спустя пару секунд или, может быть, минут я всё же осмелился встать. Я постоял ещё немного, прислушиваясь, а потом сделал первый осторожный шаг вперёд. Ногу я ставил, аккуратно проверяя поверхность. Под ногой тихо зашуршала мелкая пыль. Я даже не сразу заметил, как этот звук стал расползаться по всему полу вокруг меня. Казалось, что вокруг сотни невидимых людей сделали точно такой же шаг. Я бы так и подумал, если бы звук не перешёл на стены, а потом и на потолок. Тихое, но от этого ещё более зловещее шуршание теперь слышалось отовсюду.

Хорошо, что я немного успел привыкнуть ко всяким гадким неожиданностям, а то бы мог и в обморок упасть. А так я всего лишь тихо вскрикнул и начал судорожно крутиться и махать руками, чтобы никто не схватил меня сзади, потому что мужество мужеством, но такого шока моё сердце наверняка не выдержит.

Тем временем мой судорожный крик стал множиться и искажаться. Через пару секунд у меня сложилось впечатление, что вокруг меня собралась куча сошедшего с ума народу, которая только и делает, что кричит совершенно ужасающими голосами. Хотя на потолке, по идее, никто стоять не мог.

В тот момент, когда я уже устал вертеться на одном месте, кто-то или что-то дало мне пинок под зад.

Я кубарем покатился по полу.

— У... козлы, — разозлёно погрозил я в темноту.

«...сам козёл...сам козёл...сам козёл», — прошелестело по залу.

Воистину злость имеет колоссальную силу. Я так разозлился, что даже не сразу понял, что делаю. А когда понял, то и вовсе растерялся.

Я стоял в позе, очень похожей на ту, которую пытался выучить на своём первом и пока что последнем занятии ушу. Называлась она как-то странно, я всё равно не запомнил, а вот выглядела, как будто я сидел на табуретке, слегка расставив ноги, и не заметил, как её из-под меня вытащили. Я бы в такую позу никогда в жизни не сел и уж тем более не стал бы так странно вращать руками перед собой, при этом что-то бормоча.

Спустя секунду зал, а это был именно зал, осветился ярчайшей вспышкой света. Вспышка высветила каменные стены, покрытые странным орнаментом. Напротив меня стояло около десятка высоких людей в странной чёрной одежде и один человек совсем маленького роста в почти такой же одежде, но ещё и в капюшоне, закрывавшем лицо.

— Ну и какая собака меня посмела ударить? — рывкнул я и сам не узнал свой голос.

Я и злым-то таким никогда не был.

— Ну я. А что? — вызывающе взглянул на меня один из людей в чёрном.

— А ты подойди и попробуй сделать это ещё раз.

Я плотоядно усмехнулся.

Худощавый парень приблизительно моих лет подпрыгнул в воздух и, я не поверил своим глазам, преодолев в прыжке около пяти разделяющих нас метров, приземлился прямо передо мной.

— И пробовать не буду...

Злость уже прошла, и мне неожиданно стало жутко одиноко и страшно.

«Щас он меня порвёт», — как-то вяло подумал я.

— Стоять, Рихтер, — тихо и в то же время отчётливо прошелестел мягкий голос.

— Но... — попытался возразить этот самый Рихтер.

Человек в капюшоне поднял руку ладонью вперёд.

— Я сказал стоять. И не советую тебе впредь возражать мне, для тебя это может кончиться плачевно. Это наш гость, и, поскольку он прошёл испытание страхом, он имеет право находиться здесь. Причём в полной безопасности согласно правилам Школы.

Рихтер молча кивнул и, бросив на меня испепеляющий взгляд, вернулся в своеобразный строй, напоминающий клин. Лица людей были повернуты внутрь клина, а напротив центра чуть поодаль стоял невысокий человек в капюшоне.

— Пройдёмте в мой кабинет, молодой человек, — вежливо предложил он. — Там вас уже ожидает Ремесленник, пришедший с вами.

Я хотел было сказать, что это я с ним пришёл, а не наоборот, но как всегда не успел.

Человек в капюшоне уже шёл к проёму в стене, которого, кстати, ещё секунду назад не было.

Мне ничего не оставалось, кроме как поспешить за ним, стараясь не показать боязни остаться в зале вместе с Рихтером и прочими «людьми в чёрном». Тем более было подозрение, что как только человек в капюшоне зайдёт в проём, этот самый проём исчезнет.

Влетел в проём я едва ли не быстрее человека в капюшоне и попал в зал, не менее просторный, чем тот, из которого только что вышел. Кабинетом этот зал мог бы называть разве что король Англии. Да и то с большой натяжкой. А уж то, что этот кабинет был минимум в пять раз больше моей квартиры, просто уничижало.

Вдоль стен выстроились огромные, высотой метров в пять, книжные шкафы. Посередине кабинета стоял длинный стол с расставленными вокруг него креслами из блестящей чёрной кожи. В одном из кресел с книжкой в руках удобно расположился Кей. Я был так зол на него, что даже забыл о присутствии хозяина кабинета.

— Ах ты засранец! — рывкнул я, едва его увидев. — Ты что же это со мной вытворяешь?!

Ты зачем меня сюда привёл, чтобы поиздеваться?!

— Делать мне больше нечего, — огрызнулся Ремесленник, кинув книгу на стол. — Откуда ж я знал, что нынче любой, кто входит в Школу, должен пройти испытание страхом.

— А сам-то ты почему здесь тогда сидишь, вместо того чтобы в темноте барахтаться?

— Ты не забывайся, я Ремесленник, у меня особое положение! — рявкнул в ответ Кей и неожиданно озорно усмехнулся: — Зато как у них рожи вытянулись, когда ты Светлое Око сформировал прямо в Зале Тьмы. Только вот интересно, каким образом?

Человек в капюшоне, до этого тихо стоявший рядом со мной, произнёс:

— Извините, что прерываю, но предлагаю вам, — он кивнул мне, — присесть и поговорить, ведь именно за этим вы и пришли, насколько я понимаю.

Вообще-то я зашёл просто ради интереса, но в кресло всё же сел.

— Господин Наставник, если говорить честно, то мы зашли просто ради интереса моего друга, — произнёс вслух мою мысль Кей.

Я молча кивнул.

— Молодой человек, — прошелестело в ответ из-под капюшона. — В Школу Истинного Искусства просто так никто не заходит. И уж точно простой человек не может пройти испытание страхом, тем более таким образом.

Кей явно скривился, когда его назвали молодым человеком, но смирил свою гордыню и согласился:

— Да. Светлое Око, насколько я знаю, доступно не всем ученикам Школы. А ведь в нём, — он кивнул в мою сторону, — нет никакой «силы».

— Должен вас поправить, господин, — раздался тихий смешок, — Ремесленник. Светлое Око доступно не всем выпускникам Школы.

Кей присвистнул.

То ли он действительно не заметил насмешки, то ли решил не замечать, но всё же ничего по этому поводу не сказал. И слава богу, а то мало ли что. Если вспомнить, как этому Наставнику подчинялись «люди в чёрном»...

— Но ведь нету же в нём никакой силы, — повторил Кей, покосившись на Наставника.

— Не скажите, господин Ремесленник, — покачал капюшоном Наставник. — Это для вас нет. А человек, достаточно продвинутый в изучении Искусства, может кое-что усмотреть.

— Что же это за кое-что? — переспросил Ремесленник.

Вообще-то странно, ведь мне казалось, что Ремесленники — самые крутые ребята на этой стороне улицы, и весьма странно, что этот Наставник так спокойно и безнаказанно опускает Кея. А тот обижается, конечно, но молчит.

— «Кое-что» — это, например, пройденное Посвящение в ученики Школы, — ответил Наставник и, как мне показалось, слегка скривился под капюшоном. — Вот только какое-то левое Посвящение.

Я в очередной раз удивился познаниям жителей этого мира в русском сленге.

— Какое? — заинтересованно переспросил Кей.

— Левое, — по инерции повторил я. — Ну корявое, короче.

— Корявое... — Он задумался. — А! Неправильное.

Наставник махнул рукой, дескать, понимай как хочешь.

— А почему левое? — поинтересовался я.

Мне опять показалось, будто Наставник поморщился. Во всяком случае, разговор об этом явно не доставлял ему особого удовольствия.

— Потому что проведено Посвящение было не по правилам и вообще неизвестно кем. Да ещё, скорее всего, неизвестно где.

Кей бросил на меня предостерегающий взгляд. Я ответил взглядом, что помню о неразглашении моего происхождения. Он ответил, мол, продолжай помнить, а то мне голову оторвут. Я в ответ многозначительно кивнул.

— Он не помнит, откуда он, — объяснил Кей. — Но мы уверены, что он приехал из далёкой провинции, в которой даже не знают ни о Ремесле, ни об Искусстве. Поэтому расскажите ему поподробнее о смысле Искусства и собственно Посвящении.

— С удовольствием. — Капюшон утвердительно кивнул. Интересно, а почему он вообще не снимает при нас капюшона? Неужели такой страшный?

— Начнём со смысла Искусства...

Кей поудобнее устроился в кресле, а я придвинулся — поближе, потому что голос Наставника звучал достаточно тихо, а пропустить что-либо я не хотел.

— Искусство, в отличие от Ремесла, оперирует исключительно внутренней энергией, а внешние источники использует только для её восполнения. Соответственно, адепт

Искусства одновременно может использовать только то количество энергии, которое способен накопить в себе. В Ремесле же человек является лишь проводником, то есть может использовать внешнюю энергию достаточно быстро в зависимости от подготовки и природных способностей. А вот в Искусстве, за счёт того, что не требуется связь с внешними источниками, использование энергии происходит просто мгновенно. Количество накопленной энергии зависит от всё тех же природных способностей и упорства в тренировках. Но работа с энергией не основное отличие Искусства от Ремесла. Основным отличием является управление этой энергией. А точнее, характер управления. Если Ремесленник управляет исключительно силой мысли, вербальным способом, языком жестов, использованием фетишей и склонностями людей к разным стихиям, то всё Искусство сводится к тренировке импульсов, рефлексов, реакций. Искусник большинство энергетических воздействий производит так же просто, как вдыхает и выдыхает воздух. Для него перепрыгнуть шестиметровый забор — как перешагнуть через камешек на дороге. И мышцы он напрягает так же, как при перешагивании этого самого камешка. Хотя физической форме мы тоже уделяем немалое внимание, основной смысл Искусства в рефлексивном использовании энергии. Если Ремесленнику, чтобы взлететь, нужно сплести мысленные приложения сил, то Искусник высокого уровня Посвящения может взлететь в воздух моментально. Если Ремесленнику нужно несколько секунд или минут на сплетение заклинания, то Искусник среагирует в сотую доли секунды, ведь, как известно, условный рефлекс куда быстрее мысли. Однако достичь такого уровня развития, чтобы накопить энергию, достаточную для полёта, может далеко не каждый Искусник. Даже не каждый Мастер.

— А вы можете? — неожиданно перебил Кей.

Я просто-таки подпрыгнул в кресле от его бестактности.

— Я — отдельный случай, — уклонился от ответа Наставник и продолжил: — В Ремесле есть школы стихий: воды, огня, земли, воздуха, а Искусство, я бы сказал, ближе к стихиям смерти и жизни. Это умение сохранить свою жизнь в любой ситуации или забрать чужую жизнь при необходимости.

Наступило молчание. Я переваривал полученные сведения и пытался их совместить с тем, что происходило со мной в последние две недели. Наставник почему-то держал паузу, а Кей... Кей долго молчать не мог.

— Первый раз слышу такую интерпретацию Искусства, — улыбнулся он. — Сферы жизни и смерти... Хм-м... Оригинально. А что же с его Посвящением? — Он небрежно кивнул в мою сторону.

Наставник странно помотал головой, как будто избавляясь от ненужных мыслей, и продолжил:

— Посвящение — это начальный этап обучения в Школе Искусств. Как вам наверняка известно, здание — это медленно строящийся дом: главное — фундамент, и чем он прочнее, тем лучше и крепче будет стоять дом. Так вот Посвящение можно назвать таким фундаментом для Искусства.

— И, как я понял, фундамент у него хреновый, — сделал вывод Кей.

— Я бы согласился, но всё же есть одно «но», — покачал головой Наставник. — Грубо говоря, странный, частично построенный дом поставлен на этот кривой фундамент.

Наставник свёл перед собой совершенно белые руки и сомкнул пальцы в замок.

— Попробую объяснить. Представьте себе целый, допустим трёхэтажный, дом. А теперь начните вырывать из него куски, причём если опора для какой-либо части вырвана, то эта часть продолжает висеть в воздухе. Если вы вырвете девяносто процентов постройки, то останутся отдельные, висящие в воздухе куски, которые будут едва-едва напоминать очертания здания. А теперь всё это попробуйте положить на новый корявый фундамент.

— Ужас какой... — пробормотал я.

— Бедный ребёнок, — покосился на меня Кей. — Кто же это его так?

— Хороший вопрос, — кивнул Наставник. — И ещё интереснее, где его так? И кто же вы такой, Виктор или Вельхор?

Кей от удивления открыл рот, потом закрыл, а потом и вовсе закусил губу. По всей видимости, он уже прикидывал, что с ним сделает Ромиус или, что ещё хуже, Зикер.

А я и вовсе запутался. Если он узнал моё имя (а я, как это ни неприлично, ему не представился), то почему он спрашивает, откуда я взялся?

— С чего вы это взяли? — слегка сорвавшимся голосом спросил Кей. — Виктор его зовут. А Вельхеор, знаете, живёт в провинции Кельхеора в своём родовом замке.

— Да? — с издёвкой спросил Наставник. — А почему тогда у этого... Виктора аура Вельхеора, тело Вельхеора и от души несёт запахом этого засранца?

— Как это вы так чётко ауру определили? — спросил Кей, закинув ногу на ногу. — И уж тем более сделали слепок души?

— Совершенно свободно, — произнёс Наставник. — Пока я объяснял суть Искусства, я успел провести полный анализ ауры, сделать слепок души, провести тест тела. Причём у обоих. Даже мысли успел у него прочитать.

Кей вскочил с кресла.

— Чтение мыслей запрещено Императором!

— Запреты не касаются зданий Школ Искусств и Академии, вы забыли? Тем более единственное, что дало мне чтение его мыслей, — это головная боль.

Я слегка опешил. Кей, похоже, тоже ничего не понял, потому что опять сел в кресло, решив всё же дослушать.

— В его голове царит такая тарабарщина, что просто диву даюсь, как он может казаться психологически нормальным человеком.

Тут уж вскочил я.

— Я пошёл отсюда.

— Оставайтесь... — тихо произнёс Наставник, и я неожиданно вновь оказался в кресле. Кей продолжал спокойно сидеть.

— Я не закончил, — продолжил Наставник, — так что придётся вам немного подождать.

Я покосился на Кея, надеясь, что он не станет этого терпеть, но он спокойно сидел в кресле с отсутствующим видом.

— Однако слепок души говорит, что вы совершенно нормальны, а значит, дело в чём-то другом. Видимо, вы мыслите на непонятном мне языке. Что весьма странно, если учесть, что я знаю все языки этого мира.

— Так уж и все? — наконец подал голос Кей.

— Все, — пожал плечами Наставник. — Благо, времени на их изучение у меня было более чем достаточно.

Почему у него было столько времени, чтобы выучить все языки мира, мы с Кеем спросить конечно же собирались, но нас отвлекли, а потом уже стало и вовсе не до этого, потому что в комнате раздался хлопок и в кресле рядом со мной появилась фигура в красном одеянии. Я не сразу узнал в ней Ромиуса. Лицо у него было, мягко говоря, усталое.

— Что здесь происходит? — громко спросил рыжий Ремесленник, обведя взглядом маленькую компанию в лице меня, Наставника и Кея. — Кей, зачем ты меня выдернул с Ассамблеи?

— Мастер, я ничего не говорил ему, честное слово, и мысленный щит у меня всегда стоит четвёртой степени. Но он как-то узнал о связи Виктора с Вельхеором. Он говорит, что провёл полный анализ Виктора, но за столь короткое время это невозможно. А поскольку вы приказали строго сохранять тайну, я вызвал вас, — отчеканил Кей, видимо, уже заранее заготовленный отчёт.

— Правда? — поднял бровь Ромиус и повернулся к фигуре в капюшоне. — Вы провели анализ?

— Пришлось, Ромиус, ведь твой ученик ничего не хотел мне рассказывать.

— Ну что ж, я всё равно собирался обратиться к вам за помощью, ведь Ассамблея Ремесленников всё ещё заседает, а время хоть и медленно, но идёт.

— Сколько же вы уже заседаете? — спросил Наставник.

— Три месяца.

— Сколько?! — не сдержал возгласа удивления я. — Ведь ещё даже дня не прошло, как мы приехали! Вы шутите?

— Это здесь день, — наставительным тоном произнёс Кей, — а в Зале Ассамблеи время течёт иначе.

— Однако, — выдохнул я.

Я-то думал, что на меня наплевали, а, оказывается, они уже три месяца пытались решить, как мне помочь. Верится, конечно, с трудом, но стоит посмотреть на усталое лицо Ромиуса, и все сомнения исчезают. Круги под глазами, запущенная борода и общая помятость говорили о длительной напряжённой работе.

— Не обольщайтесь, молодой человек, — понял ход моих мыслей Наставник. — Они не о вас волнуются, они о своих задницах беспокоятся.

— Да как ты... — начал было Кей.

— Что есть, то есть, — спокойно согласился Ромиус. — Но что я могу поделать, если в Ассамблее в основном состоят одни старики? Они с трудом принимают всё новое, если вообще принимают. Молодое поколение ещё не успело достаточно подрасти для того, чтобы получить возможность попасть в Зал Ассамблеи.

— Да, — согласился Наставник. — Молодое поколение пока не на высоте.

Он кинул на Кея такой сочувствующий взгляд, что мне его стало жалко.

— Так почему же вы хотели ко мне обратиться? — спросил Наставник. — Заодно объясните наконец, в чём, собственно, дело. Кто такой Виктор и что он делает в теле Вельхеора?

— Всё достаточно просто, — пожал плечами Ромиус. — Вельхеор поменялся телами с Виктором. Вся сложность в том, что Виктор живёт в совершенно другом мире. Хотя мы должны радоваться, что этот подлец исчез из нашего мира, а вместо него появился довольно милый молодой человек, но неизвестно, что Вельхеор устроит в том мире. Судя по рассказам Виктора, в их мире совершенно не умеют пользоваться энергией, а наших Ремесла и Искусства вовсе не существует. Соответственно, противопоставить Вельхеору им будет просто-напросто нечего. Сколько я ни говорил этим старым пням в Ассамблее о понятиях чести и ответственности, они всё равно считают, что наше дело сторона. Единственное, что их беспокоит, это вероятность обратного перехода Вельхеора в своё тело. Часть из них до того отупела, что предлагала едва ли не убить Виктора, просто на всякий случай. Им помешало то, что другая часть хочет заспиртовать Виктора и исследовать, пока не надоест. Там, конечно, есть и нормальные люди, которые предлагают произвести более внимательный обыск лаборатории Вельхеора в надежде найти способ помочь Виктору, но нас слишком мало. Поэтому я собирался обратиться к вам до того, как Ассамблея решит, что делать, поскольку ничего хорошего они не решают. Я уже пожалел, что сообщил им об этом.

— Да. Где бывала Академия, — вздохнул Наставник. — В былые дни они не задумываясь помогли бы парню, а теперь... Внутренние склоки, боязнь потерять положение, императорские указы... Нужно вливание свежей силы.

— Скоро будет новый набор, на который я возлагаю большие надежды, — кивнул Ромиус. Кей сидел в кресле и поворачивался то к Ромиусу, то к Наставнику. В глазах стояло такое неверие и ужас, что Ромиус поспешил его успокоить.

— Можно подумать, что ты ничего такого не замечал. Или, может, ты думал, что в Академии все Ремесленники добрые и умные? Будь реалистом.

Кей судорожно вздохнул и кивнул.

Я уже слегка потерял нить разговора, потому что не представлял устройства этой их Академии и порядков, царивших в ней. Однако я понял, что что-то у них идёт не очень хорошо.

Наставник повернулся ко мне:

— Ну что ж, молодой человек, давайте посмотрим, чем вам можно помочь.

— Простите, — слегка неуверенно вклинился Кей, — Ромиус, а почему вы хотели обратиться именно к этому Наставнику?

Ромиус удивлённо посмотрел на Кея:

— А ты не догадываешься?

Кей покачал головой.

— Я же глупое молодое поколение, — с лёгкой горечью в голосе сказал он. — Даже понятия не имею.

— А почему же ты привёл Виктора именно в эту Школу Искусств?

Кей зачем-то посмотрел на меня. Я пожал плечами и выжидательно уставился на Кея.

— Просто потому, что мы проходили мимо и Виктор заинтересовался этим зданием.

— Ну что ж, бывают и такие совпадения, — усмехнулся Ромиус и обратился к Наставнику:
— Объясни им.
Наставник кивнул:
— Я предполагаю, что это потому, что я как никто другой подхожу для решения этой проблемы. К тому же у меня за спиной есть несколько сотен лет какого-никакого опыта. Кей не казался удивлённым, а вот я просто выпал в осадок.
— Ну, возраст, дело наживное, — усмехнулся Кей. — Дело ведь не в возрасте?
Каким образом можно нажать такой возраст, я не представлял, но всё же промолчал, здраво рассудив, что успею спросить об этом позже.
— Конечно, не главное, — согласился Наставник. — Главное вот что...
Он поднёс руки к лицу и снял капюшон. Под капюшоном оказалось совершенно белое и удивительно молодое лицо. На нас смотрели красные, слегка насмешливые глаза вампира.

Глава 13

— Вообще-то Наставником меня называют только ученики, а для друзей я Кельнмиир.
— Правящий клан, — вытаращил глаза Кей. — Я даже и не мечтал встретиться с одним из Великих.
Он склонил голову, как я понял, в почтительном жесте.
— Собственно, на фига мне об этом мечтать-то? — добавил он себе под нос еле слышно.
Ромиус едва заметно усмехнулся — услышал.
— Объясните и мне, пожалуйста, что тут такого удивительного, — взмолился я. — А заодно то, почему меня как вампира пытались сжечь, а его как вампира восхваляют и радуются встрече с ним, будто действительно мечтали об этом всю жизнь.
— Ну, если я не ошибаюсь, встрече с тобой жители Приграничья тоже радовались, — с серьёзным лицом сказал Ромиус. — А уж как они бы радовались, продлись ваша встреча чуть подольше...
— Хватит, Ромиус, — махнул рукой Кельнмиир. — Давай-ка я ему сам объясню.
Я благодарно кивнул, потому что дальнейшее обсуждение едва не свершившегося акта моего сожжения совершенно меня не радовало.
— Мы, вампиры, являемся строго иерархичным сообществом, состоящим из ряда кланов. Каждый клан имеет свои особенности, описание которых могло бы занять очень много времени. Самое главное, что тебе нужно знать, это названия основных кланов: Сеон — боевой клан, Ноос — дневной клан, Хеор — самый старый и самый кровожадный клан и Миир — правящий клан. Остальные кланы имеют более сложные различия, не всегда понятные обычным людям, а зачастую и нам самим не очень понятные. Самый многочисленный и самый сильный клан — Хеор. Самый малочисленный и слабый в прямом столкновении — Ноос. Но, как ты, наверное, понял Ноос — единственный клан, выносящий дневной свет. Правящий клан Миир нельзя назвать полноценным, потому что выходцы этого клана разбросаны по всем остальным. Он является как бы кланом внутри кланов.
— И этот клан стоит над всеми остальными, — услужливо подсказал Кей.
— Именно так, — кивнул Кельнмиир. — И именно поэтому Кей так удивился, узнав, как меня зовут. Выходцев моего клана редко можно встретить вне общины. Мы рождены, чтобы повелевать, и нам это нравится, тем более если учесть, что больше ничего мы не умеем. А уж в открытой схватке с Сеоном или Хеором мы не протянем и минуты.
— Но вы же сказали, что самый слабый клан Ноос, — запутался я.
— Ноос... — задумчиво протянул Кельнмиир. — Ноос молодой клан. Он появился совсем недавно, и никто не может определённо сказать, на что он способен. Однако в открытых схватках он пока что проигрывал.
— Причём проигрывал даже правящему клану, — улыбнулся Ромиус.
Кей задумался, а через секунду просветлел и радостно вскрикнул:
— Причём именно вам!

— Было дело, — согласился Кельнмиир. — Но я это я, и я не показатель их слабости. Были и другие сражения, в которых участвовали лишь мои ученики, которые тоже побеждали. Так что на данный момент мне он кажется наиболее слабым. Хотя... что такое слабость в сравнении со способностью выдерживать дневной свет.

Я понял почти всё, что он сказал, но кое-что всё же не давало мне покоя.

— Скажите, — спросил я. — Вы ведь говорили, что правящий клан самый слабый, ну кроме Нооса?

— Так и есть, — кивнул Наставник.

— Но вы же сказали, что вы не показатель их слабости. Почему?

Кельнмиир улыбнулся, обнажив свои белые клыки.

— Сила вампира измеряется не только временем, проведённым в тренировках, или врождёнными способностями. Оно зависит и от ряда других факторов. Основной — продолжительность жизни...

— И Кельнмиир, как я слышал, один из старейших вампиров! — слегка сорвавшимся от радости голосом выкрикнул Кей.

Ромиус укоризненно посмотрел на своего протеже, но тем не менее согласно кивнул.

— Кельнмиир, — Ромиус слегка поклонился Наставнику, — старше почти всех вампиров втрое. А меня...

— Раз в пятнадцать, — подсказал Кельнмиир.

— И это при моих двухстах годах от роду, — согласился Ромиус.

— Скольких?! — переспросил я.

Вообще-то я заподозрил нечто подобное, когда узнал об Ассамблее Ремесленников, длящейся три месяца. Причём это считалось чем-то совершенно обычным, когда порой за решением какой-нибудь особо сложной задачки (вроде очередного спасения мира) они просиживали год-другой.

— А сколько тебе лет? — повернулся я к Кею, когда на мой риторический вопрос никто не ответил.

— Пятьдесят шесть, — ответил Кей. — А что?

— Да нет... — протянул я. — Ничего. А мне всего двадцать с небольшим.

— И что? — На меня удивлённо уставились все трое.

— Ну... — Я попытался собраться с мыслями. — Если Кею пятьдесят, а он выглядит как я, то получается, что дети у вас должны расти медленнее. И это получается, что я сейчас для вас по возрасту должен быть на уровне ребёнка.

Все трое рассмеялись.

— Откуда ты такое взял? — отсмеявшись, спросил Ромиус.

— Ну... — Я смутился. — Как выглядит у вас человек двадцати лет?

— Так же, как и ты, — ответил он.

— Но ведь Кей тоже выглядит как я.

— Ну да, — согласился Кей.

— Я ничего не понимаю, — вконец запутался я.

Ремесленники переглянулись, словно родители, умиляющиеся наивности пятилетнего ребёнка.

— Чего ты не понимаешь? — чересчур мягко спросил Ромиус.

Впору было взбеситься, но толку от этого всё равно бы не было, поэтому пришлось вздохнуть и напрячь мозги. Не хотелось мне почему-то выглядеть полным дураком перед этими людьми. Я всё-таки здесь единственный представитель своего мира...

Получается, что у них человек до двадцати лет растёт как обычный человек моего мира, а потом его биологические часы замедляют свой бег и время существенно растягивается. По-другому быть не может.

Значит, по их мнению, я совершенно нормальный человек и практически ничем от них не отличаюсь. Самое время их удивить.

— Понимаете, — слегка виноватым голосом начал я. — В моём мире человек едва ли доживает до восьмидесяти лет. К пятидесяти годам он уже теряет... товарный вид, а к шестидесяти выходит из дома только на редкие утренние прогулки.

— Ну, у нас, предположим, тоже не каждый доживает до четырёхсот лет, если он, конечно, не вампир, — покосился на Кельнмиира Ромиус. — Но до такого не доходит. Да в

восемьдесят человек только начинает жить! Как же вы смогли достичь такого прогресса, о котором ты рассказывал? Наверное, всё человечество у вас живёт очень сплочённо? Смеялся я долго. А когда отсмеялся, долго соображал, как бы объяснить причину своего смеха. Потому что смех смехом, а ведь всё это грустно...

— Увы. Двигателем прогресса в нашем мире является как раз не сплочённость, а, наоборот, разобщённость: гонка вооружений, войны, мелкие стычки, политические интриги. Всё что угодно, только не сплочённость.

— Ужас какой, — подал голос до этого молчавший Кей. — Вот я всё слушаю и слушаю... А зачем тебе туда возвращаться, а? Ну прожил бы ты там свои оставшиеся шестьдесят лет, ну и что? А у нас ты бы мог прожить в три раза больше и наверняка чувствовал бы себя лучше. Войн и политических интриг у нас и своих, конечно, хватает, но почему-то мне представляется, что наш мир куда приветливей вашего.

— Знал бы ты, насколько ты прав, — вздохнул я. — Не просто приветливее, а в сравнении с нашим он просто идеален.

— Ты ещё не всё знаешь, — покачал головой Кельнмиир. — Узнай ты наш мир получше, так говорить не стал бы.

— А уж если бы вы узнали мой мир получше... Ладно, не будем об этом. Кстати, — я посмотрел на Кея, — а с чего ты решил, что я здесь проживу в три раза больше? Я же не житель вашего мира.

— Ты — нет, а Вельхеор — да. А ты в теле Вельхеора, — усмехнулся Кей.

А ведь и вправду! За всё время, проведённое в теле Вельхеора, я ни разу и не задумался о том, что оно не моё. Получается, что наши тела полностью идентичны. Ещё вчера вечером, перед тем как лечь спать, я умывался и смотрелся в зеркало. Может, я просто очень хотел спать или просто забыл об этом, но ни о чём подобном я не думал...

Только сейчас у меня появилось странное ощущение, как будто я надел чужую рубашку. Но ведь тело не рубашка, о нём так просто не забудешь...

— Раз уж мы подошли наконец-то к главным вопросам, то, может быть, ты мне объяснишь, что творится в твоей голове? — неожиданно спросил Кельнмиир.

— А что с его головой? — заинтересовался Ромиус.

— Да, а что с моей головой? — присоединился я к Ремесленнику.

— Почему я не могу прочитать ни одной его мысли? Одна бредятина.

— Интересный факт, — кивнул Ромиус. — И у меня уже есть готовый ответ. Не зря же я протёр все штаны, сидя на этой Ассамблее. Вы не задумывались, каким образом Виктор говорит с нами? Я имею в виду языковой барьер. Не думаете же вы, что в разных мирах могут быть одинаковые языки? Так вот, я посоветовался с некоторыми Ремесленниками, в основном специалистами по астральным проекциям... Получается, что тело является как бы двусторонним переводчиком для проекции Виктора.

— Проекция?... — как всегда не понял я.

— Проекция на плоскость этого материального мира, а точнее, на это тело.

— То есть в голове у него мысли на привычном ему языке, снаружи его говорят на нашем языке, а тело преобразует его мысли в речевую форму, доступную нам...

— И наоборот, — подхватил Кей. — Преобразует нашу речь в форму, доступную его... хм-м... доступную ему.

Так вот откуда взялись речевые обороты, которых они никак знать не могли, все эти их «пофиги» и «нафиги».

— Но ведь получается, что у Вельхеора в другом мире никаких языковых проблем также не будет! — зло сверкнул красными глазами Кельнмиир.

— Мы наконец-то начинаем подбираться к насущным проблемам... — пробормотал Ромиус.

— И какие же у нас насущные проблемы? — тут же спросил Кей.

— Найти способ вернуть Виктора в его мир, если он, конечно, захочет, и решить, что делать с Вельхеором.

— Уж я-то решу, что делать с этим засранцем, — скривился в злой ухмылке Кельнмиир. Нужно будет непременно узнать, почему он так ненавидит Вельхеора. И задать ещё миллион и один вопрос на другие темы, но...

Сейчас нужно задать вопрос самому себе. Хочу ли я возвращаться в свой родной мир?

Я никогда не вдумывался в понятие Родины, потому что в наше время Родина забывает о нас раньше, чем мы вспоминаем о ней. А сейчас я, возможно, впервые в жизни подумал о ней. Не о родном городе или стране, а о родном мире, в котором всё понятно, а что непонятно, то хотя бы объяснимо. Безусловно, интересно изучать новый, совершенно незнакомый мир. Это захватывающе и завораживающе, но только если за спиной всегда остаётся Родина. Родное место, в которое всегда можно вернуться после длительного путешествия. Там враги, там друзья, там девушка... Девушка... не моя, конечно, девушка, но ведь всё может быть... при условии, что я вернусь домой...
Если
я вернусь домой...

— Я хочу домой, — произнёс я вслух громко и чётко, а потом уже тише спросил: — И всё-таки... есть вероятность того, что я ещё когда-нибудь вернусь сюда?

— Конечно есть, — успокоил меня Ромиус. — Как и вероятность того, что ты отсюда никуда не денешься.

Тут уж я не знал, радоваться или огорчаться.

— Давайте наконец закончим праздные беседы и перейдём к делу! — вскочил с кресла Кельнмиир.

— Сядь, — спокойно произнёс Ромиус, посмотрев на вампира, пережившего тридцать с лишним веков, как на нетерпеливого ребёнка. — Сначала следует решить ещё одну проблему.

— Какую?

Кельнмиир стал чем-то неуловимо похож на охотничью собаку, учувявшую спрятавшуюся в норе лисицу.

— Мне кажется, что кто-то из твоих учеников пытается преодолеть ментальную защиту этого помещения. Ты хорошо их выучил, он это проделывает весьма ловко...

— Я их этому ещё не учил, — процедил Наставник, и стена в дальнем углу комнаты исчезла. Стал виден зал чуть меньше того, в котором находились мы.

За стеной стоял в забавной позе и делал странные пассы молодой человек в чёрной одежде, лица которого было отсюда не разглядеть. Он не обратил никакого внимания на исчезнувшую стену, из чего я сделал предположение о том, что стена стала прозрачной лишь с нашей стороны.

— Это не мой ученик, — добавил Кельнмиир, посмотрев на молодого человека.

— И что ты хочешь с ним сделать? — поинтересовался Кей.

— Я? — Наставник искренне изумился. — Ничего. У меня есть куча учеников, которые с удовольствием разберутся с лазутчиком.

— Ну и? — Кею явно было невтерпёж посмотреть на то, как с лазутчиком разберётся один из учеников. Кельнмиир махнул рукой.

— Сейчас всё будет.

— Давно не наблюдал, как работает настоящий профессионал, — обрадовался Ромиус.

— Я отправил самого лучшего ученика, — важно кивнул Кельнмиир.

Тем временем позади лазутчика отъехала стена и из неё вышел уже знакомый мне Рихтер. Он не торопясь, я бы даже сказал плавно, подошёл к лазутчику и положил руку ему на плечо.

Я невольно затаил дыхание.

Прошла бесконечная секунда, прежде чем лазутчик начал реагировать. Он медленно повернулся к Рихтеру и... Спустя несколько секунд один из них лежал на полу в странной неестественной позе, а второй исчез.

— Вы это видели? — спросил Кей.

Ромиус с Кельнмииром молча кивнули. Я отрицательно покачал головой, но, поскольку этого никто не заметил, подал голос:

— Я ничего не видел. Просто ничегошеньки. Только как этот... Рихтер положил руку на плечо лазутчика, а потом лежащее на полу тело.

— Ты всё пропустил, — укорил меня Кей.

Я начал злиться.

— Не все же такие крутые, как ты!

— Не все, — смиренно согласился Кей, а я разозлился ещё больше.

Ромиус ничего не сказал, а просто начал что-то бормотать себе под нос, и через некоторое время слева от меня появился стоящий всё в той же странной позе лазутчик.

Я едва не вскочил от неожиданности, но Кельнмиир поспешил успокоить меня.

— Это всего лишь проекция того, что мы видели, — пояснил он. — Я думаю, специально для тебя Ромиус уменьшит скорость.

Пришлось поверить на слово и повнимательней присмотреться к лазутчику. Лицо было совершенно невыразительным, но эти красные глаза и торчащие из-под верхней губы клыки... Если выражение красных глаз Кельнмиира было насмешливым и живым, то у этого глаза просто светились злобой. Да и клыки были явно больше клыков Кельнмиира по крайней мере на пару сантиметров.

— Так я и думал, — кивнул Кельнмиир, — Хеор.

А я ещё хотел спросить, как они друг друга отличают. Да, такое выражение глаз ни с чем не спутаешь. Действительно — злость и только злость.

Тем временем у вампира за спиной появился Рихтер. Он, как в замедленной съёмке, подошёл к лазутчику и медленно положил руку ему на плечо. Наступила долгая пауза. Затем вампир резко нырнул под руку Рихтеру и попытался её вывернуть, но Рихтер слегка дёрнулся, и рука спокойно прокрутилась в суставе и встала на место. Одновременно с этим он уже наносил... нет, не удар, а кучу ударов. Я едва успевал следить и совершенно не представлял, на каких же скоростях они дрались, если уложились со всем этим в пару секунд. Наконец лазутчик и вовсе неуловимым движением дёрнулся вперёд и вырвал... сердце из груди Рихтера. Затем он вгрызся в него, отбросил в сторону, улыбнулся окровавленными губами и исчез. Исчез, как будто пространство схлопнулось перед ним, как двери лифта.

— Хорошо, что ты сам не пошёл разбираться с этим лазутчиком.

Ромиус смотрел перед собой, но я понял, что обратился он к Кельнмииру.

— Ты меня недооцениваешь, — возразил Наставник.

— Это ты себя переоцениваешь, — посмотрел на него Ромиус. — Это не просто Высший Вампир, это элита. Боюсь, что он мог бы разделаться со всеми нами, если бы ему это было нужно. Вопрос в том, почему ему это было не нужно и что ему нужно было вообще?

Кей вскинулся:

— А я знаю! Всё просто. Наверняка они не знали об опытах Вельхеора и весьма удивились, узнав, что у того в замке пожар, а сам он где-то бродит в компании Ремесленников.

Представляете, о чём они подумали, увидев нас четверых здесь ведущими дружескую беседу. Вельхеор у них был той ещё шишкой, так что, ясное дело, на его поиски отправили самого лучшего. На тот случай, если его придётся спасать... или убивать.

— А что, весьма логично, — согласился Кельнмиир.

— И наезжать на нас он не стал, потому что увидел Виктора, — продолжил Кей.

— Ну увидел, и что? — не понял я. — Я что, такой страшный?

Кей просто засветился от радости:

— Наоборот. Ты как раз не страшный. А должен быть очень страшный. Вот он и отправился к своим, чтобы узнать, что делать дальше. Ведь считается невозможным превращение вампира в человека. Это как превратить рыбу в медведя, то есть просто невозможно.

— А человека в вампира? — спросил я, вспомнив книги, которых начитался у себя дома.

— Вот это возможно, — с сожалением произнёс Ромиус. — Ведь вампиризм — это болезнь души, а не тела. У вампира душа если не черна как ночь, то вся покрыта чёрными пятнами. Как известно, запачкать и испортить можно что угодно, а вот очистить и починить далеко не всё. Так и душу можно очернить, но отбелить практически невозможно.

— То есть маленький шанс отбелить всё же есть? — нахмурился Кей.

— Есть. Но такого урода, как Вельхеор, это даже близко не касается. На его душе нет ни одного белого или серого пятнышка. Чернее некуда, — ударил по столу кулаком Кельнмиир.

Я во второй раз сдержался и не спросил, почему он так ненавидит Вельхеора. В конце концов, у нас были куда более насущные и важные проблемы.

— Может быть, покушаем? — заискивающе спросил Кей. Ромиус лишь отмахнулся, и на столе тут же появились уже знакомые мне фрукты.

— А что такого? — продолжил уже с набитым ртом Кей. — Мозги без пищи работать не могут.

Кельнмиир насмешливо прищурил свои красные глаза и посмотрел на Кея:

— Хм-м... а что? Я бы, пожалуй, тоже чего-нибудь перехватил...

— Но-но! — вскинул руки Кей и на всякий случай отодвинулся вместе с креслом подальше от вампира. — Некоторым лучше думается на голодный желудок.

Я в который раз наблюдал за тем, как дурачится вампир, и никак не мог поверить, что ему почти четыре тысячи лет. Он мне чем-то напоминал ребёнка, строящего из себя взрослого. Иногда казалось, он переигрывал в серьёзности, а иногда явно проскакивала детская беззаботность.

— Итак, — Ромиус выдержал паузу, — нам придётся на время выкинуть из головы все эти политические интриги, подслушивания и прочее. Единственное, что... Кельнмиир, распорядись, чтобы парня похоронили с почестями.

— Уже, — кивнул Наставник.

И действительно, за секунду до того, как прозрачная стена перестала быть прозрачной, я увидел входящих в соседний зал людей с чёрным гробом в руках.

Оперативно работают ребята. Как я понял, Кельнмиир здесь царь и бог и спрашивать о смерти ученика его никто не станет. Хотя наверняка пойдёт слух, что его убил Наставник за то, что он посмел сказать ему слово поперёк. Хотя, возможно, в их мире всё происходит иначе и я ошибаюсь.

— Значит, про это мы на время забыли, — согласился Кей. — Основной проблемой для нас является возвращение Виктора в его мир, раз уж он решил вернуться. Что мы можем сделать?

— Делать рано, нужно думать, — укорил Кея Наставник. — Вечно вы, молодые, сначала делаете, а потом думаете. А нам потом всё расхлёбывать.

Кей обиженно фыркнул и демонстративно отвернулся.

— Значит, будем думать, — согласился Ромиус, а затем обратился ко мне: — Ну что ж, Виктор, повтори для Кельнмиира всё то, что ты рассказывал нам. Мы также послушаем ещё раз и попытаемся заметить что-нибудь полезное для нас. Старайся не упустить ни одной подробности, которая казалась или покажется странной.

Я собрался с мыслями и начал рассказ.

Иногда приходилось останавливаться и объяснять самые что ни на есть очевидные вещи. Поэтому рассказ занял часов шесть. К концу истории у меня уже просто заплетался язык. Многие подробности, вроде отношений с девушками, я, конечно, опустил. Думаю, они моим слушателям были точно ни к чему, тем более и без того хватало вопросов.

— Ты сказал, что тебя забрали в эту милицию, — протянул Кей. — Это лишь за то, что у тебя с собой не было какой-то бумажки?

— Не какой-то бумажки, а удостоверения личности, — поправил я.

— Какая разница, всё равно бред какой-то. Ведь у каждого же дома есть машина, чтобы печатать любые картинки, — он имел в виду принтер. — Так почему бы не напечатать себе с десяток этих бумажек и не распихать по карманам, чтобы наверняка не забыть их и не потерять?

Ну вот как прикажете ему объяснять простые вещи, особенно когда голова уже идёт кругом? Мне всегда казалось, что самое трудное — это слушать объяснения, а оказывается куда труднее эти объяснения давать.

— Кей, поверь мне, этого нельзя сделать при всём желании.

— Но...

— Хватит тратить время на вопросы, не относящиеся к делу, — перебил Кея Ромиус. — Нужно сконцентрироваться на основной проблеме.

— Да, — согласился Кельнмиир. — Получается, что началось всё с гипноза, которому тебя подвергли. От этого и нужно отталкиваться.

— После гипноза у него стали появляться первые признаки вампиризма: лёгкая светобоязнь, возможность видеть в темноте, а позже и регенерация с ускорением, — припомнил Ромиус.

— Ускорением? — переспросил я.

— Конечно ускорением. Ведь ты ускоряешься, и поэтому тебе кажется, что все вокруг движется медленнее. Утверждать обратное, то есть что мир вокруг замедляется, это, мягко говоря, неправильно. Поверь мне на слово, никто такого сделать не сможет, — закончил Ромиус.

— Значит, именно гипноз открыл дверь для Вельхеора, — предположил Кельнмиир, — правда, пока непонятно, каким образом. Жаль, нельзя узнать, какой вид гипноза они использовали.

— Да, досадно, — кивнул Ромиус. — Я ещё вот на что обратил внимание: когда Виктор описывал события, получалось, что спал он куда больше, чем бодрствовал. А поскольку, как я понимаю, люди в наших мирах совершенно одинаковы физически, значит, сон не мог занимать в жизни Виктора три четверти всего времени. Ведь до этих событий ты спал не так много?

Все посмотрели на меня.

Если честно, то я уже начал засыпать, но всё же старался не терять нить разговора.

— А? — Я сосредоточился и мотнул головой. — Вот сейчас подумал, а ведь действительно не было такого раньше. Наоборот, я спал часов по восемь в день, и мне хватало. А чтобы по пятнадцать часов...

— Вот. Кое-что мы выяснили, — заметил Ромиус. — Смотрим дальше. Если спать ты стал больше, значит, это зачем-то было нужно Вельхеору. Возможно, именно во время твоего сна он пробовал дотянуться своей душой до твоего тела. Чем больше проходило времени, тем дольше он мог принуждать твоё тело ко сну...

— Но всё это фигня, потому что ключевой момент — Посвящение, — не удержался Кей.

— Да, — согласился Ромиус. — А это уже вотчина Кельнмиира.

— Попробую объяснить коротко, — вздохнул Кельнмиир. — Это Посвящение лишь попытка внешне скопировать настоящее Посвящение в Школе Искусств. Причём не в нашей Школе, а в Школе Хеора. То есть Посвящение не людей, а вампиров. В Посвящении людей никакой крови нет, как и статуй Кровавого бога.

— Кровавого бога? — удивлённо переспросил я.

— Его самого. Это не Бог в полном смысле этого слова, а скорее Высший Вампир, проживший столь долго, что его чёрная душа стала бессмертной в своей черноте. Ему поклоняется лишь один клан — Хеор. Да, собственно, этот клан и называется именем Кровавого бога.

— Так он что, поюзал Кровавого бога? — восхитился Кей.

Я тоже восхитился, но не своими достижениями, а теми словами и выражениями, которые использовали мои собеседники. Если моё доброе тело переводило их речь в доступный моему мозгу вид, то что же они говорили на самом деле? Уж слова «поюзал» в их словаре нет наверняка.

— Это был не Кровавый бог, а лишь гуляющая каменная статуя. Я сильно сомневаюсь в том, что какие-то шарлатаны смогли бы вызвать настоящего бога. Скорее, они просто спроецировали свои представления о Кровавом боге на статую. И она ожила, но умела делать и говорить лишь то, что, по мнению этих людей, должен говорить и делать бог.

— То есть быть тупым и напыжившимся от своего величия, — расхохотался Кей. — А поскольку величие величием, а камень камнем, Виктор эту статую просто раскрошил. Я тоже рассмеялся, а про себя подумал, что Нестеров в общем-то оказался прав. Он тоже считал, что статую оживили находящиеся в помещении люди. Правда, мне кажется, они и сами такого эффекта не ожидали и были удивлены куда больше меня.

— Может быть, вы мне тогда объясните, куда делись те ребята, с которыми у меня были разборки в баре? Кстати, то чудище из пруда, которое утаскивало людей, тоже как-то странно исчезло, когда я попытался воткнуть палку ему в глаз.

— Наверняка их исчезновение сопровождалось хлопком? — поинтересовался Кельнмиир. Я наморщил лоб:

— Кажется, да... точно! Во всяком случае исчезновение чудища. А в баре был такой грохот...

— Тогда всё просто. Все эти чудовища вовсе не чудовища, а искусственные сущности. Создать одну такую сущность очень непросто, а вот разрушаются они запросто. Достаточно нарушить целостность структуры — уколоть ножом, сломать руку...

— Понятно! — обрадовался я.

— Но этот твой Колдун, судя по всему, явно очень неплох. Интересно, где он научился создавать искусственные сущности? И как он смог практически точно воссоздать обряд Посвящения?

— И всё-таки я посвящён во что-нибудь или нет? — отсмеявшись, спросил я.

— А Посвящение было настоящим или всё же пустым пшиком? — подхватил Кей.

Кельнмиир на некоторое время задумался.

— Вы видите отражение луны в воде, можно ли его назвать настоящей луной?

Кей почесал затылок.

— Можно копию картины назвать полноценной картиной, если она лишь списана с оригинала?

Теперь уже я почесал затылок.

— Но ведь, увидев отражение луны, ты будешь знать, как она выглядит на небе. И увидев копию картины, даже плохую, ты будешь иметь представление о том, что на оригинале. Тем не менее ты не сможешь почувствовать красоту настоящей луны и не сможешь увидеть всю гамму чувств, которые передал гениальный художник оригиналом картины. Так и Посвящение. Оно не было оригинальным Посвящением, но тем не менее что-то могло и дать. А Виктору, который к этому времени уже был связан с Вельхеором, это дало куда больше...

А потом догнало и ещё раз дало...

— ...И каким-то образом улучшило связь Виктора с Вельхеором. А возможно, и не улучшило, а лишь ускорило медленный переход души Вельхеора в тело Виктора. Тут я уверенным в чём-либо быть не могу.

— Зато я могу, — первый раз за всё время перебил Ромиус. — После того как мы узнали, что Вельхеор это не Вельхеор, а Виктор, мы с Зикером вернулись в пограничные земли и пробрались в горящий замок Вельхеора под предлогом помощи в тушении пожара. Это, конечно, смотрелось странновато — два Ремесленника, помогающие тушить пожар в замке одного из самых злейших своих врагов, но политические интриги могут и не такое. Если вспомнить, что в советниках у Императора сейчас ходит один из родственников Кельнмиира... Но сейчас не об этом. Так вот, пока Зикер помогал в тушении пожара, я пробрался в кабинет Вельхеора и там нашёл остатки сгоревших записей. Судя по ним, Кею и Виктору я это уже рассказывал, Вельхеор переносил свою душу по частям в тело Виктора. Уж не знаю, каким образом, но ему это удавалось довольно легко и равномерно до тех пор, пока Виктор не прошёл это их Посвящение.

— Выходит, Посвящение, пусть и некорректное, упрочило связь с тёмной душой Вельхеора, и переселение пошло быстрее, — кивнул Кельнмиир. — С этим всё понятно. Теперь у нас есть ещё одна загадка — перстни.

— Какая же это загадка? — удивился Ромиус. — Неужели вы не узнали ученических перстней? По внешнему описанию и свойствам всё сходится.

— Это-то понятно, — отмахнулся Кельнмиир. — Но вот откуда они взялись в их мире?

Есть лишь две вероятности: либо кто-то их создал в том мире, что невозможно, потому что техномагия такой сложности требует высокого развития Ремесла; либо они попали к вам из нашего мира, что так же невозможно, потому что перенос материи из мира в мир невозможен.

Я опять начал зевать, но едва услышал о перстнях, встрепенулся.

— А что это за ученические перстни?

Ромиус с трудом отвлёкся от размышлений и объяснил:

— Это перстни, которые у нас носят все дети примерно с шести до десяти лет. Они развивают способность использовать «маги» и управлять энергией. Зачем ребёнку целыми днями сидеть на занятиях, когда он может просто ходить в ученическом перстне и ежедневно, не осознавая этого, развивать свои способности? А когда развитие достигнет предела, который может выдержать перстень, он сам снимется. Соответственно, пока ребёнок этого уровня не достигнет, он его снять не сможет. Чем раньше ребёнок снимет

этот перстень, тем больший вес он будет иметь среди своих сверстников. Сам не осознавая того, желанием быстрее снять перстень ребёнок помогает учебному процессу. Перстни придумал Великий Ремесленник, который, к сожалению, был убит на одной из войн. Было это... дай бог памяти... около четырёх сотен лет назад. До того, как этот Ремесленник создал перстни, дети ходили в специальные детские школы, в которых проводили долгое время в упражнениях на развитие внутреннего контроля и умение обращаться с энергией, причём занимало это лет восемь. А теперь требуется всего четыре года, чтобы научиться тому же самому, и всё благодаря этому Великому Ремесленнику. Жаль, что он умер приблизительно в возрасте Кея...

— Да, весёлый был парень, — согласился Кельнмиир. — Любил хорошие шутки и при этом был весьма умен.

Возникла короткая пауза.

— И этот перстень, надетый на тебя, так же сыграл роль катализатора, — наконец продолжил Ромиус.

— То есть я закончил вашу начальную школу? — удивился я.

— А толку? — усмехнулся Ромиус. — Ученические перстни лишь развивают способности, а не учат ими пользоваться...

— А зелёный перстень, а глаз на стене?! — перебил я.

— Какой глаз? — отвлечённо спросил Кельнмиир, явно размышляя о своём. —

Ученические перстни всегда красные, потому что используют силы сферы огня. Они не могут быть зелёными.

Я растерялся.

— Я же рассказывал уже...

— Э-э-э, Виктор, да ты уже заговариваешься. Когда ты такое говорил? — повертел пальцем у виска Кей.

Такого я от них не ожидал. Никто почему-то не слушает меня, когда я говорю о зелёном глазе на стене. Даже внимания на него никто, кроме Ланы, не обратил. Да и она потом, как мне кажется, забыла об этом.

Поэтому я обиженно засопел, но больше спорить не стал.

Кельнмиир и вовсе меня не слушал, а продолжал рассуждать:

— Дальнейшие события объясняются довольно легко. Способности Вельхеора передавались достаточно быстро, но всё же были растянуты во времени. А проявлялись они лишь при соответствующих раздражителях. Реагировать на рефлекс тела Виктора ещё не могло, потому что для этого нужно полное слияние души и тела, то есть чтобы энергетические выбросы происходили вследствие физических раздражителей. Например, замахнись ты на меня сейчас, — и ещё до того, как ты поймёшь, в чём дело, ты будешь лежать на полу. Моё тело и душа будут работать вместе и реагировать на всё уже закреплёнными рефлексам. Собственно, как ты помнишь, Искусство и является искусством владения телом и рефлексам. Это программирование рефлексов и тела, чтобы использование энергии проходило без участия медлительного мозга. А поскольку твоё тело и душа Вельхеора ещё не были настолько связаны, твоё тело реагировало лишь на чувственные раздражители, свойственные Вельхеору. Злость, раздражение и любопытство — вот три чувства, которые движут Вельхеором. И именно на эти чувства, испытываемые тобой, уголки души, уже принадлежащие Вельхеору, и реагировали. Если это была злость, то у тебя увеличивалась сила и ловкость; если досада, то ты неожиданно начинал читать чужие мысли и даже влиять на них; если любопытство, то ты мог замедлять время. Хотя, конечно, всё это очень расплывчато, ведь обычно человек испытывает несколько чувств одновременно. Этакий коктейль из чувств, на который частицы души Вельхеора реагировали по-разному, в зависимости от ситуации. А уж умереть телу Виктора Вельхеор дать никак не мог и поэтому восстанавливал его снова и снова.

— Да он же просто гений, — громче, чем следовало бы, сказал Кей.

— Злой гений! — поправил Кельнмиир, и опять в его глазах промелькнула лютая злость, но тут же скрылась за насмешкой. — Тем более что он упустил слишком многое, видимо, торопился. Интересно почему... — Он замолчал, уйдя в размышления.

Я же, борясь с желанием спать, пытался понять, каким образом этот Вельхеор разделит свою душу на маленькие кусочки и почему я не ощутил в себе ничего подозрительного?

Стоп. Почему не ощутил? Ощутил. Перед использованием способностей Вельхеора я всегда испытывал жуткую злость, даже мысли в голове были какие-то странные и явно не похожие на мои обычные мысли. Даже когда в парке, убив трёх человек, я наслаждался кровью и называл их «жалкими людишками». На само убийство трёх человек я среагировал не так, как должен был. Мне было всё равно. Я только один раз со смешком подумал, что теперь я убийца, и всё! Даже раскаяния не испытывал. А ведь у этих троих были родители, а возможно, и семьи. Какой ужас...

— Идём дальше, — ворвался в мой мозг голос Ромиуса. — Опираясь на предыдущие размышления, когда Виктор первый раз потерял контроль над телом, Вельхеор перешёл к завершающей стадии. Он пытался перехватить контроль над телом. Причём при этих попытках тело почему-то умирало. Лишь душа Виктора продолжала жить и следить за всем происходящим вокруг. По каким-то причинам Вельхеор не смог завладеть телом Виктора сразу. Получилось у него это лишь с третьей попытки. Виктора в этот момент каким-то образом перебросило сюда. Теперь вернёмся к основному вопросу: как вернуть Виктора в его тело?

— Всё просто, Виктору нужно всего лишь пройти по пути Вельхеора и выкинуть его из своего тела, а здесь этого поганца уже будем ждать мы, — подсказал решение Кей.

— Ага, — серьёзно кивнул Ромиус. — Виктору нужно всего лишь стать вампиром, затем пройти обучение в Школе Искусств, стать Мастером и провести пару сотен лет за исследованиями. Не забывай, чтобы стать вампиром, ему потребуется ещё около двух сотен лет.

— Двух сотен? — удивился я. — А мне казалось, что одного укуса достаточно, чтобы стать вампиром.

— Одного укуса?! — Кельнмиир расхохотался. — Может, ещё и одного прикосновения? Укус, конечно, нужен, но это лишь первый шаг на пути к вампиризму.

— То есть? — не понял я.

— Укус вампира действует на душу, как укус не очень ядовитого паука на тело. Если тело здорово, то с лёгкостью перенесёт это и не заметит, если больное или ослабленное, то тут уж как получится. В любом случае на это нужно время. Так же и укус вампира. Если человек чист душой, то душа не пострадает, а вот если в душе человека достаточно черноты, тут уж берегись. Душа начнёт медленно чернеть, и если человек ничего не сделает, то станет очередным монстром.

Молчавший до этого Кей передёрнулся после слова «монстр» и спросил:

— Монстром? И вы так легко говорите о себе подобных?

— А что остаётся делать? — вздохнул Кельнмиир. — Это правда. Почему вампир не выносит дневного света? Потому что этот свет чист по своей природе и тёмная душа вампира этого не выдерживает. Наш клан не столь кровожаден, как Хеор или Сеон, наши души не полностью поражены грязью, но этого достаточно. Единственное, чего я не знаю, это о душах клана Ноос. Они закрыты непроходимыми барьерами, и непонятно, то ли они настолько мало поражены вампиризмом, что могут переносить солнце, то ли их души настолько черны, что даже солнце не может принести им очевидный вред. Поэтому я и вступил в бой с одним из них в надежде, что рано или поздно во время драки он откроется. Но он так и не открылся. Поэтому и проиграл. Он до последнего момента держал барьер, тратя на него половину всей своей энергии. Мне ничего не оставалось, кроме как убить его, ведь из боя может вернуться только один.

— Получается, что вернуться домой я не смогу? — обречённо спросил я.

Кельнмиир промолчал, а Ромиус нехотя произнёс:

— Может быть, способ и есть, но я его пока что не вижу. Будем думать. Для этого я и созвал Ассамблею...

— Которая наверняка сейчас решает судьбу Виктора, чтобы Вельхеор не смог вернуться обратно, — перебил его Кельнмиир.

— ...И для этого я обратился к Кельнмиiru, — закончил Ромиус.

Я уже откровенно зевал, размышляя над тем, можно ли положить голову на стол и уснуть. В ушах стоял звон, а разговор доносился как бы издали.

— Слушайте, да что же это вы? — встрепнулся Кей. — Мы же гуляли с самого утра, а сейчас первый час ночи. Виктор же не Ремесленник и уж тем более не вампир. Ему ведь, как любому нормальному человеку, спать нужно.

Я виновато улыбнулся и снова откровенно зевнул.

— Ну, вы тогда посидите, а я провожу Виктора в комнату для гостей, — встал с кресла Кельнмиир. — А через пару минут мы продолжим наше обсуждение.

Ромиус с Кеем кивнули и что-то тихо продолжили обсуждать.

Я последовал за Кельнмииром к стене, через которую вошёл. Она беззвучно исчезла, и мы попали в большой зал, в котором, видимо, проходили тренировки и через который я сюда попал. Мы прошли его насквозь и приблизились к противоположной стене. Она так же неслышно исчезла, и мы вошли в маленькую комнатку. Маленькой, конечно, она была лишь по сравнению с кабинетом, в котором мы просидели последний десяток часов. А так... примерно с мою квартиру.

— Можешь расположиться здесь, — кивнул на как минимум пятиместную кровать Кельнмиир. — Если что-нибудь понадобится, подойди к стене, через которую вошёл, и она сама исчезнет. Таким же образом откроется и дверь в кабинет. Если захочешь поесть, то вон там, на столе, лежат фрукты и мясо.

— Спасибо, — поблагодарил я.

— И вот ещё что... — Кельнмиир замялся. — Помнишь, я говорил об укусе вампира и душе?

Я кивнул.

— Так вот... Твоя душа соприкасалась с душой вампира куда ближе, и неизвестно, к каким последствиям это может привести. Даже сейчас я уже могу заметить свежие изменения в твоей ауре. Возможно, хотя и не факт, ты можешь стать вскоре раздражительным, чаще начнёшь злиться... Это первые признаки заболевания души. Может быть, этого и не произойдёт, но если произойдёт, то ты должен будешь с этим бороться. Сам. И никто тебе в этом не поможет. На начальной стадии с этим ещё можно бороться, потом нет. — Кельнмиир вздохнул. — Я просто предупредил тебя, может, я и ошибаюсь. Но всё же подумай об этом, — сказав это, он быстро вышел, оставив меня одного.

И я действительно стал думать об этом. У меня на это были причины, ведь только сегодня днём у меня был приступ совершенно несвойственной мне злости. Получается, что я могу превратиться в чёрте кого. Опять...

Глава 14

БАМ!

Проснулся я со странным ощущением, будто весь дом содрогается от ударов. Будто кто-то огромный и сильный без стеснения стучал в потолок. С потолка наверняка посыпалась бы штукатурка, если бы он был не из цельного камня.

Перед тем как лечь спать в шикарную постель, я осмотрелся: стены и потолок были сделаны из цельного куска камня. Как будто кто-то прикатил огромный булыжник и, выдолбив внутри него ниши, придал ему форму квадратного строения. Я даже потрогал на всякий случай стену и убедился, что она действительно каменная. Даже шкафы были каменными. Однако, вспоминая, как исчезают стены, я предположил, что при желании шкаф можно и отодвинуть. Кроме того, на каменном столе я обнаружил мясо, которое за два дня, проведённые в этом мире, видел впервые. Самые обычные кусочки мяса со вкусом телятины. Возможно, это и была телятина. Затем я дополз до кровати, оказавшейся на редкость мягкой, и лёг спать.

И вот теперь я с трудом повернулся на другой бок и попытался уснуть.

БАМ!

Ничего не получалось.

БАМ!

Грохот наконец достал меня, и я приподнялся на локте. Поверх огромного и мягкого одеяла я посмотрел на каменную стену в том месте, где должна бы быть дверь.

Она оставалась закрытой.

А стены всё же немного сотрясались. Не равномерно, а с перерывами. Иногда они сотрясались быстрой дробью, а иногда с перерывом в минуту или две.

Я нехотя встал и оделся. Чёрная одежда, которую мне подлатали ещё позавчера, уже успела стать привычной, будто вторая кожа. Мне почему-то кажется, что на это и был расчёт, но кто знает...

Хорошо ещё, что стена исчезла, едва я к ней подошёл. Если честно, то я всё ещё сомневался, откроется она или нет. Я, конечно, доверял Кельнмиру (вернее, мне ничего не оставалось, кроме как доверять), но что я знаю о людях этого мира? Тем более о вампирах... Что меня ещё беспокоило, так это слова Наставника. Всю ночь мне снились странные обрывочные сны, в которых я бродил по своему родному городу злой, испуганный и уставший. Мне казалось, что за мной гнались... хотя, может быть, это я гнался... Была ночь, и свет фонарей едва освещал улицы. А я всё бежал, бежал...

БАМ!

Вот опять этот грохот. Едва стена передо мной исчезла, как над головой пролетело что-то чёрное и большое. Я даже не сразу понял, что это был человек. Только когда этот человек пробежал мимо меня обратно в зал и начал остервенело драться с кучей таких же людей в чёрной одежде, я до конца вник в происходящее.

Насколько я понял, так у них проводились тренировки. С полной уверенностью я ничего сказать не мог, но первый вывод, как правило, самый верный.

Меня заметили сразу, я понял это по тому, что люди продолжали летать по всему залу во все стороны, но с удивительной лёгкостью по самым неожиданным траекториям пролетали мимо меня. И слава богу, потому что, если бы такая туша врезалась в меня, даже хоронить было бы нечего.

Эти парни определённо внушали уважение, потому что, ударившись о каменную (каменную!) стену, они с лёгкостью вскакивали и возвращались к общей схватке. И это не считая того, что иногда кто-нибудь на пару секунд зависал в воздухе, а потом вновь пикировал вниз. Зрелище, скажу я вам, ещё то. Больше всего мне эти парни сейчас напоминали воронов, летающих над невидимой добычей и дерущихся за право попробовать её первым.

Один из них в очередной раз пролетел через весь зал и ударился о стену. Тут я понял, что меня разбудило. При ударе по стене прошла лёгкая дрожь. А парень как ни в чём не бывало вскочил и вновь впрыгнул в круг дерущихся. И всё это происходило в полной тишине! Не считая ударов о стены конечно.

Мягко говоря, это внушало уважение. Куда уж там какому-то ушу.

Неожиданно в зале произошла резкая перемена. Все дерущиеся разом застыли. Причём кто с поднятой выше головы ногой, кто в прыжке, а кто и вовсе в очередном полёте из одного угла зала в другой.

Исчезла уже знакомая мне стена, и из неё вышел Кельнмиир. Он вновь был в чёрном капюшоне, под которым совершенно не было видно его молодого лица. Мне стало понятно, почему он ходит в капюшоне, ведь он и так ростом намного ниже их. А уж если откроет своё молодое лицо, то выяснится, что он ещё и выглядит куда моложе своих учеников. Хотя он и вампир, но воспринимать его будут уже по-другому. А в чёрном капюшоне он смотрится как надо. Наверняка его ученики догадываются, как он выглядит, но это ничего не меняет. Можно сказать, что Кельнмиир отдаёт дань внешней атрибутике, так сказать, создаёт имидж.

— Встать в строй, — тихо произнёс он.

Я едва успел подумать, что его голос отличался от того, которым он говорил вчера. Он говорил полусёпотом. По всей видимости, это также была дань традициям.

Все восемь дюжих парней встали уже знакомым мне клином. В центре клина, как и вчера, стоял Кельнмиир, а вот остриё клина отсутствовало. Я припомнил, что вчера там стоял Рихтер. Однако его не стало, и теперь клин был неполным.

Я наблюдал за ними, стоя в проходе, и никак не мог решить: то ли мне идти обратно в комнату, то ли пройти в кабинет. Где находится выход — я не знал, а спрашивать что-то не хотелось. Мало ли что у них за порядки...

— А ты чего встал? — рявкнул Кельнмиир. Я с минуту хлопал глазами, пытаюсь понять, кому он это сказал. Не мне же, в конце концов.

— В строй! — ещё громче крикнул Кельнмиир, глядя на меня.

Я на всякий случай обернулся посмотреть, не спрятался ли кто за моей спиной.

Никого не было.

Раздался тихий смешок.

Наверное, не выдержал кто-то из учеников.

Я судорожно вздохнул и как можно быстрее встал на место Рихтера. Смотрелся я по сравнению с остальными весьма комично. Если на них чёрная одежда обтягивала мышцы, то из меня она делала нечто среднее между пугалом и скелетом. И конечно же я был самым маленьким после Кельнмиира.

— Вы уже размялись? — спросил Наставник.

— Да, — коротко ответил один из учеников.

Это они так разминаются?! А что же у них на тренировках-то?..

— Замечательно, — Наставник поднял руки над головой, сжал в кулаки и сделал странное движение, похожее на завинчивание огромной лампочки. — Повторим пройденное.

Все ученики послушно начали «закручивать лампочки». Я, чтобы совсем уж не быть крайним, попытался делать то же самое. Получалось нечто, даже отдалённо непохожее на оригинал, хотя я честно старался.

Кости в локтях хрустели, а плечи уже устали держать руки над головой. Я попытался отвлечься, думая о том, с чего это меня так бесцеремонно заставили заниматься.

И тут произошло что-то странное: едва я отвлёкся, тело стало, не спрашивая моего мнения, делать движения по своему. Как только я это заметил, мои движения опять сбились и всё вновь пошло наперекосяк. Я опять попытался отвлечься, но теперь это оказалось не так просто.

— Теперь к этому добавим внутренний «лотос», — произнёс Наставник, продолжая совершать круговые движения.

Я остановился и огляделся по сторонам. Ученики продолжали делать те же движения, но теперь над их головами начали появляться странные светящиеся очертания, действительно похожие на цветок лотоса. Когда один из учеников кинул в мою сторону удивлённый взгляд, я опомнился и вновь начал махать руками и старательно делать вид, что добавляю этот самый «лотос». Естественно, над моей головой ничего подобного не появилось.

Правда, я даже смутно удивился, руки у меня ещё не отнялись, хотя пора бы уже, ведь я добрый десяток минут махал ими над головой.

— Изменим наклоны плоскости. — Наставник перевёл руки в горизонтальное положение перед собой и продолжил делать движения руками вокруг светящегося цветка.

Ученики повторили его движение, и, к моей радости, у двоих из них «лотос» погас, и они чертыхнулись. У меня же и вовсе не получилось перенести это движение в другую плоскость — я запутался в руках.

Стоять как самый последний дурак и смотреть на других мне не хотелось. Поэтому я решил попытаться сделать что-то похожее, а уж после этого смотреть, как последний дурак.

Получалось это движение не у всех, а уж «лотос» исчезал у каждого. С каждым исчезновением «лотоса» на его восстановление ученикам требовалось всё больше и больше времени. Я вспомнил, что пользуются они лишь внутренней энергией, а раз так, то её восстановление требует времени.

Кельнмиир же совершенно спокойно смотрел на учеников, а между его двигающимися руками, как бы без его участия, светился «лотос». Зрелище было просто завораживающее, и я невольно засмотрелся. И вновь, когда я отвлёкся, мои руки, избавившись от моего назойливого внимания, зажили своей жизнью. Я это заметил, лишь когда их скорость стала настолько высокой, что они превратились в вихрь. Как только я это заметил, они вновь запутались.

— Чёрт, — не выдержал я и опустил руки.

Стоящий рядом лысый парень покосился на меня и ухмыльнулся. Хотя движения у него были не столь ловкими, как у других, его «лотос» ни разу не погас. Во всяком случае, я этого не видел.

— По моей команде отрываем «лотос» и пускаем его в партнёра, стоящего напротив.

Хм-м... хорошо, что напротив меня никто из учеников не стоит.

— Раз, — произнёс Наставник, и самая дальняя от острия клина пара выпустила друг в друга светящиеся «лотосы».

Вернее, один-то выпустил, а вот второй не успел, потому что его «лотос» именно в этот момент потух. Раздался резкий хлопок, и не успевший выпустить лотос парень отлетел на несколько метров и распластался на полу.

Неужели мёртв?

Нет, приподнялся на локте, потом встал на корточки, помотал головой и виновато улыбнулся...

— Два.

Следующие, уже стоящие ближе друг к другу ученики выпустили «лотосы». В этот раз оба лотоса полетели навстречу к друг другу с немалой скоростью и встретились в центре.

Сверкнула белая вспышка, и оба «лотоса» исчезли...

— Три.

Третья пара учеников отреагировала мгновенно, и два «лотоса», не успев разогнаться из-за небольшого расстояния, сшиблись в ослепительном сиянии. Однако один из лотосов не исчез, а, уменьшившись до размеров спичечного коробка, достал-таки ученика, стоящего с правой от меня стороны клина. Ученик лишь слегка покачнулся и отсалютовал противнику...

— Четыре.

Последняя пара стоящих всего в паре метров друг от друга учеников молниеносно выпустила свои «лотосы». Они сшиблись через доли секунд, я даже не успел среагировать и прикрыть глаза, как был ослеплён ярчайшей вспышкой, ведь они вспыхнули всего в паре метров от меня. Но на этом дело не закончилось, послышался вскрик и, протерев глаза, я успел увидеть чёрную фигуру, ударяющуюся о стену...

— Пять.

Пять? Но пар же всего четыре! Или...

Я не успел задуматься, а моё тело уже среагировало. Я рухнул на пол, а над моей головой пролетел «лотос» и, ударившись о каменную стену, разлетелся на сотни светящихся кусочков.

Я вскочил, собираясь высказать всё, что думаю о Наставнике, который использовал меня как мишень для тира. Я уже открыл рот, но мой злой взгляд наткнулся на спокойную черноту капюшона.

— Ты, — бесцветным голосом произнёс он. — Сейчас же в кабинет.

Сказав это, Наставник не торопясь прошёл в кабинет.

Я некоторое время смотрел на появившуюся на месте входа в кабинет стену и тормозил. И к чему он это сказал? Я сделал что-то не так, или наоборот? И вообще, что он от меня хотел, ведь я ничего не знаю и не умею. Даже понятия не имею, что же люди вокруг делали, а я безуспешно пытался повторить.

С уходом Наставника ученики тут же разбрелись по залу. На меня, казалось, внимания никто не обратил. Тот лысый парень, что стоял справа от меня, сначала сходил и поинтересовался здоровьем ученика, которого минуту назад стукнул о стену, а затем приблизился ко мне.

— Хорошая реакция, — сказал он, протягивая мне руку. — Меня зовут Стоу.

— Виктор, — слегка опасливо пожав ему руку, ответил я.

Словно получив разрешение, все ученики начали по очереди подходить и представляться. Я узнал, что ударившегося о стену зовут Мирт, он был парой Стоу. Остальных звали не менее странно: Сет, Торн, Летис, Койн, Орт и Стасис. Я выяснил, что, оказывается, в клине друг напротив друга стояли люди приблизительно одного уровня тренированности. Расстояние также имело значение, потому что, чем дальше расстояние, тем легче делать энергетические упражнения, и тем меньше вреда они могли принести друг другу.

Соответственно, Стоу был самым сильным среди этой девятки. Именно девятки, потому что, как выяснилось, я также был зачислен в эту девятку вместо Рихтера, иначе бы я не мог стоять в клине. Когда я спросил о том, почему меня в неё зачислили, они лишь пожали плечами. Они даже не знали, куда подевался Рихтер. Зато они мне объяснили, что, увернувшись от «лотоса» Наставника, я нарушил одно из правил Школы. В энергетическом

бою если проиграл, то не имеешь права увернуться от удара. И теперь, как мне объяснили, меня ждёт большая взбучка. И мне лучше поторопиться, потому что Наставник ждать не любит.

Мне ничего не оставалось, как оставить своих новых знакомых и пойти в кабинет к Наставнику.

Постучать, как того требует приличие нашего мира, не получилось, потому что, едва я подошёл к стене, она исчезла. Стучать было просто-напросто некуда.

Я тихо вошёл в кабинет и огляделся по сторонам. Все кресла были пусты, и Наставника я заметил, правда не сразу, возле одной из книжных полок. Он стоял и листал какую-то толстую книгу.

— А, ты наконец-то решил заглянуть? — Он поднял своё молодое лицо и посмотрел на меня своими смеющимися глазами. — Как тебе новые знакомые?

Я слегка растерялся. Мне казалось, что он должен сейчас мне устроить что-то вроде наказания.

— Хорошие ребята, — наконец ответил я. — Они мне сказали, что я нарушил какое-то правило...

Кельнмиир едва заметно усмехнулся, и в свете лампы сверкнул едва показавшийся кончик длинного и острого клыка.

— Нарушил — не нарушил. С какой стороны посмотреть. Со стороны правил — да, ты не должен был уворачиваться от «лотоса». Однако тогда ты был бы размазан по всей стенке от потолка до пола.

— Но ведь ученики...

— Вот именно, что ученики, — перебил Кельнмиир. — Они уже обучены принимать энергетические удары, да что там энергетические удары, рухли все эти каменные стены, они останутся живы... если их раскопают. А ты всего лишь человек. И ты не нарушил правило, потому что ты его просто не знал. А если бы и знал, то всё равно ничего не смог бы сделать. Если по-честному, то от моего «лотоса» ещё никто так просто не уворачивался. Без каких-либо умений, просто на рефлексах... удивительно.

— А зачем вы вообще в меня бросили свой этот «лотос»? — осмелился спросить я.

— Вот это уже разговор, — обрадовался Кельнмиир и, сунув книгу за пазуху, прошёл к столу и сел в кресло. — Присаживайся.

Я сел в уже облюбованное мной кресло и тут же вспомнил, что ещё даже не завтракал.

— А... хм... поесть ничего не найдётся? — поинтересовался я.

Кельнмиир кивнул, и через пару секунд в кабинет влетел паренёк с подносом.

— Это только Ремесленники могут щёлкнуть пальцами, и всё появится. А нам, простым вампирам, нужно ещё отправить мысленный приказ, дожидаться посыльного... всё так обыденно.

И не говори. А посыльный появляется спустя пару секунд. Ну до чего обыденно...

Я поспешил заняться мясом, которого вновь оказалось в избытке, и довольно вкусным напитком со странным запахом.

— Сидели мы вчера с Ремесленниками, болтали о том о сём и так ни к чему толком не пришли. Тогда парнишка предложил довольно забавную вещь. Взять мне тебя в ученики. Тебе это полезно в любом случае, кроме того, ты будешь под постоянным присмотром, а главное, под защитой. Хотя Ромиус просил не говорить, но у меня нет привычки что-либо утаивать. Возможно, Ассамблея примет какое-нибудь глупейшее решение, направленное на защиту собственных задниц. А точнее, они могут решить уничтожить тебя. Просто на всякий случай.

Я аж мясом подавился.

— Кхе. За что?!

— Не за что, а почему, — пояснил Кельнмиир. — Они не могут понять то, что произошло с тобой, а значит, скорее всего, решат избавиться.

— Неужели я такой опасный?

— Ты непонятный, а это в сто раз хуже. Это я страшный. И ничего, живу себе в центре города. Все боятся, но уважают. Поэтому есть надежда, что право Наставника на распоряжение жизнью Ученика остановит их. Ведь если кто-либо убьёт ученика, его Наставник имеет полное право потребовать восстановить честь ученика, следовательно, и

свою честь. А чтобы восстановить честь... нужно убить убившего. — Кельнмиир плотоядно облизнулся.

Я облегчённо вздохнул:

— Значит, тут я в безопасности?

Кельнмиир помедлил:

— Ну... во всяком случае, куда в меньшей опасности, чем снаружи. Так что пока отсюда ты ни ногой.

Я запил очередной кусок мяса и ощутил себя сытым и даже почти довольным.

— И на том спасибо. А зачем вам понадобилось приглашать меня на тренировку? Я же ведь совсем ничего не умею.

— Ну, во-первых, если бы ты всё умел, на тренировку тебе и не надо было бы идти, по крайней мере на тренировку со всеми. А во-вторых, у меня на это были свои причины, и я оказался прав.

О чём это он, интересно? Что характерно, как я заметил, всем окружающим меня людям почему-то присуща чрезмерная самоуверенность. Просто удивительно, хотя... если Лита — это самый центр Империи Элиров, то всё понятно. Это как у нас в России Москва, только покруче...

— В чём правы? — спросил я.

— Всё просто. Я поразмыслил над твоим положением и понял кое-что очень важное. Мы всё время забываем, что ты не в своём теле. А Вельхеор ведь не какой-то там хилачок, а ого-го! Хотя вся сила сосредоточена в сущности, тело за долгие годы тоже кое к чему привыкает. И сегодня я получил подтверждение, — Кельнмиир в восторге щёлкнул пальцами. — Тело, если ты ему не мешаешь, может делать весьма полезные вещи. Например, техника Искусства, мне думается, знакома ему в совершенстве, ведь оно, в смысле тело, изучало его несколько сотен лет. Чего уж говорить о простой реакции, которую ты продемонстрировал нам на занятии. Вот с энергией сложнее. Но всё поправимо... я надеюсь.

— Вы надеетесь? — Я вскочил с кресла. — А когда же я вернусь домой? Вы же обещали!

— Успокойся, — успокаивающе сказал Кельнмиир. — Ты вернёшься домой, как только мы придумаем, как это сделать.

Значит, они так ничего и не придумали.

— Я думал, что вы такой весь из себя умный, раз уж к вам обратились, — вспыхнул я.

— Даже очень и очень умный, я не могу быть умнее целой толпы, пусть и старых пней, но всё же Ремесленников, — усмехнулся Кельнмиир.

Мне же, наоборот, было совсем не до шуток. Даже вчера, услышав объяснения всей сложности и практической невозможности моего возвращения, я до конца не верил в это. Моё сознание угодливо спрятало осознание этого так далеко, что я о нём просто забыл... на какое-то время.

Перед моими глазами пронесли лица... улицы... дома... Послышались отдалённые голоса друзей... знакомых... ровный шелест не выключенного на ночь телевизора... музыка. Всё это для меня исчезнет... Худенькая фигурка девушки, танцующей в полумраке дискотеки в одиночестве, без меня... или, что ещё хуже, с кем-нибудь другим... Лида...

— Виктор?

А сколько ещё я не сказал? Сколько бы я мог сказать, если бы мне дали шанс вернуться обратно. Только один шанс...

— ВИКТОР!

— А? Вы что-то сказали? — пробормотал я, рассеянно подняв глаза на Кельнмиира.

До меня медленно начало доходить, что я просидел в немом оцепенении довольно длительное время.

— Понятно, — вздохнул Кельнмиир. — Тебе нужно выпить.

Я только вяло подумал, что ещё не встречал здесь никаких спиртных напитков. Выходит, здесь они тоже есть? У всех представителей человечества, в каком бы мире они ни находились, остаются одни и те же пороки? Или в их волшебном мире это не порок, а, наоборот, полезно, как ничто другое?

Пока я размышлял, передо мной появилась кружка с чем-то очень приятно пахнущим. Напоминало смесь малины и ванили.

— Что это? — на всякий случай спросил я.

— Лекарство от грусти, — неожиданно тоскливо ответил Кельнмиир. — Жаль только, что на вампиров не действует.

Пить я особо никогда не любил и не умел, поэтому для начала с подозрением сделал маленький глоточек. По горлу прокатилась волна сладости и влилась в желудок. Перед глазами поплыли разноцветные пятна, а через секунду я ощутил невероятный прилив бодрости. Настроение особенно не улучшилось, но зато в голове прояснилось.

Если я буду впадать в пессимизм, то ничего хорошего это не даст. Будет только хуже. Намного хуже. Лучше думать, что рано или поздно я вернусь домой, а до тех пор нужно пытаться узнать как можно больше. Познать то, о чём не имел понятия. Это же ведь так интересно, попасть в мир, полный волшебства и сказочной красоты. Если только ты попал в этот мир не навсегда...

Я сделал второй, уже полноценный глоток. Кельнмиир с интересом следил за моей реакцией.

Какая может быть реакция на заряд оптимизма? Я прямо-таки засиял. Не в том смысле, что покраснел, а именно засиял...

— Какой чудесный напиток, — неожиданно чересчур громко сказал я.

— Ну, вот мы и выяснили, — пробормотал Кельнмиир.

— Что выяснили? — опять громыхнул я. Кельнмиир ухмыльнулся.

— Что «Сладость жизни» действует на тебя, так же как и на прочих людей, ведь на вампиров она вовсе не действует.

Наверное, это комплимент.

— Замечательно, — восхитился я. — Ещё одна радость в этой прекрасной жизни.

— Ой ли.

— Что «ой ли»?

— Ты уверен, что в замечательной? — с подозрительными сарказмом спросил Кельнмиир. Я поудобнее устроился в кресле и расслабился.

— А то! Если мне не случится попасть домой, то буду жить у вас. Кей был совершенно прав, назвав мой мир негостеприимным местом. Правда, он слегка приуменьшил. А у вас весьма гостеприимно, и люди у вас хорошие... и вампиры. Да у вас тут столько интересного, что не один год потребуется, чтобы хотя бы понять все масштабы моего незнания!.. — Я допил кубок и поставил его на стол. — Какой хороший напиток. Такого радостного настроения у меня не было ещё с первого класса. Первого сентября я шёл в первый класс, я так ждал этого дня... Помню, ещё такая белая рубашечка на мне была...

— И что же? — поддержал разговор Кельнмиир, однако украдкой позёвывая.

— Эту белую рубашку мне уже третьего сентября испачкали... да и не только рубашку... Ик... В лужу меня посадили, за что, я, правда, не помню... Но ведь сейчас это же совсем другое! У вас тут такая страна хорошая... эта... как её? Эле... Элирская Импре... тьфу... Империя. Слово-то какое, и не выговоришь. В общем, решено, остаюсь у вас.

— Уверен? — Кельнмиир уже откровенно усмехался.

— Уверен, — горячо сказал я и нечаянно уронил кубок на пол. Он, однако, не покатился по полу, а завис над ним и поспешил к выходу.

— Куда? — растерялся я.

— Что, ещё хочешь? — поинтересовался Кельнмиир.

— Хотелось бы... ик, — я удивлённо прикрыл рот ладонью и задумался.

Неужели я напился? Одним стаканом какой-то сладкой бурды? И это называется русская гордость. Считается, что русский человек может на халяву пить сколько угодно. А тут пришёл в гости, выпил пару глотков и уже в зюю. Хотя почему в зюю? Мысли идут довольно здравые...

— Слышь, Кель... Кельнми... ир, ну и чувство юмора было у твоих родителей, а где Ремесленники?

Кельнмиир стукнул книгой, которую до этого держал в руках, по столу.

— Наконец-то умные мысли. Кхе... — Он едва сдерживался, чтобы не рассмеяться. — Хотя про лужу тоже было весьма точно и к месту. Ромиус на Ассамблее, а молодой Кей бежит по его поручению.

— Ага, — глубокомысленно изрёк я. — Это, безусловно, хорошо. А... хм.

Неожиданно я совсем потерял ход мысли и сконфуженно замолчал.

На целую минуту воцарилась тишина.

— Но они скоро должны прийти, — нехотя, словно открывая тайну, наконец сказал Кельнмиир.

— Заме... ик... чательно, — едва выговорил я.

В глазах уже поплыли разноцветные круги, и меня начало укачивать. Я невольно вцепился в подлокотники кресла, чтобы ненароком из него не выпасть.

— Что-то с тобой не то, — наконец заметил Кельнмиир.

— Да ну?

Меня уже откровенно штормило. Ещё чуть-чуть — и я бы упал набок вместе с креслом.

Очень кстати за моей спиной послышались шаги.

Поскольку Кельнмиир сидел передо мной, вероятнее всего, это был не он. Значит, это пришёл кто-то из Ремесленников.

Любопытство пересилило моё плохое самочувствие, и я очень аккуратно повернулся, пытаюсь разглядеть, кто же это пришёл.

— Что это вы тут делаете? — раздался уже знакомый мне баритон.

— Пьём, — лаконично ответил Кельнмиир.

Я тоже собрался открыть рот, чтобы сказать что-то умное, но из него вырвалось лишь нечленораздельное мычание.

— А с ним что? — прозвучал как всегда жизнерадостный голос Кея.

Кельнмиир пожал плечами:

— Слабый он, с одного кубка унесло.

Это меня-то унесло? Да я... гм... о чём это я?

— Ты смотри, с утра уже напившись. Хорошо хоть не буйнит. Хотя подожди-ка... — Лицо Кея выплыло откуда-то сзади и уставилось на меня. Выглядело оно, должен сказать, весьма расплывчато.

— Э-э-э, да он бы, может, и побуянил, вот только какие-либо мыслительные процессы в этой голове, — он постучал меня по лбу, — по всей видимости, отсутствуют.

Это у меня-то отсутствуют? На себя бы посмотрел!

— Ик! — обиженно ответил я вслух.

— Ты чем его споил? — озабоченно спросил Ромиус.

— «Сладостью жизни», — отвечивал Кельнмиир.

— Врёшь, с этого напитка даже детей не развезит...

— Потому что детям его не дают пить, — перебил Кея Ромиус. — Только «Сладость жизни» и больше ничего?

Кельнмиир возмутился:

— Ты за кого меня принимаешь? Я же честный вампир.

Кей расхохотался в ответ:

— Ага, а Зикер и вовсе скромняга парень.

О чём они говорят-то? Я не ула... э-э... не понимаю чего-то.

Ромиус наконец показался в поле моего зрения и сел в кресло. Лицо его выглядело более чем озабоченным.

— В общем, так, ребята, — он посмотрел мне в глаза, ища в них спрятавшийся разум, — у нас серьёзные проблемы. Хотя я и не доверял Ассамблее, такого решения я не ожидал даже от них.

— Совсем плохо? — посерьёзней Кельнмиир.

— Ещё хуже. По предписанию Ассамблеи Вельхеор, именно Вельхеор, должен быть отконвоирован в Императорский дворец и взят под надзор до Императорского суда.

Кей присвистнул:

— Это же высшая мера.

Ромиус кивнул:

— Помилование уже не рассматривается. Решается мера пресечения...

— Жизни, — вставил Кельнмиир.

— Вряд ли, но вот усыпить навсегда — это запросто.

О чём они говорят? Я что-то не очень вник. За что меня убивать-то?

— За... что? — еле выговорил я.

— О! Очнулся наконец-то, — обрадовался Кей. — Не за что, а почему. Потому, что не понимают того, что с тобой произошло...

Э, да он в точности слова Кельнмиира повторяет, видать, всё действительно плохо.

— ...и бояться возвращения Вельхеора. Он и так всем крови попортил, а уж с новыми знаниями... чего он тут натворит.

— То есть ты с ними согласен? — удивился Кельнмиир.

— Боже упаси! — замахал руками Кей. — И в мыслях не было. Человека ни за что ни про что усыплять — это... плохо. Тем более если это мой друг.

Это, безусловно, важный довод.

— Ну, раз друг, то конечно, — словно прочитав мои мысли, поддел Кельнмиир.

Ромиус неожиданно резко стукнул кулаком по столу.

— Что вы тут устраиваете?! Неужели не понимаете, что у нас совершенно нет времени? А вы тут балаган устраиваете!

— А что мы-то? — начал было Кельнмиир.

— Ну Кей-то понятно, он ещё молодой, но ты-то! Старый, как сама Империя, а туда же! Мне показалось, что Кельнмиир смутился.

— Дурак, признаю.

— Вы хоть понимаете, что они могут прийти сюда в любой момент? Неприкосновенность Школы их не остановит, как и стены Академии. Императорский суд — это вам не хухры-мухры.

Эх, как же всё-таки удивительно слышать наши родные выражения из уст Ремесленника. Как же это работает-то? И вообще, довольно странно, что мысли у меня почти что трезвые. Хотя... и раньше в пьяном виде мысли были довольно трезвые... только глупые и, как правило, наутро я не помнил ни того, что думал, ни того, что делал. Сейчас со мной происходило что-то похожее, только говорить почему-то не получалось, язык не слушался.

— В мою Школу? — Кельнмиир улыбнулся и с гордостью продемонстрировал все свои клыки. — Да я их по стенкам размажу, а потом ещё и на могилах станцую.

— Надеюсь, — пробормотал Ромиус. — Если я не ошибаюсь, то они уже близко.

— Не смейся. Почему тогда я ничего не чувствую? — покачал головой Кельнмиир.

— И я, — подозрительно посмотрел по сторонам Кей.

— Потому что ты и не сможешь ощутить Ремесленника, если он закроется защитой шестой степени, а ты, — он грозно взглянул на Кея, — прогулял весь предмет «защиты от внешних и внутренних сканирований». Чего уж говорить о дисциплине «заклинания отражения».

— Я тогда был болен, — покраснел Кей.

— Кем на этот раз? — с сарказмом спросил Ромиус.

— Вы же сами сказали, что нам некогда отвлекаться, раз уж нас окружают.

— Я сказал окружают? Уже давно окружили. Уже поздно что-либо делать, а уж быть выгнанным из Академии и вовсе нежелательно. Знаете ли, я уже не одну сотню лет в ней состою, и не хотелось бы потерять своё место в Ассамблее. Тем более, действуя так, мы точно не сможем помочь Виктору.

Помочь мне? Зачем? То есть он хочет сказать, что меня отдадут в руки этим... этим, а они меня усыпят?

Я попытался встать с кресла, но, едва поднявшись на десяток сантиметров, рухнул обратно.

— Сиди уж, поздно рыпаться, — сочувственно вздохнул Кей.

— Я тебе дам поздно! — рявкнул Кельнмиир. — Ещё никто не смел безнаказанно врываться в Школу Искусств по указанию Императора или без него. Тем более в мою Школу!

Неожиданно Кельнмиир разительно преобразился. Из добродушного и насмешливого низенького паренька он превратился в злого, проворного и ловкого хищника с горящими красными глазами и огромными клыками.

Я наконец-то сумел оторваться от кресла и попытался хотя бы встать и гордо встретить своих тюремщиков. Ничего не получилось, и я, ударившись о кресло, свалился на пол.

— Совсем упился, — не к месту заметил откуда-то сверху Кей.

Перед моими глазами была входная стена, и именно в момент окончания фразы Кея она исчезла, в зал вошли три Ремесленника в красных одеждах. Среди них был и Зикер.

— Я смотрю, вы тут не скучаете, — как никогда высокомерно заметил он.

Где-то сзади послышался возглас Кельнмиира, а затем какой-то щелчок, и всё стихло.

— Ты правильно сделал, что успокоил своего друга. А то мало ли что могло случиться.

— Ах ты... — начал было Кей.

— Что я? — с любопытством спросил Зикер.

— Тварь двуличная, — со смаком закончил Кей.

— Оскорбление лица, исполняющего волю Императора. Выношу предупреждение. Ещё одно оскорбление и вам назначат арест и рассмотрение вашего отчисления на Ассамблее. Тем более, помнится, ваша кандидатура уже рассматривалась... раза три или четыре.

Послышалось злое сопение Кея.

— Не обращай внимания, он ещё молод, — тихо сказал Ромиус. — А ответь-ка мне. Не ты ли, случаем, провёл просветительную работу в Ассамблее, пока меня не было? Больно легко они согласились на Императорский суд.

Зикер пожал плечами:

— Всё может быть. В любом случае, не верю я этой сказочке о сущности из другого мира. Вельхеор и не на такое способен. А если и так, нужно ещё решить, достоин ли этот человек жить в нашем славном городе.

Мне оставалось лишь молча (говорить я до сих пор не мог) слушать и притворяться табуреткой.

— А что это вы лежите на полу, сэр Вельхеор, или вас называть Виктор? — неожиданно обратился ко мне Зикер.

Что тут сказать?

Послышалось чертыхание Кея.

— Это он после тренировки в Школе. С непривычки, — он подчеркнул последнее слово, — он очень устал.

— Устал, говорите? — Зикер подошёл поближе. — А судя по запаху, он просто нажрался. Он махнул рукой, и двое его сопровождающих подбежали и подняли меня, взяв под руки с двух сторон. Я попытался стоять самостоятельно, но у меня не очень получилось. Зато я смог сфокусировать свой взгляд как раз в тот момент, когда Зикер взял меня за подбородок и посмотрел в глаза.

— Да он вусмерть пьян! — удивился он. — Этот пьяница и есть ваш пришелец из другого мира?

От удивления я даже твёрдо встал на ноги.

Это я-то пьяница?! Да я даже по праздникам только стаканчик вина выпиваю... и водки ещё стаканчик.

— Да уж, и ради этого пугала мы собирали Ассамблею.

Ну всё.

Я просто чудом не то чтобы вырвался, а скорее вывалился, из рук подручных Зикера и неожиданно ловко не только для меня пьяного, но и для трезвого ударил Зикера в ухо. Тот просто-таки осел на пол, а его помощники остались стоять, решая, что им делать сначала: то ли хватать меня, то ли поднимать Зикера.

Я упростил им их задачу, опять осев на пол. В голове забили колокола, но то, что происходило вокруг, я ещё улавливал. Прежде всего я услышал радостные вопли Кея. Тот просто верещал от счастья и выражал Зикеру такие соболезнования, что даже у меня сложилось впечатление, будто ему искренне жаль высокомерного Ремесленника. Ромиус же продолжал сидеть в кресле и что-то тихо втолковывать Кельнмииру, стоящему рядом со своим креслом в довольно неестественной позе: на одной ноге и со странно поднятыми над головой руками.

— Вот теперь посмотрим, что на это скажет Ассамблея, — зло сказал Зикер, наконец придя в себя. — Теперь увидим...

Он встал надо мной, заполнив всё пространство, и злорадно улыбнулся.

— Теперь посмотрим.

— Да, теперь-то мы посмотрим, что скажет на это Император, — спокойно сказал Ромиус.

— А точнее, его советник, — злорадно добавил Кей.

Хм... если не ошибаюсь, они говорили, что советник Императора — вампир. Тогда понятно, почему ему не понравится то, как нагло Зикер ворвался в Школу Искусств.

— Какое дело Императору до каких-то там жалких Школ?

Мне показалось, что Кельнмиир завращал глазами ещё яростнее.

— Жалких? Хм... а не ты ли не так давно проиграл спор одному из Высших Вампиров и остался жив только благодаря защите родственников? — вкрадчиво спросил Ромиус.

— Молчать! — зло вскрикнул Зикер.

Ромиус резко встал с кресла.

— Мне показалось, или вы меня оскорбили? — отчеканил он.

Зикер смешался.

— Не... приношу извинения, я никогда не посмел бы, если бы не такая ситуация... я был неправ.

Ромиус вернулся в кресло.

— А я уже было решил, что мне придётся вызвать вас на дуэль. Вы же понимаете, что, как только вы выйдете отсюда с этим человеком, — он кивнул в мою сторону, — Наставник этой Школы будет вынужден отстаивать честь своей Школы и честь своего ученика.

— Ученика?

Я с огромным удовольствием увидел, что Зикер побледнел.

— Именно ученика, — подтвердил Кей. — Более того, личного ученика Наставника.

Зикер с трудом совладал с собой.

— Вы пытаетесь меня напугать? — слегка сорвавшимся голосом спросил он.

— Никогда, как бы мы посмели, — взмахнул руками, как бы защищаясь, Кей. — Мы всего лишь предупреждаем.

— Но у меня приказ Императора!

Ромиус задумчиво закрутил ус.

— Вообще-то это довольно спорный вопрос. Но в любом случае вы оскорбили его ученика, а значит, оскорбили его самого. Так что ждите вызова.

Зикер задумался, потом неожиданно просветлел:

— Это мы ещё посмотрим.

Ромиус пожал плечами, дескать, смотри, пожалуйста.

По жесту Зикера меня опять подняли с пола, взяли под руки и повели к выходу.

Когда они подошли к каменной стене, в которой должен был открыться проход, сзади послышался смешок. Стена благополучно исчезла, но, когда Зикер, идущий впереди, собрался выходить, выяснилось, что она не исчезла, а всего лишь стала невидимой. И Зикер со всего маху врезался в неё носом и, отскочив от стены как резиновый мячик, упал на задницу. Сзади раздался хохот. Громче всех конечно же смеялся Кей.

Зикер зло выругался и, вскочив, ударил по стене ногой. Вот только теперь стена уже исчезла и он, едва опять не потеряв равновесие, влетел в проход. Вслед за ним понесли и меня.

Как я понял, меня опять собрались запрятать в тюрьму. Дело уже в общем-то привычное.

Сначала я попал в тюрьму в своём родном мире, теперь здесь. Получается, что я просто меж мировой заключённый какой-то. Может быть, в этой их тюрьме опять споткнусь на ровном месте и раз... домой вернусь. В свою родную районную тюрьму. Там по крайней мере, если уж что и сделают, так только срок дадут. Это куда лучше, чем быть усыпленным, как какая-то бешеная собака. Другое дело, могу ведь и не обратно домой попасть, а ещё куда-нибудь. Тут уж точно рехнуться недолго.

Интересно, а почему никто не обращает внимания на то, что по улице так запросто тащат человека? Ах да, они же Ремесленники — никто их ни о чём спрашивать не станет. Мало ли какого преступника ведут в Императорский суд. Интересно, а их суд столь же справедлив, как наш? Надеюсь, что нет.

Глава 15

Моё желание можно было считать исполненным — меня вели в Императорский дворец.

Меня даже, насколько я понял, представят Его Величеству, или как там его называют.

Правда, не в качестве гордого (самому смешно) путешественника по мирам, а как подсудимого. И в чём я перед ними провинился-то, спрашивается? Я, что ли, позволил

спокойно жить и проводить свои исследования вампиру с непреодолимой тягой к смене места жительства? Если даже такие гады, как этот Вельхеор, отсюда решают удрать, то мне точно здесь делать нечего.

Дворец гордо возвышался над моей головой. Собственно, он и до этого возвышался, но не был такой громадиной. Сейчас, когда меня подтащили к самому входу на дворцовую территорию, всё пространство передо мной занимала огромная стена. Сразу вспомнилась Великая Китайская, но по сравнению с этой она показалась бы дачным заборчиком.

Ограда дворца уходила в небо не менее чем на сорок метров. Над ней виднелось множество мелких башенок по всему периметру. Стена, дворец — всё сверкало золотом, драгоценными камнями и переливами небольших радуг, появлявшихся то над одной башней, то над другой. Как я понял, это было таким же магическим украшением, как и удивительные фонтаны на площади.

Мы остановились у стены, и я с удивлением заметил, что ворот-то нигде нет. Удивление быстро прошло, едва я вспомнил исчезающие стены в Школе Искусств.

Я оказался прав, потому что, едва Зикер сделал несколько шагов в сторону стены, как она исчезла, будто её и не было. Меня потащили за ним по вымощенной золотыми плитами площади.

Если из-за стены было видно лишь множество башенок, то отсюда открывался совершенно иной вид. Башенки просто терялись и становились невидимыми на фоне раскинувшихся перед дворцом зелёных садов. Что это были за сады! Просто диву даюсь, как деревья умудрились вымахать такой высоты, что едва ли не доставали до самых башен. Это же сколько метров-то? Наверное, не меньше сотни, а то и больше. Чудно. А уж вблизи эти громадные деревья оказались и вовсе сказочными.

Сначала мне показалось, что у меня в глазах двоится от выпитого мной напитка по «улучшению настроения», а затем выяснилось, что деревья действительно не соприкасаются с землёй! Они висели в полуметре над золотыми плитами и мирно шелестели листвой. При этом корни у них практически отсутствовали, так, один-два маленьких отросточка, соединяющие деревья между собой. Что их удерживало в воздухе, я не знаю, но люди могли оказывать на них влияние — это точно. Едва Зикер, идущий впереди так любезно поддерживающих меня Ремесленников, подошёл к сплошной стене из этих деревьев, как они довольно-таки резво разлетелись в стороны, сделав, как мне показалось, пригласительный жест своими ветками. И ведь с виду самые обычные деревья, узловатостью напоминающие родные мне дубы, а листьями — клёны.

Наверняка эти деревья не только для красоты тут висят. Уже входя, вернее, будучи внесённым в появившийся проход, я понял, что деревья вокруг дворца растут сплошняком. И, голову даю на отсечение, расступаются далеко не перед каждым. Интересно только, зачем эти деревья вообще нужны, если те, кому очень уж потребуется, могут перенестись сразу во дворец? Как, например, Ромиус.

Меня провели по образовавшейся аллее и бросили у ворот дворца.

Если тот, кто создавал эти удивительные ворота, хотел восхитить всех изяществом своего искусства, блеском золотых фигур гордых львов, переливами огромных драгоценных камней, то ему это удалось... бы. Не посмотрись я на всё это в невероятном количестве ещё в городе. Ну золота чуть больше, чем везде, ну драгоценные камни в два-три раза больше, и что? Ничего особенного и отличающегося оригинальностью я не увидел. Разве что существование в этом мире львов меня слегка удивило.

Двое моих провожатых отпустили меня и тихо ушли. Я даже не сразу понял, что никто меня не держит. Ноги почти что стали слушаться меня, так что позорно падать (ещё раз) я не стал.

— Сам пойдёшь или помочь? — злорадно поинтересовался Зикер.

— Уж как-нибудь дойду, — наконец-то членораздельно проговорил я и сам удивился, насколько хрипло прозвучал мой голос.

Я невольно оглянулся назад и как раз успел увидеть, как деревья вновь сплелись в сплошную сеть. Просто так убежать отсюда было бы весьма сложно. Деревья передо мной, как я подозреваю, не расступятся, а вот пролезать под ними я бы не рискнул. Каждое весит несколько тонн, если такое на голову упадёт, одной шишкой не отделаешься.

Зикер, по всей видимости, уловил ход моих мыслей. Когда я вновь повернулся к нему, он опустил занесённую в странном взмахе руку и сделал приглашающий жест. Мне ничего не оставалось, кроме как пойти за ним. Огромные ворота дворца беззвучно распахнулись, и перед моими глазами предстал длинный зал. К моему удивлению, внутри дворец не блистал позолотой, всё было выдержано в очень мягких зелёных тонах. В совокупности с виднеющимися за многочисленными окнами деревьями всё это смотрелось просто замечательно.

В самом конце коридора были ещё одни ворота. Размером поменьше, чем те, порог которых я только что переступил, но тем не менее в четыре моих роста, это как минимум. Все стены были увешаны портретами венценосных особ, единственной общей чертой которых был этот самый венец — золотая (опять!) сфера в зелёной оправе. Во всём прочем эти самые особы, как мужеского, так и женского полу, никакого особого сходства не имели, из чего я сделал вывод о частой смене королевских родов. Хотя я мог и ошибаться, как, впрочем, обычно и случалось.

Мы шли вдоль всех этих портретов в полной тишине. Оставалось удивляться, куда делись все дворцовые слуги к прочий люд.

Зикер и не думал оборачиваться, потому что был уверен, что я не сбегу. Не знаю, что ему давало эту уверенность, но вообще-то он был прав. Во-первых, мне было интересно, куда меня отведут и что будет дальше. А во-вторых, я всё-таки был реалистом и понимал, что деваться в данном случае мне просто некуда.

Оставалось надеяться, что новые друзья найдут способ мне помочь. И если быть совсем уж честным, не верилось, что в этом удивительном мире красоты и магии со мной могут сделать что-то плохое.

Перед Зикером открылись створки и вторых ворот. За ними обнаружился небольшой круглый зал с десятком дверей уже обычного, человеческого размера. Это слегка успокаивало, потому что в огромном зале с огромными дверьми мне иногда казалось, будто я гном, а тут совершенно обычные деревянные двери с какими-то надписями.

Мы прошествовали конечно же к самой левой двери. И именно за ней нам встретился первый человек в этом царстве тишины и безмолвия. Это был грузный усатый мужчина в зелёном балахоне, сидящий за огромным, будто из цельного чёрного куска мрамора, столом.

— Опять кого-то привёл? — прогрохотал он недовольно.

Зикер брезгливо поморщился:

— Ты знай себе сиди да записывай. Остальное не твоё дело.

— Как очередного ребёнка, не так посмотревшего на вашу особу, сажать в камеру, так моё дело, а тут, значит, не моё? — подвигал усами здоровяк.

— Именно так. Этого в самую плохую камеру, — махнул рукой Зикер и развернулся, чтобы уйти.

— А долго я тут сидеть-то буду? — поспешил спросить я.

Зикер даже сразу не понял, что я обращаюсь к нему. Он на секунду остановился, задумавшись, а потом нехотя ответил:

— Пока не сгниёшь, если повезёт.

От такого нахальства я просто задохнулся.

— Ах ты, козёл безрогий.

Зикер не обратил на мои слова никакого внимания и закрыл за собой дверь.

— Ну что ж, будем вас размещать, — раздалось у меня за спиной.

Послышался звук отодвигаемой мебели, и на моё плечо легла здоровенная ручища.

— А пока вы будете устраиваться, если не против, расскажите мне о том, что же это за «козёл» такой и почему он безрогий.

— Козёл? Это животное такое. А безрогий, это так... вольное прилагательное без смысла, для усиления ругательства, — пояснил я, обернувшись.

Передо мной стоял самый большой человек, которого я когда-либо видел. Он не просто был выше меня, он возвышался надо мной на целых пол метра. В совокупности с его шириной, которой мог бы обзавидоваться любой борец сумо, это смотрелось поистине ужасающе. У меня даже дыхание перехватило.

— Так вы ещё и ругаетесь на нашего Великого Ремесленника? Как не стыдно? — Он покачал своей практически лысой головой, очень похожей на огромный булыжник.
— Я...

Если честно, то я испугался. И как тут не испугаться, когда над тобой нависает такая машина? Тут любой испугается.

— Да я тебе за это... — Он поднял над головой свою огромную, как ковш экскаватора, ручищу и сверкнул глазами.

Не осел на пол я лишь потому, что тело просто отказалось меня слушаться. Я лишь судорожно икнул, тут же заверив себя, что это не от страха, а от большого количества выпитого.

— Да я тебе за это руку пожму! — неожиданно расхохотался он и схватил мою руку так, что в ней захрустела каждая косточка и каждый хрящик.

Лучше бы он меня сразу пришиб.

— Это по-нашему, это ты правильно. Нет в этом прихвостне ничего заслуживающего уважения, хоть и считается, что Академия выпускает только честных и благородных людей. Ты пока что присаживайся за стол, сейчас посидим, поедим, расскажешь, что нового произошло в мире за последнее время. Я думаю, что ещё долго за тобой никто не придёт. Он подтолкнул меня к появившемуся из ниоткуда креслу. Стол уже ломился от яств и сосудов с напитками. Как это тут очутилось, я спрашивать не стал, хотя ещё недавно обязательно поинтересовался бы. Видимо, уже привык к чудесам.

— За что же тебя сюда отправили? — поинтересовался тюремщик, садясь обратно на своё место.

— За жизнь, — честно ответил я, удивляясь столь лёгкому переходу с «вы» на «ты».

— Убил, что ли, кого-то? — не понял он.

— Да нет, просто не нравится некоторым, что я землю топчу в этом мире.

— Некоторым, это Зикериулу?

— Зикериулу это Зикеру? Хм... да нет, к сожалению, не только ему.

Тюремщик задумчиво подвигал усами.

— А не следствие ли это того, что у Зикериула ухо распухшее?

— Скорее, наоборот, — усмехнулся я, придвигая себе блюдо с уже знакомыми мне фруктами.

— И ты тоже эти фрукты жрёшь, — почему-то огорчился здоровяк, наблюдая, как я опустошаю тарелку с удивительно вкусными плодами.

— Почему тоже? — подивился я.

— Потому что все отказываются от мяса. Это нововведение было встречено на ура во всей Империи, но вот я не понимаю, как можно жить без мяса. Вот ты почему не ешь мясо?

— Потому что вы загребли всё блюдо с мясом себе, — честно ответил я.

Тюремщик удивлённо посмотрел себе под руку.

— Ах да. И что, это единственная причина?

— В общем-то да, — честно ответил я.

— Докажи, — подозрительно прищурился он.

Я, чувствуя себя полным идиотом, гордо взял кусок мяса и отправил в рот.

— Очень даже вкусно, — на всякий случай похвалил я.

— У, молодец! — обрадовано заржал тюремщик. — Встретил-таки родственную душу. Вот скажи мне честно, как можно жить без мяса?

Мне пришлось напрячься и честно представить, каково это вообще не есть мяса.

— Ужас, — наконец сказал я. — А что, у вас не принято есть мясо?

— Не принято?! — взревел тюремщик. — Да у нас это запрещено!

— Как запрещено? — опешил я.

— Очень просто. Одно из последних нововведений нашего старого Императора. Он уже мясо жевать не могёт, зубы не те, а теперь восхотел, чтобы и другие мяса не ели.

Так вот почему на столе у Ремесленников не было мяса, оно, выходит, у них запрещено! А у Кельнмиира оно было потому, что он, насколько я могу судить по моему недолгому с ним знакомству, потчует всех мясными блюдами просто из принципа.

— И знаешь, чем Император прикрывается? Какой-то легендочкой о том, что мясо приближает человека к хищникам! Дескать, те, кто едят мясо, агрессивны и глупы, а те, кто

станет есть фруктики, станут спокойными, рассудительными и умными. Да я без мяса сам на людей начну бросаться!

— Ужас, — согласился я.

— И ведь не прикопаешься! — продолжал восклицать любитель мяса. — Посмотри на друидов, бодренькие дядьки, живут под тыщу лет, а питаются исключительно фруктиками. Мясо же употребляют вампиры да оборотни. А кто они? Правильно, звери. Причём хищники, подлые, лживые и злые. Это я знаю, что мясо к этому отношения не имеет, Ремесленники знают, хотя сами его тоже особо не жалуют, а простой люд падок на всякие «новые истины». Вот и получается, что мясо уже подорожало в восемь раз.

— Ужас, — ещё раз повторил я, пытаюсь подсчитать в уме среднюю продолжительность жизни обычного человека этого мира. Вышло что-то около трёхсот лет. Вампиры, значит, живут, пока их кто-нибудь не ухайдокает, а друиды что-то около тысячи годков. Совсем неплохо. В друиды меня вряд ли возьмут, а вот в вампиры я могу в самое ближайшее время записаться.

Усатый тюремщик тем временем навернул очередной кусок мяса и довольно хрюкнул.

— Раз уж ты наш человек, то нужно представиться. Зовут меня Витором.

— Виктор, — представился я.

— О! Так мы почти что тёзки!

Я согласно кивнул.

— Значит, нужно выпить, — тут же сделал вывод тюремщик.

— Э, вот этого, спасибо конечно, не надо, — поспешил отказаться я. — Мне нужно быть в здравом уме и трезвой памяти, когда меня поведут на этот ваш Императорский суд. Здоровяк задумался.

— Хм. Про здравый ум и трезвую память это ты здорово сказал... — Он неожиданно вскочил со своего кресла, едва не свалив огромный стол. — Ты сказал Императорский суд?!

— Да, по-моему, я так и сказал.

Я слегка озадачился, чего это он так всполошился, не его же ведь на суд-то поведут, а меня.

— Так что же ты тут расселся?! Они за тобой в любой момент могут прислать. Ты же меня подставляешь. Ну-ка марш в камеру!

— В камеру, — огорчённо протянул я.

Так не хотелось идти в эту их камеру. Сидеть в гордом одиночестве в комнате о четырёх стенах. Скучновато будет, лучше уж компания тюремщика, общение...

— Быстро! — пробасил Витор.

Мне ничего не оставалось, кроме как подняться с кресла и последовать за Витором в проход, появившийся прямо за спинкой его кресла. Получается, что в тюрьму можно попасть, только отодвинув кресло тюремщика. А ведь в кресле тюремщика, как правило, сидит сам тюремщик.

Поначалу я считал, что меня поведут в какое-нибудь подземелье, но ошибся. Однако на подъем в башню это также не было похоже. Мы просто шли по самому обычному скромному коридору шириной метров десять. Согласитесь, по сравнению с обычными здесь залами площадью в тысячи квадратных метров это просто мелочь — малюсенький тоннельчик.

А уж изредка встречающиеся двери по сторонам и вовсе малютки. Всего лишь обычные двери метр на два. Просто убожество. Когда тюремщик подвёл меня к одной из таких дверей, я уже устал тащиться по нескончаемому каменному тоннелю.

Обычная, ничем не примечательная «самая худшая» камера. Дверь оказалась не заперта. Внутри меня ожидал очередной сюрприз. Комната о четырёх стенах оказалась хоромами о четырёх комнатах, не считая кухни, ванной, туалета и балкона! На стенах красовалось некое подобие обоев успокаивающего жёлтого цвета.

— Ты тут устраивайся, а я пока пойду доем свой обед. Не ровен час, придут за тобой, а я не на месте. Так и с должности недолго слететь. А меня ведь уже смещали с четырёх должностей до этого. Эта работа — мой последний шанс остаться во дворце. Скажу тебе по секрету, не создан я для этих дворцовых интриг. А без них во дворце и года не протянешь. Свой десяток лет я продержался лишь чудом, да и то только благодаря своему знатному происхождению. Эх-х...

Здоровяк понуро вышел из моей камеры, оставив дверь нараспашку.

Я, не поверив глазам, подошёл к двери, с минуту смотрел на неё, а потом закрыл. Потом ещё немного постоял и дёрнул ручку. Дверь открылась. Такие тюремные порядки, если честно, меня поразили даже больше, чем все чудеса магии. Нет, умом я понимал, что из дворца мне не выбраться, нужно ведь ещё и мимо добродушного тюремщика пройти. Но не закрывать двери камер заключённых, пусть и таких комфортабельных камер, это в высшей степени непредусмотрительно.

Я философски пожал плечами и пошёл детально обследовать апартаменты своего временного пребывания.

Первым делом я, как человек, любящий поваляться в постели и помечтать, пошёл в спальню. Едва войдя в уютное до безобразия жёлтое помещение, я остановился как вкопанный. На меня смотрел незнакомый мужчина. Только спустя несколько жутких секунд я понял, что это моё отражение. Дело даже не в том, что у меня была совершенно непривычная старомодная причёска и ширина плеч куда больше привычной. Просто я уже успел забыть, как я вообще выгляжу. Впервые за последние два месяца я смотрелся в зеркало, находясь, правда, не совсем в своём теле. Хотя вообще-то я был копией себя, только представленной... в более выгодном свете, что ли. И плечи шире, и руки потолще, и осанка попрямее. Я даже невольно залюбовался.

Вот занимался бы спортом, был бы таким красавцем, а не хлюпиком-недомерком, которого порыв ветра сдует.

В общем, если говорить честно, то я себе понравился. И странное ощущение чуждости тела само собой исчезло. Это куда лучше, чем каждодневно заниматься спортом. Вот только особой разницы я не ощущал, наверное, сказывается привычка. Ну, привык я быстро уставать и чувствовать слабость в теле после длительных прогулок по длинным коридорам. Новое тело в отличной форме, оно и в сто раз больше пройдёт, но попробуй себя самого в этом убедить.

Я тяжело вздохнул.

И тут всё не слава богу. Хоть что-нибудь хорошее, не омрачённое всякими «но» и «если», в моей жизни будет? Или всё так и будет происходить в хаотичном порядке и без моего осмысленного участия. Хотя вообще-то кто в этом кроме меня виноват?

— Эх ты, — повинил я своё отражение. — Что ж ты раздолбай-то такой?

Моё лицо в зеркале хитро сощурилось:

— Это не я раздолбай, это ты раздолбай.

Всё, последняя стадия! Я наконец-то сошёл с ума. Какая досада. Хотя, с другой стороны...

— Что уставился? — продолжило ворчать моё отражение. — Себя никогда не видел?

— Да нет, отчего же, видел. Только привычки разговаривать с самим собой не имел и не буду иметь.

— А спорим, будешь? — тут же прищурилось отражение.

— Фиг тебе, — зло ответил я и отвернулся.

Послышался стук в дверь.

И это камера для содержания преступников? Наверное, это официант с подносом фруктов или даже с деликатесным для жителей этого мира мясом.

Я повернулся к отражению, чтобы спросить его мнение по этому поводу, но оно стояло ко мне спиной. Мне ничего не оставалось, кроме как крикнуть:

— Войдите!

Бесшумно открылась дверь, и в коридоре появился Ромиус.

— Ну как ты здесь устроился? — поинтересовался он.

— Замечательно, — честно сказал я, слегка удивившись его столь быстрому появлению. — Эта «камера» в три раза больше квартиры, в которой я жил в своём мире. Мне даже нравится быть в заключении.

Ромиус усмехнулся:

— Не радуйся, долго тебя тут не продержат. Слушание твоего дела назначено на завтра.

— Нет, правда, мне здесь нравится, — не сдавался я. — Только не кормили пока что.

— И чем ты ему приглянулся? — спросил Ромиус, проходя мимо меня в спальню. — Я видел в коридоре официанта, который нёс тебе мясо лично от тюремщика.

Мне оставалось подивиться своей догадливости. Я пожал плечами, забыв о том, что Ромиус стоит ко мне спиной. Когда пауза затянулась, я нехотя ответил.

— Хороший он дядька, вот и всё.

— А то! Как-никак мой родственник, — кивнул Ромиус.

— Родственник? — удивлённо повернулся к нему я.

Хотя, должен признать, это объясняет его столь быстрое появление. Понятное дело, родственник впустил его без всяких вопросов.

— Ну да, по матушке. Что, не похожи?

— Да не очень, — честно сказал я.

Ромиус встал напротив зеркала, крутанулся на месте, а потом произнёс изменившимся голосом, выдающим тревогу:

— Теперь нас не прослушают, я поставил защиту. Дела наши совсем плохи, и, должен признаться, виноват в этом частично я. — Он предупреждающе поднял руку. — Подожди с вопросами. Дело в том, что я пригнул змею на своей груди. Это я настаивал на принятии Зикериула в Академию, хотя Ассамблея и не хотела принимать человека из дворца. Мы давно решили не допускать в Академии интриг и подлости, столь обыденных в стенах Императорского дворца. Но я поступился правилом, потому что Зикериул был очень талантлив. Я понадеялся, что он всецело отдастся Ремеслу, а он внёс в наши стены разрозненность и обман. Так что во всём, что происходит сейчас, виновен так или иначе я. Я во время этого признания со смесью удивления и страха смотрел на своё отражение, скачущее вокруг отражения Ромиуса, ставящее ему рожки и делающее прочие пакости. Неужели я и вправду сошёл с ума?

— Мм... можно вопрос? — протянул я.

— Конечно, — сокрушённо ответил Ромиус.

— А у вас не бывает таких странных отражений, которые делают то, чего вы не делаете? До Ромиуса не сразу дошло, что я спрашиваю его о чём-то совершенно не касающемся его угрызений совести.

— Чего? — переспросил он, оглядываясь на зеркало.

В зеркале было два отражения: его и моё. Они мирно стояли и смотрели на нас. Самое обидное, что моё отражение теперь не извивалось и не корчилось. В общем, вело себя, как самое обычное культурное отражение, то есть повторяло все мои движения.

— Ну это... — Я слегка смутился. — Не бывает у вас таких магических зеркал, в которых отражения живут собственной жизнью, говорят с тобой?

Ромиус покачал головой.

— Я о таком не слышал. Если только кто-то другой в нём появится, у нас сейчас есть новые виды разговорников, которые передают изображение.

— Нет, отражение как раз моё.

— Тогда, можешь мне поверить, если я об этом не слышал, значит, вряд ли такое может быть.

Я не стал говорить, что о двигателе внутреннего сгорания и синхрофазотроне он тоже наверняка не слышал, однако они определённо существуют. Ведь это его мир, а в пределах своего мира, скорее всего, он действительно знает почти все.

Но что же я тогда видел в зеркале? Признак окончательного помутнения рассудка? Вообще-то, может быть, это и к лучшему, что рассудок помутился. Лучше уж так, тихо, мирно беседовать со своим отражением, чем глупо пускаться слюни и смотреть в одну точку, каковыми представляются мне настоящие психи.

— Значит, показалось, — махнул я рукой. — Так что там об Императорском суде?

Ромиус тяжело вздохнул:

— Что тут сказать, суд будет лишь видимостью. Всё уже решено. Тут была проведена очень тонкая работа. Император искренне считает, что ты не кто иной, как подлый Вельхор, копающий под его трон. Объяснять ему, что вампирам его трон задаром не нужен, бесполезно, здесь угадывается рука Зикера. Он уже подкапывал под некоторые академические группы, но такой полномасштабный «подкоп» произведён впервые. Причём проведён он с профессионализмом, достойным уважения, видимо, у Зикера это в крови. Я, конечно, тоже из знатного рода, но от подлостей успел отвыкнуть. Эх-х... возможно, и зря.

— Не-э, не зря. Лучше честно проиграть, чем подло выиграть, — процитировал я чьё-то высказывание.

На лице Ромиуса промелькнула улыбка.

— Это, безусловно, правильно, но если на кону стоит жизнь человека? Как быть тогда? До меня наконец-то начало доходить.

— А на кону стоит именно жизнь?

— Ни больше, ни меньше.

— беру свои слова обратно — жизнь важнее всего, — исправился я.

Ромиус усмехнулся:

— Быстро же ты меняешь точку зрения.

— Кстати, а где обещанный официант?

Я всегда умел ловко менять тему разговора.

— Стоит за дверью. Я не хотел, чтобы он нам мешал.

— У меня неожиданно проснулся аппетит...

Под столь удачным предложением я покинул комнату с зеркалом и поспешил открыть дверь. Действительно, за дверью стоял и терпеливо ждал типичный чопорный официант в чёрном фраке, держащий перед собой поднос с чем-то просто обалденно пахнущим. Я смущённо поблагодарил его, пытаюсь вспомнить, где видел до этого столь похожую одежду, и забрал поднос. Едва не уронив ценную ношу, я нехотя вернулся в спальню.

Ромиуса в ней не оказалось.

Я нашёл его на балконе, смотрящим на город с высоты нескольких сотен метров. Вид, если честно, открывался просто умопомрачительный. Сверху город был похож на огромный сад из золотых цветов, хотя я, помнится, об этом уже говорил. Вот только, по секрету, золото мне начало надоедать. Даже жёлтые обои моей тюрьмы не так резали глаза, как золотые крыши домов.

— Правда красиво? — простёр над городом руку Ромиус.

— Красиво, — согласился я.

Было действительно красиво, вот только всё хорошо в разумных пределах. Даже золото.

— А ведь раньше всё выглядело иначе. Когда ещё не было Академии, вся наша страна была серой и тусклой.

— В смысле культуры? — уточнил я.

— Нет, в смысле, всё было построено из обычного серого камня.

— А-а-а.

— Так вот, до появления Академии не было известно заклинания о превращении камня в золото...

— Камня?!

Может, ещё не поздно поступить и научиться всяким полезностям вроде превращения камня в золото.

— Именно камня.

— Простого камня? — на всякий случай уточнил я.

— Простого, простого. Не отвлекай меня, — отмахнулся Ромиус. — Ты думаешь, почему все дома, кроме Школы Искусств, в Лите золотые? Потому что, когда здесь появились первые Ремесленники, всяк богач, узнав о таком заклинании от учеников, хотел превратить свой дом в золотой дворец. Золота у нас хватает, и оно не так ценно, как качественное железо, но дома из него строить всё же дороговато. То ли дело купить заклинание. Ремесленники же, подсчитав всё, решили первый и последний раз извлечь выгоду из своих знаний. Ремесло в то время было в упадке, все предпочитали заниматься Искусством, и Ремесленникам того времени это нужно было для продвижения дальше. И лучшим местом для этого была столица Империи Элиров Лита. Ремесленники не искали никаких выгод для себя, нашим законом всегда было «знания ради ещё больших знаний». В течение нескольких лет Ремесленники продали достаточно заклинаний, чтобы начать строительство оплота Ремесла — Академии. Оставалось только получить разрешение Императора, они получили его в обмен на позолочение всей внешней части дворца. Так и была создана Академия. Причём Академию-то как раз они создали не из золота, а из камня. Теперь Академия одно из немногих строений из камня. Императорский дворец золочён лишь снаружи, но об этом уже практически никто не знает, кроме нынешнего Императора да Ремесленников.

Он замолчал.

Мне оставалось только ждать и не перебивать рассказ. Наверняка он мне сейчас всё разжуёт и сделает из всего этого вывод, да ещё и урок преподнесёт. Все люди возрастом постарше обожают это делать. Сам такой бываю с детьми и женщинами.

Пауза затягивалась.

— И что? — наконец не выдержал я.

— Да ничего, — зло ударил по перилам балкона Ромиус. — Просто мне всё чаще кажется, что всё было куда лучше, когда Ремеслом занимались не ради положения в обществе и богатства, а ради самого Ремесла. В те времена такие люди, как Зикер, просто не пошли бы учиться Ремеслу, потому что никакого положения и веса в обществе это им не придало бы. А теперь, став структурой подле власти, Академия начала изменять своим традициям и основам Ремесла.

Ну вот, разжевал и объяснил. А сейчас будет урок.

— Нужно мне было послушать Кельнмиира.

— А что он такого сказал?

А где же урок?

— Он предлагал дать Зикеру, Императору и прочим по шее и отправить тебя домой.

Это правильно, вот это по-нашему, по-русски.

— Возможно, он прав. В варварском мире нужно использовать варварские методы, — задумчиво сказал Ромиус, всё так же глядя на город.

А вот и урок.

— Давно хотел спросить у вас, а почему Кельнмиир такой... странный?

— В каком смысле?

— Ну, он чего-то похож на ребёнка, старательно корчащего из себя взрослого. То у него получается совсем неплохо, порой он даже слегка переигрывает, а то вдруг начинает дурачиться. Иногда даже Кей рядом с ним кажется старше и рассудительнее. А иногда он, совсем неожиданно, становится жёстким и даже в чём-то злым настолько, что пугает меня. Ромиус засиял.

— Заметил? Молодец. Из тебя мог бы получиться неплохой Ремесленник. Всё дело в защитной реакции организма. Ни один человек, вроде меня или тебя, не сможет прожить три тысячи лет. Мы свихнёмся куда раньше. Особенность психики. А уж вампирам ещё сложнее, у них совершенная память — они ничего и никогда не забывают. У человека с этим легче, способность забывать помогает ему не сойти с ума от огромного объёма информации, и часть её со временем стирается и уходит в дальние уголки, которых без гипноза и не найдёшь. Поэтому я проживу, если повезёт, ещё пару сотен лет и не свихнусь. У вампиров же другой способ защиты психики — их эмоциональный фон, сходный с детским. Они легко меняют настроение от самого хорошего до самого плохого по сто раз на дню, и они постоянно буруеваемы страстями. То их влечёт в одну сторону любопытство, то в другую злость, то в третью радость, и так далее. Они всегда в поиске и никогда не стареют своей детской душой. Поэтому людям вроде нас с тобой, стремящимся к эмоциональной стабильности, трудно понять Кельнмиира. Он умён, в его памяти знания тысяч лет исследований, он способен за доли секунды найти логическое решение любой проблемы. Но ему это в большинстве случаев не нужно, потому что это ему просто неинтересно. Кельнмииру куда интереснее играть с событиями, даже если на кону стоит его собственная жизнь. Поэтому, вопреки живучести и уму, не так уж и много вампиров доживают до такого возраста, как он.

— Тогда он молодец, — сделал я вывод.

Ромиус почесал затылок.

— Молодец-то молодец, но он знает столько, что одно его любопытство может разрушить если не весь наш мир, то уж Империю Элиров точно.

На всякий случай я промолчал. Кельнмиир прикольный парень, если можно назвать парнем вампира трёх тысяч лет отроду, и мне не верилось, что он станет рушить какие бы то ни было империи ради любопытства. Чего в этом интересного?

— Как бы то ни было, я надеюсь, что он всё же не станет вызывать Зикера на дуэль. Это уже ничего не изменит, а вот жизнь ему усложнит. Зикер в фаворе у Императора, и, несмотря на то что повод для дуэли действительно есть, Кельнмииру это может не сойти с рук. А то ведь и за черту города выгонят.

— Это у вас такое наказание зверское? — не преминул поддеть я.

— Для таких, как Кельнмиир, да. Понимаешь, он... Ты ведь разобрался в политической обстановке в нашем мире?

— Я в своём-то так и не смог разобраться.

Чистая правда. Самое большое моё достижение в знании политики моей родной страны, не говоря уже о мире, это фамилии нескольких президентов. Стыдно, конечно, но кто будет смотреть политические новости, когда жратеньки-то нечего? Как-то включил, совершенно случайно, новости, так там такие отъевшиеся морды показывали. Обсуждали они что-то вроде прибавки к пенсии очередных двух-трёх рублей или о чём-то ещё. Не суть важно, но такие у них противные физиономии. Там не то что кирпича, там целого блока бетонного не жалко. Противно всё это, короче.

Поэтому мне не хотелось вникать и в их политическую обстановку. Везде одно и то же, что у нас, что у них.

— Не буду тебе сейчас забивать голову, — успокоил меня Ромиус. — Коротко говоря, вампирская братия не любит Кельнмиира. Не то чтобы ненавидит, но и шею ему свернуть наверняка не отказалась бы треть всех вампиров этого полушария. А особенно из провинции Кельхеор, где он давным-давно даже правил.

— Правил?

Что-то слабо верится. И как же он там правил с этим его «детским любопытством» и прочими особенностями вампирской психики?

— Я бы даже сказал царствовал, — уточнил Ромиус. — В его правление почти все провинции были собраны под его руку, и только пять веков назад всё изменилось и провинции, собственно, и стали провинциями. До этого это было Царство Миир. Клан Миир тогда не был кланом, это был просто правящий род. А после раздробления появились кланы. Однако не всё так плохо, теперь провинции разрозненны и не представляют открытой угрозы Империи. То ли было во времена Царства Миир, без защитных заклинаний никто и за стол не садился.

Значит, и у них войны происходили. Интересно, а чем они воевали? Что-то я не видел ни оружия, ни огненных фаерболов, так «горячо» уважаемых литературой моего мира. Ничего.

— Так Кельнмиир тоже с вами воевал? — не поверил я.

— Кельнмиир? Не больше, чем прочие цари. У них на царство-то всходили, слава богу, только по исполнении двух тысяч лет. К этому времени даже неугомонный вампирский дух находит иные развлечения, нежели война. Хотя, безусловно, и повоевать Кельнмиир успел немало. Поэтому его у нас и не любят. Ну те, кто знает, а ведь большинство уже и не помнит, что рядом с ними живёт и даже обучает их обожаемых детей вампир. Под капюшоном ничего не видно, да и откинь он капюшон, при желании он всё равно может изменить внешность.

— А почему высылка из города опасна для Кельнмиира?

— Так ведь на нём же и кончилось великое Царство. Если быть точным, то, как он сам объясняет, оно ему надоело, и пришлось Царству разделиться на множество провинций. Уж не знаю, каким образом ему это удалось...

Это он хорошо сказал. «Мне моё царство надоело». Хорошо хоть ему мир этот ещё не надоел, а то, кто знает, что ему ещё в голову придёт.

— Поэтому я и говорю, — продолжил Ромиус, — что он весьма опасен, прежде всего потому, что непредсказуем. А всё вампирское содружество не может ему этого простить. Лишь потеряв что-то, мы начинаем это ценить. Вампиры не исключение — в то время они с радостью восприняли низвержение монархии, а сейчас плюются и искренне считают, что раньше всё было лучше. И кровь для них была краснее, и ночи темнее. Чего там у них ещё за радости в жизни-то? Ах да, и женщины были куда обходительнее.

— А почему же ваш Император его в живых-то оставил, да ещё и рядом с собой поселил?

— По доброте душевной, — серьёзно ответил Ромиус.

— Да ну? — скептически прищурился я.

Ну вот не верится мне, что этот их Император является таким примером мировой добродетели. Если бы он был таковым, то меня не стали бы усыплять, как собаку... бешеную.

— Подумай сам, — Ромиус не выдержал и усмехнулся. — Неужели Император стал бы просто так убивать вампира, который прожил три с лишним тысячи лет? Знания, которыми обладает Кельнмиир, бесценны. Император был бы дураком, если бы стал убивать потенциальный кладёз знаний. Наоборот, он вот уже две сотни лет старательно изображает из себя лучшего друга в надежде заполучить хотя бы кроху этих самых знаний, что-то вроде эликсира бессмертия, или, во всяком случае, продления жизни. Староват уже наш Император. Не те годы, не те.

— А такой эликсир вообще-то существует? — заинтересовался я.

А что такого? Здоровый интерес. Кто бы не захотел стать бессмертным?

— А я-то откуда знаю? — ответил вопросом на вопрос Ромиус. — У Кельнмиира и спросил бы. Может быть, он тебе и скажет, раз ты его учеником стал.

Я почесал затылок.

— Не забыть бы. Буду жив, обязательно спрошу.

Ромиус опустил глаза, уловив в моём голосе лёгкую горечь.

Горечь была лёгкой только потому, что из меня не до конца выветрилась «Сладкая жизнь», которой меня опоил тот самый Кельнмиир. Да и не верилось мне в реальность далёкого суда и последующего за ним усыпления.

Я замолчал.

— Не волнуйся ты, — попытался успокоить меня Ромиус.

Я неожиданно для себя прерывисто вздохнул. От этого своего вздоха мне почему-то стало ещё грустнее.

— Я, конечно, Ремесленник и не имею права тебе помогать. Просто потому, что своим поведением могу подставить под удар всю Академию. Но я могу с некоторой уверенностью сказать, что у Кельнмиира таких проблем нет. Да и честь его затронута, а в вопросах чести вампиры весьма щепетильны. Так что возможно, — Ромиус подмигнул, — весьма возможно, что Кельнмиир попытается вытащить тебя отсюда. Хотя я совершенно не представляю, как он это сделает.

— Значит, шанс есть? — обрадовался я.

Ромиус фыркнул.

— Шанс есть всегда. Другое дело мы его редко замечаем.

— А где Кельнмиир почему он не пришёл?

— Прийти-то он пришёл, — пожал плечами Ромиус, — да вот только не пустили его во дворец. Не того он ранга, чтобы его сюда пускали. Вот ежели по родственным связям, как у Зикера или у меня, — это пожалуйста. А без связей у нас в последнее время никуда не попадёшь.

Ромиус вновь демонстративно ударил кулаком по многострадальным перилам. Я его в общем-то понимал, ведь у нас, по сути дела, та же самая обстановка.

— Значит, остаётся только ждать ночи? — спросил я, взглянув на небо, в котором одиноко светило солнце.

Дома я ещё мог бы предположить, какое сейчас время суток, а здесь даже ни малейшего представления не имел. Кстати, часы-то я вроде бы у кого-то видел. Не часы, конечно, в привычном мне виде, но что-то похожее.

— Точно, ты поспи пока, ночью, возможно, — Ромиус подчеркнул слово «возможно» и ещё раз подмигнул, — будет не до сна.

— Спать? — переспросил я. — Судя по уготованной мне участи, я ещё успею выспаться. Я бы даже сказал, не только выспаться, но и уснуться вусмерть.

— Как хочешь, — пожал плечами Ромиус. — Я почему-то так и знал, что ты так скажешь, поэтому принёс тебе почитать одну интересную книжицу — сборник фантастических рассказов, чтобы ты не скучал. Кстати, в одной из историй тоже упоминается зеркало... давай-ка я тебе помечу эту историю.

Он достал откуда-то из-за пазухи приличных размеров книгу и провёл над ней рукой:

— Прочитай ту историю, которая помечена зелёным цветом.

Я взял из его рук довольно увесистую книгу и покачал головой:

— А успею?

— Тут не так уж много, — успокоил Ромиус. — За пару часов управишься. А я, с твоего позволения, пойду попробую кое с кем посоветоваться, может быть, мы всё же найдём способ вернуть тебя домой до завтра.

Ромиус поспешил к выходу слегка сгорбившись. Выражение лица у него было виноватым. Из чего я заключил, что вероятность найти такой способ, если и существует, очень мала. Но винить Ромиуса мне было не в чем.

— Кею привет передайте, — сказал я, пожимая ему руку на прощанье.

— Обязательно.

Ромиус скрылся за дверью, и в моей временной квартирке воцарилась тишина... на время.

— Неужели этот рыжий зануда наконец-то ушёл? — послышался противный голос из спальни.

Глава 16

Я опасливо заглянул в спальню и увидел, как и подозревал, всего лишь своё отражение в огромном позолоченном зеркале. Отражение стояло на голове, корчило гадкую рожу и ещё умудрялось декламировать противным голосом:

— Скоро кого-то усыпят, скоро кого-то усыпят!

Голос был жутко противным, но самое гадкое то, что когда я подольше послушал его, то узнал в нём слегка искажённый, но всё же мой собственный голос. Неужели я могу так противно говорить? Понятно, почему у меня по пению было всегда в школе «три», с таким голосом лучше и не пытаться петь — столько людей погубить можно.

— Скоро кого-то усыпят, — продолжало отражение, уже стоя на одной ноге и старательно махая другой.

Я подошёл к зеркалу вплотную и щёлкнул пальцем по носу отражения. Оно на это никак не отреагировало и продолжило свои акробатические упражнения. Да и с чего бы оно реагировало-то? Ведь ударил я по поверхности стекла, которое ответило мне характерным звоном.

— Никак? — посочувствовало отражение.

— Да иди ты! — рассердился я.

Пусть это отражение и было моей копией, оно мне совершенно не нравилось. А особенно то, что у меня появлялись подозрительные мысли... вернее даже не мысли, а сомнения в своей вменяемости. Судите сами: кроме меня, бесчинства этого отражения никто не видит, во всяком случае, Ромиус не увидел.

— Сам иди, сам иди! — радостно завопило отражение и завертелось на месте.

— Ты вообще кто? — Я попробовал ещё раз завести знакомство.

— Я — это ты, а ты — это я! — Отражение быстро начало показывать пальцем то на меня, то на себя.

— Ты — моё отражение, — решил я расставить все точки над «i». — И ты должно повторять все мои движения.

— А ты уверен? — Отражение встало на одну руку и заболтало в воздухе ногами. — А если наоборот? Что, если это ты моё отражение и это ты должен повторять мои движения?

— Ага, щас! — показал я кукиш отражению.

При всём желании повторить все гримасы и невероятные кульбиты отражения я бы не смог. Отражение обрадовалось, резво встало на голову и показало мне две дули в ответ. Разговор получался очень содержательным.

— Чего тебе от меня надо-то? — в последний раз попробовал я.

— Это не мне от тебя, а тебе от меня.

Отражение начало ходить взад-вперёд, то удаляясь и становясь меньше (будто уходя в глубь зеркала), то вновь приближаясь и становясь больше.

— И что же
мне
от тебя надо? — Я начал окончательно терять терпение.

— Откуда мне знать, я же не ты, — философски ответило отражение, противореча самому себе.

Я указывать на его противоречие не стал, а просто взял поднос с мясом, оставленный здесь полчаса назад, и вышел из комнаты, плотно закрыв за собой дверь.

— Приходите ещё! — послышался из-за двери издевательский голос. — Всегда вам рады! Зато мне никакой радости общение со свихнувшимся отражением не доставляло.

— Вот же фигня, — в сердцах сказал я.

Почему-то меня не покидало ощущение, что схожу с ума не я, а мир вокруг. Вроде логичнее было бы предположить, что с ума схожу именно я, но поверить в это у меня пока не получалось.

Жёлтые стены самой большой комнаты действовали на удивление успокаивающе, поэтому именно в ней я и устроился. Кресло напротив большого круглого стола было как никогда кстати. Я развалился в нём, закинув ноги на стол, и открыл книгу.

Признаюсь, я немного опасался того, что не смогу прочитать то, что в ней написано. Я до сих пор не очень представлял, как действует переводчик «тело-сущность». Но всё обошлось, в книге, как мне виделось, были обычные русские буквы. Книга называлась «Структурирование и объяснение поведения астральных сущностей в проекции на отдельно взятые ветви реальности». Под названием стояла совершенно непонятная дата выпуска, а ещё ниже было написано «Фантастические рассказы». Я слегка удивился, потому что никак не мог подумать, что в таком мире могут ещё и фантастические книги писать. У них сама жизнь как фантастическая книга. С другой стороны, расскажи я им ту же историю «Матрицы» со всякими виртуальностями, для них это тоже будет фантастикой, как и для нас. Вот только они в ней и половины не поймут. Интересно, а я тут что-нибудь пойму? И я засел за книгу. Благо «пометки зелёным цветом» оказались просто буквами зелёного цвета. А точнее всего одной главой, целиком напечатанной зелёными буквами. Как и сказал Ромиус, для её прочтения мне потребовалось всего около двух часов. Только прочитать её мне пришлось три раза, прежде чем я понял хоть что-то. Мясо, которое я отщипывал маленькими кусочками в течение всего прочтения, уже давно закончилось. Как бы то ни было, а кое-что я понял.

О чём была вся книга, не представляю, а вот в этой главе рассматривалась история об умершем парне, душа которого не могла найти путь на небо. Он скитался по земле среди людей, которые, естественно, его не видели, и не знал, что делать. Когда он был жив, у него была девушка, которая его якобы любила и которая после его смерти тут же выскочила замуж за другого. Парень долго бесился, прежде всего потому, что не мог ничего ни сказать, ни сделать, а только наблюдал. Довольно быстро парень начал сходиться с ума. В течение нескольких дней. При условии, что он был призраком и, соответственно, не спал. И вот в тот момент, когда он спятил окончательно, его девушка смогла его увидеть. Это произошло днём, когда девушка причёсывалась перед зеркалом. Его силуэт возник в зеркале.

— Лимик! — вскричала девушка.

— Ы-ы-ы... — ответило изображение парня из зеркала и скорчило страшную рожу.

— Лимик, простишь ли ты меня когда-нибудь? — упала она на колени перед зеркалом.

— Кхы-ы... — радостно замотал головой спятивший призрак.

И именно в этот момент призрак исчез из этого мира и перешёл в иной. Девушка разошлась с мужем и никогда больше не выходила замуж, чувствуя за собой вину.

Написано всё это было на слюнявом языке женских романов. Поэтому, прочитав это в первый раз, я недоуменно повертел в руках книжку и перелистал её заново, подумав, что это не тот помеченный зелёным никаким текст, который мне нужен. Однако больше никаких текстов помечено зелёным не было. Мне подумалось, что Ромиус дал мне эту книгу просто так, развлечься. Но тогда зачем она была нужна Кельнмиру? Ошибиться я не мог, в руках он сегодня утром держал именно её. Тогда что же в этом рассказе может мне помочь?

Я прочитал рассказ ещё раз, потом ещё. И кое-что начало вырисовываться. Если предположить, что книга рассматривала события, которые действительно имели место, то можно было вывести разные варианты законов нематериального существования.

Например, что, долго находясь вне тела, нематериальная сущность сходит с ума. Или что, перед тем как перейти в другой мир, сущность может показаться человеку. Или наоборот, показавшись человеку, сущность тут же переходит в другой мир. А может, и вовсе только сущность, сошедшая с ума, способна путешествовать между мирами. Мало ли чего ещё?

Почему Ромиус не сказал конкретнее, что искать? И ещё настораживало упоминание зеркала, которое было очень кстати в связи со странным явлением в спальне.

Вот ведь досада, и непонятно, какие из прочитанного выводы делать.

— Ей, парень, я уже по тебе соскучился! — слышалось из спальни.

Чего это оно вдруг? Вроде бы в последнее время оно молчало и не мешало мне читать.

— Чего тебе?! — крикнул я, не вставая с кресла.

— Хочу пообщаться! — ответило отражение.

Моё воображение тут же нарисовало мою копию в зеркале, стоящую на голове.

Так оно наверняка сейчас и было.

В принципе, какая разница? Всё равно делать нечего, лучше уж поболтаю с этим... чем просто скучать. Тем более что книгу читать я уже устал.

Я прошествовал в спальню и ногой распахнул дверь, решив сразу показать, кто здесь главный.

— А, явился, — недовольно произнесло отражение, стоя на мостике. — Сколько тебя можно ждать?

Я чуть было не задохнулся от такой наглости, но всё-таки взял себя в руки.

— Ты чего тут кривляешься, других дел нет? — как можно небрежнее осведомился я.

— Именно! — обрадовалось отражение и приблизило своё (вернее моё) лицо так близко, что оно заняло всё зеркало. — Именно так. Нет у меня никаких других дел.

Должен сказать, что нарциссизмом я не страдаю, поэтому мне моя физиономия уже порядком надоела. Мне даже с лёгкой грустью вспомнилось время, когда я не мог увидеть в зеркале своё дурацкое отражение. Вот хорошо-то было, а я ещё жаловался.

— И что же ты тут ошиваешься? Другого места найти не мог?

— Вот именно не мог, — кивнуло отражение и начало опять строить рожи.

Неужели я могу быть таким уродом?

— Ну и чего тебе от меня надо? — устало спросил я, садясь на край кровати.

— Это тебе от меня надо! — взвизгнуло отражение и рухнуло на месте.

Действительно. Это мне от него надо, чтобы оно заткнулось наконец, а ещё лучше просто исчезло.

— Ты чего разлеглось? — спросил я, из принципа продолжая называть отражение средним родом.

Отражение не пошевелилось.

— Аллё, живое ты там?

В ответ тишина.

— А-а-а, чёрт с тобой, — пожал я плечами и лёг на кровать. Вопреки тому, что я сказал Ромиусу, я собрался поспать.

— Ты чего разлёгся? — тут же слышалось из зеркала. Я демонстративно отвернулся к стенке и не ответил.

— Вот нахал, — проворчалось отражение. — Ходит в моём теле, так ещё и разговаривать отказывается!

— Что?!

Я резво вскочил с постели и зло уставился на зеркало.

— Так это ты во всём виноват?!

— В чём во всём? — озорно подмигнуло отражение. — В том, что ты попал в волшебный и интересный мир?

Я начал подыскивать взглядом что-нибудь тяжёлое.

— Нет, в том, что меня в этом мире сначала чуть не сожгли, а сейчас собираются усыпить, как бешеную собаку!

Ничего подходящего я не нашёл, поэтому мне пришлось схватиться за довольно тяжёлый на вид стул, который, впрочем, я поднял довольно легко.

— Или в том, что ты познакомился благодаря мне с замечательной девушкой?

Я замахнулся на зеркало стулом.

— Ага. Вот только едва ли я её теперь увижу!

— Ты с кем тут разговариваешь? — раздался голос Кельнмиира за спиной. Отражение скорчило удивлённую физиономию.

— Я... э-э-э, хочу ударить зеркало, вернее Вельхеора, — поправился я, оборачиваясь. Кельнмиир стоял, облокотившись о дверной косяк, в неизменном чёрном плаще. Но едва он услышал имя вампира, как прыгнул вперёд на несколько метров с такой скоростью, что я даже не успел понять, как он оказался рядом со мной.

— Вельхеора?! — взревел Кельнмиир.

Если я считал, что Кельнмиир выглядел взбешённым, когда в его Школу ворвался Зикер, то я сильно ошибался. Сейчас он выглядел просто ужасно. Его глаза горели такой ненавистью, что я невольно отступил на пару шагов. А потом, подумав, ещё на пяток.

— Где он?!

Кельнмиир начал покрываться странной красной плёнкой. Даже не плёнкой, а скорее дымкой. Может, мне показалось, но он даже ростом стал повыше, а в плечах шире. Да ещё и поднялся над полом на пару десятков сантиметров.

Я открыл рот и тут же его закрыл.

— Где он, я спрашиваю?! — ещё громче рявкнул вампир.

— В... в... зеркале, — наконец, ответил я.

— В зеркале? — растерянно спросил Кельнмиир и начал плавно опускаться обратно на пол. Красное свечение вокруг него исчезло, и он озадаченно почесал затылок.

— С тобой всё в порядке? — вздохнув, спросил он участливо.

— Э-э-э... да, — слегка обиделся я.

— В зеркале только твоё отражение, — нарочито мягким голосом сказал Кельнмиир. — Вельхеор сейчас далеко отсюда, в твоём мире. Подумай сам, зачем ему сюда возвращаться? Я уже без особой уверенности покосился на зеркало. В нём всё ещё маячила удивлённая физиономия. С трудом, но всё же я понял, что это именно моя физиономия. Вельхеор опять исчез. Если он вообще не был игрой моего воображения.

— Ты знаешь, я говорил с отражением в зеркале, а оно отвечало мне и корчило рожицы, — как можно спокойнее объяснил я. — А потом оно сказала мне, что оно — это Вельхеор. Кельнмиир с минуту внимательно рассматривал зеркало, подошёл и постучал по нему, а потом ещё раз подозрительно посмотрел на меня.

— Допустим. Но сейчас-то там никого нет.

— Нет, — согласился я. — Но мне тут Ромиус одну книгу дал почитать... что-то о поведении астральных сущностей в проекции на какие-то там реальности...

— Ну, читал. И что?

— Как что?! Там описывается как раз мой случай, я тебе её сейчас принесу... — Я дёрнулся было сходить в комнату за книгой.

— Это фантастические рассказы, чтоб ты знал, — схватил меня за руку Кельнмиир. — Плюнь ты на свою книгу. Если ты не забыл, тебя завтра собираются усыпить. Так что нам нужно быстро отсюда выбираться.

— Кто бы возражал? — вздохнул я. — И как мы отсюда выберемся?

— Очень просто.

Кельнмиир вышел из спальни и прошествовал к балкону.

— Отсюда мы переберёмся во двор, дальше по лесу и через забор.

Мои ноги стали ватными, едва я посмотрел вниз с балкона, а когда вспомнил движущиеся по воздуху деревья, стало ещё противнее.

— Так просто? — Я постарался придать голосу хоть немного твёрдости.

— А чего сложного-то?

— У тебя верёвка есть? — на всякий случай спросил я.

— Зачем? — не понял Кельнмиир.

— Не важно.

Я уже устал от игры в вопросы без ответов. Кельнмиир ухватился за перила балкона и свесил ноги вниз.

— Ты идёшь?

— Спешу и падаю, — проворчал я. — Как я, по-твоему, должен спускаться?

— На моих худеньких плечах, разумеется. — Он пожал плечами. — Или есть другие идеи?

Я уже открыл было рот, чтобы спросить, нормален ли он, но вовремя вспомнил, что он не человек, а вампир. Это всё меняет. Если он говорит, что понесёт меня на своих худеньких плечах, значит, он понесёт меня на своих худеньких плечах.

— Других идей нет, — признался я и опасливо подошёл к сидящему на перилах Кельнмиру.

Он кивнул, мол, залезай давай. Я с трудом, но всё же залез ему на плечи. Насколько я понял, на плечи он меня посадил специально, чтобы не занимать руки. Что интересно, пока я залезал ему на плечи, он даже ни разу не покачнулся. И, хватаясь за шею, я не ощущал под пальцами мягкости человеческой кожи. Больше это было похоже на то, как будто я забираюсь на каменную статую.

— Ну, пошли, что ли, — крикнул Кельнмиир и начал спускаться с балкона.

Все мои силы шли на то, чтобы не свалиться с его плеч при особо резких движениях, и я даже не сразу заметил, что опускается-то он по совершенно плоской и отвесной стене. Сверху мне было видно плохо, но я постарался и углядел-таки, что он каким-то образом просто прилепляется к стене руками и ногами.

— Ты просто человек-паук, — вырвалось у меня.

— Кто? — переспросил Кельнмиир. — Ты так обзываешься, или наоборот?

— Наоборот, — поспешно ответил я, вспоминая о «детской психике» вампиров. А то обидится и скинет ненароком. А лететь-то далеко-о...

Вниз я старался не смотреть, но конечно же у меня ничего не получалось. Взгляд сам собой опускался в темнеющую внизу бездну. Я бы предположил, что спускаться нам ещё нужно было метров двести.

— И что же тебе отражение твоё сказало? — осведомился Кельнмиир совершенно обычным голосом, как будто это не он сейчас спускается по трёхсотметровой стене со мной на плечах.

— Ничего особенного.

Судя по его реакции на имя Вельхеора, лучше бы вообще сменить тему.

— А как мы пройдём между этими летающими деревьями? — задал я давно уже интересующий меня вопрос.

— Увидишь, — туманно ответил Кельнмиир. — У меня есть к ним свой подход. Так что же тебе говорило отражение?

— Да ничего оно толком не говорило. Только корчило рожи, дразнилось и говорило загадками.

— На Вельхеора это не похоже, — пробормотал Кельнмиир. — Он всегда был немногословен, говорил только по делу. А уж лицо и вовсе всегда было застывшей маской презрения.

Вот этого я не знал. Неужели Вельхеор так переменялся, или...

— Парень, ты меня, конечно, извини, но я уже давно разучился щадить чьи-то чувства. У тебя просто психологическое расстройство. Оно и понятно, столько всего за последнее время с тобой произошло. У людей психика не железная, так что крепись. Если всё пойдёт нормально, то скоро ты окажешься дома.

Или я всё-таки слегка тронулся.

— Не знаю, Кельнмиир, мне всегда казалось, что я могу отличить реальность от глюков. Вообще-то у меня и глюков то никогда не было.

— Чего не было?

Он даже остановился, чтобы переспросить.

— Глюков, — не совсем уверенно повторил я. — Что тут непонятного?

— А что это такое? — Кельнмиир возобновил движение вниз с удвоенной скоростью, да так резко, что я едва не слетел с его плеч вниз.

— Показа-а... лось мне, короче. — Я судорожно схватился за шею Кельнмиира.

Тот, как будто не заметив стиснувших его шею рук, продолжил занимательную беседу:

— Да и зачем Вельхеору возвращаться? Ну посуди сам, в вашем мире нет ничего, что могло бы существенно попортить ему жизнь. Физический вред он если и получит, то очень быстро восстановит, а магического фона у вас нет, ты сам говорил.

— Я такого не говорил, — возразил я.

— Как не говорил?! — Кельнмиир, похоже, забыл, что мы убегали из Императорского дворца, потому что крикнул он довольно громко. Да и до этого мы не утруждали себя говорить шёпотом.

— Я только сказал, что магии как таковой у нас нет.

— Но как-то же вы это определили? Значит, мерили фон, и поскольку он оказался равен нулю, вы, наверное, и решили, что магии нет.

— Ничего

мы

не мерили. И что это за

мы

такие? Я вам своё мнение говорил.

Кельнмиир слегка дёрнулся, и мне показалось, что мы сейчас рухнем вниз.

— То есть ты хочешь сказать, что магия у вас есть, просто ты её не видел?

— Почему не видел? Видел. Я же рассказывал, как тот мужик на дискотеке исчезал, время замораживал...

Внизу начала проглядывать земля, если быть точнее, золотые плиты площади.

— А ваша техника на такое не способна, — то ли вопросительно, то ли утвердительно вздохнул Кельнмиир.

— Нет, конечно, с чего ты это взял?

— Ты сказал, что магии у вас нет. Не считая каким-то образом приبلудивших колец, которыми вы так и не научились толком пользоваться. А раз не научились, значит, не умеете распознавать потоки и направлять «маги».

— Перстни перстнями, но на том мужике, как я его назвал, Колдуне, никакого кольца не было. А уж умел он не меньше, чем Ромиус, как мне кажется.

— Ромиус время останавливать не умеет. Этого вообще никто не умеет, — сказал

Кельнмиир, спрыгивая со стены на площадь.

Я с трудом спустился с его плеч. Ноги у меня жутко затекли. Попробуйте просидеть на плечах человека, ползущего по отвесной стене, в течение двадцати минут.

Ноги захрустели, и я начал их тщательно разминать, подозревая, что сегодня мне ещё придётся побегать.

Кельнмиир как ни в чём не бывало потянулся и осмотрелся по сторонам.

— Значит, есть два варианта. Либо магии у вас, как ты говоришь, действительно практически нет и перстни являются единственными возмутителями магического поля.

Либо магическое поле в вашем мире достаточно сильно. Настолько сильно, что просто не замечает всплесков перстней. Есть ещё что-нибудь, о чём ты совершенно случайно забыл рассказать?

Я пожал плечами:

— Да вроде нет. Разве что всякие там знахари, маги, колдуны, врачеватели, ведуньи, волхвы, ведьмы, друиды. А так вроде больше ничего.

Кельнмиир облокотился о стену и зачем-то три раза вздохнул.

— Спокойно. — Как я понял, это он сказал скорее себе, нежели мне. — И что, это не считается магическим фоном?

Я понял, что сморозил глупость. Нужно было скорее всё объяснять, а то у Кельнмиира сердечный приступ случится. Если у вампира вообще может случиться сердечный приступ.

— Да они ничего не умеют, так, деньги на этом зашибают, и всё. Они себя только так называют. В них даже особо никто не верит.

— То, что в них никто не верит, — это, конечно, хорошо, но лишает ли это их способностей? Если они вообще есть.

— Нет у них никаких способностей, поверь мне, — обнадёжил я вампира. — А не пора ли нам отсюда уходить? Что-то мы тут долго топчемся.

Кельнмиир прислушался:

— Нет ещё не... а теперь пора. — Он не торопясь пошёл вдоль стены замка.

Я последовал за ним.

Что интересно, все окна были темны и не было слышно ни одного голоса. Весь дворец спал, да ещё и глубоким сном, потому что никто не выскочил на наши, должен заметить, довольно громкие голоса.

— А почему никого нет? — спросил я Кельнмиира. — Где вся стража?

— Стража? — рассеянно повторил он. — Какая стража, когда здесь леакты летают?

Я шарахнулся поближе к стене:

— Кто летает? — Стараюсь сделать так, чтобы голос не звучал слишком испуганно.

— Деревья эти. — Он ткнул пальцем в темноту.

— А что, они такие опасные?

— Разрывают на кусочки за доли секунды, — отмахнулся Кельнмиир.

— Кх... ой, — слегка опешил я. — А что же они нас до сих пор не того?..

— Они нас не того, потому что у нас есть я, — объяснил Кельнмиир.

Несмотря на испуг, я невольно восхитился его хладнокровием:

— И как же ты защищаешь нас?

— Я нас не защищаю.

— А что же тогда? — Я окончательно запутался.

— Я просто договорился со смотрителем Дворцового сада леактов, и он милостиво пообещал, что они нас не тронут, а, наоборот, пропустят.

Это немного успокаивало, хотя...

— А если этот смотритель вдруг передумает?

Кельнмиир остановился:

— Вот здесь... Что ты там спросил? А, ну да. Так этот смотритель уже своё отдумал.

Я сглотнул.

Нет, я понимал, что мы не в игрушки играем, но чтобы так буднично говорить о том, что убил человека... С другой стороны, я боюсь даже представить, сколько человек он убил за свою оч-чень долгую жизнь.

— Понятно, — сдавленно прошептал я.

Кельнмиир обернулся и, увидев выражение моего лица, поспешил оправдаться:

— Да нет, смотритель спит в своей башне, я его усыпил для верности. Собственно, я весь дворец для верности усыпил.

— Весь?!

Так вот почему в окнах темно и Кельнмиир так спокойно говорит в полный голос.

— А что же мы тогда по стене спускались? Не проще было просто так выйти?

— Ты что, сдурел? — постучал мне по лбу Кельнмиир. — Там же заклинаний защитных столько наворочено, что мне месяц потребуется, чтобы только от двери твоей камеры до кабинета толстяка Витора дойти. Там же три четверти заклинаний стоит именно от вампиров, и начинают работать они именно ночью.

— Молчу, — повинулся я. — Дурак, исправлюсь.

— Значит, так. — Кельнмиир засучил рукава. — Сейчас мы поползём под леа...

летающими деревьями. Ты смотри внимательно, смотритель, конечно, приказал им на нас не нападать, но, если ты дотронешься хотя бы до одного корня, мне спасать будет уже некого. В лепёшку раздавят. Если всё-таки заденешь, то постарайся тут же отскочить под другое дерево. Возможно, успеешь. Вообще-то они висят довольно высоко, но корни иногда свешиваются до самого низа.

Я судорожно кивнул, показывая, что всё понял.

— Ширина полосы около сотни метров. На всякий случай поползём метрах в десяти друг от друга. Если что, я попробую тебе помочь, но ты, если со мной что случится, под удар всё же попасть не должен.

— А с тобой может что-то случиться? — не поверил я.

Кельнмиир сверкнул в темноте клыками:

— Всякое бывает. Деревья начинаются метрах в десяти отсюда, так что иди осторожно.

Мы не торопясь пошли вперёд.

Должен заметить, что темень была кромешная. То ли все луны отказались светить (если солнца два, то почему бы и двум лунам не быть), то ли облака понашили, но, как бы там ни было, дальше вытянутой руки я ничего не видел.

Вскоре Кельнмиир тихо произнёс:

— Начинаем.

И действительно, прямо передо мной выплыла из темноты стена парящих над площадью деревьев.

Я недолго думая упал на живот и пополз, извиваясь, как заправский червяк. Где-то в стороне от меня полз Кельнмиир, но его я не слышал. Он полз совершенно беззвучно. После первых десяти метров я даже немного расслабился и тут же чуть не налетел на свесившийся до самой мостовой корень. Странно, днём никаких длинных корней я не видел.

Этот корень не только свесился, но и разложился на пару метров, преградив мне путь. Пришлось обползать его за десяток метров, и когда Кельнмиир окликнул меня, то выяснилось, что я от него отстаю метров на тридцать.

— Ты чем там занимаешься-то?! — зло крикнул он. — Мы так до рассвета отсюда не выберемся.

Я ускорился, насколько мог, и прополз ещё пару десятков метров, когда далеко за спиной раздались голоса. Я оглянулся и как раз успел увидеть, что во дворце загорелся свет в одной из башен. Именно из неё доносилась ругань и крики.

— Не рассчитал, — раздался голос Кельнмиира у самого моего уха.

Я едва не подпрыгнул от неожиданности. И когда он успел подобраться?

— Теперь слушай внимательно. — Он был как никогда серьёзен. — Они сейчас вызовут внешнюю стражу и попытаются нас остановить. Я их отвлеку, а ты доползай до конца, только двигайся правее метров на тридцать. Там тихо выползай и беги к воротам, их откроют для внешней стражи, и, если повезёт, сможешь выбраться. Придумай что-нибудь. Когда выберешься отсюда, беги подальше. Только не вздумай прятаться во дворах каких-либо домов, понял? Даже не думай, там всё под охраной почище дворцовой. Лучше всего смяться в Приграничье. А там я уж тебя найду.

Я шмыгнул носом:

— А ты?

— А что я? Я прожил три тысячи лет, неужели ты думаешь, что такая мелкая заварушка сможет меня свалить? — Договорив это, он тут же исчез в темноте.

Я мысленно пожелал ему и себе удачи и пополз дальше, не забывая иногда оглядываться. Дворец уже проснулся и жужжал, как растревоженный улей. Очевидно, они ещё не поняли, что, собственно, произошло, потому что в погоню за нами никто бежать особо не торопился.

Я прополз ещё метров сорок, когда за моей спиной загромыхали деревья. Я сжался в комок, боясь, что и меня сейчас раздавит в лепёшку ствол дерева, но ничего не происходило. Тогда я аккуратно приоткрыл один глаз и обернулся.

Метрах в ста от меня происходило что-то невообразимое. Более всего это напоминало работу прессов или даже молотов. Деревья с невероятной скоростью опускались на плиты, создавая столько грохота, что теперь-то весь дворец проснулся наверняка. Сколько этих деревьев падало и вновь взмывало ввысь, я точно не скажу, но наверняка не меньше сотни. И как Кельнмиир умудрялся не попасть ни под одно из них? Но не попадал — это точно, потому что деревья продолжали долбить по площади с завидным усердием.

Я продолжил свой путь, не забывая обползать попадающиеся корни, что стало намного легче, потому что во дворце уже горели все окна без исключения, освещая мне путь.

Наконец «лес» закончился и я выполз на открытое пространство.

Кости захрустели, когда я выпрямился, с трудом сдержав стон.

Передо мной была стена, а в какой стороне ворота, я мог только догадываться. Об этом Кельнмиир сообщить забыл. А ведь ворота-то в их понятии — исчезающая стена! Как же я узнаю, в каком месте она должна исчезать?

Однако долго размышлять не пришлось. Слева от меня, метрах в пятидесяти, стена исчезла, и из неё посыпалась стража. Точнее то, что должно было быть стражей. На самом деле из неё посыпались Ремесленники вперемежку с ещё кем-то в синей форме.

Я неожиданно понял, что мне нужно делать.

— На нас напали! — завопил я что есть силы и бросился в самую гущу охранников.

— Кто напал?! — послышался властный голос. Меня, крепко взяв за плечи, подвели к одному из людей в синей форме.

— Их сотня, не меньше! — в страхе воскликнул я.
Должен заметить, что страх изображать мне и не надо было, потому что мне действительно было страшно. А вдруг они решат меня арестовать, просто на всякий случай?
— Кого?! — поинтересовался всё тот же голос.
— Вампиров! — заорал я, судорожно вырываясь из рук.
Кстати, кричал я не просто так, деревья за моей спиной резвились вовсю. Их грохот, наверное, перебудил уже весь город.
— А может, он сам вампир?! — раздалось откуда-то из-за спины.
— Нужно его проверить, — послышалось с другой стороны.
— Как вам не стыдно, я из знатного рода, я буду жаловаться! — предпринял я попытку отвертеться от всяких там проверок.
— Вот и замечательно, — раздалось у меня за спиной, практически над ухом. — Сейчас проверим, и бегите себе домой.
Мои плечи стиснули ещё крепче и прыснули мне что-то в лицо. Пахло это прегадко, поэтому я чихнул, а потом ещё раз...
— Не-э, этот не вампир. Извините, такая у нас служба.
Мои плечи тут же отпустили, и люди вокруг меня расступились.
— Да ничего... апчхи, — ответил я, как можно незаметнее пятясь к выходу.
— Пойдите здесь, пока мы со всем разберёмся, — посоветовал кто-то.
— Конечно-конечно, — тут же согласился я, продолжая пятиться.
Но мои страхи, что у меня в самое ближайшее время спросят моё имя и название рода, не оправдались. Ко мне тут же потеряли всякий интерес и поспешили к продолжающим гроыхать деревьям.
Я ещё некоторое время пятился, а потом, плюнув на осторожность, бросился бежать как можно дальше отсюда.
«Вывался», — радостно думал я и, как всегда, ошибся.
Откуда же я мог знать, что город, в отличие от Императорского дворца, патрулируется отрядами стражи? На один из таких отрядов я и выскочил буквально за следующим же поворотом.
— Ой, — успел сказать я, и тут же был схвачен за шкуру, я бы даже сказал, загреблен без всякого почтения.
— Куда торопитесь? — на редкость спокойно спросил здоровенный детина в серой форме, до боли напоминающей столь привычное и, чего уж кривить душой, порядком доставшее обмундирование родной милиции. Вот только пахнет от него чем-то вроде чеснока... интересно, а дирил у них не придумали? Или дирил — это чисто техногенное явление? Двое молодцев в такой же форме, только чуток помельче, любопытствовали молча.
— Домой бегу, — с трудом выдавил я из лёгких остатки воздуха.
Я ж не бегун на длинные дистанции. Я больше по коротким, из комнаты до туалета...
— А у нас создалось впечатление, будто вы от кого-то убегаете, — осведомился здоровяк, ухмыльнувшись вечной во все времена и во всех мирах улыбкой хранителя и ревнителя закона, искренне считающего, что закон — это он сам.
Я не стал ему указывать на то, что никакого впечатления о характере моего бега он сделать не мог, потому что выскочил я на них слишком быстро. Вместо этого я вдохнул побольше воздуха и выдохнул:
— Так ведь дома меня отец ждёт, он же мне уши оборвёт, если я приду поздно.
О том, что время уже наверняка перевалило за определение «поздно» и вплотную приблизилось к определению «слишком рано», я также умолчал в надежде, что на столь мелкий факт они внимания не обратят.
— Чего бы это папочке волноваться за такого здорового лба? — довольно резонно осведомился стражник.
Действительно, с чего бы?
— А-а... так ведь на дворец же напали, сейчас по улицам ходить опасно! — нашёлся я. — Мне папа по сотовому позвонил, сказал бежать домой, пока совсем плохо не стало.
Ох, кажется, увлёкся. Какой сотовый? Сейчас полчаса буду объяснять. Что «сотовый» — это такое новомодное заклинание. Но, слава богу, обошлось.

— Нападение?! Когда?! — довольно стройным хором вскричали все трое. Мне даже показалось, что они взяли терцию, уж больно мелодично получилось. Хотя музыкальным слухом меня матушка и природа обделили, но мелодичность я уловить могу. Тем более самый маленький из стражей так удачно сорвался на фальцет...

— Не знаю, по-моему, оно ещё и не кончилось...

Стражей как ветром сдуло. Я даже не успел рассказать придуманную было историю о том, как я лично, вот этими руками, защищал ворота... гм, какие ж там ворота-то?...стены дворца от напавших убийц Императора.

Я ломанулся было дальше, но всё же задумался: а не лучше ли идти? Вот только я не очень представляю, какие правила в этом городе. Может быть, ночью нормальные люди не выходят из дому? Арестуют просто за то, что брожу один по улицам города. И то правда, вокруг-то никого нет. Разве что какие-то непонятные тени... вроде бы нечему откидывать такие кривые чёрные пятна темноты. Особенно если учесть, что светятся не фонарные столбы, а сами камни мостовой. Я даже заметил это не сразу, потому что свечение у них ровное, даже сразу и не поймёшь, что светятся именно камни. Тогда откуда же тени? Неожиданно одна из тёмных теней, лениво разлёгшаяся возле дерева, будто зевнула и сдвинулась в мою сторону на пару метров. Такого изменения расположения трудно было заметить, да и на воображение не спишешь. Поэтому я принял самое, на мой взгляд, верное решение.

— Тьфу на вас, — тихонько крикнул я и побежал дальше по улочкам города.

Лучше уж ещё раз напороться на отряд стражи, чем эти странные тени. А вообще-то подозрительно. Про стражу Кельнмиир ничего не говорил. Зато совершенно определённо сказал бежать из города не останавливаясь. Интересно почему? Может быть, как раз из-за этих странных теней?

Бежал я долго, во всяком случае, мне так показалось, и старался никуда не сворачивать, чтобы придерживаться хотя бы примерного направления движения. Насколько я понял указания Кельнмиира, чем дальше я убегу, тем лучше.

Я уже начинал задыхаться, а улицы шли всё тем же однотипным золотым коридором. Деревья и те отдавали золотом, хотя иногда попадались и довольно зелёные, только с отблеском золота, скорее всего отражавшимся от домов или мостовых.

Я наконец остановился, понимая, что, пробеги я хоть ещё пару метров, моё слабое сердце откажет. Стоп. Сердце-то не моё! По идее, я должен себя ощущать совсем неплохо. Вот только на деле оно бухало по рёбрам с такой силой, как будто его насильно запихнули в эту клетку из костей и оно хочет выбраться на волю.

Интересно, а какое расстояние я покрыл и сколько времени прошло?

Я обернулся, ища взглядом возвышающийся за спиной огромным монолитом дворец.

Ё-моё! Это ж сколько я бежал? Километров пять без остановки — дворец едва виден! Это ж мой личный мировой рекорд! Сам я бы и километра не пробежал, а если бы и пробежал, так потом неделю бы в себя приходил. А тут и дыхание уже выравнивается, и ноги не так трясутся, как пару минут назад. Хорошо, что это тело Вельхеора.

Тут я себе торжественно пообещал, что если вернусь домой, то обязательно займусь своим чересчур уж бранным для моих лет телом.

А Вельхеор вообще подлец, если он так крут, как все про него говорят, то почему после каких-то пяти километров он устал?! Да у нас в институте студенты столько бегают... некоторые... которые не как я на физкультуру только с зачёткой в конце сессии приходят. А ещё вампир...

Я так возмущился, что не сразу заметил приближающуюся к моим ногам чёрную тень.

Размером она была с небольшое озерцо. Я было удивился, откуда она такая большая взялась, но на мой вопрос очень наглядно ответила небольшая тень, спорхнувшая с крыши высокого дома и влившаяся в огромное пятно тьмы. Пятно накрыло мостовую от края до края, и мостовая под ним стала совершенно чёрной, переставая освещать улицу ровным светом. Тёмное пятно как будто впитывало в себя весь свет.

Я сделал пару шагов назад, едва успев убрать ногу с его пути. Пятно обиженно всколыхнулось и устремилось вслед за мной. Я предпочёл долго не размышлять и, забыв об усталости, рванул дальше по улице. Оглянувшись, я увидел, как пятно не торопясь движется за мной, постоянно увеличиваясь в размерах.

Впереди замаячил какой-то парк или что-то в этом роде. Золотистые деревья в темноте выглядели зловеще, даже несмотря на горящие всё тем же золотым светом камни мостовой, на которые ещё не всплыло тёмное пятно.

Я бежал большими прыжками, стараясь как можно дольше держать ноги в воздухе, просто на всякий случай. И, как скоро выяснилось, совсем не зря. Едва я подбежал к границе парка, как мне под ноги бросилось несколько теней с ближайших деревьев. Мне очень повезло, что именно в этот момент я оторвался от земли, и они прошелестели прямо подо мной. От неожиданности я едва не врезался в дерево и, всё-таки споткнувшись обо что-то, покатился кубарем по земле. И опять, неизвестно каким образом, я умудрился не врезаться в другое дерево. Сначала на четырёх, а потом и снова на двух конечностях я продолжил движение.

Но так долго продолжаться не могло. Я уже начал уставать, да и смотреть назад я попросту боялся, стараясь не думать о том, что сейчас гонится за мной и главное зачем.

Я выбежал на освещённую двумя лунами (освещение в этом парке почему-то не предусмотрели) полянку и провалился по колено в воду. Полянка оказалась вовсе не полянкой, а довольно приличным по размерам озером. Я быстро сделал пару шагов назад и обернулся, одновременно судорожно размышляя, что лучше: то ли вплавь податься, то ли из последних сил бежать дальше.

Тёмное пятно слегка приотстало, с увеличением своих размеров оно явно потеряло в скорости. Но двигалось целенаправленно и неотвратимо, растёкшись по всей траве, деревьям и кустам парка.

Значит, это пятно, являясь по природе своей чем-то вроде тени, может двигаться только по поверхности. То есть, зависни я сейчас в воздухе, оно, по идее, до меня не доберётся. Вот только как же я в воздухе зависну? Нужно искать что-то другое.

Пятно приближалось не торопясь, как будто поняв, что сил у меня уже нет и никуда я не денусь.

Интересно, а что оно со мной хочет сделать? Может, просто время спросить или познакомиться, новости последние обсудить? Не-э, не похоже, есть в этом пятне что-то хищное и голодное.

В моём мозгу встали жуткие сцены съедания пятном моей скромной персоны, и в тело вновь влились силы, как будто это не я пробежал все эти чёртовы километры.

— Подавись, — пробормотал я себе под нос и дёрнулся бежать вдоль озера, пока ещё не стало совсем поздно.

Но тень тоже оказалась не душой. Дёрнуться-то я дёрнулся, вот только единственное, чего я этим добился, — падения на спину. Ноги мои каким-то образом прилепились к земле.

Присмотревшись, я увидел под ботинками два небольших сгустка тьмы, посланных, по всей видимости, для моего задержания до прибытия основных, так сказать, сил. Я судорожно схватился за ноги и начал их отдира́ть от земли, но конечно же ничего не получилось. Снимать ботинки смысла также не имело, потому что тени уже поднялись до самых шнурков, а лезть руками в сгусток тьмы мне совсем не улыбалось.

Неожиданно меня охватила апатия, и я, поняв, что сопротивляться бесполезно, просто сел и стал ждать. Пятно темноты вальяжно приблизилось ко мне и, будто принохиваясь, начало окружать со всех сторон, чтобы я не убежал.

Тень ступила на воду и поплыла по поверхности пруда, скрывая под собой отражение красной и жёлтой лун. Вскоре она покрыла почти всё озеро, кроме небольшого водного пространства передо мной, которое постепенно исчезало в тёмном пятне. Вот пятно подступило и к моему испуганному отражению...

— Э-э! Ты чего, совсем офонарел?! — неожиданно завопило моё отражение дурным голосом: — Решил моё бедное тельце падальщикам скормить?!

Тень неуверенно остановилась, оставив нетронутым моё, или не совсем моё, отражение.

— А ты тоже молодец! — зло сверкнуло глазами на тёмное пятно отражение (я даже и не знал, что умею так сверкать глазами). — Своих не узнаешь?! Да я ж тебя среди бела дня по всей Площади Семи Фонтанов протащу на пузе!

Пятно съёжилось, явно испугавшись такой злобной угрозы. Я вот только не понял: у тени вроде бы пуза нет, так это он что, на своём пузе, что ли, протащить это пятно собрался?

— А ну брысь отсюда, чтобы я тебя больше не видел! — вскричало отражение, показав кулак.

Вряд ли мой глюк смог напугать хоть кого-нибудь кроме меня самого. Из чего я сделал вывод, что говорящее отражение, несмотря ни на что, и есть Вельхеор.

Пятно, как мне показалось, пристыжено подалось назад и неожиданно разлетелось на обрывки, вернее, более мелкие тени. Те, в свою очередь, разбились на совсем маленькие тени и разлетелись в разные стороны, оставив меня наедине с самим собой, вернее, с самим не собой.

Глава 17

— И что ты скажешь в своё оправдание? — осведомился Вельхеор, ходя взад-вперёд по поверхности озера. Вернее, на поверхности озера, вернее, в поверхности... тьфу, ну вы меня поняли.

— Оправдание? — слегка отвлечённо переспросил я.

Дело в том, что я был занят. Я рассматривал подошву моих ботинок, вернее то, что от неё осталось, а осталось немного. Выглядело это «немного», как будто я случайно наступил в серную кислоту и постоял в ней некоторое время. Как же хорошо, что я не стал руки в эту гадость совать, а то бы без рук остался. А без рук я бы не смог сейчас этому гаду показать вот это...

— Ах ты... — Вельхеор просто опешил от такой наглости с моей стороны. — Да я тебе... Он, с уже привычной мне проворностью, закрутился на месте, а затем, остановившись, вернул мне моё же движение в исполнении аж десяти рук! Не знаю, откуда он столько взял, но он стал похож на многорукую богиню Шиву. Вот только невоспитанная какая-то богиня получалась.

Я решил, что делать мне тут больше нечего, и повернулся, намереваясь всё же дойти до пресловутого Приграничья.

— Ты куда собрался?! — опять завопил Вельхеор. — А ну стой, когда с тобой старший разговаривает!

Я сделал вид, что не услышал.

— А ну стой! Или в свой мир никогда не вернёшься!

Тут мне пришлось остановиться и, скрывая нетерпение, будто нехотя спросить:

— Да ну?

— Ну да! — неожиданно расплылся в совершенно дебильной улыбке Вельхеор. — Кто, как не я, запендюривший тебя в это тело, может знать, как тебе вернуться.

Логично вроде бы, но...

— Запендюривший? А я думал, что ты просто меня уничтожить хотел и занять моё тело. Вельхеор искренне, как мне показалось, удивился:

— Это кто тебе сказал?

— Ремесленник, — ответил я.

— А! — успокоился Вельхеор. — У них же все вампиры — убийцы, звери, подлецы...

— А разве не так? — с сарказмом спросил я.

— Почти, — уклончиво ответил многорукий Вельхеор. — А кто конкретно тебе это сказал и с чего он вообще так решил?

— Мне это сказал Ромиус, — с готовностью ответил я, продолжая смотреть на Вельхеора сверху вниз. — А решил он так, прочитав твой дневник.

Вельхеор задумался.

— Ну, если в дневнике написано, значит так и есть, — неожиданно согласился вампир. Я от такой наглости даже замолчал на некоторое время.

— Дело-то давнее, — махнул одной из рук Вельхеор. — Я об этом даже и не помню, тебе и вовсе должно быть всё равно, ведь в живых-то ты остался.

— Жаль, что ты всего лишь отражение, — наконец прошипел я, — а то я бы не посмотрел на твою вампиристость, а просто выбил бы тебе пару зубов... скорее всего клыков, чтоб неповадно было.

Отражение в озере слегка колыхнулось то ли от ветра, то ли ещё от чего.

— Да ладно, братан, дело-то бывшее! — неожиданно перешёл на жаргон Вельхеор. — Чисто не при базаре я, не секу, что раньше делал, а что и секу, то мне по чугунку да ниже пейджера.

Я расхохотался.

— А ты хоть знаешь, что такое пейджер-то? — отсмеявшись, спросил я.

— Понятия не имею, — честно признался Вельхеор.

— А слово взял откуда?

Мне стало интересно, тем более что у меня появились кое-какие мысли насчёт этого Вельхеора.

— Да из твоего сознания выловил, когда словарь создавал.

— Чего создавал?

— Словарь, — по слогам повторил Вельхеор. — Понимаешь, штука такая, переводит слова с одного языка на другой.

— Это понятно, но с какого языка на какой? — спросил я, однако начиная догадываться.

— С русского на элирский, — получил я подтверждение своим догадкам.

Решив, что наш разговор продлится ещё некоторое время, я сел рядом с озером так, чтобы удобнее было смотреть на моё отражение, вернее, отражение Вельхеора, вернее, просто на Вельхеора. Поди тут разберись.

— А тело само, значит, ничего не переводит? — на всякий случай уточнил я.

Вельхеор удивлённо заморгал:

— Какое тело?

— Ну, твоё тело, — смутился я.

— Ты чё, больной? — повертел пятью указательными пальцами у виска Вельхеор. И как уместил только?

Действительно, сейчас, когда я об этом задумался, звучит как-то глупо.

— Это мне Ремесленник сказал, — попытался оправдаться я.

— Ага, а если он скажет тебе, что земля круглая, ты поверишь? — саркастически осведомился Вельхеор.

— Ну, вообще-то... — попытался было объяснить я.

— Вот и не слушай их, нашёл кого слушать, — оборвал меня Вельхеор. — Я, между прочим, в течение месяца безвылазно корпел над словарём! Поэтому и не начинал переселение.

Он посмотрел по сторонам:

— Слушай, а ты чего здесь расселся? Думаешь, кроме безликих тобой и полакомиться некому? Вон, для примера, под землёй, метрах в трёх под тобой, притаился кротельник, тот ещё чувак. Он тебя за один присест ухোмякает, и давно ухомякал бы, да вот решает, откуда начинать есть, с ног или с головы.

Я вскочил как ужаленный и уже собрался было бежать...

— Да я пошутил, — хихикнул Вельхеор.

— Ах ты...

— Он уже решил, что начнёт с ног.

У меня под ногами мелко затряслась земля.

Я едва успел отскочить, как из земли показалась огромная крокодиля морда. Вернее, это только сначала она показалась мне крокодилей, присмотревшись, я понял, что крокодиля только челюсть. Подслеповатые же глаза и серый мех указывали на явное родство этого кротельника с обычными кротами, что, кстати, и следовало из его названия. Интересно, а названия тоже Вельхеор переводил? Он же ведь тогда должен был перечитать столько литературы...

Кротельник пошарил огромной, как ковш экскаватора, лапой вокруг себя и, не найдя моих аппетитных ног, неторопливо ушёл обратно под землю, аккуратно закопавшись.

— Это ты так своё тело бережёшь?! — чересчур громко спросил я.

— Но тело-то пока цело, — пожал плечами Вельхеор. — И вообще, ты чего разорался, щас на тебя как летучка с дерева бросится, как начнёт мозги твои выклёвывать. Хотя хлебать-то там, наверное, особо нечего...

Я тут же проглотил своё ехидное замечание по поводу мозгов одного знакомого мне отражения и осторожно огляделся по сторонам.

Ничего не увидев, я всё же не ощутил себя спокойней, потому что, насколько я понял, Вельхеору пока что верить можно.

— Так что иди-ка ты... — он сделал якобы эффектную паузу, — вдоль берега направо, а затем по лесу. И попадёшь ты в своё Приграничье. Что уставился? А то я не знаю, что тебе Кельнмиир велел туда бежать. Давай чапай, а пока будешь чапать, мы с тобой побалакаем. Я дивился скорее не его осведомлённости о планах Кельнмиира, а знанию русского языка. Или это тоже переводчик, в смысле словарь, как называет его сам Вельхеор?

— А ты сейчас на каком языке-то говоришь? — осведомился я, неторопливо идя вдоль берега.

— А-а-а, заметил, — обрадовался Вельхеор. Отражение скользило параллельно со мной. — На твоём родном великом и могучем русском языке.

Я так и понял.

— А почему же я разницы не замечаю?

— Потому что словарь я создавал, а я — гений, — скромно пояснил Вельхеор.

— Тогда всё понятно, — легко согласился я, а про себя добавил: «Злой гений».

— Да, злой, — согласился Вельхеор. — А добрые — это уже не гении, а так... мелочь пузатая.

Я сделал вид, что не заметил, как Вельхеор в наглуую прочитал мои мысли.

— Почему это в наглуую? — обиделся тот. — Очень даже культурно, без всяких задних мыслей.

Я шагал вдоль берега, когда передо мной появился неглубокий ручеёк метра в два шириной, вытекающий от озера. Я собрался было пройти по нему, ноги всё равно уже мокрые.

— Ты куда это? — тут же заорал Вельхеор. — Ты шагнёшь в ручеёк, а там ловка тебя за ногу цап, а то и не за ногу... она высоко-о прыгает, даже до твоего носа длинного допрыгнет.

Пришлось обходить ручей. Вельхеору я решил верить на слово, пока что он меня не обманывал. А вот о том, что длинный нос как раз не мой, а его, я сказать не преминул.

— Это да, — важно согласился он. — У меня шнобель будь здоров.

— Слушай, а откуда ты знаешь столько выражений на русском языке? — не выдержал я. — Ты же пробыл в моём мире не так уж и много. Кстати, а почему ты в моём мире пробыл не так уж и много? И что ты вообще здесь делаешь? Ты же вроде очень стремился в моё тело попасть. Что же тебе там не понравилось?

— Это не мне там не понравилось, а я там не понравился, — ответил Вельхеор и как ни в чём не бывало продолжил: — А язык мне ваш просто очень нравится. Это же просто удивительно, сколько интересного есть в вашем поразительном языке. Я знаю все языки нашего мира, но даже сложи их все вместе, не будет такого богатства оттенков фраз и чувств. Как же...

— Я с этим совершенно согласен, — поспешил прервать я. — Но кому же ты мог в моём мире не понравиться, чтобы они тебя выкинули из моего тела?

— Не то чтобы выкинули... — замялся вампир. — Просто попросили уйти. Должен заметить, не очень вежливо попросили.

Тут мы подошли, вернее, я подошёл, а Вельхеор подплыл — к краю озера.

— О! Вот мы и пришли. Тут мы должны попрощаться. Тебе нужно идти дальше по лесу, пока не выйдёшь как раз к приграничным землям. Только не очень светись, а то я там фигура известная и не все меня там любят.

— Не все? А может быть, все не любят? — ехидно спросил я.

— Может быть, — не стал спорить Вельхеор. — Ты это... тельце-то моё береги, пока я не вспомню способ, как тебя вернуть в твоё тело.

Ишь ты какой, а он моё, интересно, берег?

— Ещё как! — поспешил он заверить меня.

— А что это мы уже прощаемся? Ты мне не рассказал, почему и как тебя из моего тела прог... попросили уйти.

Вельхеор махнул рукой:

— Дело-то прошлое, а тебе нужно добраться до Приграничья, пока не наступил рассвет.

Иначе тебя с лёгкостью найдут Ремесленники. В Приграничье слишком низкий фон, чтобы тебя уловить. Мы ещё с тобой побалакаем, — подмигнул он мне. — Может, даже расскажу о моих приключениях в вашем чудном мире.

Я смирился с тем, что сейчас больше ничего не узнаю, и двинулся напрямик в лес. Раз нужно успеть до рассвета, значит, следует поспешить.

Когда я уже отошёл на десяток метров, до меня донёсся крик Вельхеора:

— И ещё одна просьба, вернее, даже совет — не говори обо мне Кельнмиру. Он, конечно, последние пятьсот лет прикидывается добрым дядькой, но если, убив тебя, он сможет убить и меня, то вопрос выбора стоять не будет.

Я в очередной раз подумал о том, что же такого сделал Вельхеор, что его так ненавидит Кельнмиир. Если Вельхеор это помнит. А то что-то он некоторых вещей не помнит...

минуточку... Вампиры же ничего не забывают! Мне же Ромиус рассказывал. Хм-м.....

Значит, либо Вельхеор врёт, либо что-то с ним не то, если это вообще Вельхеор.

С трудом переборов желание вернуться назад и спросить что к чему, я продолжил идти по лесу. Мне показалось, что с золотистых деревьев кое-где свисают обрывки теней непонятной формы, но они на меня не реагировали, из чего я заключил, что тени самые обычные. Или же Вельхеор их так напугал? В общем, теней бояться нечего, а вот прочая живность в этой Империи явно в избытке. Причём только ночью, потому что днём, насколько я понял, бояться нечего. Но не это меня сейчас интересовало. Самый главный вопрос — это вопрос жизни и смерти. Жив ли Кельнмиир? А если жив, то найдёт ли он меня?

Под моими ногами тихо шелестела листва, а на небе, как я и предполагал, появились две разноцветные луны. Я не уверен, что до этого они прятались за тучами, потому что никаких туч я не видел. Просто они неожиданно появились будто из ниоткуда. Если красная смотрелась зловеще, то жёлтая сверкала загадочным добрым светом. Вот только красная луна была почему-то больше, чем жёлтая. Интересно, говорит ли это о чём-либо, например, о преобладании сил в мире?

Вскоре за спиной остались уже последние золотые дубы, или клёны, или ещё чего, а впереди показались одноэтажные дома. Эти дома показались мне знакомыми, то ли все дома Приграничья были одинаковыми, то ли я пришёл к тому самому месту, где меня собирались сжечь. Оптимизма это открытие мне не прибавило. Не хотелось бы повторения шоу со столбом и хворостом.

Я крадучись пошёл между зданий к уже знакомой мне площади. Во всяком случае, мне показалось, что площадь именно та.

Сейчас на площади не было ни единой живой души, но я всё же решил поостеречься.

Просто на всякий случай. По площади гуляли знакомые одинокие тени, которые при моём приближении неторопливо уплывали. Безликие с неохотой отдавали клочки света и за моей спиной торопливо смыкались, не давая свету ни единого шанса.

Как это часто бывает, я не заметил, что небо начинает светлеть. А когда заметил, обе луны уже были еле видны, а с востока выползало солнце. Хотя, минуточку... ещё одно солнце выползало с запада! А Кей говорил, что два солнца будут... не помню когда... Видимо, уже пора.

Я шёл по площади, удивлённо глядя на небо, и поэтому пропустил момент появления на площади Кельнмиира. Я поднял глаза, а он уже стоял передо мной и ухмылялся.

Свеженький, бодренький, даже не запыхавшийся. Только в уголке губ у него едва виднелась запёкшаяся кровь.

— Как пробежка? — с ходу поинтересовался он.

— Нормально, — небрежно ответил я, всё ещё с опаской глядя на испачканную кровью губу. — А как ты умудрился так легко отделаться?

— Легко? — переспросил Кельнмиир. — Да я добрых полчаса восстанавливался. Если бы мне под руку не попался один зазевавшийся стражник, то потребовалось времени раз в пять больше.

Я начал догадываться, зачем ему понадобился этот самый стражник.

— А стражник?... — неуверенно начал я.

— Жив твой стражник, — небрежно махнул рукой Кельнмиир и слизал языком остатки крови с губы. — В человеке пять литров крови, потеря какого-то литра — далеко не смертельна. Найдут, откачают, поест мясца, печёнки — и как новенький.

Надеюсь, что это правда. Стоит ли ему верить? Он ведь вампир.

— Пойдём? — с ходу продолжил он, накидывая капюшон.

Я посмотрел по сторонам.

— Куда?

— Хм-м... хороший вопрос, — неожиданно задумался Кельнмиир.

Над площадью светало. Кельнмиир очень вовремя надел капюшон, потому что, едва он произнёс последнюю фразу, на нас упал первый золотой лучик света. Тени начали судорожно разлетаться с площади, прячась неведомо куда, скорее всего по каким-нибудь подвалам. Некоторые безликие не успевали, и их слизывало лучами света. Они беззвучно исчезали, а на их месте свет вспыхивал особенно ярко. Мостовая засветилась радугой красок, отсвечивая свет солнц. Мне стало окончательно ясно, почему днём нельзя было увидеть ни одной тени. С неба светили два огненных шара солнц, а на земле камни мостовых и стены домов отсвечивали тем же ярким светом.

С непривычки мне резануло глаза, и я зажмурился.

— Пойдём-ка мы с тобой в ближайшую Школу Искусств. Я, конечно, понимаю, что Школы Искусств — это первое место, где нас будут искать, но идти нам всё равно больше некуда.

— А Ремесленники нам не помогут? Как же Ромиус и Кей? — удивился я.

Если честно, то я надеялся с ними увидеться и рассказать о встрече с Вельхеором.

Кельнмииру рассказывать о нём мне совершенно не хотелось. Он вроде бы мне помог, но все же рисковать не стоило. Вдруг Вельхеор сказал правду? Да и с чего бы ему врать? Ему же нужно сохранить своё тело.

— Ремесленники под домашним арестом, — вздохнул Кельнмиир. — Формально за ними никто не следит, но стоит им исчезнуть из Академии, и за ними отправят целую армию. Им не доверяют после твоего побега. Хорошо, что Ромиус не дурак и вовремя понял ситуацию. Я ведь во дворце такой шухер навёл, что Императору теперь несколько лет кошмары с моим участием сниться будут, да и половине городской стражи тоже. Эх, давно я так не развлекался!

Он положил мне на плечо свою руку, для чего ему пришлось чуть ли не встать на цыпочки.

Рука оказалась тяжелой, как будто мне на плечо положили рессору от трактора.

— Пойдём, по пути расскажу, — сказал он, убрав руку с моего плеча.

Я облегчённо вздохнул и с опаской покрутил онемевшим плечом.

Мы прошли по всё ещё безлюдной площади и свернули в какой-то переулок. По нему, обходя открытые места, мы и пошли к районной Школе Искусств. Как обещал Кельнмиир, его там примут с радостью, потому что он является чем-то вроде главного учителя Литы. По крайней мере являлся до этой ночи. Теперь уж ему в городе лучше не показываться. По пути он в общих чертах рассказал, как «развлёкся» подле дворца.

После того как он выдал мне последние указания, а я пополз дальше, Кельнмиир отполз приблизительно в середину леса и запрыгнул на ствол одного из деревьев. Хранитель Дворцового сада, как и обещал, дал деревьям указание не трогать Кельнмиира и меня. Поэтому деревья на него никак не отреагировали. Вернее, они его не замечали. Но, стоило вампиру свеситься вниз и коснуться какого-нибудь корня, как дерево устремлялось вниз, чтобы прищёпнуть обидчика (насколько я понял, это у них защитная реакция такая). Так он и скакал с дерева на дерево, проворно хватаясь за корни и тут же перепрыгивая на следующий ствол. Потом прибежала стража и привела Сорняка...

— Кого? — хохотнул я.

— Сорняка, — терпеливо повторил он. — Это Ремесленник сферы земли. Самый лучший в своём роде. Потомственный друид в десятом колене и лучший выпускник своего факультета. На первом курсе ему очень хорошо удавалось культивировать рост растений, а

за вздорный характер и склонность совать свой нос во все дела его и прозвали Сорняком. И не перебивай меня больше!
И он продолжил рассказ.

Сорняк быстро понял, в чём дело, и снял с чёртовых деревьев запреты на убийство. Вот только он немного не рассчитал. Он снял все запреты, причём когда стража уже двигалась в сторону веселящегося от всей души Кельнмиира. Естественно, они лезли к нему не под корнями деревьев, а по веткам и, как только заклинание запрета было снято, деревья окончательно взбесились. Я, конечно, подозревал, что этот древний прогулочный парк посажен не зря, но чтобы так... Кельнмиир оказался замечательным рассказчиком, и я как будто воочию увидел стражников, пронзённых со всех сторон ветками и облепленных листьями, вгрызающимися в плоть. Через несколько секунд всё было кончено и половина городской стражи была уничтожена. Причём Кельнмиир был совершенно ни при чём, это постарался пресловутый Сорняк. Тем более что Кельнмииру было не до них — он оказался в зелёном аду. Ветки, которые секунду назад были гибкими и податливыми, стали острыми и твёрдыми, как множество стальных мечей. И били эти мечи с невероятной скоростью и точностью. Будь на месте Кельнмиира кто-нибудь другой, того разорвало бы в клочья за доли секунды. Кельнмиир же даже умудрился вылезти из этого ада почти живым. Всего лишь (всего лишь!) без руки и с многочисленными ранениями самой разной тяжести. Он под шумок перемахнул через стену и спрятался у какого-то своего знакомого. Там он как можно быстрее восстановился, переоделся и поспешил на мои поиски. Нашёл он меня, как ни странно, довольно быстро. Просто он совершенно случайно подслушал разговор двух стражников о сознательном гражданине, который их вовремя предупредил о нападении на Императорский дворец, и сразу понял, что этот сознательный гражданин только что сбежал из тюрьмы. Рассчитав вектор моего движения, он отправился на эту площадь и прибыл одновременно со мною...

— Интересно, почему это? — подозрительно спросил Кельнмиир. — По бабам-с шляется среди ночи?
Я задохнулся от такой наглости, на время даже забыв об окончательно стёршейся подошве ботинок.
— Да за мной какие-то тёмные пятна гонялись! — обиженно вскричал я.
— Женского полу? — уточнил Кельнмиир из-под капюшона.
Почему-то мне показалось, что он ухмыляется.
— Я же до сих пор ни с одной девушкой не общался в вашем чёртовом городе! Ты чего ко мне привязался-то?
— Да шучу я, — поспешил успокоить меня Кельнмиир. — Кстати, подозрительно, что ни с одной девушкой не общался...
По всей видимости, издеваться надо мной ему надоело, и он посерьёзней.
— Вот из-за этих тёмных пятен я тебе и сказал бежать быстрее. В Приграничье они тебя не тронули бы, здесь серая зона: ни тьма, ни свет здесь не имеют полной власти.
Я по-новому взглянул на ветхие здания вокруг:
— Получается, это зона перемирия?
— Наоборот, это зона самых масштабных военных действий, — пояснил Кельнмиир.
— Это как?
Мы свернули в очередной грязный переулок, напоминающий тихую улочку где-нибудь в Солнцево.
— Очень просто. Чтобы прямые представители сил света или тьмы имели власть и силу, на территории должна превалировать определённая энергетика. Либо злая, либо добрая.
— То есть здесь ты слабее, чем в центре города?
— Нет. Я не прямой представитель сил тьмы, я принадлежу к созданиям тьмы. Вот тёмные пятна, или безликие, являются прямыми представителями сил тьмы, утаскивающими души людей неизвестно куда. Но я действительно слабее днём, а ночью набираю силу. Днём

слишком много положительной энергии и слишком мало отрицательной. А я всё-таки питаюсь именно отрицательной энергией — энергией страха, боли, убийства и крови, наконец. Днём этого мало... — тяжело вздохнул он.

— А почему же днём в Приграничье Ремесленники не смогут меня найти? Ведь днём преобладает светлая энергия.

— Светлая энергия преобладает днём только в самом городе. В Приграничье же какое-никакое, а равновесие. Представители добра могут столько же, сколько и представители зла. Следовательно, они просто мешают друг другу, и вряд ли Ремесленники смогут тебя найти.

Я начал понимать.

— А ночью в городе Ремесленники не могли меня найти...

— ...потому что ночью в Лите царствуют силы тьмы. Поэтому после часа ночи никто не выходит из дому без защитных заклинаний или охраны, — подтвердил мои догадки Кельнмиир.

Мы вышли к небольшому зданию, являющемуся копией Школы Искусств Кельнмиира в масштабе примерно два к одному. То же самое чёрное здание, та же самая отчуждённость от всей городской архитектуры.

— Вот и Школа моего друга, — сказал Кельнмиир, только я его услышал не сразу.

Я размышлял над всеми этими силами добра и зла. Впервые столкнулся с таким материальным воплощением вселенских категорий.

— А Ремесленники разве являются прямыми представителями добра? — спросил я, продолжая размышлять.

Кельнмиир задумался.

— В общем-то да. Вампиры — злые, Ремесленники — добрые, а друиды пофигисты. Это старая пословица... я ещё лет восемьсот назад придумал.

— И что, всё так категорично? Все Ремесленники добрые, и так далее? Нет исключений?

— Да есть, наверное, — не стал отпираться Кельнмиир. — Я вот очень даже незлой вампир. Значит, и среди Ремесленников найдётся...

Тут его грубо прервал порыв ветра, едва не сдёрнувший с него капюшон.

— Засранец! — выругался он и развёл перед собой руки, будто открывая невидимый полог. Перед нами из ниоткуда появился пышущий яростью Зикер. Я предположил, что Кельнмиир сдёрнул с того покрывало невидимости, когда Зикер попытался втихаря разобраться с ним, открыв лицо вампира солнечным лучам.

— Я знал, что вы придёте сюда! — закричал Зикер, и над его головой вспыхнуло пламя, похожее на алую птицу, бьющуюся в клетке.

— Тем хуже для тебя, что именно в это время ты оказался поблизости, — рассмеялся Кельнмиир, и над его головой, будто в издевательство над Ремесленником, появилось небольшое ведро с водой. Зрелище было ещё то.

— Охладить? — осведомился Кельнмиир.

Я на всякий случай поспешил спрятаться за его спину. А потом, подумав немного, решил отойти за ближайший домик. Правда, сделать это до начала разборки я всё же не успел.

— Попробуй, — прошипел Зикер и забормотал что-то себе под нос на непонятном языке. Я сразу подумал, что Вельхеор почему-то забыл впихнуть этот язык в свой любимый словарь. А потом началось...

Нет, ничего глобального вроде землетрясений или громов и молний не произошло. Просто на безлюдной, слава богу, улочке исчезли все звуки, и всё вокруг посерело.

— Это чтобы никому не пришло в голову уйти, пока я не разрешу, — объяснил Зикер.

До меня не сразу дошёл смысл его слов. Я повнимательнее посмотрел по сторонам и понял, что мы находимся в полусфере, служащей чем-то вроде барьера.

— Договорились, — кивнул Кельнмиир, а затем повернулся ко мне: — Постой пока снаружи, а то мало ли что.

Он вытянул руку в сторону ближайшей ко мне стенки сферы и, изображая пальцами подобие ножниц, «вырезал» в ней квадратный проём.

Я, не теряя ни секунды, юркнул в него, и проём тут же стянулся за моей спиной. Последнее, что я услышал, был голос Кельнмиира:

— Это чтобы ребёнок не пострадал...

Больше ничего я не слышал, потому что сфера убирала все звуки. Очень жаль. Наверняка Кельнмиир вдоволь поиздевался над Зикером, прежде чем они начали свою разборку. Началось всё с того, что ведро, всё ещё плавающее над головой Кельнмиира, резво подлетело к Зикеру и плеснуло водой на играющее над его головой пламя. Пламя конечно же потухло, а Зикер стоял с донельзя удивлённой физиономией и обтекал. Промок он насквозь. Затем Зикер натурально покраснел от злости. Его лицо стало краснее алого костюма, в который он был одет. Не зря он был выходцем факультета сферы огня, вся его одежда тут же с шипением высохла, а влага взметнулась вверх струйкой пара. Как же обидно, что я не слышал ругани Зикера. Зато Кельнмиир ответил совершенно спокойно, и в этот самый момент сфера приобрела красный оттенок. Я, как обычно, не понял, почему это произошло, но невольно связал это с последующим взрывом Зикера. Тот, к моей радости, начал кидать в Кельнмиира фаерболы. Воистину, фаерболы — это неизменная классика всех миров. Кельнмиир плавно отшагивал то влево, то вправо и все огненные шары ударялись о защитную сферу. Хорошо ещё, что сфера держала удар, а то Зикер мог бы полгорода спалить, прежде чем Кельнмиир хотя бы запыхался. Поняв, что атаковать в открытую бесполезное занятие, Зикер сменил тактику и решил устроить метеоритный дождь в миниатюре. В ответ Кельнмиир неизвестно откуда достал зонтик и раскрыл его над собой. Самый обычный с виду зонтик не пропускал огненные капли, которые просто отскакивали в разные стороны.

Я осмотрелся по сторонам. В улочке до сих пор не появилось ни одного человека. Это было весьма странно, потому что солнца уже давно светило. Пора было бы выйти и ученикам Школы Искусств. Уж они-то наверняка должны знать о том, что здесь происходит. Или взаимопомощь не входит в их правила?

Внутри сферы всё было по-прежнему, только вместо огненного дождя теперь горела земля и в воздух взлетали столбы пламени. Кельнмиир плавал в воздухе на спине, демонстративно закинув руки за голову, и весь его вид выражал желание поспать. При этом капюшон прилип намертво и, какие бы движения ни делал Кельнмиир, даже не шевелился. Зикер продолжал зверствовать, а Кельнмиир откровенно издевался над ним. Я ещё раз бросил взгляд на Школу Искусств и, как выяснилось, очень удачно. Именно в этот момент двери Школы открылись и из неё, позёвывая, вышел долговязый старик. Длинные седые волосы и борода ниспадали на чёрный балахон, образуя удивительно правильный треугольник, а серые глаза светились вековой мудростью и присущей ей усталостью.

— Э-э-э, молодой человек! — проскрежетал он. — Вы не поможете спуститься?

Я растерянно посмотрел на него. И это Наставник Школы Искусств? Для ученика он староват, а больше и некому выходить из Школы в столь раннее время, кроме как Наставнику. А ведь, судя по внешнему виду, он скоро развалится, если уже не начал.

— Молодой человек чересчур задумчив для своих лет, — недовольно покачал головой престарелый Наставник и одним лёгким движением преодолел все ступеньки (хотя их было не так уж и много) и пяток метров, отделяющих его от меня. Вот он стоял наверху, а через секунду уже стоит рядом со мной и всё так же качает головой.

— А Кельнмиир-то всё развлекается. Ну как маленький, ей-богу.

— В смысле? — Я бросил взгляд на сферу, в которой всё ещё шёл огненный дождь и летали фаерболы.

— Тратит попросту энергию, играя с этим зарвавшимся Ремесленником, если этого жалкого интригана вообще можно назвать Ремесленником.

Я пожал плечами, показывая, что ничего в этом не понимаю.

— Кстати, — опомнился старик. — Где же мои манеры? Меня зовут Наставник Неил.

Удивительно, у меня появляется интуиция. Уже в который раз я совершенно неожиданно для себя оказываюсь прав.

— Виктор, — представился я, протянув руку.

Наставник недоумённо глянул на неё и вопросительно поднял седую бровь. Мне осталось только сделать вид, что я разминаю неожиданно затёкшее плечо.

— Так вот я и говорю, что зря он играет с этим Ремесленником, — повторил Наставник. — Мало ли что может оказаться у этого чертяки за пазухой.

Он же его вроде бы лохом только что называл. Или мне показалось?

— Что заставляет вас так думать? — стараясь скрыть ехидство, спросил я.

Старики они во всех мирах старики. Все со своими заморочками.

— Видите ли, — обрадовался старик явно интересной для него теме, — если вы повнимательнее посмотрите на проклятия и ослабляющие заклинания, посылаемые этим, с вашего позволения, Ремесленником, то вы заметите...

Тут он остановился, удивлённо посмотрев на мою озадаченную физиономию. Никаких проклятий, а уж тем более ослабляющих заклинаний я конечно же не видел. Более того, я уже и самого Кельнмиира-то не видел, потому что всё пространство сферы заполнил огонь. А старика, по всей видимости, это несколько не волновало, он продолжал беззастенчиво меня разглядывать.

— Молодой человек, а вы вообще чему-нибудь учились? — наконец подозрительно спросил он таким тоном, будто спрашивал, не я ли украл семейную реликвию навроде чайника, оставшегося от «пра-в-двадцать-второй степени» бабушки.

Я чуть было не ответил «нет».

— Я? Хм-м... Если взять за истину утверждение, что человек учится всю жизнь, то кое-чему я уже научился.

— Так я и думал! — провозгласил старик с фанатичным блеском в глазах, будто это не он минуту назад беседовал со мной. — Нынешнее поколение ничему не учится, только гулянки на уме!

Я пристыжено склонил голову, краем глаза, однако, продолжая следить за сферой, вдруг да что-нибудь увижу в пылающем огне. И вообще, с чего это я стыжусь? Чего он вообще на меня наезжать начал?

— Извините, но я не понимаю... — попытался объяснить я.

— Вот именно, что не понимаете! — поднял вверх свой крючковатый палец старик. — А должны понимать! Сколько вы уже обучаетесь?

Я задумался.

— Да уже второй день, наверное, если считать с первой тренировки.

Собственно и последней.

Старик судорожно проглотил уже готовую сорваться с языка отповедь.

— Ск-олько? — переспросил он.

— Я бы даже сказал один день, потому что сегодня меня никто и ничему не учил. — Я решил закрепить занятые позиции.

Старик засмеялся, стараясь скрыть смущение.

— Кто бы мог подумать... — Он бросил взгляд на скрытую огнём сферу. — Пойдёмте, что ли, чаю пока попьем... Да ладно, никуда они не денутся, — пренебрежительно отмахнулся старик. — Кельнмиир наиграется и сразу же к нам присоединится.

Если честно, я бы хотел досмотреть, чем всё закончится, но всё равно, кроме сплошной стены огня, в сфере ничего видно не было. Надеяться на прояснение картины «битвы века» было бесполезно. Тем более в свете такого заманчивого предложения. Вот только что за чай он мне предлагает? Нужно в следующий разговор с Вельхеором обязательно спросить о системе или хотя бы природе его Словаря.

— Пойдём, — наконец согласился я.

Чего уж там. Раз не получается посмотреть битву мага с вампиром, то хотя бы чаю попью.

Старик неторопливо пошёл к зданию Школы, а возле лестницы остановился, ожидая, пока я помогу ему подняться на (целых!) две ступеньки. Я честно помог ему, тактично забыв о том, как совсем недавно он спрыгнул с лестницы, дав фору чемпиону по прыжкам в длину и акробату вместе взятым.

— Отдаю заслуженную дань вашим хорошим манерам, — кивнул старик. — Хотя и немного запоздалым.

Какой милый старикан. Если бы ещё чай оказался сносным, жизнь могла бы показаться раем.

Внутри Школа оказалась уютным залом, чем-то похожим на подвал Чина Кхо. Во всяком случае, сходство с эпическими залами Школы Кельнмиира было минимальным. Внутри каменные стены вовсе не чёрные как ночь, а светло-серые, больше похожие на лёгкие сумерки. Других помещений, кроме зала, по-моему, не было, потому что тут же в зале стоял стол с креслами. Как они умудрялись заниматься в таком маленьком помещении,

оставалось загадкой, особенно если вспомнить тренировку в Школе Кельнмиира. Уж стол-то точно ещё во время разминки в щепки разобьют.

— Чувствуйте себя как дома, — благосклонно проговорил старик и прошествовал к стене рядом со столом. Та при его приближении открылась, и за ней оказалось что-то вроде минибара. Старик загремел склянками.

Я же расположился в кресле, издав стон облегчения. Я и не замечал, насколько устал. Всё-таки это утомительно — бегать всю ночь по городу черте от кого или даже скорее черте от чего. Сначала тени. Как их там называли Вельхеор, а затем и Кельнмиир? Безликие, кажется. И почему их безликими называли? Очень даже и ликие, чёрное пятно, чем тебе не лик?

К столу подошёл старик с подносом, на котором стоял самый обычный чайный сервиз. Нет, форма чашек, конечно, довольно странная, что-то вроде перевёрнутого конуса, а чайник и вовсе можно узнать только по большим размерам. Тем не менее это был именно чайный сервиз. Пока старик наливал чай, я нетерпеливо ёрзал, горя желанием попробовать их чай и сравнить с нашим родным. Наконец чай был налит, старик сел в кресло напротив, и я радостно прильнул к чашке. Это был самый обычный чай. Тот, который я, как и миллионы других людей моего мира, заваривал по утрам. Я мог предположить некоторое сходство, но чтобы точно такой же чай?

— Нравится? — с интересом спросил старик, наблюдая за моей реакцией.

— Вкусно, — честно сказал я.

Что ни говори, а приятно встретить что-то родное.

— А вот многие такой экзотики не признают, — заметил старик. — Тот же Кельнмиир это дело терпеть не может. И Император тоже не любит, даже указ издал, запрещающий выращивание трав для напитков.

Ё-моё, ещё один гурман. Кто бы мог подумать, что в мире магии самая главная проблема — это проблема пищи. Судя по тому, что я успел услышать, вскоре может произойти «мясное восстание» или «чайная революция». Кому рассказать — не поверят же.

— А откуда этот чай? — спросил я, начиная проводить параллели со своим миром.

— Так, на маленьком домашнем огорожке растёт, — обрадовался моему интересу огородник-любитель.

Мне почему-то вспомнилось, как один мой друг выращивал травку на балконе. Жил он с бабушкой, и на её заинтересованные вопросы отвечал, что выращивает американскую крапиву. Сколько было крика, когда бабушка решила сварить немного крапивного супчика...

— Этот чай откуда-то завезли? — поинтересовался я.

— Конечно, это из Чинам. Хотя я там никогда не был, но говорят, там ещё столько всего интересного, вот, например...

— Ну, щас старик зальётся соловьём, — раздался откуда ни возьмись голос Вельхеора.

Пока я пытался понять, откуда же он доносится, Вельхеор продолжил:

— Чё ты его слушаешь, а? Ты чё, сказок мало в детстве читал?

— Причём тут сказки? — переспросил я.

— Э... Что вы говорите? — удивлённо захлопал глазами старик, наверняка прерванный на самом интересном месте.

— Я говорю, что это очень интересно. — Я понял, что Наставник не слышит голос Вельхеора, спросил: — Но не могли бы вы рассказать мне о том, что происходило в сфере и чего я не видел?

Старик пожал плечами, дескать, тебе же хуже, и, приняв нравоучительный вид, начал объяснять:

— Грубо говоря, огненные потоки, что ты видел, — это лишь одна пятая битвы. Остальные аспекты ты пока ещё увидеть не можешь, а возможно, и никогда не сможешь. Грубо говоря, параллельно с отвлечением противника внешними атаками идёт борьба заготовленными заранее заклинаниями, наспех созданными проклятиями и энергетическими полями. В данном случае со стороны Кельнмиира были только проклятия и внешние атаки, а со стороны Ремесленника всё, что только можно. Может показаться, что Кельнмиир должен проиграть, ведь он не может заготавливать заклинания, но это не так. Ремесленника можно отключать от источников энергии, таких, как земля, вода, воздух. Это сильно уменьшает

его шансы на выигрыш, а уж если за дело берётся специалист вроде Кельнмиира, то Ремесленнику придётся попотеть.

— И как же это выглядит? — Я пытался представить, но так и не смог. Либо получалась мешанина какая-то, либо и вовсе ничего не получалось. Потоки всякие энергетические, заклинания, проклятия — это же картина свихнутого художника сюрреалиста. — А внешне-то как это выглядит? — повторил я.

— А чёрте как, — неожиданно подтвердил мои догадки старик. — Чтобы что-нибудь понять, нужны годы практики. Научиться видеть — не значит научиться понимать. — Глаза ты себе сломаешь, если будешь слишком долго на эту фигню смотреть, — опять раздался голос Вельхеора.

На этот раз я не стал у него ничего спрашивать, чтобы опять не попасть в неудобное положение, ведь получается, что Вельхеора никто, кроме меня, не слышит. А возможно, и не видит, правда, я и сам его не вижу... Хотя, погодите минутку, вот же моё отражение в чайнике! Только отражение движется не очень синхронно со мной, я бы даже сказал, всё делает не так. Значит, Вельхеор может появляться везде, где есть поверхность для отражения.

— Так что, молодой человек, сначала научитесь видеть, а потом и понимать научитесь, — не очень к месту закончил старик.

— Постараюсь, — пообещал я.

— Постараюсь, — передразнил Вельхеор, скорчив на чайнике жуткую рожу. — Устался здесь, ты бы лучше шмотки начинал собирать. Или ты уже домой не собираешься?

— Собираюсь! — вскричал я, вмиг забыв о подозрительно присматривающемся ко мне старике.

— Ну так пошли, — как ни в чём не бывало предложил Вельхеор.

Глава 18

— Куда это вы, молодой человек, собираетесь? — поинтересовался Наставник Неил.

— Домой, — растерянно ответил я.

— Тогда всё понятно, — кивнул тот.

Неожиданно я почувствовал себя подлецом. Старик наверняка подумал, что я над ним издеваюсь. Стыдно, старый человек всё-таки, небось лет четыреста, а то и больше.

— Понимаете, просто появился мой знакомый и сказал, что нам пора, — попытался оправдаться я.

— И где же этот ваш знакомый? — Старик посмотрел по сторонам и поднял седую бровь. Что тут сказать?

— В чайнике, — наконец признался я.

Старик с совершенно серьёзным видом оглядел чайник и заглянул внутрь. Естественно, внутри он никого не нашёл.

— Да не внутри, а в отражении, — пояснил я.

Старик всё так же невозмутимо повертел в руках чайник, но, кроме своего отражения, больше ничего в нём не увидел. Едва Неил поставил чайник на стол, как в нём (в чайнике конечно же) появился Вельхеор и скорчил рожу.

— Вот объясни мне, дураку, что ты тут стоишь и тупишь? — прогнусавил он.

— Да вопрос у меня тут один образовался, — вынужденно ответил я, чем заслужил ещё один странный взгляд старика.

— И что же это за вопрос, о глупейший? — с поклоном спросил Вельхеор.

Я взял в руки чайник, три раза вдохнул, успокаиваясь. Он меня уже откровенно достал, и я решил, не обращая внимания на Наставника, закончить разговор с отражением. Как там говорил Кельнмиир? Из Вельхеора слова не вытянешь?

— Как ты меня отправишь домой?

Старик слушал мои реплики с возрастающим интересом.

— Домой-то? — переспросил Вельхеор. — Ну, это... отправлю, и всё.

Почему-то его объяснение меня не очень удовлетворило.

— Я, конечно, понимаю, что я чайник в этом деле, но общую-то суть ты можешь объяснить?

— Конечно, могу! — вскричал Вельхеор, но потом немного смутился: — Кажется... ещё несколько минут назад мог, а вот сейчас что-то не уверен...

— Замечательно! — Я всплеснул руками и едва не уронил чайник.

— Что, уже уходите? — подал голос старик.

Мне почему-то тут же вспомнился мультик про Винни-Пуха.

— А что, ещё что-то осталось? — по инерции спросил я.

— Ещё же целый чайник, — немного смутился старик. — Но, если хотите, можно...

Мне уже в который раз стало стыдно. Я даже покраснел:

— Нет, что вы, спасибо, не надо. Это шутка такая глупая.

Старик пожал плечами, мол, дело ваше молодое. Нам вас не понять.

Как раз тогда, когда я уже почти придумал объяснение для старика, исчезла стена и в комнату ввалился Кельнмиир.

Выглядел он довольно устало и потрёпанно. На одежде виднелись дыры, сам он был покрыт слоем пыли, и даже капюшон его был кое-где порван. На плече он держал тело. Наверняка тело Зикера. Кого ж ещё-то?

— Доигрался, — покачал головой старик.

Мне тут же вспомнилось, что точно с такой же интонацией и то же самое говорил мне в детстве мой отец, когда я что-нибудь ломал или получал очередную травму.

— А что такого? — отмахнулся Кельнмиир, откидывая капюшон. Под капюшоном обнаружилось жутко бледное лицо. — Зато повеселился на славу.

Он небрежно сбросил Зикера с плеча на пол возле стола, будто то был не человек, а мешок с... сеном. Отряхнув руки, подсел к столу и, взяв чайник, осушил его прямо из носика.

— Фу. Опять ты эту гадость пьёшь, — сказал он, когда чайник опустел. — И как это пить можно?

Хм... сам-то выпил, когда приспичило.

— Так не пей, — пожал плечами старик и кивнул в сторону Зикера: — А сюда-то ты его зачем притащил?

— Он ещё жив, — пояснил Кельнмиир.

— Что-то я тебя не узнаю, — подивился старик, явно издеваясь. — Противник Великого, и до сих пор жив.

— Ты как? — наконец решил я подать голос. А то сiju, молчу...

— Я? — Кельнмиир топнул ногой. — На своих двоих. А этот...

Старик кряхтя поднялся:

— Тоже на твоих двоих.

Я не выдержал и усмехнулся.

— Чего смешного? — зыркнул на меня Кельнмиир.

— Да я так, — едва сдерживая смех, пробормотал я. Мне почему-то стало жутко смешно. Наверное, нервное.

— Так что ты с ним столько возился-то? — не успокаивался Неил.

Кельнмиир смутился.

Честное слово, взял и смутился.

— Странно как-то получилось. На все мои трюки у него уже были заранее заготовлены контрзаклинания. Или он скрытый гений, или кто-то его подготовил ко встрече со мной. Должен признаться, я даже слегка выдохся.

— Слегка?! — переспросил старик. — Да сейчас даже я тебя заставлю танцевать стриптиз на Площади Семи Фонтанов. Не стыдно?! А ещё Великий...

Кельнмиир наверняка покраснел бы, если бы вампиры умели краснеть. А они, насколько я помню, этого делать не умеют. Зато вместо этого Кельнмиир вскочил и начал размахивать руками так, что я едва успел перехватить многострадальный чайник.

— Не, ну чё ты как я не знаю кто? Думаешь, я сам не понимаю, что слегка... ну хорошо... порядком облажался. Кто же мог знать-то?

— Я мог знать, — с готовностью ответил Вельхеор, вновь показавшись в чайнике, который я держал в руке.

Никто, кроме меня, его, как всегда, не услышал.

Я шёпотом, чтобы не услышали Кельнмиир с Наставником, спросил:
— Ты знал?

— Ты глухой или тупой? — уточнил Вельхеор. — Я же сказал, что мог
знать. Если бы был на месте Кельнмиира.

— Идиот, — беззлобно констатировал я. Я поднял глаза от чайника и наткнулся на внимательный взгляд Кельнмиира.

— Ты с кем это говоришь? — тихо спросил он.

Подозрительно тихо.

Вот я болван! Я же забыл, что у вампиров слух ого-го.

— С Ве... — честно собрался ответить я, но, вспомнив о реакции Кельнмиира на имя моего злополучного двойника, так и не договорил, — э-э-э-э-э...

Кельнмиир ободряюще сверкнул клыками:

— Ну?

Я даже чайник уронил. Тот с гулким звоном покатился по полу.

— Ой ты, ёшкин кот, в натуре достали. Никак поговорить не дадут спокойно! — возмутился Вельхеор всё с того же катящегося чайника. — Да со мной он говорит, со мной! Как дети малые, ну чесслово.

Что тут скажешь?

Я собрался духом.

— С Вельхеором я говорю, — наконец ответил я и на всякий случай зажмурился.

Бури не произошло.

Я приоткрыл один глаз и тут же вновь его закрыл, потому что лицезрение красных глаз и ослепительно белых клыков вампира в паре сантиметров от лица заставят нервничать кого угодно. Тем более меня, а я и так совсем дёрганый стал. Стрессы, блин.

Где-то рядом с моим ухом раздался тихий голос Кельнмиира:

— Где он?

Я чуть не подпрыгнул от вполне ожидаемой, но всё же неожиданности. Однако удалось удержать себя в руках. Сам не знаю как.

— На чайнике, — так же тихо ответил я.

Или в чайнике? Чёрт. Как ни крути, а всё понять можно двояко.

Я подождал ещё некоторое время и вновь приоткрыл один глаз.

Кельнмиир уже успел отойти от меня и подобрать чайник. Он задумчиво вертел его в руках и размышлял вслух:

— То ли парень совсем спятил на почве... хм-м... просто на почве. То ли он не спятил, а я не замечаю очевидного. — Он ещё раз посмотрел на чайник и бросил его в другой конец зала. — Не-э-э. Чтобы я да чего-то не заметил? Парень точно слегка скатился с катушек. Неил, всё это время спокойно сидевший за столом, неодобрительно покачал головой, но промолчал.

— М-да, а Кель то так и не изменился, — послышалось из того угла, в который только что улетел чайник. — Всё такой же болван. Всё. Достали вы меня, щас будет весело.

Я успел увидеть лишь расплывчатый силуэт, а секунду спустя в руках у Кельнмиира оказался всё тот же многострадальный чайник.

— Это что за вольные игры?! — вскричал он и бросил чайник с такой силой, что тот врезался в стену и... должен был бы разлететься на кусочки или хотя бы погнуться, но вместо этого отскочил, будто резиновый, и вновь устремился к Кельнмииру.

— Испепелю! — возмущённо взрыкнул вампир и поднял руки над головой.

Чайник одумался и, резко изменив траекторию, плюхнулся на стол прямо передо мной. На боку чайника застыло счастливейшее лицо Вельхеора. Или моё? Не-э-э, не моё. Я так идиотски выглядеть не могу. Я надеюсь, во всяком случае.

— Во дурак. Когда же до него дойдёт? — спросило моё отражение и расхохоталось. Неужели я тоже так смеюсь? Больше не буду, как от меня люди-то не шарахаются?

Кельнмиир неожиданно успокоился. Покрутил между пальцами небольшую шаровую молнию, всё ещё размышляя на тему: «Бросать или не бросать?» — и деловито сел за стол рядом со мной.

Он ещё немного посидел, потом вздохнул и, наклонясь ко мне, тихо спросил:

— Давно телекинез освоил?

Тут уже не выдержал я и присоединился к своему отражению в чайнике. Мы слегка посмеялись... минуты три, причём все три минуты Кельнмиир сверлил меня злым взглядом, а потом Вельхеор решил заявить о своём присутствии во весь голос. Да-да, именно во весь голос. Хорошо хоть, что он меня предупредил.

— Слышь ты, уши заткни, щас я этому чуду буду являть свой глас. Мне кажется, что, если постараюсь, он меня услышит.

Я приготовился, но уши всё же затыкать не стал. А зря. Кто же мог знать?

Когда Вельхеор начал кричать, честное слово, я сначала решил, что здание рушится.

Звуковая волна была такой силы, что оставалось удивляться, как меня вместе с креслом не унесло из зала. Может, кресло, с полу прибито?

Оказывается, у Вельхеора поставленный голос. Не просто поставленный, а поставленный на такое место и таким образом, что это не голос, а оружие массового поражения какое-то. Смесь Карузо, Тарзана и обиженного Кинг-Конга.

— Кельнмиир! Самовлюблённый засранец!

Я слегка запоздало заткнул уши. Ни Кельнмиир, ни старик не выглядели удивлёнными и уж тем более оглушёнными. Неужели и теперь ничего не слышали?

Когда слух ко мне немного вернулся, я наконец-то смог понять, о чём говорят Наставники.

— Да точно тебе говорю, я что-то слышал. Что-то отдалённое и очень тихое, но что-то до боли знакомое, — настаивал Наставник Кельнмиир (простите за каламбур, но как есть).

Старик всё так же загадочно молчал и качал головой.

Кельнмиир обратил свой взор на меня:

— Вот ты что-нибудь слышал?

— Ага, — с нервным смешком подтвердил я. — Что-то отдалённое и еле слышимое.

Чайник на столе слегка покачнулся.

— Ах еле слышимое?! — проревел Вельхеор. — Ну, щас я вам покажу еле слышимое!

— Стой! — Я вскочил с кресла, надеясь успеть выскочить из здания, убежать из города и улететь на другую планету, но было поздно.

— Кельнмиир! Самовлюблённый засранец!

Я упал обратно в кресло, и меня замутило. В глазах поплыли красные круги, а голова неожиданно стала ватной. Промелькнула мысль: «оглох». Как пить дать оглох. Как же я теперь?

Кельнмиир что-то сказал мне. Я, естественно, не услышал. Он ещё раз что-то сказать и вопросительно уставился на меня своими красными глазами. Я лишь пожал плечами. Он воспринял это движение как ответ на свой вопрос и отстал от меня. У них со стариком начался спор. Вернее, спорил Кельнмиир, а Неил лишь молча качал головой. Заело его, что ли?

Вопреки моим опасениям, слух всё же вернулся. Хотя и не сразу.

— ...Значит, ты полагаешь, что это Вельхеор? — Старик кивает. — А ты уверен? — Старик качает головой.

— А я уверен, что это не Вельхеор, — всё ещё упирается Кельнмиир.

— Но мы же что-то слышали.

О! А я думал, что старик бойкот Кельнмииру объявил.

— Да. Но что? Это было так отдалённо и искажённо... хотя что-то очень знакомое безусловно угадывается.

— А вы расслышали слова? — наконец-то спросил я и сам удивился. Мой голос совершенно определённо дрожит. Точно, нервы ни к чёрту.

— Не очень, — слегка смутился старик.

Судя по выражению его лица, он явно всё расслышал, но не хочет произносить эти слова вслух. Я его понимаю вообще-то. Вот только мне уже всё надоело.

— Голос кричал о том, что Кельнмиир самодовольный засранец, — проинформировал я собеседников. Все трое отреагировали по-разному.

Неил сделал вид, что временно оглох. Вельхеор заплодировал и засвистел, а сам Кельнмиир моментально оказался рядом со мной.

— Повтори ещё раз, и я на правах учителя отправлю тебя на рудники.

— Я лишь повторил сказанное... вернее, крикнутое Вельхеором, — неуверенно оправдался я.

— Щас я ещё разок крикну, — решил Вельхеор.

Ещё одного раза я бы уже точно не выдержал, поэтому пришлось начинать активные действия по спасению собственного слуха.

Я схватил чайник, поднёс к лицу и нежно так произнёс:

— Только крикни. Я ж тебя в твоём долбаном астрале достану и так по шее надаю, что мало не покажется.

Кельнмиир посмотрел на меня если не вопросительно, то по крайней мере удивлённо.

Старик же и вовсе решил не обращать на меня внимания. Ну болтает человек сам с собой, и что такого?

— И как ты собираешься провернуть сие благородное деяние? — осведомился Вельхеор. Хотя бы не орёт, и то хорошо.

— Узнаешь, — всё ещё злясь, пообещал я и повернулся к Кельнмииру. — Раз ты не веришь, что я разговариваю с Вельхеором, то спроси что-нибудь такое, о чём мог знать только он.

— Логично, — согласился вампир.

Вельхеор впервые культурно промолчал, поняв свою промашку с криками. Нужно было не кричать, а всего лишь немного подумав головой.

Кельнмиир ненадолго задумался. Пока он размышлял, я с интересом глянул на Неила. Тот сидел в том же положении, что и минуту назад, и будто к чему-то прислушивался.

Наконец Кельнмиир определился с вопросом:

— Кто убил Алисию?

— Не я, — тут же пискнул Вельхеор. Вот только я не понял, к чему этот вопрос...

Наверное, что-то действительно важное.

— Не он, — честно повторил я.

— Ах не он?! — Кельнмиир ударил кулаком по столу, и стол рухнул всем своим весом прямо мне на ногу. Ой ё... больно-то как.

— А кто же, позвольте узнать?! — продолжал бушевать Кельнмиир.

Я откуда знаю? Меня-то за что по ноге?! Вельхеор пожал плечами:

— Не знаю, кто её убил, но точно не я. С чего он вообще такое взял?

— С чего взял?! Да кто же кроме тебя мог это сделать?! — потряс кулаками Кельнмиир и тут же замолчал, удивлённо посмотрев по сторонам: — Э-э... а с кем это я разговариваю-то?

— Со мной, — с готовностью ответил Вельхеор.

Кельнмиир явно ничего не просёк.

— С кем со мной?

Вельхеор громко и тяжело вздохнул, закатив глаза.

— Ну не дурак, а? Не зря тебя ещё в школе тормозом называли.

— Не было такого.

— Ты кому заливать-то будешь? — возмутился Вельхеор. — А кто тебя в четвёртом классе от прогулов отмазывал, когда ты по клубам шлялся?

До Кельнмиира наконец начало доходить.

— Вельхеор, ты, что ли?

— Да он это, он, — подал голос Неил. А я уж думал, что он уснул. — Пока ты здесь дурью маялся, я состряпал одно заклинаньице старое... для общения с астралом. Поди ж ты заработало.

— Сработало, — согласился Кельнмиир, подозрительно косясь на чайник. — А почему я на чайнике никакого Вельхеора не вижу?

Я глянул на чайник. Да нет, вот он. Всё так же корчит рожи.

— Почему это он меня не видит? — сварливо осведомился Вельхеор.

Правильно. А то вся клоунада насмарку. Старик терпеливо пояснил:

— Потому что жирно буде! Скажи спасибо, что слышимость наладил.

— А достать его в астрале никак нельзя? — с надеждой спросил Кельнмиир. — Испепелить там или по ветру развеять...

— Ага, разбежался, — ответил за старика Вельхеор. Вообще-то впору удивляться. Почему старик знает больше Кельнмиира? Он что, специалист по астралу, что ли?

— Обидно, — констатировал Кельнмиир. — Тогда будем общаться.

— Будем, — смиренно согласился Вельхеор.

* * *

— Не убивал я её!

— Сказки не рассказывай.

— Да не убивал, я тебе говорю.

— Говори. От этого ничего не изменится.

— Шо ж ты такой тупой-то? Зачем мне её убивать было?

— Затем, что ты не хотел, чтобы она встречалась со мной.

— Так по этому поводу мне тебя нужно было убивать, а не её.

— Кишка тонка. Вот ты её и убил.

— Не убивал я её!

— Сказки не рассказывай...

Вот таким образом они и общались уже целый час. Общение высших разумов. И это существа, прожившие на свете по три тысячи лет. Смех да и только. А ведь они даже в школу в детстве вместе ходили. Правда, всегда соревновались между собой. Но всё равно оставались друзьями. До того момента, пока Вельхеор (или не Вельхеор) не убил Алисию. Кто такая Алисия, я понял смутно, но, по-моему, Кельнмиир её любил.

Старик уже откровенно зевал, а я всё ещё пытался выяснить из диалога вампиров что-нибудь посущественнее. Что весьма непросто, должен заметить.

— Не убивал я. Достал уже. Щас как чайником в лоб дам.

— Испепелю, — спокойно ответил Кельнмиир.

— Но-но! — проснулся старик. — Ты так нарушишь связь. Я её на чайнике законтачил.

— Вот и фиг с ней. Всё равно толку никакого, — отмахнулся тот.

— Да, толку действительно немного, — согласился Вельхеор.

— Ты убил её!

— Не убивал!..

Опять двадцать пять. Всё заново, что ли? Не-эт. Пора это дело прекращать.

— Слушайте. А кто-нибудь скажет мне, что за Алисия такая? — вклинился я.

Оба вампира от неожиданности замолчали.

Слово взял Кельнмиир, как самый материальный из двоих.

— Она была красива, как алая роза. Её голос был божествен, а нрав колюч.

— Иногда чересчур, — добавил Вельхеор.

— Да что ты понимаешь?! — вскричал Кельнмиир.

— Да поболее твоего, сестра как-никак.

Меня как молнией ударило. Я ошарашено уставился на Кельнмиира.

— Стоп! То есть ты обвиняешь его в убийстве собственной сестры?

— Оказывается, в этом помещении не один тормоз, а целых два, — восхитился Вельхеор. — Конечно. Вот только я не могу понять, почему именно меня
?!

— Потому что есть свидетели, которые видели, как ты выходил из её комнаты за час до её смерти. Причём выходил злой как чёрт.

— Мало ли. Это ещё не повод для подозрений, — проворчал Вельхеор.

Мысленно я с ним согласился.

— Да. Это не повод. Но есть свидетель, который видел, как ты её убил. Это тоже не повод?! М-да. Если это не повод, то что же тогда повод?

— Бред, — констатировал Вельхеор. — И кто же этот свидетель?

— Мой родственник, — веско ответил Кельнмиир.

— Это усложняет дело, — признал Вельхеор. — Но я не убивал свою сестру. Я её любил, чёрт возьми, она же моя младшая сестра!

— Вот именно! Какая же ты сволочь!

— Не убивал я её...

Опять началось. Это просто бесконечный процесс. Они так могут общаться дни напролёт? Мне почему-то кажется, что им это даже нравится. Хорошо ещё, что Вельхеор нематериален, иначе они бы полгорода разворотили, выясняя отношения. Никакие охраняемые сферы не помогли бы.

Наставник Неил всё так же сидел и смотрел в никуда. Как будто в прострации. Может, у него уже старческий маразм начался? Или опять какие-то заклинания вспоминает?

И ведь не вступишь ничего в перебранку. Я же не знаю ничего толком. Что за девушка? Что за свидетель? Стоп. А что, собственно, за свидетель? Родственник. А что за родственник? Спросить у Кельнмиира, что за родственник, я не успел. Старик неожиданно поднял голову и впервые громко сказал:

— У нас гости. Если они и званые, то звал их точно не я.

— Это я позвал, — тут же среагировал Вельхеор. — Пиццу заказывали?

— Чего? — опешил Кельнмиир.

— Тёмный ты, — повинил его Вельхеор. — Пицца — это такая круглая хреновина, которую любят жрать зелёные черепашки.

«Он и до телевизора успел добраться!» — ужаснулся я.

Очередной вопрос Кельнмиира был нагло прерван грохотом рухнувшей стены. Или двери... кто их разберёт. Поднялась туча пыли, вмиг прикрывшая пришельцев.

Кельнмиир без единого звука вскочил и спустя долю секунды оказался справа от меня.

Старик дипломатично остался сидеть в кресле, а мне пришлось оставаться на месте, то есть в центре внимания непрошенных гостей.

Я не упомянул о Зикере, потому что он, естественно, так и продолжал валяться на полу, и Вельхеора. Что толку в очередной раз описывать, как он корчит рожи? Тем более если эти рожи в общем-то мои.

— Кто посмел?! — вскричал Кельнмиир.

Его лица я не видел, но по его стойке понял, что он принял боевую трансформацию. Я будто воочию увидел горящие яростным огнём глаза и оскаленные в полуулыбке клыки. Да, вампир в боевой форме — это страшно. Кто рискнёт портить с отношения с такой машиной для убийства?

Правильно, ещё одна машина для убийства.

Пыль начала оседать, и выяснилось, что гостей всего двое.

Первым был толстый мужичок в зелёном одеянии и со странным выражением лица — то ли извиняющимся, то ли издевающимся. В любом случае ничего хорошего в этом лице не было.

Вторым оказался преклонных лет вампир, похожий на Кельнмиира как две капли воды.

Говоря о преклонных годах, я подразумеваю человека, по внешнему виду близкого мне.

Для вампира, по-моему, это уже едва ли не черта старости. Только этот вампир не принимал боевой формы, а всего лишь недобро ухмылялся, что, впрочем, почти одно и то же. Гардероб же ничем не отличался от гардероба Кельнмиира. Как братья родные, честное слово.

— Никак мой ненаглядный родственничек! — делано удивился гость. — Что же ты делаешь в стане заговорщиков и врагов короны?

— Кого?! — Я чуть не осел на пол.

— А ты помолчи, — недовольно пробормотал вампир и дал знак «зелёному».

Тот пожал плечами, как-то по-особому щёлкнул пальцами и земля поплыла у меня из-под ног. Вернее, это я поплыл. Какая-то сила приподняла меня над полом и скрутила руки и ноги так, что я даже дышать едва смог. Оказалось, что меня обвинил какой-то странный побег, чудом проросший сквозь сплошной камень. М-да... действительно чудом.

— Агх... — начал было я, но в рот мне тут же воткнулся какой-то гербарий.

Тут уж не до разговоров стало. Привкус у этой зелени гадкий, горьковатый, так ещё и не продохнёшь толком.

— Эй! Ты чё се, фраер, позволяешь, в натуре? — высказался за меня Вельхеор.

Кельнмиир не преминул бросить в его сторону очередной полный удивления взгляд. Опять что-то не понял. «Зелёный» же Вельхеора не услышал или сделал вид, что не услышал. — Так это ты стоишь за всем этим? — спросил Кельнмиир, хотя вообще-то всё было понятно даже мне.

— Ты не рад своему дяде? — обиделся гость. — Как нехорошо забывать родные корни.

— Почему же нехорошо, если эти корни гнилые? — сделал ответный выпад Кельнмиир.

— Один — ноль, — восхищённо продекламировал Вельхеор. — Делайте ставки, господа! Вот неугомонный, лучше бы мне помог, ах да... он же не материальный. А что же Наставник Неил сидит и молчит? Хм... судя по сосредоточенному лицу, он опять чего-то химичит.

— Зачем же так грубо о любящем дяде? Я ведь заботился о твоём воспитании, оберегал тебя от ошибок.

— От себя бы поберёг... ошибка... — пробормотал Вельхеор.

На лице Кельнмиира отразилась усиленная работа мысли. Хех, вампиры же ничего не забывают... столько, наверное, хлама в голове. Пока отыщешь то, что нужно, оно уже и нужным-то перестанет быть.

— Что-то не припомню твоего активного участия в моём воспитании и судьбе. Если честно, то я вообще никакого участия не припомню, — заметил Кельнмиир.

— Во-во, — согласился Вельхеор. — Самое активное участие в его воспитании, по его мнению, принял я, убив свою собственную сестру.

Кельнмиир дёрнулся как от удара, но промолчал.

Его «дядя» принял это на свой счёт.

— А-а-а, припомнил?

Чего припомнил-то? К чему этот «дядя» клонит?

— Нет, — честно сказал Кельнмиир. — Мне плевать на прошлое. Чего тебе сейчас от меня надо?

«Дядя» расхохотался:

— От тебя? Да ничего мне от тебя не надо. Мне и тебя-то не надо. Так уж сложилось, что ты должен исчезнуть. Вот и всё.

Я дёрнулся в объятиях травы. Сорняк какой-то.

А-а-а! Так вот кто этот мужик в зелёном! Это же наверняка Сорняк, как его назвал Кельнмиир. Как его там? Потомственный друид. Что мне даёт это знание? Ничего... пока ничего, а там поглядим. В любом случае, узнать врага — значит наполовину победить его.

— Хех, ну попробуй, заставь меня исчезнуть, — вновь оскалился Кельнмиир.

— Всеми своё время, племянничек, — отмахнулся вампир. — А сейчас у меня есть ещё один маленький интерес.

Он подошёл ко мне и заглянул в глаза.

— Вееельхееор, — позвал он, вглядываясь, как мне показалось, в самую суть меня.

Никакого Вельхеора, конечно, в моей сути не было. Зато он обитал неподалёку, прямо на чайнике.

— Чего тебе? — спросил он, заинтересованно наблюдая за действиями «дяди» Кельнмиира.

— Неужели он действительно не Вельхеор? — спросил тот и, не услышав ответа, продолжил размышлять: — То есть он действительно поменялся местами с жителем другого мира? Хм-м... интересно, нужно в этом разобраться... Пожалуй, я его пока оставлю в живых.

«Вот спасибо-то», — подумал я, мысленно изобразив нечто вроде дыбы, на которой был распят мой «благодетель».

Вельхеор удивлённо присвистнул.

— А у тебя же оказывается, есть воображение и вкус. Из тебя ещё что-то может получиться. Опять, подлец, мысли подслушивает.

У меня тут же появилась ужасная догадка. А не читает ли этот «дядя» мои мысли?

Я опасливо посмотрел на него, но тот был так увлечён рассуждениями, что не заметил бы, кажется, даже моего исчезновения.

— Новые миры — это новые ресурсы, новые открытия... хм-м... интересно. Да, кстати, — невзначай добавил он, повернувшись к Сорняку. — Ты пока что кончай с этими двумя, а то мне некогда.

— Всегда пожалуйста, — ответил Сорняк, но в голосе его слышалось что-то другое, более всего похожее на «да пошёл ты!».

Кельнмиир уже давно был готов, и поэтому атака Сорняка не застала его врасплох. Едва у него под ногами задрожала почва (вернее камень), готовясь извергнуть шустрые побеги, как он взмыл под потолок и шустро кинул фаербол в лоб Сорняка. Тот на удивление проворно для своей комплекции увернулся и начал махать руками, творя что-то явно грандиозное.

Что интересно, старый Наставник продолжал спокойно сидеть, глядя в одну точку, и даже Вельхеор куда-то пропал со своими ехидными замечаниями. Что-то они там готовят.

Вопрос в том, к добру это или нет.

Я и не заметил, как хватка побега, который меня удерживал, ослабла. На радостях мне даже почти удалось высвободить руки и выплюнуть изо рта гадостные побеги. Лучше бы я этого не делал. Хватка тут же стала ещё сильнее, но это ещё полбеда. Худшим оказалось то, что, пока Кельнмиир разводил разговоры, обвиняющий меня побег превратился во что-то невероятное. Больше всего теперь это напоминало осьминога. Огромный «клубень» шевелящихся отростков, в центре которого оказался я сам. Теперь Кельнмиир не смог бы бросить свой любимый фаербол в шевелящийся зелёный «клубень», не задев при этом меня. Ну и сволочь же этот Сорняк! Чёрт, где моя газонокосилка?

Кельнмиир, по всей видимости, пришёл к тем же неутешительным выводам, что и я. Он, уж и не знаю откуда, достал два огромных меча и начал продвигаться в мою сторону, рубя направо и налево. Правильно, вот когда меня легко было освободить, тогда обо мне никто не думал, а как обложили со всех сторон, теперь опомнились. Вернее, опомнился. Почему старик-то халявит?! И где Вельхеор бродит, пока я тут сдерживаю напор этого Сорняка? Всё приходится самому делать.

Я вздохнул и использовал единственное доступное мне оружие — зубы. Сначала я разжевал и выплюнул горькие листья (ну и гадость!), а затем начал методично грызть побеги «клубня». Противно, а что делать?

Кельнмиир продолжал скакать из одного угла Школы в другой. Несмотря на то что рубил он как заправский лесоруб, побегов не становилось меньше. Но самое ужасное не это. Сколько я ни грыз это чёртово растение семейства клубне-воосьминоговых, толку было ноль. Едва я отгрызал кусок, как его место тут же зарастало. Только зубы зря попортил. Кельнмиир, поняв, что так он ничего не добьётся, решил немного изменить тактику. Его мечи зажглись весёлым пламенем, и дела тут же пошли на лад. Там, где проходили огненные мечи, новых побегов больше не возникало. Жаль, что я с зубами ничего похожего сделать не могу.

Пришлось продолжить висение в ожидании спасения. Оставалось только смотреть по сторонам и ругаться. Про себя, конечно, потому что гадкие листья опять каким-то чудом (что не удивительно, ведь здесь все «каким-то чудом») заткнули мне рот. Я говорил, что они очень гадкие и противные?

«Дядя» Кельнмиира куда-то запропастился, но вскоре вернулся в компании Зикера.

И этот здесь!

Теперь их трое на нас четверых. А если учесть, что Вельхеор нематериален, я им вообще не противник, и то, что Неил вообще в какой-то маразм впал, то их трое на одного Кельнмиира. Хороша математика.

Наконец Кельнмиир закончил приготовление салата из «клубня» и я (о чудо!) оказался на свободе. Какая же гадость эти их побеги, блин, до сих пор привкус какой-то во рту.

— Что ж ты стоишь, порубили твоё творение-то, — обратился к Сорняку Зикер, насмешливо глянув на Кельнмиира и меня. То ещё, должно быть, зрелище. Я с зелёной от соков «клубня» физиономией и Кельнмиир, вовсе пропитавшийся этими соками до самых костей.

Сорняк обиженно закричал:

— Я ещё только разминаюсь.

Зикер начал засучивать рукава:

— Дай место профессионалу...

— Хватит, — перебил вампир — «дядя». — Навоевался уже... профессионал.

— А ведь творение-то и было рассчитано на то, чтобы его порубили, — самодовольно сказал Сорняк.

Мы с Кельнмииром переглянулись.

— В смысле? — не понял Зикер.

Сорняк заулыбался.

Никогда ещё не видел такой самодовольной рожи.

— Соки этого растения жутко ядовиты.

Мне слегка поплохело.

— Идиот, яды на вампиров не действуют, — зло вскрикнул Зикер.

— Зато на людей действуют, — тихо сказал «дядя» и неожиданно закричал: — Идиот! Он же мне живой нужен!

Меня начало раскачивать.

Так вот почему привкус такой противный был у этого «клубня». А я его ещё грыз... Я ж этого сока наглотался по самое не хочу! Ой дурно мне... ё...

Сорняк втянул голову в плечи:

— Я как лучше хотел...

— А получилось как всегда, — отрубил Зикер. — Что за яд-то хоть?

— Последняя разработка. Противоядие я покамест не придумал, — развёл руками Сорняк.

— Всё ясно, — обречённо произнёс «дядя». — Теперь можете делать с ними что хотите, а я пойду. Нет, ну какое дело запороли...

Так, возмущаясь про себя, «дядя» зашагал к выходу.

— Эй! Ты куда собрался? — крикнул Кельнмиир. — Я с тобой ещё не закончил!

Вампир остановился у выхода.

— Ты с ними сначала разберись... родственничек, — с усмешкой кивнул он на двоих Ремесленников.

— Только ты далеко не уходи, — уточнил Кельнмиир. — А то лови тебя потом...

— Ладно, только ради тебя, — решил вампир, — я подожду исхода.

С этими словами он опёрся о стену и с интересом стал наблюдать за дальнейшим развитием событий.

Я бы тоже с удовольствием посмотрел, но что-то мне не давало покоя. Может быть, то, что я отравлен смертельным ядом?! Я же скоро коньки отброшу! Ух... что-то в желудке жжение какое-то. А Неил чего сидит и ничего не делает?!

— Начали? — спросил Кельнмиир и тут же исчез.

Ну, может, и не исчез, но на том месте, где он был секунду назад, его не стало. Сорняк тут же начал махать руками, наверняка вызывая какие-то свои очередные грядки сорняков. Зикер же, напротив, начал окружать себя огненными стенами, столбами и мечущимися во все стороны шарами самых разных размеров. Кто не знает, могу напомнить: растения не очень любят огонь, а если быть точным, то они его боятся! Огонь и вода — противоположности, но растения-то для огня и вовсе лишь пища. Так что вполне логично, что все начинания Сорняка горели в прямом смысле слова на корню. Зикеру это тоже не очень помогало, потому что приходилось тратить лишние силы на преодоление неожиданных препятствий в виде растительности. Дошло до того, что эти двое начали натурально пихаться и толкаться, ругаясь на чём свет стоит.

Кельнмиир всё это время преспокойненько сидел на потолке, будто заправская муха, и наблюдал за боем не на жизнь, а на смерть между двумя Ремесленниками.

Ох... а у меня что-то совсем желудок свело. И жарко чего-то. Хотя, скорее всего, меня просто опалил Зикер.

Не найдя ничего лучшего, я уселся на пол. Правда, ощущение нетвёрдости камня под ногами, а теперь и под другими частями тела не проходило. Кхой... и где же Вельхеор? Я же его тело порчу. Или ему уже не важно?

Пока я пытался хоть немного прийти в себя, Кельнмиир каким-то образом умудрился опалить Сорняка. Тот всё ещё стоял на ногах, но уже не так твёрдо, а на его лице и одежде виднелись явные следы копоты. Вот только, возможно, это его Зикер в запале запалил...

Хм... странное чувство, как будто я в море и меня так качает и качает... А говорят, что перед смертью перед глазами вся жизнь пролетает. Я вот лично кроме треснутого, в следах копоты и слизи пола больше ничего не вижу. Нужно хоть голову приподнять...

Кельнмиира уже начали теснить. Наконец Зикер и Сорняк на чём-то сошлись и напали на Кельнмиира общими силами. Причём весьма удачно. Тот едва успевал уворачиваться от длиннющего огненного хлыста со стороны Зикера и странного зелёного жала, напоминающего хвост скорпиона, со стороны Сорняка.

— Кельнмиир! — раздался наконец-то голос Вельхеора. — Я понял!

Кельнмиир никак не отреагировал на крик Вельхеора, потому что был, мягко говоря, немного занят.

Язык отказывался меня слушаться, но я всё же выдавил:

— Что понял?

Вообще-то я хотел закричать со всей силы. «Помогите кто-нибудь, я умираю, блин!», но любопытство даже в такой момент взяло верх.

— Я понял, что имел в виду «дядя», когда говорил об ошибках юности! Это он убил мою сестру!

Время как будто остановилось. Глаза Кельнмиира расширились, а затем налились такой злобой, что Сорняк и Зикер невольно отступили на шаг... другой...

— Канмиир! Я тебя убью! — вскричал Кельнмиир и так оскалился... В его лице не осталось ничего человеческого.

Сорняк и Зикер откровенно струхнули и отступили ещё на несколько шагов к выходу. Я был, безусловно, рад, что всё стало ясно... Но я — то умираю!

— Пом... — начал я. — Помогите...

Вот только никто моих слов не услышал. Немудрено. Я сам-то с трудом себя расслышал.

* * *

Хорошо хоть твердь подо мной уже не раскачивается. Правда, я и тела уже не чувствую...

* * *

Кельнмиир взревел и ринулся на Ремесленников...

* * *

Те, уже придя в себя, оцетинились заклинаниями и, собравшись с силами, дали ему отпор...

* * *

Старик Неил всё так же сидит и смотрит в одну точку... Вот халявщик-то, блин.

* * *

У Кельнмиира с Ремесленниками сложилась явно патовая ситуация. Любой судья признал бы твёрдую ничью...

* * *

Канмиир оторвался от стены и, отряхнув руки, подался вперёд, явно собираясь помочь Ремесленникам...

* * *

Всё заволокло туманом... а ведь я совершенно определённо ещё не умер. Вот через пару секунд умру... но пока я ещё жив...

* * *

И Вельхеор меня бросил... Хотя он и сволочь порядочная, но я к нему, если честно, уже немного привык. Интересно, а он действительно издевался над людьми и проводил опыты?..

* * *

Кельнмиира теснят. Он уже едва успевает уворачиваться от фаерболов и летящих с разных сторон колючек каких-то красных растений. А ведь Канмиир ещё даже не вступил в битву...

* * *

Мысли текут вяло... Они уже почти и не текут... Там, где была полноводная река, остался усыхающий ручеёк...

* * *

— Вельхеор! — закричал я. Нет, не из последних сил. Они меня покинули уже давно. Просто этот крик был чем-то вроде предсмертной судороги...

* * *

Глаза закрываются... Эй! А старик-то очнулся... ещё и улыбается. Совсем офи... офи... гел...

* * *

Меня обволакивает темнота.

* * *

— Получилось! — донёлся до меня крик старика. — Я подобрал заклинание!

Закли... нание?!

Откуда-то из другого мира... из другой вселенной послышался радостный вопль Вельхеора:

— Ну, пеняйте теперь на себя, гаврики! Щас я вам такую Хиросиму с Нагасаки покажу!

Кельнмиир, держись, щас у нас все огребут, кто не сделал харакири и сам не скинул тапочки, я не виноват!

Часть III

А дома...

Глава 19

— ...А дома я бы сделал евроремонт. Не еврохохлоремонт, а именно евроремонт. Мебель новую купил бы, три двери железные поставил бы, чтобы уж наверняка. Ещё решётки на окна поставил бы. Компьютер, технику... Да чего уж там, что теперь мечтать. И вообще, мечтать всегда поздно. Тем более, когда деньги уже давно тю-тю. Вот такие дела, Алексей Геннадиевич, — закончил я свою невесёлую тираду. — А теперь я должен отчитаться перед Хазом о расследовании, объяснить одной внеправительственной, но очень влиятельной структуре своё недельное отсутствие и ещё чёрт знает что сделать, чтобы, по крайней мере спать спокойно.

Я закинул ногу на ногу и обречённо посмотрел на Алексея Геннадиевича, который мирно попивал кофе и пыхтел сигаретой.

— Что посоветуешь?

Он задумчиво провёл ладонью по чисто выбритому подбородку.

— Что тут посоветуешь? У тебя родственников в Африке нет?

— Чего? — поперхнулся я.

Влюблённая парочка, сидящая за соседним столиком кафе, кинула на нас удивлённый взгляд и вновь вернулась к щебетанию на понятном одним им языке. Везёт им...

— Того, — передразнил Алексей. — Может, в Африке и сможешь затеряться, а в Европе ты как на ладони. В наше время тебя не то что «очень влиятельная структура», тебя даже скромная государственная и та за день отыщет. Хотя, если сделать пластическую операцию — нос такой волевой армянский, уши поменьше, да ещё потолстеть на кило этот двадцать... Во! А ещё лучше — просто поменяй пол!

Я даже, вопреки своей врождённой культурности, чуть не сплюнул сгоряча. Примерно то же самое мне Чиж утром сказал. Почему меня окружают люди, которые с таким удовольствием зубоскалят над моими проблемами?

Алексей увидел мою реакцию и решил прекратить издевательства.

— А если честно, то брось ты трястись. Я сомневаюсь, что ты сам до этого не додумался, а если и не додумался, то вскоре додумаешься, когда согласишься спокойно подумать, — он на секунду остановился, пытаясь вникнуть в то, что сказал. — А всё действительно просто. Деньги ты, понятное дело, не вернёшь. Как бы мне ни было стыдно за своих сослуживцев, но помочь тебе я не смогу. Сам президент не смог бы, куда уж мне.

Я скептически посмотрел на Алексея:

— Главное — узнать кто, а уж забрать деньги я смогу как-нибудь.

— Даже скажи я тебе, кто забрал твои деньги, он их наверняка уже потратил. Что ты его, на счётчик поставишь? Опустишься до вымогательства?

— Поднимусь, — проворчал я. — Главное деньги вернуть.

— Ты это дело брось. Добрее надо быть, — не очень к месту сказал Алексей.

Будешь тут добрее, когда родная милиция, которая якобы меня бережёт, грабит самым подлым образом.

— Ладно, допустим, с потерей денег я смирился. Что дальше-то?

— А-а-а, — Алексей поднял указательный палец. — А дальше всё просто. Ты спокойненько печатаешь интервью с человеком, прошедшим Посвящение в секте «Братства крови», и отдаёшь его Хазу.

— Это где я тебе такого человека найду? — не понял я.

Алексей посмотрел на меня как на недоразвитого.

— А-а... — смутился я. — Ага. Понятно. Возьму интервью у себя. Допустим, это пройдёт и Хаз меня не четвертует за задержку. А что с Агентством?

— Агентству нужен человек для исследований? Так иди, и пусть они тебя исследуют. Тебе-то какое дело? Месяц поисследуют, а там у тебя обязательств не будет, и ты можешь быть свободен на все четыре стороны.

Я поставил локти на стол, упёрся в ладони подбородком и заинтересованно посмотрел на капитана.

— Ну допустим, они меня начнут исследовать (как мышку белую, ей-богу). И, опять-таки допустим, решат проверить какие-нибудь из моих способностей. Но главная-то проблема не в этом. Главное в том, что способностей-то больше нету!

— Ну и бог с ними, со способностями, — махнул рукой Алексей. — Ничего хорошего они тебе не принесли.

— Ага, — согласился я. — Но ведь среди моих способностей значится и быстрое восстановление тканей, а проще говоря — живучесть! Вот и проверят они меня — выстрелят из чего-нибудь крупнокалиберного, и поминай как звали.

— Да, это проблема, — согласился Алексей. — Но решать проблемы нужно по мере их поступления. Пока в тебя никто стрелять не собирается. Так что сначала сдай статью Хазу, затем иди в Агентство, а там уж поглядим.

О том, что глядеть придётся мне, в то время как он будет где-то далеко, я решил промолчать.

— Ладно, уговорил. И ещё один вопрос... у тебя компьютера займы нет?

* * *

Я покинул кафе с гостеприимным названием «Сумерки» в слегка растрёпанных чувствах. С одной стороны, мне стало определённо легче на душе после того, как я рассказал Алексею обо всём, что произошло со мной в

этом

мире. Но ведь был ещё

тот

мир. И о том мире я бы не рискнул рассказать ни одной живой душе. Сам-то вспоминать об этом боюсь. Как бы с катушек не слететь.

Но перед глазами всё ещё стоит схватка Кельнмиира с Ремесленниками и улыбающийся загадочной улыбкой старик, а в ушах до сих пор звучит крик Вельхеора. Надеюсь, что у них там всё в порядке. Только сейчас до меня начала доходить вся опасность моего путешествия. Бросало меня, как листик по ветру, и лишь чудом не попал я в огонь, лишь чудом меня не смяла в тугой комок злая судьба. Не обращайтесь внимания, я так начинаю выражаться, только когда очень волнуюсь. А ведь в

том

мире от меня почти ничего не зависело. Кем я был в

том

мире? Никем. Ничего не знаю, ничего не умею. Это только в книгах герой в чужом мире крут как никогда. А где бы был я, если бы не друзья, которые возились со мной и помогали чем могли? А ведь могли они очень многое. Надеюсь, у них всё в порядке, очень надеюсь... Если бы я умел молиться, то наверняка помолился бы за них, вот только будет ли толк от моих молитв в их мире. Это ведь я сейчас так спокойно

размышляю, а когда я, неожиданно провалившись во тьму, начал куда-то падать... а затем вдруг свет в глаза и боль... Боль в атрофировавшихся за несколько дней мышцах.

* * *

Я судорожно вздохнул и распахнул глаза. На глазах тут же выступили слёзы, и я попытался их смахнуть, но рука повисла плетью, не желая подниматься. Я попытался вскочить на ноги, но добился лишь того, что тело моё скатилось с кровати на пол. И новая боль... Во второй раз я открыл глаза лишь спустя час... день... не знаю. Но боль в теле отступила и на смену ей пришла опустошённость. Я даже не стал пытаться вставать. Я просто лежал и думал. Думал о том, как же я смог вернуться. Думал о том, чем же закончилась битва. Много о чём думал. Легче не становилось. Это напоминало то чувство, когда ты дочитываешь интересную книгу и, откладывая её, понимаешь, что ты всего лишь в реальном мире. В самом обычном мире, в котором тебе завтра вставать на работу, а вечером идти с друзьями на попойку. Мир без приключений и подвигов. Без прекрасных дам сердца. Повседневность и обыденность — вот владыки нашего мира. Спустя час или два я накрутил себя настолько, что больше не мог лежать. Я вскочил, охнув от боли, и начал ходить, вернее, еле волочиться по квартире в поисках неизвестно чего. Чего-то. Чего-то, что смогло бы вернуть меня туда. Я хочу вернуться!

Вельхеор ты слышишь меня?! Я хочу обратно!
Тишина.

Я ещё некоторое время пометался по квартире и в результате, плюнув на это неблагоприятное дело, пошёл на кухню. Кушать-то хочется.

Кстати, только чуть придя в себя, я заметил, что одет-то я в чистейшие брюки, причём явно не мои! Футболка тоже была не моя. Какая-то белая, с непонятным рисунком и надписью на английском, перевести которую я не смог.

На кухне меня ожидал сюрприз. Сюрприз лежал на столе и выглядел весьма аппетитно. Это был огромный домашний пирог. Я чуть на пол не сел. Это что же, Вельхеор мне приготовил, что ли? Вампир-домохозяйка? Кроме него вроде бы и некому.

Я недолго думая поставил чайник и через несколько минут уже уплетал пирог за обе щеки. Вкусотища...

И кто мне его оставил? Не говоря уже о том, кто меня здесь оставил. Вельхеор, помнится, говорил, что его выгнали из моего тела. Кто? Каким образом? Неужели этот загадочный кто-то, после того как выгнал Вельхеора, привёз моё тело домой и аккуратно положил на кровать? Ага. А чтобы я не голодал, когда приду в себя, мне ещё и пирог оставили. Кстати, квартира, когда я её оставлял, тоже не была такой чистенькой. Этот кто-то ещё и убрался? Бред какой-то. Кому это нужно?

Я съел ещё пару кусочков пирога и решил осмотреть квартиру на предмет пропаж или появления новых вещей. Мало ли, может, камеры поставили или жучки...

Ничего нового. В квартире только прибрались. Зато как! Даже книги порванные все подклеили. И кому такое в голову пришло? Даже электричество с водопроводом починили! Сказка. Жаль, не знаю, кого мне благодарить.

Первый настоящий шок меня ждал в коридоре. Я проходил мимо зеркала и... Это же я!

Ну точно я! Кто же, кроме меня, будет таким небритым и с такими красными глазами. Красными?!

Уф... это же просто от усталости. А я уж было подумал...

Похудел-то как, бедненький (это я себе). Ничего, мы тебя откормим. Там ещё полпирога осталось...

Следующим моим порывом стал выход на балкон (для проверки). На улице солнышко, детиски во дворе играют, птички поют. Лепота.

И никакого зуда на коже. Наоборот, приятно, чёрт возьми.

Я — это снова я. Без всяких суперспособностей и связанных с ними суперпроблем. Как хорошо быть просто собой.

Вторым шоком для меня оказалась девственно чистая стена над моей кроватью.

Я даже и не сразу заметил, что глаза-то и след простыл. Всё не до этого было. А тут возвращаюсь с балкона, и... Пустота. Ну, не пустота, конечно, а обои старые. Но как-то непривычно. Я уже с глазом сродниться успел. Хотя, вообще-то, кроме меня на этот глаз никто внимания и не обращал. Наоборот, сразу про него забывали почему-то. Тоже довольно странно.

После длительной прогулки по квартире я успел устать и вновь проголодаться, поэтому следующим моим шагом стало поедание пирога.

Ох и вкусный пирог! Стоп, а это что? Под пирогом бумажка...

«Приятного аппетита. Когда придёте в себя (и в прямом и в переносном смысле), позвоните. Тел. 666. Открытое Общество Вельдм. Спросить Вельму».

Я даже подавился. На глаза навернулись слёзы, и я поспешил выпить воды.

Это ещё что?! Мало мне своих проблем, так ещё бабы какие-то на мою голову! Охо-хо. И что это за телефон такой? Что за бред? Да такого телефона на АТС вообще быть не может. Открытое Общество Вельдм... звучит как общество анонимных алкоголиков. Потом ещё выяснится, что это они выгнали Вельхеора из моего тела. Вот умора-то. Он сам, интересно, знал об этом? Или просто постеснялся мне сказать?

Нет, это просто издевательство какое-то. «Кровавые Братья», Открытое Общество Вельдм.

Что будет дальше, Клуб Вампиров и Оборотней?

Может, это ведьмы мой глаз со стены и спёрли? Нет, так дело не пойдёт. Нужно вернуть. Я им ещё покажу, как из моего тела вампиров изгонять без спросу!

Тут раздался звонок в дверь.

Милый моему сердцу похоронный марш. Эх, как хорошо оказаться дома.

Я заглянул в глазок и тут же распахнул настежь дверь.

— Чиж!

— Какие люди! — вскричал Чиж на всю лестничную клетку. — Где пропадал?

— Да так... — слегка смутился я. — То здесь, то там.

Чиж слегка понизил голос:

— Мне Лана сказала, что видела каких-то красоток у тебя. Аж три штуки. Ты где их откопал-то? Все рыжие, с зелёными глазами, если Лана, конечно, не врёт.

Я ошарашено посмотрел на друга.

Девушки? Это, что ли, из Общества Анонимных Вельдм, или как их там? Красотки, говоришь? Значит, точно позвоню, раз уж просят.

— Да так, бывшие одноклассницы, — отмахнулся я. — А ты-то сам как?

— Я-то хорошо. А ты так и будешь на лестнице держать? — уточнил Чиж.

Действительно, что это я?

— Заходи давай. Только обувь снимай, у меня чисто, — спохватился я.

— Одноклассницы поработали?

— В смысле? — не понял я.

Чиж ткнул пальцем в пол.

— Когда это у тебя в последний раз чисто было? В прошлом веке?

Я промолчал.

Мы прошли на кухню, и я едва успел выхватить из рук Чижа записку, так и лежащую на столе.

— Что это?

— Интимная переписка, — брякнул я, пряча бумажку в карман брюк.

— С одноклассницами, — подмигнул Чиж.

Вот привязался-то к этим «одноклассницам».

— С одноклассниками, — огрызнулся я, дав Чижу понять, что тема закрыта.

— Ты где всю неделю-то пропадал?

Хороший вопрос. Если бы я сам знал. В другом мире? Или, может быть, в беспамятстве и галлюцинациях?

— Работал. Мне же Хаз расследование поручил.

Чиж усмехнулся.

— Как же, слышан. Хаз всё бегал тебя искал, говорил, что задушит собственными ручищами. Сроки поджимают, а от тебя ни слуху ни духу. Твой «напарник», это шальной такой мужичок, ничего делать не может, а тебя нигде нет. Сам, значит, решил всё сделать?

— Решил, — я сделал вид, будто Чиж меня уличил. — А что делать, славы всем хочется.

— И чем вам так этот Слава приглянулся, — покачал головой Чиж и вновь расхохотался. — Да ладно тебе, веселее! Ты так выглядишь, как будто штуку баксов задолжал.

Оп-па...

А ведь и вправду задолжал. Причём куда больше, чем штуку. А я и забыл совсем об этом.

Что же теперь делать-то?

Должно быть, я сильно побледнел, потому что Чиж сразу перестал смеяться.

— Что, правда проблемы? Если что, только скажи, я всегда помогу.

И что же я скажу? Вот ведь смешно-то. Агентство в лице Лидии сообщило Чижу и прочим, что у меня были проблемы с мафией, мол, деньги им задолжал. А теперь я этому самому Агентству деньги и должен. Я же ведь должен был приступить к работе (читай, отдать своё тело для опытов) ещё неделю назад. С меня же три шкуры спустят и фигурально, и буквально...

— Понимаешь, — попытался объяснить я так, чтобы Чиж понял. — Я должен деньги той организации, которая освободила меня от долга, который я должен был мафии. Просёк?

— Очень смутно, — честно признался Чиж.

Но больше я объяснять не стал бы. Во-первых, это долго, а во-вторых, Чиж всё равно не поверит. Как Лысько поверил, до сих пор удивляюсь. Хотя он что-то говорил о том, что ему не впервой встречаться со сверхъестественным. Когда-нибудь я у него обязательно поинтересуюсь, что же такого с ним произошло.

— Ладно, не бери в голову, — вздохнул я. — Сам разберусь.

— Попробуй, конечно, — пожал плечами Чиж. — Но когда у тебя ничего не получится, обязательно первым делом ко мне. Буду тебя спасать. Ты только, главное, скажи толком, от чего, а там уж я что-нибудь придумаю. У меня же брат в ФСБ работает.

— Да? — удивился я. — А мне казалось, что твой брат работает на складе.

Чиж задумался.

— А, так это другой брат. То троюродный, а это двоюродный.

— Ну, тогда конечно, — как можно злораднее сказал я. — Тогда всё понятно.

Чиж лишь отмахнулся:

— Я чего, собственно, зашёл-то. У меня к тебе дело.

— Понятно, — обиженно протянул я. — Ко мне заходят только по делу. Кабы не дело, так и не заглянул бы.

— Ну уж, — смутился Чиж. — Тут дело такое... — он озадаченно почесал затылок. — В общем, будешь моим шафером на свадьбе?

Я потерял дар речи:

— Ахм...

— Да ладно, что тебе стоит, — как ни в чём не бывало продолжил Чиж.

— Ахм...

Чиж заглянул в мои ошарашенные глаза:

— Что? Что за реакция? А где радость, где поздравления?

— Ахм... поздравляю, — наконец выговорил я. — И давно ты решился на такой ответственный шаг?

— Да вчера вечером решил вдруг.

— А Лана?

— А что Лана? — не понял Чиж.

— Она согласилась выйти за такого бездаря, как ты?

Чиж ещё раз почесал затылок и смущённо уставился в стол прямо перед собой.

— Она ещё не знает, что выходит за такого бездаря, как я.

— Понятно, — протянул я. — И как ты думаешь, согласится?

— А кто её знает, — честно ответил Чиж.

Тут мне сказать было нечего. Действительно, кто её знает.

— Согласится, куда она денется, — не очень уверенно произнёс Чиж.

— Согласится, — поспешил я успокоить друга. — Ты, главное, на мальчишник меня пригласи, а всё остальное мелочи.

— Значит, договорились, — сказал Чиж.

— Дай-ка я догадаюсь, тебе нужно бежать, — проявил я несвойственную мне проницательность.

— Ага, — радостно подтвердил Чиж.

— Ладно уж, не буду на тебя обижаться... пока что, — смиростивился я. — Ты забеги потом, расскажи, как Лана твоё предложение восприняла.

А про себя добавил: «Мне тоже посмеяться хочется».

— О'кей, — бросил Чиж, вскакивая с табуретки. — Ну, я побежал.

* * *

Закрывая дверь за Чижом, я столкнулся нос к носу с Алексеем. Тот, в свою очередь, подивился моему исчезновению и предложил пройтись в кафе и поболтать о том о сём. Что мы, собственно, и сделали.

Значит, теперь мне необходим компьютер и некоторое время, чтобы напечатать интервью с таинственным незнакомцем. Так за чем дело стало? Нужно всего лишь улучшить момент и попросить у Чижа один из его компьютеров во временное пользование. Я думаю, он не откажется помочь. И чего я не воспользовался таким подходящим моментом? Слишком уж растерялся.

Вот только как теперь Чижа найти? Он небось по друзьям бегают, сообщает приятную новость. Интересно, что будет, если Лана ему откажет? Не-э. Бред. Не откажет она. Где-то у меня номер мобильного его был. Не найти. У кого номер ещё может быть? Проще всего узнать у Ланы, если она, конечно, дома.

Так я и сделал. По пути заскочил домой. Во-первых, чтобы лишний раз посмотреться в зеркало и узреть своё родное отражение, а во-вторых, чтобы проверить, не было ли у меня дома непрошенных гостей. В последнее время уж больно их много было на мою голову. Отражение радовало меня небритостью и краснотой глаз, и никого в моё отсутствие вроде бы не было. Так что можно было расслабиться и получать удовольствие... от жизни. Выйдя на лестницу, я взгрустнул по старым временам, когда Клавдия Степановна воевала со мной всеми возможными способами, а я работал себе... Так всё тихо было, спокойно. До этого лета. До этого треклятого лета, которое всё изменило. Я бы не смог сказать, положила руку на сердце, что всё изменилось к худшему. Просто всё пошло по иной тропке, в другую сторону. В странную и даже страшную сторону. Но что толку, ведь обратно ничего не вернуть. Так что придётся смириться. Ладно, хватит об этом.

— Клавдия Степановна, как вы там поживаете-то? — тихо сказал я в закрытую дверь, точно зная о том, что бабушка, как всегда, стоит на страже.

Ответом была тишина.

Ладно, пойду.

На звонок в дверь долго никто не откликнулся. Я уже было решил, что Ланы нет дома, когда послышались торопливые шаги и дверь открылась.

— Я соглас... ой!

— Привет, — улыбнулся я, тут же вспомнив, что даже не побрился.

Лана встала на цыпочки, пытаясь рассмотреть что-то у меня за спиной.

— А Эдика с тобой нет?

— Нет, — слегка опешил я. — А что?

— Да он мне предложение собрался сегодня делать, а его всё нет и нет. Я уже устала ждать, — всплеснула она руками. Во дела! По этой парочке можно комедии снимать.

— Так ты знаешь? — всё же спросил я.

— Конечно, — кивнула Лана. — Он же всем знакомым уже раструбил. Чтобы я не знала, о чём говорят мои знакомые?

Действительно. Она же девушка, в конце концов. Чтобы девушка и не была в курсе событий? Скорее политики честными станут или случится конец света, что в общем-то практически одно и то же.

— А ты, значит, вернулся, — то ли вопросительно, то ли утвердительно сказала Лана.

— Ага, — подтвердил я.

— Напомни-ка мне, откуда же ты вернулся?

Хороший вопрос. Из другого мира. Знаешь, мы там с вампирами и магами такую бучу устроили. Ну, вернее они устроили, а я так... рядом стоял. Но ведь стоял же!

— Да вот, всё дела, дела, — махнул я рукой. — Работа всё.

— Понятно, — протянула Лана таким тоном, что я сразу понял, что ничего ей не понятно, но она обязательно ещё всё выяснит. — А ты просто в гости или по делу?

— Что ж так сразу по делу-то? Зашёл проведать старых друзей...

— А заодно... — продолжила за меня Лана и улыбнулась. — Давай, давай, выкладывай.

— Ну-у, — я даже смутился. — Мне телефон Чи... в смысле Эдика нужен. Мне ему срочно позвонить нужно по очень важному делу.

— Он сотовый не взял сегодня. Забыл на радостях. — Лана усмехнулась. — Не до сотовых ему было. А что за дело, может, я помогу?

— Да я компьютер хотел у него взять, — объяснил я. — Мой-то сгорел. Мне тут одну статью напечатать нужно...

Лана закусила губу.

— В принципе... можешь у меня напечатать, вот только я не знаю, когда Эдик вернётся делать мне предложение, — она вопросительно посмотрела на меня, будто я точно знал, когда придёт её любимый Эдик.

— Да ладно, — поспешил отказаться я. — Я уже придумал, где компьютер достать. Не напрягайся.

— Точно? — обрадовалась Лана.

— Конечно, — улыбнулся я как можно уверенней. — Ладна, пойду я. Столько всего ещё нужно сегодня успеть сделать.

— Тогда до встречи. — Лана неожиданно поцеловала меня в щёку. — И не забудь. Ты первый в числе приглашённых на свадьбу.

Я, слегка засмутившись, кивнул и поспешил скрыться в своей квартире.

Оказавшись дома, я, не снимая обуви, влетел в комнату и занял своё любимое кресло, лишь чудом выжившее во всех погромах.

Везёт же им. Ни тебе разборки, ни сект. Живут себе, как люди нормальные. Только у меня всё не как у людей. Как у этих... вампиров, блин. Что у них вся жизнь — хаотичное движение, что у меня. Разные причины, но результат один и тот же. Наверное, друидам спокойнее живётся. Ешь себе травки всякие, думаешь о смысле жизни, хорошо. Тишь да гладь. Вот ведь не повезло мне с вампиром. Он ещё и больной какой-то оказался. Нет, весело, конечно, но это сейчас вспоминать весело. А тогда мне не до веселья было. Все поджилки тряслись. Смотришь в зеркало, а там твоё отражение беснуется.

А этот их гостеприимный мир? Как вспомню эти тени в парке... бр-р-р. Нет, уж лучше дома сидеть и статьи печатать. И что меня с этим вампиром связало? Ах да, это всё «экспериментальный гипноз». Если бы не эти экспериментаторы, не было бы у меня никаких проблем. Надо же им было со мной намуद्रить такое, что даже до Вельхеора в его мире достало. А всё почему? Хм-м... а ведь потому, что мной заинтересовалась секта этих «братьев по крови». Вот! Я нашёл главных виновников моих злоключений! На кой чёрт я им понадобился? Сидели бы себе в своих подвалах да молились на свою статую, фетишисты, блин. Так нет ведь, решили жизнь мне сломать. Зачем?! Чем я им не угодил? Или, наоборот, угодил? Хороший вопрос. Нужно будет Алексею рассказать, пусть помыслит на досуге. У него голова золотая, авось что и надумает путного.

Так, что-то я отвлёкся. Я как раз размышлял над тем, где взять компьютер. Это я Лане сказал, что уже придумал, где его взять. На самом деле, конечно, ничего я не придумал. Как же быть-то? Пойти в компьютерный клуб? Денег стоит, а денег-то у меня и нет. М-да. Остаётся два варианта. Либо пойти в управление и сдать со словами: «Делайте со мной что хотите, но дайте час времени поработать на компьютере». Смешно. Второй вариант не лучше — позвонить этим «ведьмам». Тут ещё сложнее. Я не знаю, кто они, не знаю, где они, не знаю, как они ко мне относятся. Хотя, если пирогом не отравили, значит, относятся нормально.

Что же делать?

Должен быть другой вариант. Должен, но где же он? Где же он? Ах да, он остался где-то в Приграничье и уже наверняка давным-давно продан на рынке. А мне бы сейчас эта золотая подставка ох как пригодилась...

Будем мыслить логично. Я должен предоставить Хазу результаты журналистского расследования. Так? Так.

Все материалы у меня есть, нужно только их напечатать. Так? Так.

А ещё у меня есть напарник, который ничего не знает о том, что у меня есть материалы.

Вот оно! Нужно позвонить этому... как его... Игнату Львовичу. Ну и имечко.

Я побежал искать номер его телефона в одежде, сваленной в кучу в ванной.

Есть Бог на этом свете. Я таки нашёл его телефон. Как всегда, лишь чудом.

Занято.

Я решил немного подождать и начал нервно ходить по коридору.

Хоть бы всё получилось. Я ему такое расследование устрою. Дайте мне только компьютер и часок времени.

Я позвонил ещё раз.

Не занято.

Трубку взяли тут же, будто только и ждали моего звонка.

— Здравствуйте. Игнат Львович?

— Да, с кем имею честь разговаривать?

Эк загнул. Честь он имеет.

— Это Виктор Светлов, помните меня? Мы должны были с вами статью вместе писать?

— Да-да, — поспешил ответить Игнат Львович. — Где же вы столько пропадали? Я уже начал беспокоиться.

Ещё бы ты не начал беспокоиться. По моим источникам, ты так ничего и не нарыл дельного.

— Я внедрялся, так сказать, в самую сердцевину. Работал в поле, искал каналы, рыл землю и прочее, — то ли объяснил, то ли похвастался я. — В общем, у меня есть материал.

Давайте я к вам заеду, и мы всё обсудим.

— Конечно, конечно, — быстро согласился тот. — Адрес у меня на визитке, я вас жду.

— Кстати, — как бы невзначай спросил я, — а у вас компьютер есть?

Игнат Львович смутился:

— Есть, конечно, но я им не пользуюсь. Не понимаю я эти современные штуковины.

Надеюсь, у него хотя бы не двойка допотопная. А то ведь и за неделю толком ничего не напечатает.

— Тогда до встречи, — ответил я.

Как я ловко всё проделал. Сейчас быстренько всё накатаю, отнесу статью Хазу, получу причитающиеся мне денежки. Авось до конца месяца протяну. Кушать-то что-то надо. Не будут же эти загадочные, но, по слухам, красивые «ведьмочки» каждый день кормить меня пирогами. Хотя... было бы неплохо.

Я выскочил из дома как ошпаренный. Лучше всё сделать побыстрее. Мало ли что может ещё случиться.

Нужно по пути вспоминать всё, что произошло в этой секте. Секта...

Я уже и думать забыл о том, что «братья по крови» охотились за мной. А зря, ведь я щёлкнул их по носу. Ни одна мало-мальски значимая организация такого не спустит. Чего уж говорить о кучке сектантов?

Я закрыл дверь квартиры и начал спускаться по лестнице.

Вот ещё что интересно. Агентство до сих пор никак не проявило себя. А должно бы, ведь я пропал на неделю. Или не пропал? Может быть, они следили за Вельхеором, а теперь следят за мной? И, если уж на то пошло, кто-то же выпер Вельхеора из моего тела.

Агентство, ведьмы или сектанты? Хотя зачем кому бы то ни было это понадобилось — тоже вопрос.

Я открыл дверь подъезда и застыл в нерешительности.

Идти или не идти, чем не вопрос?

Осмотр двора не принёс никаких результатов. Всё те же дети, всё те же бабушки у подъезда, кстати, подозрительно глядящие на меня. Одинокие прохожие тоже особого опасения не внушают. Можно идти, решил я.

Двор я минул без проблем, но едва вышел на основную магистраль, как рядом со мной остановилась машина. «Волга». Чёрная.

Как пошло.

Открылась задняя дверь, и из неё, кряхтя, выбрался здоровяк. Ну конечно же старый знакомый — профессор Нестеров. За его спиной выросло ещё две высоких фигуры. — Не-э ребята, бросьте, — произнёс я, медленно начиная пятиться назад. — Мне сейчас не до вас. Давайте через денёк созвонимся, назначим встречу... скажем, на следующей неделе. — Какие люди! — как будто даже искренне обрадовался профессор. — Мы вас по всей Европе ищем а вы, оказывается, никуда и не уезжали. Дома, что ли, сидели? — Да, вообще-то, — пожал я плечами, не вдаваясь в подробности. — Не соблаговолите ли проследовать, так сказать, на рабочее место? Работа заждалась нас с вами, ещё как заждалась.

Ага, работа нас заждалась, как же. Небось скальпели запылились да клетка для подопытных кроликов не обжита. Будет он мне тут сказки про рабочее место рассказывать.

— Слушай, профессор. Будь человеком, — тоскливо попросил я. — Знал бы, как ты не вовремя. Давай хотя бы вечером, а?

— А-а-а, — понимающе кивнул Нестеров. — Ты же у нас вампир, да? Ты днём не можешь по улицам ходить. Так?

Издевается он, что ли?

— Ты совсем больной? Сейчас же я хожу, значит, я не вампир уже. Было и прошло.

Заблуждался я. — Я задумался на секунду. — О! Меня это... разгипнотизировали, вот. Я теперь обычный человек, даже восстанавливаться не умею.

Оба высоких и совершенно одинаково туполицых здоровяка встали по правую и левую сторону от профессора.

— Вот всё это вы и расскажете Сергею Ивановичу, — радостно сообщил Нестеров. — А теперь всего один вопрос. Вы сами в машину сядете или вам помочь?

— Кто бы вам помог... — пробормотал я.

— Ясненько! — Нестеров даже обрадовался. — Мальчики, без членовредительства, но и не слишком нежно, чай не баба.

Я уже по привычке замахнулся ногой для удара Нестерову между ног, но ударить не успел. Успел только увидеть летящий мне в глаз кулак, а через секунду меня уже забросили в машину.

В глазах всё ещё плясали звёздочки, а слева и справа меня прижали две здоровенные туши. Они меня не трогали, но я понял, что одно движение, и второй фингал как минимум.

Поэтому я решил не дёргаться. Да и не смог бы, наверное. Это я с силой Вельхеора всех запросто раскидывал, а теперь меня даже Чиж на обе лопатки положит. Ех-х, если бы я был... нет, вот этого, пожалуй, не надо. Обойдёмся как-нибудь.

Нестеров сидел на переднем сиденье и добродушно смотрел на моё побитое лицо.

РадуетсЯ, гад. В чём-то я его, конечно, понимаю. Сколько раз он от меня уже получал? И всё время по одному и тому же месту. Но всё равно обидно. Только обо всём договорился, и они всё испортили. А ведь ещё не известно, что будет в их Агентстве.

— А у вас там хоть компьютер есть? — задал в общем-то риторический вопрос я.

К театру мы подъехали, когда солнце уже начало краснеть, медленно заплывая, нет, не за горизонт, а за крыши высоток. Тёмное здание МХАТа в красном свете казалось зловещим и чем-то отдалённо напоминало Школу Искусств Кельнмиира. Такая же громадина, чёрная и почему-то грустная. Мне и самому стало тоскливо. Я всю дорогу размышлял над тем, что рассказать Сергею Ивановичу, чтобы он мне хотя бы немного поверил. В правду он не поверит — это точно, а врать я всё равно не умею. Что делать? А ведь я теперь полностью в их власти. Что я могу сделать? Ничего. Слабак я. Когда во мне была частица Вельхеора, ещё куда ни шло. А теперь я так, тьфу, щенок. Худенький, слабенький, неуклюжий и ничего не умеющий.

С такими неприятными мыслями я вошёл в Агентство. У входа стоял уже другой охранник.

Никаких камер, систем пропусков, кодовых замков, ничего такого я не увидел. Просто прошли молча и даже не поздоровались. Странно, а мне казалось, что в такие места без тройной проверки и прочего не пройти. Как всегда, я ошибся. Как-то даже несолидно.

Когда я отсюда убегал, это в глаза не бросилось. Некогда мне было.

Зато, чем ниже мы спускались, тем больше обстановка начинала походить на пятизвёздочный отель. Аккуратненько всё так, даже со вкусом, насколько я мог судить. Всё в красивой отделке под дерево, ковры, растеньица всякие. И здесь помещается эта их

крутая организация? Никогда бы не поверил, если бы не знал, что сейчас нахожусь под линиями метрополитена в никому, кроме избранных, конечно, не известном бункере. А то, что красиво, так ведь удобство превыше всего... кроме безопасности.

Компьютер у них был. Причём не просто «компьютер», а целый компьютерный зал. Но не с жалкими «пнями», а с чем-то покруче. Во всяком случае, я так и не понял, что у них за компьютеры.

Но удивило меня не это.

За одним из компьютеров сидела Лида.

Нет, сам факт меня только обрадовал. Удивило то, что я о ней, если быть честным с самим собой, забыл. Не то чтобы совсем, но и не думал особо. Только сейчас, увидев её, я подивился тому, насколько я могу быть глупым и бесчувственным. Она же божественна! Даже несмотря на царапину на щеке и синяки на очаровательных и хрупких ручках.

Кто посмел?! Как можно обидеть такое создание?

Меня на секунду захлестнула волна гнева, но тут же угасла, едва Лида улыбнулась. Что-то такое мелькнуло в её глазах... тёплое.

— Как ты? — спросила она, слегка покраснев.

Это я должен был спросить. Должен...

— Как всегда, — неопределённо ответил я. — А ты что такая покоцанная?

Сарказм вышел какой-то нарочитый. Я знаю, что должен был сказать совершенно другое. И не такими словами, но я — это я. Трудно перебороть себя. Очень трудно.

— Кошка поцарапала. — Улыбка мигом слетела с её губ. Даже румянец тут же пропал. — Дикая кошка.

— Что же это за кошка, которая синяки ставит? — подивился я.

— Вот такая кошка, — ответила Лида, давая понять, что тема закрыта. — А сам-то? Твой фонарь весь зал освещает.

Правильно, Виктор Михайлович. Так тебе и надо. Как ты, так и тебя.

— А ты чем тут занимаешься? — спросил я, намереваясь сменить тему.

Лида вопросительно посмотрела на Нестерова, и тот пожал плечами в ответ.

— Я тестирую маячки, — пояснила она нехотя.

— Это какие такие? — не понял я.

Лида вновь посмотрела на Нестерова, насколько я понял, спрашивая разрешения говорить. Тот опять пожал плечами.

— Вот такие, — она гордо продемонстрировала мне пустую руку.

Я, чтобы не выглядеть полным идиотом, присмотрелся повнимательней и действительно увидел что-то. Это что-то было размером с маленького муравья.

— Это маячок?! — невольно повысил голос я.

— Ага, — гордо ответила Лида и рассмеялась, увидев мою удивлённую донельзя физиономию.

— Во до чего технологии дошли, — восхитился я.

Нестеров и его мордовороты терпеливо ждали окончания нашей милой беседы.

Их терпения хватило ровно на одну минуту.

— Пошли уже. Потом, если вообще будет потом, пообщаетесь, — наконец сказал Нестеров, ко мне, однако, не приближаясь.

— Уже иду, — нехотя ответил я, понимая, впрочем, что если мы с Лидой и дальше беседовали бы в таком непонятном тоне, то ничего хорошего бы из этого всё равно не вышло.

Лида сказала мне что-то вроде «пока, до встречи» и сделала вид, будто очень занята. Но, хотя я не уверен, когда я уходил, она проводила меня слегка грустным взглядом.

Мы прошли насквозь компьютерный зал и зашагали дальше по длинному узкому коридору.

Я здесь, кажется, уже когда-то был. Уж не в операционную ли меня ведут?

Помню тогда, когда меня чуть не препарировали, как лягушку, я пробегал по похожему коридору. Вот только кто мне точно скажет, сколько однотипных коридоров может быть в этом подземном бункере?

В общем, обстановка в коридорчиках была приятная. А уж когда после короткой встречи с Лидой привели в кабинет Сергея Ивановича, я и вовсе обомлел. Назвать это кабинетом у

меня язык бы не повернулся, если бы на двери не было чётко написано: «Кабинет Главного». Вот именно, с большой буквы.

За дверью оказалась самая обычная квартира. То есть там имелось штук пять комнат, кухня, небольшой бассейн. Всё было. Мне Нестеров сразу зачем-то экскурсию сделал. Удивить хотел? Меня уже ничем не удивишь. Но всё равно интересно.

— И где же Сергей Иванович? — спросил я, стараясь не выдать своего волнения. Скоро будет решаться моя судьба как-никак.

— Сейчас подойдёт, — ответил Нестеров, кивнув мне на одно из кресел.

Комнату, в которой мы находились, я бы назвал гостиной. Несколько кресел, коврик, телевизор. Даже стола нет. Какой же это кабинет-то?

Я сел в кресло и, чтобы скрыть нервозность, обхватил себя руками. Будто мне холодно. Да ведь меня и вправду трясло. Только вряд ли от страха или чего-то подобного. Просто я думал о девушках. Вернее о девушке, но всё-таки пытался думать о девушках. Их же много красивых, почему мне нравится именно она? Что в ней такого? Я ведь её даже и не знаю толком, только то, что она мне врала. Врала, чтобы втереться в доверие. И всё равно... что-то меня к ней тянет. Раньше вроде бы нормально было, а тут увидел её и где-то в душе будто плотину прорвало. Как захлестнуло меня... теперь вертит и крутит, и всё не отпускает. А перед глазами её лицо...

— А, пришли наконец-то, — раздался голос Сергея Ивановича. Оказывается, он уже пришёл и даже успел сесть в кресло напротив меня.

Сидят они с Нестеровым напротив меня, будто на допросе, а за спиной моей стоят те двое, что привезли меня сюда. А ведь и вправду сейчас мне допрос устроят. С пристрастием.

— Итак, начнём по порядку, — Сергей Иванович откинулся на спинку кресла. — Меня сейчас даже не интересует, как вы смогли обмануть все наши камеры, как сумели обездвигить три десятка наших работников и где вы были всю эту неделю. Меня сейчас интересует только одно, как вы связаны с ООВ?

— С чем? — не сразу среагировал я, потому что был слегка ошарашен перечислением якобы моих подвигов. И им даже не интересно, почему меня так запросто взяли или почему я спокойно хожу по улицам днём? Странно.

— С ООВ. Только не говорите, что не слышали, — грозно ударил своей лапицей по ручке кресла Нестеров. Ручка была мягкой, и должного эффекта явно не вышло.

Что-то знакомое. Точно что-то знакомое, но у меня и так в голове сейчас каша.

— Не скажу, — честно сказал я. — Я слышал, но вот где, не помню.

Нестеров чуть с кресла не упал, если такое вообще возможно.

— Да я тебе...

— Спокойно, — терпеливо осадил нервного профессора Главный. — Ты не нервничай, — он вновь повернулся ко мне, — ООВ — это Открытое Общество Ведьм. Не слыхал?

— Ах да, — вспомнил я записку под пирогом, но тут же замолк, поняв, что проболтался. Хотя в чём я-то виноват? Я могу честно всё им рассказать. И как попал в милицию, и как потерял сознание в камере, и как очнулся сегодня утром в своей квартире, ничего не помня о прошедшей неделе. Всё по-честному? Ну, почти всё.

— Вспомнил, значит, — с непонятной интонацией произнёс Главный. — И что же? Я пожал плечами.

— Я мог бы по порядку, но я коротко расскажу, потому что тут и рассказывать-то особо нечего.

— Давай, давай, — подбодрил Главный. — Сначала коротко, а там посмотрим. Я кивнул, дескать как пожелаете.

— Я начну с того момента, как вы ушли от меня, — предупредил я и, не встретив возражений, продолжил: — Сразу после вашего ухода я собрался и пошёл в магазин. По пути меня остановил мен... милиционер, и в результате я оказался в КПЗ. — Нестеров с Главным как-то странно переглянулись. — Там у меня забрали мои вещи, деньги и оставили в гордом одиночестве. В камере мне отчего-то стало плохо, и я потерял сознание. Очнулся я сегодня утром дома. Ничего не помню, одет аккуратненько, на столе пирог яблочный, а под пирогом вот это. Я достал из кармана записку.

Главный взял её, внимательно изучил и передал Нестерову. Тот неопределённо хмыкнул, и их внимание вновь обратилось на меня.

— И что, совсем ничего не помните? — уточнил Главный.

— Ничего, — подтвердил я.

— Плохо, — протянул Главный, а Нестеров задумчиво кивнул.

— И ведь самое обидное, что он не врёт, в общем-то, — протянул Нестеров. — Чего-то определённо не договаривает, но не врёт.

Это он откуда знает? Ой, я дурак-то! Они же не такие простые, как пытаются казаться.

Камеры, говорили они, наблюдение. А я ничего не замечал. Небось и дома у меня камер полно. А я их при всём желании найти не смогу.

А здесь у них, наверное, что-нибудь вроде детектора лжи. Только где? В кресле, что ли? Или, может быть, экстрасенса пригласили? А почему бы и нет? Гипнотизёры у них есть, так почему бы и экстрасенсам не быть? А я тут прикидываюсь валенком. Хорошо хоть удачную версию придумал. Почти не подкопаешься.

— И что с вами случилось, вы тоже не знаете, — сказал Главный. На вопрос это не было похоже. Скорее на размышление вслух. — И ведь понятно, что что-то случилось, иначе бы ты так просто не дался.

Ты смотри, уже на ты перешёл в очередной раз.

— Знаю, — я решил держаться до последнего.

— Да? — удивились главный и Нестеров.

— А то, — я изобразил умное лицо. — Я потерял все свои способности, вот что произошло.

— Удивительно, — восхитился Нестеров. — А то мы не знаем. Стал бы я к нему ближе чем на сотню метров подходить, если бы не был уверен, что мне ничего не грозит.

«Тоже верно», — вынужден был признать я. Значит, больше ничего ценного я им сказать не могу. Действительно, ну чем им поможет рассказ о Лите?

— А что это за ООВ? — осмелился спросить я. — Что они-то сделали?

Главный вздохнул, а Нестеров демонстративно отвернулся.

— Уж чего они натворили, то не твоего ума дело, но одно могу сказать, они... — Главный замолчал, собираясь с мыслями.

Прошло некоторое время, затем ещё... и ещё. Главный всё молчал, уставившись в одну точку.

— Что они-то? — наконец не выдержал я.

Молчание.

Главный молчит, Нестеров молчит. Я обернулся, чтобы посмотреть на двоих истуканов, что стояли за моей спиной, но те и вовсе были похожи на статуи.

Вообще-то и Нестеров как-то неестественно сидит. Не очень удобно сидеть с приподнятой ногой. Как будто он собирался закинуть ногу на ногу, но на полпути остановился.

Ой, не к добру это. Может статься, что я окончательно спятил.

«Выйди на улицу», — раздалось где-то совсем рядом. Тихий, едва слышный шёпот.

Ну вот, уже голоса мерещатся.

«Выйди», — настойчиво повторил голос.

— Куда? — спросил я, опасливо глянув на Главного и Нестерова.

Нет, они не двигались. Значит, дело совсем плохо. Я могу ошибаться, но мне кажется, что кто-то остановил время. Как тогда, на дискотеке. Уж не Колдун ли?

«Выйди на улицу»

Нет. Голос-то вроде женский.

— Зачем? — чуть не крикнул я.

«Выйди».

— Да я в коридорах заплутаю, да и кто ж меня выпустит?

«Иди за шаром», — после небольшой паузы сказал голос.

— Каким ша... — начал было я, но тут в воздухе прямо передо мной возник небольшой светящийся шарик и поплыл к двери.

«Спеши».

Ага, спешу и волосы назад.

Неожиданно мне в голову пришла одна интересная мысль. Я подошёл к одному из тех «ребят», которые привезли меня сюда с Нестеровым.

Кажется, вот этот... А я говорил, что я очень злопамятный?
Недолго думая, я звезданул со всей дури здоровяку в глаз и тут же отбежал. На всякий случай. Здоровяк никак не отреагировал, только дёрнулся слегка, а на его лице расплылся небольшой синяк. Сил не хватило.
«Спеши», — повторил голос.
Вот же заладил. Ладно, иду уже.
И я пошёл за шариком. А потом и побежал.
Вот только куда спешить-то? Куда я бегу?
«Спеши».
Я спешил. Честно. Но тут шарик вывел меня в компьютерный зал. Он был всё так же пуст. Почти. Лишь за одним из компьютеров сидела Лида. Видимо, она над чем-то размышляла, когда время остановилось. Потому что сидела, откинувшись в кресле и глядя куда-то в потолок. Глаза у неё при этом были грустные.
Мне невольно захотелось прижать её к себе и прошептать на ушко, что всё будет хорошо, и что я её люблю...
«Спеши».
Вот ведь достали.
Лида. Я бы столько всего хотел тебе сказать.
Светящийся шарик подскочил к моему лицу и начал выделять пируэты, привлекая моё внимание.
«Спеши!» — Голос уже кричал, а не шептал.
И я побежал. Только перед тем как побежать, я взял ручку и написал кое-что на листке бумаги, лежащем перед Лидой. Кое-что написал и кое-что прихватил с собой... «Спеши!»
Я пролетел все коридоры, будто бежал стометровку, затем влетел в лифт и немного отдышался. И чего я так бежал?
Откуда-то я знал, что бежать нужно. К кому или от чего — не знаю, но нужно.
«На улице», — уже мягче сказал голос.
Двери лифта открылись, я пробежал мимо охранника и распахнул входную дверь.
А за дверью была улица, вечерняя улица. Огни рекламы освещали всё вокруг своим неестественно ярким светом. Вот только тихо было. Ни один листик не шевелился на деревьях, ни один человек не двигался. Но, как только я переступил порог Агентства, всё ожило, и улица оглушила меня какофонией города. Всё задвигалось: машины тронулись с мест на неожиданных скоростях, люди как ни в чём не бывало шли по своим делам.
«У входа», — проговорил голос. Теперь я точно слышал, что это был именно женский голос.
У входа куда? По логике, скорее всего, у входа в театр.
Я повернулся к театру и придирчиво осмотрел толпу. Кто бы это мог быть? Кто меня звал?
Из толпы выделились четыре девушки. Вернее, они из неё и так выделялись, но заметил я их только сейчас. Четыре рыжие девушки, будто сошедшие с обложки «Плейбоя» или другого модного журнала. Четыре очаровательных рыжих ведьмочки.
«Ты угадал», — прошептал голос, и неожиданно все четыре девушки оказались рядом со мной.

Глава 20

— Ты им ничего не рассказал? — тут же спросила одна из ведьмочек.
Я пожал плечами.
— А что я мог рассказать? Разве ж я знаю что-нибудь?
Какие-то они некультурные. Ни тебе здрасти, ни как дела. Хотя что с них взять? Девушки.
— Что-нибудь наверняка знаешь и обязательно нам расскажешь, — уверила меня другая.
Вообще-то они все были практически на одно лицо. Так сразу и не отличишь. Вернее, лица-то у них разные, но что-то в них есть такое... Похожи они почему-то очень. Не столько внешне, сколько внутренне. Стервозными они выглядят, вот. Точно. Собственно, они же ведьмы.

— А вы из ООВ? — решил уточнить я.

— Да, мы из ООВ, — сказала, отмахнувшись, та, что явно была старшей в этой четвёрке. — Ты здесь так и собираешься стоять, пока тебя опять не сцапают?

— Нет, конечно, — поспешно ответил я, оглянувшись на вход в Агентство. Пока что, впрочем, там никого не было.

— Тогда пошли, у нас там машина стоит, — кивнула старшая куда-то на дорогу.

Они быстрым шагом пошли к дороге, а я засеменил следом за ними, терзаемый смутными сомнениями. Уж не из огня ли да в полымя иду? Что-то в этих ведьмах мне не нравилось. Нарочитость какая-то. Фальшь. Только я никак не мог понять, в чём она.

Машина оказалась джипом. Причём не просто джипом, а «Хаммером». Кто не знает, таких машин по всей Москве едва ли десяток насчитается. И зачем девушкам такой автомобиль? Им бы что-нибудь поаккуратнее и поменьше. А тут такой монстр на колёсах.

— Какая неприметная машинка, — сказал я, похлопав этого дракона по крылу.

— А нам не от кого прятаться, — усмехнулись все четыре девушки. Разом. Мне даже страшно стало. Улыбки у них совершенно одинаковые. Какие-то зловещие, как будто их обуревают два чувства — внутренняя боль, одновременное превосходство над всеми и высокомерие. Зловещие улыбки у них какие-то, короче.

Я сел на заднее сиденье, а по левую и правую руку от меня устроились две девушки. Что-то мне это напомнило. Опять, что ли, чтобы не вырывался? Право же, они все мне льстят, что Нестеров, что эти ведьмочки. Что мне толку вырываться?

Мы тронулись, и за окнами замелькал вечерний городской пейзаж. Уже совсем стемнело.

— И куда мы теперь? — наконец осмелился спросить я.

Сперва мне показалось, что меня никто не услышал, а затем ответила девушка, сидящая справа от меня:

— В гости.

Это я и без неё понял.

— А конкретнее?

— Конкретнее будет после Посвящения.

Опять?! Сговорились они, что ли? Куда меня теперь посвящать собрались?

— Вы знаете, я уж как-нибудь без Посвящения перетопчусь, — попытался возразить я. — С меня и одного хватит. По гроб жизни помнить буду.

— А вот это уже не тебе решать, — резко повернулась ко мне старшая с переднего сиденья. Сидящая по правую руку от меня тихо добавила:

— Да и не нам...

Интересно, а кому это?

* * *

В это же время, но совершенно в другом месте в огромном зале, иссечённом множеством непонятных обычному обывателю знаков, на полу сидели тринадцать укутанных в чёрные балахоны фигур. По стенам свисали непонятные полотна с множеством рун и рисунков всех оттенков и размеров. С колонн, коих в зале было ровно тринадцать, светили факелы. По залу распространялся гул. Гул голосов, читающих заклинания на давно уже умерших языках. Впрочем, может быть, этих языков никогда и не было. Кто знает?

— И веа истиус аинт сан...

Голоса звучали ровно, распространяясь по залу волной злобы. Каждая песчинка на полу, каждая руна, каждое слово, звучащее здесь, были наполнены невероятной злобой. Воздух вибрировал от напряжения, созданного повышенной концентрацией зла на кубический сантиметр. И если бы существовал прибор для измерения зла, то его бы зашкалило за километр до этого места.

— И веа! Син омикос доэ си. Камэ, камэ веа!..

Но вот голоса достигли апогея и неожиданно стихли. В полной тишине потухли все факелы, как будто их затушило лёгкое дуновение ветерка. В зале воцарилась полная темнота. Казалось, что она вибрирует под только ей одной известный ритм. Но вот в темноте загорелась красная точка, а следом ещё одна и ещё... Через пару секунд в темноте светилось десять красных точек, образуя круг. В центре сидели три фигуры, едва освещаемые светом этих точек. Красные точки начали движение по кругу, постепенно ускоряясь. Вскоре они слились в одно сплошное красное кольцо, опоясывающее тройку

тёмных фигур, сидящих без движения в центре. Неожиданно все три фигуры вскинули головы и заговорили монотонным голосом, одним на троих:

— И веа! Я вижу, грядёт приход повелителя, он восстанет из праха и покарает своих врагов! А пока он даст нам силы, чтобы противостоять им. Да будет так! И веа!

Красное кольцо вновь распалось на десять точек. Они медленно остановились и начали блекнуть, постепенно уступая место в круге мраку. Едва темнота поглотила тройку фигур, загорелись люстры и осветили зал, который тут же перестал казаться столь жутким.

— Ну что ж, сегодня обряд нам дался легче, чем в прошлый раз, — произнёс один из тройки, скинув капюшон. Под капюшоном оказалось лицо отставного военного с характерным непробиваемым выражением лица.

— Да, и сил он дал нам намного больше, — ответила другая фигура, откинув капюшон, закрывавший красивое женское лицо.

— Неужели нам нужна вся эта показуха? — устало спросил третий, так и не снявший своего капюшона.

Во время разговора остальные десять фигур, закутанных в балахоны, удалились, не проронив ни слова.

Женщина брезгливо проводила взглядом последнего вышедшего из зала человека и со злобой спросила:

— Когда же мы сможем наконец обходиться без этих... — Она молча кивнула в сторону закрывающейся двери. — Ладно, мы сейчас не об этом.

— Да, не об этом, — согласился человек, так и не открывший своего лица. Он повернулся к военному. — Вот объясни нам с Вельмой ещё раз, почему ты выбрал в качестве тринадцатого именно того парня? Кто он тебе?

— Да, да, объясни нам, Константин. Объясни, а мы попробуем поверить, — скривила губы в кривой усмешке девушка.

Константин глубоко вздохнул:

— Я вам уже не один раз объяснял, что его лицо кажется мне очень знакомым, как будто я его знал когда-то. Когда я встретил его в метро... мне показалось, что я что-то вспомнил. Как будто я знал его в прошлой жизни.

Девушка усмехнулась:

— Это мы уже слышали не раз. Ты пытаешься нас уверить, что ты выбрал его только потому, что он показался тебе знакомым? Никаких проверок, никаких испытаний и никаких привязок кровью ты не делал. Если бы я не надела на него перстень, он вообще мог бы исчезнуть бесследно где-нибудь в Европе.

Человек в капюшоне захохотал.

— Если бы ты не надела на него перстень, то он бы не смог надавать по шее Константину и перебить все наши искусственные сущности.

— Не забывайся! — тихо, но отчётливо произнёс Константин. — Ты забыл, что произошло с последним человеком, который посмел зубоскалить надо мной?

Человек в капюшоне тут же перестал смеяться.

— Да я над Вельмой смеюсь, — поспешил он оправдаться.

— Смотри у меня, — Константин повернулся к девушке: — А что касается тебя, то никто перед тобой оправдываться не собирается. Мала ты ещё, чтобы перед тобой оправдываться. На этот раз девушка не рискнула спорить. Она знала, что, когда Константин в таком настроении, лучше ему под руку не попадаться. Пока. А если всё, что она запланировала, пройдёт успешно, вот тогда она будет говорить с Константином уже в другом тоне.

— Что там с этим их Агентством? — спросил Константин. Название конторы прозвучало в его устах более чем пренебрежительно.

— Мои девочки три дня назад наведались на их склады и конфисковали все перстни, как ты просил. Уж не знаю зачем, ведь они всё равно ничего толком с ними сделать не могут.

— Не хочу, чтобы моё добро хапали какие-то госструктуры, — скривился Константин. — Не для них я создавал эти перстни.

«И не для вас», — добавил он уже про себя.

— Они не госструктура, — напомнил человек в капюшоне.

— Не важно, — зло сказал Константин. — Что слышно о тринадцатом?

Девушка прикусила губу:

— После того как мы провели изгнание души и оставили его в квартире? Ничего. Его пока не нашли. Да скоро и незачем будет, ещё денёк — и его тело умрёт. А если и нет, то тело всё равно без души.

— Надеюсь, я поступил правильно, — тихо произнёс Константин. — Если чего-то не понимаешь, то лучше избавиться от этого.

— Конечно, — одновременно сказали девушка и человек в капюшоне.

«Тогда почему всё моё существо говорит, что я ошибся? Почему мне кажется, что я иду не по тому пути? Почему?! — думал про себя Константин, невольно сжав кулаки. — Вот уже почти три сотни лет я куда-то иду, что-то ищу. Но что? Что я делаю не так? Я пробовал помогать людям, но получал не благодарность, а лишь презрение. Я пробовал жить как все, но это невозможно. Секты стали моей очередной ошибкой. Ещё пара лет, я не выдержу и брошу всё это. Скучно и гнусно всё это выглядит. Нет. Всё-таки я сделал огромную ошибку. Я слишком заигрался в свои игры. Я же видел в этом человеке силу. Но почему-то посчитал его врагом, а не союзником. Почему? Во что я превратился за эти три сотни лет? Во что?!»

* * *

— Долго ещё? — наконец спросил я спустя почти час.

Я уже начал от скуки пухнуть. Девушки какие-то неправильные. Не проронили ни слова за всё время. Девушки! Ведь странно же.

— Нет, — чуть ли не хором сказали они.

Во дела. И почему они мне зомби напоминают? Странно.

— Давайте пообщаемся, что ли, неужели у нас не найдётся общих тем для разговора?

— Нет, — так же коротко ответили девушки. Я так и не понял, кто из них это сказал. Ну и ладно.

Я отвернулся к окну и в который раз попытался узнать местность. Что-то не очень выходило. На машине я особо никогда не ездил, и узнать местность, будь то центр города или окраины — для меня весьма проблематично.

Так что везут меня эти дамы в самую что ни на есть неизвестность.

Как выяснилось, волновался я зря. Не прошло и пары минут, как мы проехали указатель «Кунцево-4». Всё стало ясно.

Мы остановились у въезда, и девушки показали пропуски. На меня почему-то внимания никто не обратил.

Если я не ошибаюсь, то в этом Кунцево дачи элитные. Вернее, не дачи, а жилые дома.

Так и есть. Мы едем мимо огромных трёх-четырёхэтажных коттеджей. Интересно, а какой из них наш? Вот этот, белый и стеклянный, или, может быть, этот — угольно-чёрный. Нет.

Остановились мы у довольно неприметного, на фоне окружающих домов конечно, трёхэтажного особнячка. Ничего особенного. Обычная типовуха. Или у них, как это принято у сект в последнее время, подземные залы?

Створки железных ворот открылись, и мы заехали на территорию участка. Территория явно не маленькая, если на ней поместились дом, машина, на которой мы приехали, теннисный корт, баня, немаленький садик. И это только то, что я увидел из машины.

— Выходи, — подтолкнула меня в бок та, что сидела справа.

— Девушки, какие вы нежные, — произнёс я, выползая из машины.

Моего сарказма никто не оценил. Как, впрочем, и всегда.

Какие-то девушки всё-таки странные. Будто роботы запрограммированные. И у кого же из них оказалось столь доброе сердце, что она решила накормить меня.

— Не желаете заглянуть в дом? — неожиданно приветливым голосом спросила та, что вела машину.

От неожиданности я даже не сразу понял, чего от меня хотят. Вернее, что мне предлагают.

— А-а... да, конечно, — проблеял я.

— Проходите на третий этаж, — махнула рукой девушка, опровергнув тем самым мои предположения о подземных залах.

Я хотел было спросить, почему бы кому-нибудь из них меня не проводить, но все четыре ведьмочки успели скрыться за домом.

Так просто? Красть меня из Агентства для того, чтобы нехотя махнуть рукой и сказать: «Шагайте-ка вы на третий этаж». А если я сейчас выскочу через калитку и убегу? Где они

меня найдут тогда? Ах да... если уж в подземных помещениях нашли, то тут я точно далеко не уйду. Не нравится мне всё это. Почему-то опять получается, что мною двигают все кому не лень, как в мире Литы. Но там я был гостем, ничего не знал и сделать ничего не мог. А тут-то я в своём мире и, хотя до сих пор не очень понимаю что к чему, что-то сделать могу! Я наконец решился и дёрнул входную дверь.

Она беззвучно открылась, и перед моим взором предстал самый большой коридор, который я когда-либо видел. И самый чистый, кстати. Обувь, что ли, снять? Нет уж, дудки. Раз уж привезли меня сюда, значит, потерпят грязь.

Я целенаправленно потопал по чистейшему белому мрамору, с радостью замечая, что мои следы определённо портят ухоженный вид холла.

Это была моя первая, пусть и маленькая, но всё же подлость. Я ещё им всем покажу кузькину мать.

На третьем этаже оказалась всего одна комната. Не столь эффектная, как холл, но тоже ничего себе. Я открыл дверь не стучась, опять-таки из вредности. В центре комнаты стоял огромный диван, напротив которого висел огромный, во всю стену, экран.

На диване возлежала (не лежала, а именно возлежала) черноволосая красавица. В довольно-таки лёгком наряде.

— Добрый вечер, Виктор, — культурно поздоровалась она.

— Эй, да я тебя знаю! — не менее культурно вскрикнул я, узнав в черноволосой девице ту, что встречала меня в секте «Братства по крови».

— Очень приятно, что ты меня запомнил, — улыбнулась девушка. — Присаживайся.

Я посмотрел по сторонам. Никакого иного места, чтобы примостить своё седалище, кроме дивана, я не нашёл. Безусловно, будь это при иных обстоятельствах, я бы принял приглашение, но не в этот момент. Тем более не в таком настроении.

Я пожал плечами и бухнулся на пол. Чего уж там.

— Замечательно, — слегка подняла красиво очерченную бровь девушка. — Чувствуйте себя как дома.

— Уже.

— Прекрасно. — Она явно не ожидала от меня такого поведения, да и кто бы ожидал. — Если вы ещё не поняли, то меня зовут Вельма.

Уж не знаю, какой реакции она ожидала, но оправдывать её надежды я почему-то не хотел.

— А меня, если вы вдруг ещё не поняли, зовут Виктор. — Я честно скопировал её интонации.

Ведьма на несколько секунд задумалась.

— Ладно, перейду сразу к делу. Я предлагаю тебе работу, — наконец сказала она таким тоном, будто только что предложила мне на себе жениться.

Я немного поворочался на полу, устраиваясь поудобнее, потому что беседа обещала затянуться довольно надолго.

— Вы знаете, меня уже пригласили на работу... — протянул я, демонстративно оглядываясь вокруг и позёвывая.

Если честно, злость начала меня покидать и на полу мне стало как-то неудобно, но деваться-то уже некуда. Если начал играть, играй до конца. Тем более, если припомнить то, что эта девушка замешана во всех моих проблемах. Хотя я и не видел, но почему-то совершенно точно знаю, что это она надела мне на палец кольцо. Получается, что это она ударила меня чем-то по голове. А мне совершенно не нравятся девушки, которые бьют меня по голове. Даже красивые девушки.

— Предлагаю вам аванс — десять тысяч долларов. — Девушка откуда-то из-под прозрачного пеньюара достала пачку банкнот. Право слово, будто попал в средней руки детектив.

— Вы знаете, и аванс мне уже давали, — не сдавался я.

— Знаю, как не знать, — ослепительно улыбнулась Вельма. — Я также знаю, что у вас его уже нет.

— Вам становится легче от этого знания? — вновь начал беситься я.

— Нет, что вы, — царственным жестом отмахнулась Вельма. — Наоборот, меня весьма угнетает то, как вас обманули.

Я насторожился:

— Обманули?

Вельма хитро прищурилась:

— Именно обманули.

— И кто же?

— Только ради вас, мой дорогой, — всё тем же царственным тоном протянула она. Вот ведь достала-то. Даже слушать противно.

— Ну! — грубее, чем следует говорить даже с такой самовлюблённой стервой, поторопил я.

— Мне неприятно знать, что вас так легко обводят вокруг пальца. Сначала платят деньги за работу вперёд, а затем делают так, что вы их лишаетесь, тем самым становясь их должником.

Ах вот значит как. Вообще-то довольно логично. Такой организации, как Агентство, ничего не стоит проделать подобное. В это можно поверить, но можно ли доверять этой непонятной Вельме? Кто она, вообще, такая?

— Простите, а доказательства?

— Всё просто, достаточно вспомнить слова вашего знакомого Алексея о том, что деньги всё равно уже не вернуть. И о том, что эти деньги не сможет вернуть даже он. Он же капитан. Неужели он не смог бы разобраться с каким-то участковым или охранником? Конечно, смог бы, если бы эти люди не были под крышей у людей сверху. Верно?

— Верно-то оно верно, но я могу вам таких причин придумать сколько душе угодно, — всё ещё пытался спорить я.

— Если моих объяснений вам недостаточно, спросите у них сами. Вы же не дурак, вы сможете увидеть, если они будут вам лгать. Вы ведь не дурак?

Интересно как. Не иначе она пробует на мне разные методы воздействия, причём все одновременно. Сначала пряники, затем берёт на «слабо» и «ты же не дурак?», а дальше, я полагаю, будет кнут.

— Допустим, я соглашусь, — решил я изменить тактику. — Обещаете ли вы ответить на мои вопросы? А то что-то больно много у меня их накопилось.

— В меру своего разума, — тут же заворковала Вельма.

— И что же я должен сделать? — наконец задал я главный вопрос.

— Всё просто. Вы должны помочь удалить с моего пути одного человека.

Я слегка опешил:

— То есть ты предлагаешь мне стать наёмным убийцей?!

— Да, — ничуть не смутилась Вельма. — А что здесь такого? Тем более, этот человек тебе знаком и ты с ним не очень то ладил во время своей последней встречи.

— И кто же это? — как бы невзначай спросил я.

— Ты его встречал несколько раз. Один раз перед Посвящением... другой раз на дискотеке...

Колдун, что ли? Вот учудила. И с чего она взяла, что я способен с ним разобраться? Хотя... будь у меня такая возможность, я бы с удовольствием врезал ему пару раз. Но чтобы убить? Только при самообороне, да и то если нет другого выхода.

— А почему именно я? — как-то жалко спросил я, уже догадываясь об ответе.

— Потому что ты единственный, кто остался жив после стычки с ним. И ты знаешь кое-что о его способностях, а я знаю кое-что о твоих.

Ага. Что же ты знаешь-то? Чего такого я умею на данный момент, чего не умеет рядовой обыватель?

— Ясно, — кивнул я, приняв решение ни в коем случае не соглашаться. — А время подумать у меня есть?

— Есть, конечно, — обрадовалась Вельма. — Только есть одна проблемка. Началось.

— И что же это за проблемка? — внутренне подобрался я.

— Мелочь такая. Тебе понравилось, как мои девочки убрались у тебя в комнате? И электричество, и сантехнику починили... — Она сделала вид, что задумалась. — Кстати, тебе пирог понравился, который я тебе оставила?

— Да так себе, — слукавил я. Compliments ей делать, вот ещё.

— Просто кроме начинки из ягод там было кое-что ещё, — как будто сожалея, сказала Ведьма. — Кое-что, что может убить тебя через... — она посмотрела на наручные часы в виде змейки, — через десять минут, если у меня часы не отстают.

— Что?! — Я вскочил на ноги. — Ах ты мерзкая...

— Попрошу без выражений, — неожиданно жёстко сказала Вельма. — А то я могу и забыть о том, что ты мне нужен, и обижусь.

Вот ведь змея. Это она, значит, сначала сладко мне мозги пудрит, а потом такое. Ну тварь. Если бы я был таким же, как всего неделю назад, если бы... я бы тебя на кусочки. Чтобы ты своим ядом мне...

— Видимо, мне придётся согласиться, — как можно ровнее произнёс я, садясь обратно на пол. — Теперь ты дашь мне противоядие?

— Не ты, а вы, — поправила меня довольная Вельма. — Так-то лучше. А что касается твоего вопроса... нет, конечно, что же я, дуручка, что ли? Я лишь временно приостановлю действие яда, а противоядие ты получишь, когда выполнишь свою работу.

«Дрянь», — зло подумал я. И чего им всем от меня надо, а? Теперь ещё эта злобная ведьма. Интересно, а почему их вообще ведьмами называют? Ничего особенного и магического я не видел. Только вывели меня из Агентства странным образом. А вот яд подсыпать голодному человеку в пирог, так это любая дуручка сможет. Эх, попадись она мне всего неделю назад...

— А если вы блефуете? — решил рискнуть я.

— А если нет? — усмехнулась Вельма. — Впрочем... зачем утомлять себя сомнениями? Яд убьёт тебя через пять минут, но действие его ты можешь ощутить уже... сейчас.

Неожиданно у меня закружилась голова и разболелся желудок.

Что это, самовнушение? Помнится, о чём-то подобном я читал... но, чтобы так быстро?

Нет, не похоже. А значит, мне действительно некуда деваться.

— Вынужден согласиться на ваше заманчивое предложение, — пробормотал я, однако девушка услышала.

— Замечательно, сейчас я накормлю вас ужином, а затем введу в курс дела, — как ни в чём не бывало зашебетала Вельма. — Заклинание я уже подправила, так что жить вам ещё как минимум до завтра.

Ага, а как максимум до послезавтра... Задушил бы, честное слово. Но это только в фильмах главные герои обещают, что всё равно доберутся до злодея, отомстят. Дураки. Лучше не показывать виду, что что-то готовишь. Но и подлизываться не стоит. Всё равно она не поверит в неожиданную покладистость.

— Спасибо, я не голоден, — проскрежетал я, давя в себе обещания страшной мести. Успею ещё высказать всё, что думаю. А пока чувства придётся задвинуть поглубже. Если, конечно, я не хочу вновь стать мячиком в игре этих людей. Только трезвый ум поможет мне выпутаться из этой заварушки. Если это вообще возможно.

— Неужели ты мне не доверяешь? — демонстративно «обиделась» Вельма.

— Боже упаси, — всплеснул я руками. — Просто не хочу кушать, и всё тут. Лучше бы поподробнее рассказали о моей, так сказать, «работе». Или о том, как вы меня из Агентства вытащили, или о перстне, который вы мне на палец надели, предварительно огрев камнем по голове.

Должно быть, мне удалось каким-то образом выбить ведьму из колеи, потому что очередного издевательского ответа не последовало.

— Давайте об этом потом, — отмахнулась она.

Ага. Значит, ей есть что от меня скрывать.

— А почему это вы решили, что я не смогу вывести ваш яд из своего организма, душа моя?

— решил я добить её окончательно. — Если уж я смог, как вы сказали, дать отпор вашему дружку, то яд для меня точно пара пустяков.

Вельма вновь злорадно усмехнулась. Что-то я сказал не так. Чувствую, сейчас выяснится очередная гадость.

— Всё не так просто. Яд имеет в своей основе вовсе не химическое соединение. Вернее, не только химическое, но и магическое. Скромное заклинание, убивающее наповал любое живое существо, оно опасно даже для моего знакомого, что уж говорить о вас.

«Магическое, фигическое», — передразнил я про себя. Вельхеора на тебя нету. Он бы тебе показал, что такое настоящее заклинание. Дилетантка недоделанная. Выучила пару заклинаний и считает себя всесильной. Правда, я и того не умею...

— Я так и понял, что это непросто. — Я решил сделать вид, что нечто подобное я и предполагал.

— Можете устраиваться в своих апартаментах. Вы, наверное, устали с дороги, так что отдыхайте до завтра. А завтра вы узнаете подробности своей работы.

— Слушаюсь и повинуюсь, — покорно вздохнул я, поклонившись ведьме.

— Не паясничай, — одёрнула она меня. — Свободен.

«Дура», — уже беззлобно подумал я.

— Кстати, а что мне говорили о предстоящем Посвящении? — неожиданно вспомнил я, уже находясь почти за дверью.

— Завтра узнаешь, — ответила Вельма, и дверь захлопнулась прямо перед моим носом. Размахнет меня завтра по стенке Колдун, и ей на орехи достанется. Интересно, чего они не поделили? Мне казалось, что они из одной секты, а тут выяснилось, что это не так. Я повернулся, вышел из комнаты и только тут осознал, что не знаю, куда мне идти. Вернуться, что ли, спросить или самому поискать?

Мучался с выбором я недолго, потому что неизвестно откуда вынырнула одна из девушек, приехавших со мной на машине. Хотя я могу и ошибаться, потому что лиц их я всё равно не запомнил почему-то. Несмотря на то что они были весьма недурны собой.

— Пойдёмте, я вас провожу в вашу комнату, — пискнула девушка.

— Куда ж деваться-то? Веди, — согласился я.

И мы пошли. Путь был долог. Мы спустились по лестнице на второй этаж, и моя провожатая толкнула ближайшую дверь.

Хоромы мне предоставили так себе. Нет, по сравнению с моей квартирой просто номер люкс. Но ведь я успел побывать в гостях у Кельнмиира и посидеть в заточении во дворце Императора. А по сравнению с шиком того мира это просто помойка какая-то, честное слово. Какие-то жалкие две комнатки, не считая ванной и туалета. Даже кухни, и той нет. Позор-то какой. Телевизор всего один, и тот всего лишь в одну стену. И кровать пятиместная.

— Спасибо за познавательную прогулку, — я галантно поцеловал ручку даме.

Девушка слегка покраснела. Вот чудо-то, а я думал, что зомби не умеют краснеть.

— Если хотите, я могу вам налить ванну, — робко предложила девушка.

Я слегка опешил:

— Зачем? Я что, немощный, что ли? Сам уж как-нибудь налью.

— Ну, тогда спинку потру, — не сдавалась провожатая.

— Я очень стеснительный, — признался я. — Так что лучше уж я сам.

Девушка окончательно смутилась.

— У нас тут ночи холодные... — начала она и замолкла, выжидательно глядя на меня из-под длиннющих ресниц.

— С таким ворохом одеял, что лежит на кровати, тут и при минус сорока согреться можно. Что уж говорить о ночах августа.

Девушка надолго замолчала, видимо подыскивая слова.

— Я вам что, не нравлюсь? — наконец обиженным тоном осведомилась она.

До меня наконец дошло. Так вот она о чём!

И я неожиданно рассердился! Казалось бы, красивая девушка предлагает провести с ней ночь. Чего злиться-то? Да ведь не по своему она желанию ко мне в постель лезет.

Приказали ей, вот она и выполняет волю своей этой... кто она там? Наставницы или учителя. Помню, как-то показывали по телевизору сектантов. Так там точно такие же девушки. Молодые, которым ещё жить и жить, взрывали себя ради каких-то «высших» целей. Я тогда, помню, так бесился. Какие же сволочи детям мозги пудрят! Хм... вообще-то я сам годами не обременён, но то я, а то наивные девушки. И вот теперь эта девушка вынуждена ложиться под меня, потому что так сказала эта... ведьма — Вельма.

— Дурочка, зачем тебе это? — сердито спросил я. — Зачем?! Неужели они могут тебя так запросто заставить лечь с совершенно незнакомым человеком?

У девушки на глаза навернулись слёзы.

— Никто мне ничего не приказывал, — тихо прошептала она. — Вы мне просто нравитесь. Я с недоверием посмотрел на неё.

Справа от меня стояло зеркало. Я подошёл к нему и скептически окинул себя взглядом: худой, тёмные круги под глазами, одежда, как всегда, мятая. Это таким я ей понравился?

— Не заливай, — устало сказал я, отрывая взгляд от зеркала. — Иди, найди себе какого-нибудь красивого парня своего возраста и брось ты эту секту чёртову.

Девушка, уже успевшая стереть слёзы с лица, посмотрела на меня странным взглядом и вышла, гордо подняв курносый носик. Или не курносый? Не могу вспомнить... какое-то лицо у неё незапоминающееся.

Я повалился на кровать и раскинул руки в стороны.

«Ну что, наёмный убийца, как будем жить дальше? — обратился я к себе. — Не жить тебе завтра. И ведь самое странное, что тебя это не пугает. Уже просто сил нет пугаться и удивляться. А девушку зачем прогнал, спрашивается? Какая разница почему? Главное, что она могла бы скрасить тебе этот вечер. Возможно, последний вечер. А может, она не врала? Вдруг ты ей действительно понравился? Вот такой страшный и болезненно худой...»

Кстати о худобе, кушать-то ведь хочется.

На столе обнаружилось жаркое. Свежее, даже ещё горячее.

Всё предусмотрели.

Я повернул зеркало к кровати и начал сосредоточенно жевать, периодически поглядывая на своё отражение.

Как всё-таки приятно видеть своё отражение. И как непривычно, что моё отражение не корчит мне рожи. Вот смотрю на себя, а сам подсознательно ожидаю, что вот-вот моя физиономия скорчится в ехидной усмешке.

— Вельхеор, интересно, а ты мог бы здесь появиться? — спросил я у отражения, — Появиться и помочь мне. А заодно рассказать о том, чем закончилась ваша стычка с дядей Кельнмиира.

Естественно, моё отражение промолчало. Почему-то мне стало совсем грустно.

Всё интересное из моей жизни куда-то исчезло. Я больше не боюсь света, не брожу по другому миру, никто на меня не покушается. Оно, конечно, много спокойнее, но обычная жизнь стала какой-то пресной. Если можно назвать обычной жизнью моё нынешнее состояние. Поправлюсь, меня угнетает то, что завтра меня убьют, а ничего поделать с этим я не могу. Только если попробовать договориться с Колдуном. Но он не выглядел особенно расположенным к беседам, когда я его видел в последний раз.

А тут ещё эти девушки... Та, которая только что ушла, ещё ладно. Сомневаюсь, чтобы она говорила правду и я ей действительно понравился. Тем более мне всё равно больше всех девушек, вместе взятых, нравится Лида. А я ей... в общем-то, она особого отвращения по отношению ко мне тоже не выказывала. Скорее даже наоборот. Вот только всё это было во время её задания. Правда, она говорила, что я ей нравлюсь. Но стоит ли ей верить? Кстати, что-то есть похожее между Лидой и той, что только что ушла. Обе они говорили, что я им действительно нравлюсь, но доверять им или нет, я не знаю. А когда я чего-то не знаю, я предпочитаю ничего не делать. Эх, где же мой молодецкий задор... Стоп! Что-то я стал говорить, как старик какой-то. Это при моих-то двадцати с небольшим. М-да, а я ещё завидовал Ромиусу, прожившему без малого три сотни лет. Я за свою-то жизнь совершенно разучился доверять людям, что же говорить о них? Ромиус, Кельнмиир, Вельхеор, как же они живут вообще?

Я сам не заметил, как тарелка опустела.

Надо же так проголодаться. Мясо съел прямо с костями.

Выпил пакет сока, который нашёл в холодильнике, который, в свою очередь, нашёл в соседней комнате, разделся и лёг в постель.

Уснул я моментально, что удивительно, ведь завтрашний день я могу и не пережить. Я только закрыл глаза и сразу же начал падать в темноту.

Сон мне снился странный. Не просто странный, а невероятно странный. Просто чудо какое-то. В прямом смысле слова.

Началось всё как обычно. Бредовые отрывки сонной чуши попеременно с обрывками событий прошедшего дня: злорадный смех Вельмы, глаза Ланы, полные слёз. Потом — Лана стоит над могилой. Я откуда-то знаю, что это моя могила.

Обычный сон. Но потом всё пошло как-то не так.

Появилось ощущение, будто я просыпаюсь. Но я не мог проснуться, ведь окружающее всё так же нереально! Вокруг тёмные стены, ни единого окна, ни единой щёлки или трещинки. Почему-то именно это помещение меня напугало куда больше, чем всё прочее, в том числе и видение собственной могилы.

Я видел себя как бы со стороны, как это обычно бывает в снах, и уже одного этого хватало, чтобы понять, что я всё ещё сплю. Но что-то в этом сне было не так. Обычно каким-то уголком сознания ты всегда знаешь, что это сон. Именно твой сон, потому что... не знаю, как объяснить, но сон именно твой. А здесь было что-то тёмное и чуждое. Как будто кто-то злой ворвался в мой сон и творит, что хочет.

— Виктор! — раздался знакомый мне голос.

Я быстро обернулся и увидел... зеркало. То самое, что стояло в моей «камере заключения» во Дворце. Моё отражение игриво подмигнуло мне.

— Соскучился? — вновь послышался знакомый голос. Собственно, это был мой голос.

— А чего ты в зеркале? — вместо приветствия спросил я, так и не поняв, что же происходит.

Зеркало треснуло посередине, и по нему побежали трещины. Я не успел даже отскочить, как оно развалилось и упало на пол мелкими осколками.

Только не говорите, что я опять виноват. Опять я что-то не то сказал.

— Так лучше? — раздалось из-за спины.

Я, уже не торопясь, вновь повернулся, и моему взору предстал я сам, сидящий в чёрном кожаном кресле. Если учесть, что во сне я всё видел как бы со стороны, то выглядело всё как странный фарс.

— Вельхор? — не очень уверенно спросил я.

— А то кто же, братишка! — вскричал Вельхор и толкнул меня в грудь.

Я нелепо взмахнул руками и упал... в мягкое кресло.

— Мне почему-то кажется, что ты меня вспоминал недавно, — деловито уточнил он.

— Было дело, — не стал отпираться я. — А ты откуда знаешь?

Вельхор улыбнулся, и я впервые обратил внимание на то, что из-под верхней губы у него торчат очень изящные клыки.

— А как, по-твоему, я сюда попал?

— Куда? — уточнил я.

— В твой сон, куда же ещё, — ответил Вельхор.

— Сон... — пробормотал я. — Значит, я всё-таки сплю...

Мне почему-то подумалось, что я могу неожиданно проснуться и так и не узнаю о том, что у них там случилось. Вельхор от моего вопроса отмахнулся.

— Ничего интересного. Мы с Кельнмиром надавали по заднице его дядюшке, Сорняка отправили озеленять пустыни к югу от Литы, а с Зикером разбирается Ассамблея Ремесленников, у них там свои дела.

Я ожидал продолжения, но его не последовало.

— Собственно, я не за тем сюда явился, чтобы последние сплетни тебе рассказывать. —

Вельхор подался вперёд. — Как я понимаю, тебе грозит опасность?

— Это ещё мягко сказано, — согласился я. — То есть ты хочешь сказать, что явился, чтобы помочь мне?

— Именно, — согласился Вельхор. — Чтобы помочь тебе, себе и всей Ассамблее. Там сейчас создана специальная комиссия для исследования феномена «братьев».

— А почему «братьев»-то? — удивился я. — Какие же мы братья?

— Откуда я знаю, — сказал Вельхор. — Суть в том, что мы с тобой должны быстро решить две основные проблемы. Первое — выяснить, что обуславливает нашу с тобой связь, и второе — спасти твою шкуру. И это притом, что тебя могут разбудить в любой момент, да и сам ты можешь случайно проснуться.

Я согласно кивнул.

— Итак, что ты делал сегодня перед тем, как лечь спать? — грозно спросил Вельхеор, будто я собирался что-то утаивать.

— Покушал я, поразмышлял о горемычной своей судьбе, выпил соку и лёг спать, — отрапортовал я.

Вельхеор почесал затылок:

— Так, это нам не поможет. Хорошо, вспомним самое начало нашей истории. А что ты делал в промежутки времени перед тем, как начал бояться света и перестал видеть своё отражение?

Тут мне пришлось задуматься.

— Я... ездил в Киев... стоп. Нет, ни в какой Киев я не ездил. Меня же ссадили с поезда и загипнотизировали. Или загипнотизировали, а уже потом ссадили с поезда? В общем, в Агентстве считали, что именно после гипноза всё и началось.

— Гипноз? Хм... близко, но что-то не то, ведь сегодня тебя не гипнотизировали?

— Нет. Это точно, потому что Нестеров мне говорил, что у меня выработалась защита. Меня теперь так просто не загипнотизируешь, — ответил я и удивился, у меня миллион вопросов в голове, а вместо того, чтобы их задать, я отвечаю на вопросы Вельхеора. Я собрался задать Вельхеору соответствующий вопрос, но тот опередил меня и дал чёткие указания. Ослушаться его я почему-то не смог.

— Значит, так, попробуй определить то место, в котором на настоящие воспоминания накладываются воспоминания о поездке в Киев, — сказал он странным голосом.

— Попробую, — согласился я.

В голове начали прокручиваться воспоминания того дня. Если вспомнить слова Сергея Ивановича о том, что меня с поезда высадили, значит, скорее всего, пока я спал, меня и взяли. Точно. Я припоминаю. Ко мне в поезде подсел странный мужик, здоровый такой и нервный. А потом я заснул, а проснулся уже, когда поезд подъезжал к Киеву... кажется. Вот сейчас я начинаю понимать, что остальные воспоминания будто не мои. Какие-то неправильные, липовые. А тот мужик... чёрт! Это же Нестеров был! Он мне вколол что-то, когда я уже засыпал.

— Мне нравится ход твоих мыслей, — подбодрил меня Вельхеор.

«Опять мысли читает», — вяло подумал я.

— А то как же? Время-то не ждёт, — попытался оправдаться вампир. — А теперь вспомни, о чём ты думал, когда тебе вкатили этот наркотик?

Я разве говорил что-то о наркотиках?

— Это и так понятно, — отмахнулся Вельхеор. — И как я сам не догадался?

Больше он почему-то объяснять не стал.

Я послушно продолжил вспоминать. Я читал книжку Барбары Хембли о вампирах. Помню, меня тогда это очень захватило...

Вельхеор хмыкнул, но промолчал.

А потом я начал засыпать и решил помечтать, а что было бы, если бы я был вампиром...

— Вот оно! — хлопнул в ладоши Вельхеор. — То, что я искал. Ты обратился ко мне, думая о вампирах. Причём именно в тот момент, когда тебе вкололи наркотик. А ваши наркотики, насколько я понимаю, что-то с восприятием мудрят. Вот и получилось, что ты открыл канал связи со мной.

— Замечательно, — как-то совсем вяло проговорил я.

— Конечно, замечательно, — согласился Вельхеор. — Вот только получается, что и сейчас тебе что-то вкололи.

Наивный. Зачем вкалывать, когда можно просто подсыпать в пищу или в сок. Точно, в сок!

— В сок? — Вельхеор всё так же беззастенчиво копался в моих мыслях. — Ловко. Теперь всё ясно. И перед сном ты думал о вампирах?

Ага, причём о конкретных. О тебе и о Кельнмиире.

Я даже не стал утруждать себя речью. Зачем, если твои мысли всё равно читают?

— С этим тоже разобрались. — Вельхеор потёр руки. — Хорошо. Что касается опасности...

Нет, можешь не рассказывать.

И не собирался. Почему-то мысли не идут никуда. Просто стоят на месте.

— Так вот, просто прими какой-нибудь сильнодействующий наркотик и как можно громче подумай обо мне.

Вельхеор просто-таки лучился самодовольством.

— Вроде бы все проблемы решили.

Я вяло кивнул, а в голове промелькнула лишь одна мысль по поводу того, как это так — громко думать?

— Ах да, — о чём-то вспомнил Вельхеор. — Отомри.

Ото мри... о чём это он?

— Слушай, Вельхеор, а почему это я вдруг вспомнил о поездке в Киев то, чего раньше не помнил совершенно?

— Гипноз, — пожал плечами Вельхеор.

— Гипноз? — переспросил я. — Но ведь я же не подвержен гипнозу.

— Не смей меня. — Вельхеор усмехнулся, в очередной раз показав свои белые клыки.

—

Моему

гипнозу подвержены все.

Мне осталось лишь поверить ему на слово.

— А откуда ты про наркотики знаешь? — опомнился я.

— Интересно, а что, по-твоему, я делал в вашем мире?

А ведь действительно, что он делал в моём мире? Он ведь так и не рассказал.

— Наркотики глотал? — наивно спросил я.

— Дурак, — ответил Вельхеор, но как-то беззлобно. — Телевизор я смотрел.

— Ага, — ухмыльнулся я. — Ты wszed в моё тело только для того, чтобы посмотреть телевизор. Так я тебе и поверил.

Вельхеор ничуть не смутился:

— Не только, конечно. Я ещё в библиотеке посидел, газеты почитал, музыку послушал, с людьми пообщался.

— Да? А Кельнмиир говорил, что ты хочешь у нас тут разрушения жуткие учинить, — изобличил я его.

Вельхеор расхохотался.

— Разрушения жуткие? Не смейся, вы с этим и сами справляетесь так, как не справится и сотня таких, как я. А Кельнмиир... он всё по себе мерит. Глобальность — это ведь черта, присущая его клану. Мой же клан предпочитает локальные пакости, да и то только когда это необходимо для достижения сугубо личных целей.

— То есть ты такой весь лапочка, — сделал вывод я.

— Отнюдь. Питался я весьма сытно — по человеку в день. Прямо-таки шикарно.

— Хотя это не скрываешь.

— А чего мне скрывать-то? — удивился Вельхеор. — Это здоровые потребности организма.

Я на секунду задумался, собираясь с мыслями.

— Слушай, так что же там у вас произошло-то? Кельнмиир больше не держит на тебя зла?

А за Кельнмииром всё так же охотятся? Император его не амнистировал?

— Что ж, начну всё по порядку, — Вельхеор встал с кресла и начал ходить напротив меня взад-вперёд. — Кельнмиир, конечно, не извинился передо мной, но свою ошибку понял... Тут голос Вельхеора исчез, а комнату заволочло туманом.

— Стоп! — вскричал я. — Только не сейчас.

Но было поздно. Я принудительно выныривал из сна, а точнее, меня из него кто-то нагло выдернул. Комната исчезла, и ко мне медленно пришло осознание того, что я лежу в постели. Не один...

Не один?!

Я вскочил как ошпаренный и скатился с кровати.

— Ну что ты? — мурлыкнула незваная гостья.

Я уже собрался было объяснить настырной девушке, что не нуждаюсь в её услугах, но быстро понял, что это не она. На кровати возлежала главная ведьма — Ведьма.

— Не то.
— Ты меня боишься? — игриво спросила она.
— Не то слово, — покривил я душой.
— Зря. Я могу быть очень нежная...
— Противоядие давай, а там поговорим, — не растерялся я.
— Противный, — сделала вывод Вельма.
— Тогда нам не о чем говорить.
— Тогда собирайся, пора ехать, — в тон мне резюмировала она.
Я уже собрался объяснить, что пусть она идёт вперёд, а я тут быстренько поглажу шнурки и сразу за ней, но как-то не сложилось.
В комнату вошли три девушки характерной незапоминающейся красоты. Как-то сразу стало не до пререканий. Тут аж четыре девушки, а я голый почти.
Я отчаянно ухватился за одеяло, но, как назло, на нём возлежала Вельма, и одеяло не поддалось. Отчаянно обежав взглядом окружающее меня пространство и поняв, что стыдливо прятаться за ближайшей дверью (в десяти метрах от меня) уже поздно, я гордо встал во все свои метр восемьдесят и тактично откашлялся:
— Хм. Девушки, вас стучать не учили?
Девушки не обратили на меня никакого внимания. Только мельком окинули брезгливыми взглядами и обратились к Вельме:
— Всё готово. Можно ехать на встречу.
— Замечательно, выдайте этому... гм, — Вельма обидно усмехнулась, — орлу его новую одежду.
— А чем вам моя старая одежда не угодила? — обиделся я.
— Сам увидишь. Тем более это не твоя одежда, мы тебя переодели, когда в кровать укладывали, не помнишь?
С чего бы мне помнить-то? Мне почему-то кажется, что, когда они меня укладывали в кровать, Вельхеор был уже изгнан. А я и вовсе в это время по Лите гулял и красотами наслаждался.
Я решил промолчать, тем более в этот момент увидел мою новую одежду. Дара речи я лишился сразу же и довольно надолго. Вот слов совсем не было, одни чувства, вернее, плохие предчувствия.
Что это была за одежда? Нет, она была довольно таки носимая. Когда её разложили на кровати, моему взору предстал ослепительный, вызывающий наряд. Он состоял из рубашечки зелёного цвета с красным отворотом и... юбки. Вот-вот. Именно юбки.
— Это... мне? — всё ещё не веря, спросил я слегка дрожащим голосом.
— Тебе, тебе, — подтвердила Вельма.
Девушки, решив, что я полностью отвлечён разглядыванием одёжки и их не вижу, тоже хихикнули в кулачки.
Ага! Значит, они всё-таки не зомби. Просто порядки у них строгие.
— А ничего более... как бы это сказать, мужского не было? — стараясь не сорваться на нервный смех, уточнил я.
— Самое оно, — откровенно издевалась Вельма. — Будешь у нас орлом... голубым.
Тут все девушки не выдержали и расхохотались. Обидно так.
У меня тут же возник резонный вопрос, над которым я раньше почему-то не задумывался. И кто придумал, что девушек бить нельзя? Вот я бы щас...
— Одевайся давай, — резко перестав смеяться, сказала Вельма. — Время идёт.
— Спешу и падаю, — пробурчал я, отвернувшись от девушек, чтобы не видеть их издевательских усмешек.
Как оказалось, это я сделал зря. Меня тут же подхватили за руки за ноги и швырнули на кровать. И откуда в них сил-то столько?
В течение следующих пяти минут я подвергся унижительнейшей процедуре одевания. Большого унижения в моей жизни ещё не было. Пусть девушки за всё время не проронили ни слова, всё равно я чувствовал, что они надо мной смеются и издеваются. Когда же меня наконец отпустили, я нарочито медленно встал с постели.

— Вот так-то лучше, — резюмировала Вельма, оглядев меня с ног до головы. — Очень миленькая девушка из тебя получилась, вот только личико тебе подправим немного, и будет совсем хорошо.

Я сделал два шага к ближайшему зеркалу, делая вид, будто мне действительно хочется посмотреть на то, во что меня превратили.

— Посмотри, посмотри, — кивнула Вельма, встав рядом с зеркалом.

Я неторопливо подошёл к зеркалу и, так и не взглянув в него, прыгнул на Вельму, твёрдо решив если не вышибить несколько зубов, то хотя бы успеть поставить синяк на красивеньком личике, прежде чем мной займутся три её прислужницы.

Я даже не успел понять, почему там, где должно было быть её лицо, оказалась бетонная стена. Лишь когда я спустя несколько секунд поднялся с пола, пришло очень неприятное понимание. Понимание того, что никакой стены не было, ведьма так и стояла на том же месте.

— Больше так не делай, — посоветовав она мне, как бы невзначай проведя своим тоненьким пальчиком по моей руке.

Я судорожно отдернул руку, потому что её прикосновение напоминало прикосновение к коже сухого льда. Следов нет, но боль, напоминающая ожог, просто адская.

— Посмотри в зеркало, — приказала Вельма.

Именно приказала, тут уже не было никаких сомнений.

Я поднял глаза и посмотрел. Примерно так, как я и предполагал. Сразу вспомнилась реклама, помните? «Он же из шоу! — Какого шоу?..» Не помните? И слава богу.

Вельма встала позади и положила руки мне на плечи.

— Расслабься, котёночек, — промурлыкала она. — Сейчас мы из тебя такую конфетку сделаем. Тебе какая актриса нравится?

— Памела Андерсон, — огрызнулся я.

Ой, лучше бы я молчал! Кто же меня за язык-то тянул?!

— Замечательно, — как-то подозрительно обрадовалась Вельма, — Закрой глаза.

Я демонстративно уставился в зеркало, стараясь даже не моргать, за что тут же получил тычок «сухим льдом» под рёбра. Пришлось скорчиться, выругаться и всё-таки закрыть глаза.

— И веа ин сумит дес охре, — напевно шепнула мне на ухо ведьма. — Можешь открыть глаза.

Я, начиная что-то подозревать, медленно приоткрыл один глаз.

— Еб... — дальше не цитирую, но высказался я очень красочно и витиевато. Сам даже не подозревал, что могу так ругаться.

Из зеркала на меня смотрела Памела Андерсон. Со всеми её... хм... достоинствами.

Я начал судорожно водить по лицу руками — на ощупь вроде бы моё родное лицо. Провёл по волосам — всё тот же парик, если дернуть посильнее, то он тут же оторвётся. Дальше руки, подрагивая, опустились на главное достоинство кинозвезды, но и тут ничего чужеродного не обнаружилось. На ощупь всё осталось, как и прежде — какие-то бумажные шарики под непонятным лифчиком.

У меня вырвался вздох облегчения.

— Как ощущения? — поинтересовалась Ведьма.

Я сделал вид, что не услышал вопроса, тем более некогда мне было. Я смотрел на своё отражение и пытался увидеть что-нибудь, выдающее фальшь. Ничего. Как будто передо мной стоит сама кинозвезда. Я отвернулся от зеркала.

Минуточку! Я понял, в чём дело. Несмотря на явное сходство, в моём новом лице была какая-то незаметность. Едва я отвернулся от зеркала, как образ Памелы Андерсон тут же померк. Я вновь посмотрел в зеркало и попробовал посмотреть по-новому — не внимательным, а обычным взглядом. Точно. Лицо какое-то расплывчатое и, если специально не присматриваться, какое-то незаметное. Прямо как у...

Я удивлённо посмотрел на четырёх девушек, стоящих в стороне. А ведь у них и у тех, которые меня привезли, такие же неприметные, но чем-то смахивающие на кинозвёзд лица. Они тоже подделки!

Мама моя... тогда кто же вчера ко мне в постель пытался залезть?

— Налюбовался? — вернула меня к действительности Вельма. — Пойдём в машину, по пути я тебе расскажу, что от тебя требуется.

Я был настолько шокирован, что послушно последовал за Ведьмой и девушками (или не девушками) в уже знакомый мне джип. Только сев на заднее сиденье вместе с двумя из них, я очнулся и попытался отсесть от них подальше. Мало ли что. У меня конечно же ничего не получилось, места и так едва хватало на нас троих, и не потому, что на заднем сиденье не могли уместиться три человека. Если кто видел «Хаммер», то знает, что в него и в два раза больше человек поместится. Просто кроме нас троих на заднем сиденье лежали какие-то странные свёртки размером с человека.

В мою душу закрались некоторые подозрения, и я постарался к этим свёрткам не прикасаться.

— Сейчас мы приедем в уже знакомое тебе здание, — начала вещать Вельма с переднего сиденья, когда мы выехали из ворот гаража. — То, в котором ты Посвящение проходил. Так вот, там ты должен будешь всё время быть с моими девочками, никак среди них не выделяясь. То есть молча ходить за мной и зорко смотреть по сторонам. Они тебе подскажут, если что.

Я покосился на сидящих рядом со мной девушек. Да из них же слова не вытянешь. Подскажут они, как же.

— Когда я подам сигнал, ты должен будешь тихо сказать: «И таул». Запомнил? И таул.

— Это ещё зачем? — подал я голос.

— Чтобы спала личина, — объяснила Вельма. — Точно запомнил?

— И таул, — спокойно повторил я.

— Идиот, — вскричала Вельма и тут же зашептала под нос очередную тарабарщину. — Не произноси этих слов, пока я не подам тебе знак. Если ты сделаешь что-либо не так, тебя убьют. Не я, так они.

Кто эти самые «они», я спрашивать не стал. Сомневаюсь, что она что-нибудь мне объяснит.

— Я нечаянно, — соврал я с честным лицом провинившегося идиота.

— Как бы там ни было, когда я дам тебе знак, ты говоришь эту фразу и личина спадает...

— Все пугаются и убегают, — продолжаю я за неё.

— Нет, все отвлекаются, и мне хватает времени на то, что мне нужно сделать. Ясно?

— Неясно, — честно ответил я. — Все отвлекаются на меня для чего? Чтобы порубить в капусту? Я что, похож на смертника?

— Не похож, ты и есть смертник, — злорадно пояснила Вельма. — Ты делаешь то, что я сказала, а дальнейшее — твоё личное дело. Как-то же ты умудрился выжить на Посвящении и в схватке с Константином.

Так вот как Колдуна зовут.

— То есть я отвлекаю их внимание, а они убивают меня ровно столько, сколько зачем-то нужно тебе, — задумчиво проговорил я. — Что-то мне это не нравится.

— У тебя нет другого выхода, — нагло улыбнулась Ведьма. — Если ты выживешь, я даю тебе противоядие и мы расходимся по домам. Если не выживешь, сам виноват.

Гениальная логика.

— А если я прямо сейчас возьму и откажусь? — тоскливо спросил я. — Если я вот сейчас скажу. «И таул», и хоть режьте меня, никуда не пойду?

— Идиот, — вновь заорала Ведьма и зашептала всё ту же тарабарщину. — Я и так на тебя уже чёрт те сколько сил извела, а он всё балуется. Если ты не сделаешь, о чём я прошу, то... Её лицо на секунду расплылось, как будто у меня расфокусировался взгляд, а спустя секунду на меня смотрела Лида. Точно Лида. Даже выражение глаз такое же задорное и весёлое...

— То она и многие другие твои знакомые, скажем так, пострадают.

Ах ты... тварь такая. Так. Спокойно, не нервничать. Я всё понял, я согласен.

— Я всё понял, я согласен, — будто робот сказал я.

Ну ты меня достала. Я тебе всё испорчу. Ещё не знаю как, но испорчу. Обязательно. Ты ещё не знаешь, насколько я злопамятный.

— Вот и отлично, — произнесла «Лида».

Чёрт, даже голос её.

Она прикусила губку:

— Интересно, а если бы я сегодня утром пришла к тебе в таком виде, ты был бы благосклоннее?

Меня невольно прошиб пот. Да уж, что бы было тогда, боюсь даже представить. Говоришь девушке, которая тебе нравится, что ты её любишь, а она превращается в смеющуюся издевательским смехом ведьму. Я бы, наверное, в окно выбросился... ах да, там же решётки были...

Я решил больше не разговаривать. Никакого желания нет, вот честное слово смертника. Вообще-то странно. Зачем я ей нужен? Неужели нет другого способа отвлечь от чего-то этого Колдуна... или как там его... Константина. Зачем со мной столько нянчиться? А? Словно ни меня ещё из Агентства выкрали. Зачем, спрашивается? Непроста это. Видимо, она темнит и не говорит всей правды. А то и вовсе врёт. Когда приедем туда, нужно держать ухо востро. Кстати, если мы едем всё в то же здание, то почему там было пусто, когда я туда приезжал? И, по словам Сергея Ивановича, когда они меня оттуда забирали, не было там никаких намёков на комнаты и зал.

Как всегда, миллион вопросов и ни одного ответа. Хотя, безусловно, многое уже прояснилось.

— А что со мной случилось? — не удержался я, вспомнив о Вельхеоре. — Что со мной было до того момента, как я очнулся, съел чёртов пирог и прочитал вашу записку?

— Ты был в коме, — обернулась ко мне Вельма.

— Это, в общем-то, понятно. А почему я был в коме? — не сдавался я.

Вельма задумалась на несколько секунд, которые показались мне часами.

— Есть такой ритуал, называется «изгнание души», — наконец ответила она.

— Изгнание души? — переспросил я.

— Именно, — кивнула Вельма. — Так вот, именно этот ритуал над тобой и провели.

Тогда понятно, почему Вельхеор говорил, что его попросили удалиться. Изгнали его.

— Кто? — Я уже догадывался, какой будет ответ.

— Константин, кто же ещё? Он у нас главный вроде как.

У кого «у нас», я спрашивать не стал. Всё равно правды не скажет. Вопрос в том, зачем она вообще мне ответила? Зачем ей отвечать на мои вопросы, если, по её мнению, я с большой вероятностью умру. А если и не умру, то тем более зачем ей отвечать? Странно как-то.

Если только она не считает, что может узнать что-то ценное от меня.

— А ты не помнишь что-нибудь? Не помнишь, как ты очнулся? Что ты вообще чувствовал всё то время, когда лежал в коме? — как бы невзначай поинтересовалась Вельма.

Ага. Всё понятно. Она надеется вытянуть из меня что-нибудь важное, например, как я смог выжить после «изгнания души». А вот фиг тебе. Ничего ты не узнаешь.

— Видел белый свет, — как можно честнее начал я. — Кто-то всеобъемлющий и добрый вызывает меня к себе, но я отказываюсь, я прошу его...

— О чём ты его просишь? — тут же вскинулась Вельма.

— Чтобы он... дал мне сил надрать чью-то холёную, задницу, — нагло заканчиваю я.

Сидящая рядом со мной девушка больно бьёт меня под рёбра локтём.

— Сама дура, — не остаюсь я в долгу.

— Хватит! — рявкнула Вельма. — А ты, ты ещё своё получишь.

— Очень надеюсь, — отвечаю я. — Ты мне ещё аванс не дала обещанный.

И откуда во мне столько наглости-то? От безысходности наверное.

Остаток пути мы проделали в тишине. Я всё, что хотел и мог узнать, узнал, а Вельма думала о своём. Планы свои чёрные небось строила. Я так понимаю, она хочет главного в их секте сдвинуть и сесть на его место. Вот только до главного-то ей далеко, иначе ей бы не понадобилось придумывать какие-то финты ушами. В прямом столкновении она с Колдуном справиться не может, и ей зачем-то нужен я. Вот только зачем? Хотя... если предположить, что она считает, что способности Вельхеора ещё при мне... эх-х... если бы я был вампиром, я бы им сейчас показал. Кстати, что это я тут к смерти готовлюсь? Вельхеор же обещал мне помочь. Всё, что мне нужно, — это немного чего-нибудь расслабляющего, в идеале наркотик, и громкая (м-да) мысль о Вельхеоре. А дальше он со всеми разберётся, насколько я понял. Ведь они проводят там у себя какие-то исследования, и я им пока нужен. Пригожусь ещё на что-нибудь.

Значит, если Колдун с Вельмой друг друга не поубивают, что было бы просто идеально, тогда в дело вступит Вельхеор. Вопрос только в том, где взять наркотик. У Вельмы просить бесполезно. Да и не хочется. Но что же делать-то?

Мы подъехали к уже знакомому мне зданию с единственной входной дверью. Деревянной и очень тяжёлой. Точно, то самое здание. Вот только мы не в центре! Мы в каком-то довольно заброшенном районе.

Выбравшись из машины, я огляделся. Сплошные новостройки, все здания вокруг не ниже десяти этажей. Все, кроме этого. Оно одиноко стоит среди этих махин и привлекает внимание не только своей маленькой высотой, но и старинным стилем. Не то барокко, не то рококо. В общем, ничего общего с цветастыми и оквадратненными монстрами современного строительства.

Ведьма пошла вперёд, а я, как и было приказано, остался с девушками.

— А это точно тот же дом? — с сомнением спросил я у одной из них.

— Не знаю, что ты подразумеваешь под «тем же домом», но это дом «Братства по крови»,

— нехотя ответила одна из девушек, та, что походила на Джулию Робертс.

Всё сходится. Это что же, у них что-то вроде «дома на колёсах»? Или этот их дом перемещается в пространстве? Я уже могу поверить во что угодно, будь то исчезающий дом или ведьмы, изменяющие свои лица.

— Вы немногословны, — заметил я девушкам.

— Так положено, — ответила другая.

— Ты не один из нас, — объяснила третья.

— Был, — закончила четвёртая.

А они вовсе и не зомби. Однозначно. Только девушки могут говорить с такой скоростью.

— Ага. А теперь, значит, я временно один из вас, — протянул я.

— Именно.

Я даже так сразу и не определю, кто из них это сказал.

— Если мы не будем общаться, то кто-нибудь может что-то заподозрить, — объяснила Джулия Робертс.

Дверь перед Вельмой открылась, и девушки, показав мне жестом следовать за ними, вошли.

Я, всё ещё сомневаясь в том, что делаю, последовал за ними.

Внутри помещение было точно таким же, как я его запомнил во время Посвящения.

Единственным отличием было то, что вдоль стен теперь стояли люди в чёрных плащах с капюшонами, закрывающими лица. Чем-то они напоминали Кельнмиира в его одеянии или его учеников. Нет, несоответствия были, но незначительные.

— Встань слева от меня, — прошептала мне на ухо Джулия Робертс.

Я послушно встал к стене рядом с девушкой, напротив четырёх фигур в чёрном.

Вельма скрылась за дверью, которая, как мне помнилось, вела в показное жилище Колдуна.

— А... — хотел было спросить я девушку, но она поспешно шикнула на меня, и я решил пока что помолчать.

Так мы и стояли истуканами. Четверо, судя по всему, мужчин, и четыре девушки.

Тьфу ты, вот ведь мерзость-то. Если ко мне начнёт приставать один из мужиков, если это, конечно, мужики и я не ошибся, то мне точно плохо станет. Сгоряча могу и убить кого-нибудь. Вот только кого? Тут любой скорее убьёт меня, чем даст до себя хотя бы пальцем дотронуться. Так что придётся убивать того, кого смогу, то есть себя, любимого. Нужно будет попытаться сбежать отсюда и доехать до Агентства. Вдруг они смогут мне помочь. Хотя... есть и у меня одна шутка... что-то вроде туза в рукаве.

Вопреки моим опасениям, никто ко мне приставать не стал. Вообще, никто даже не говорил. Девушки лишь переминались с ноги на ногу, а чёрные фигуры и вовсе, кажется, даже не дышали. Тишина становилась просто-таки зловещей. А язык мой так и чесался. Так и хотелось громко ляпнуть какую-нибудь глупость, чтобы все рассмеялись. Чтобы оказалось, что всё это лишь фарс, что девушки — это обычные студентки, которых наняла какая-нибудь программа вроде «Скрытой камеры», а фигуры в чёрном манекены. И из двери напротив неожиданно выскочит Вельма и скажет коронную фразу: «Улыбнитесь, вас снимает скрытая камера».

Кстати, скрытая камера нас действительно снимала. Из левого угла. Хотя какая же она скрытая, если я её отлично вижу?

Интересно, а может быть, мне попросить у этих чёрных косячков? Вдруг завалился, а то ведь они и вправду чем-то обдолбанных напоминают. Сейчас единственный, кто может мне спасти жизнь, — это Вельхеор, а он далековато. В другом мире или в другой галактике, уж не знаю где. И всё, что мне нужно, — небольшой косячок. Впервые жалею, что никогда эту гадость не пробовал. Вот если бы попробовал, может, мне бы понравилось и сейчас у меня был бы с собой один. Ах да, я же со своей одеждой распрощался больше недели назад. То военная форма, то форма охранника, то ведьмочки в костюмчик переодели, а теперь и вовсе... юбочка да колготки чёрные. Хорошо ещё, что чёрные. А то они бы ещё и ноги брить заставили, с них бы стало.

В голову стали лезть совсем уж глупые мысли. Всё от нервов. Моя жизнь, можно сказать, на волоске висит, а я тут стою в коридоре у стенки с четырьмя зомби и не менее странными ведьмами. Интересно, а у них только Вельма что-то умеет или они все фокусницы?

— Всё готово, — послышался из-за двери громкий голос Ведьмы, и дверь распахнулась.

— Ты уверена? — уточнил мужской голос, и в поле моего зрения возник Колдун. Лицо у него было самое что ни на есть беспечное.

— Конечно, — поспешила заверить его Вельма, идя в полуметре позади. Как совсем недавно за ней шли девушки и я. Сразу видно, кто здесь главный.

— Тогда пойдём в зал, — кивнул Колдун, как раз поравнявшись со мной.

Он кинул на меня ленивый взгляд, и что-то промелькнуло в его глазах. Может, это было удивление? Или злость? Нет, мне почему-то показалось, что он удивился. Неужели узнал? Целую секунду я разрывался между возможностью произнести чёртово слово и предстать перед Колдуном в облике себя и сдать ему Вельму со всеми потрохами и возможностью оттянуть момент спада личины на, пусть и не далёкое, но всё же будущее. Но он прошёл мимо, а я так ничего и не решил. Страх — великая штука. Хочется оттянуть долго-нежданный момент как можно дальше.

— За мной, девочки, — скомандовала Вельма.

Колдун лишь мельком взглянул на фигуры у стены, и они совершенно синхронно последовали за ним.

Девушки не так эффектно поспешили следом. И я вместе с ними. А куда деваться-то?

Глава 22

Мы вошли в уже знакомый мне зал. Ты глянь-ка, отреставрировали всё это дело после меня. Даже статую новую поставили. Надеюсь, эта-то не оживёт?

На помосте стояли уже привычные кубки со странной жидкостью, а напротив статуи и помоста замерло пять фигур в чёрных одеяниях. Точно таких же, как и на тех четверых, что зашли вместе с нами.

Мы — четверо в чёрном, девушки и конечно же я пристроились к пяти фигурам.

Естественно, мы образовали полукруг. И естественно, я почему-то опять оказался в центре. Позади нас встали Колдун и Вельма. Почему-то они решили встать поодаль и не принимать участия в таком занимательном процессе очередного Посвящения.

— Ты уверена в своей тринадцатой? — тихо поинтересовался Колдун.

Почему-то я сразу понял, что это он обо мне. Даже несмотря на то, что воспринимать себя как существо женского полу не то что непривычно, а просто страшно. Право же, так ведь и привыкнуть можно. Нужно через плечо плюнуть.

— Как в самой себе, — заискивающе ответила Вельма. Выражения её лица я не видел, но перед моим взором тут же предстала её улыбка. Скажем так, не очень приятная улыбка.

— Это я так, по привычке беспокоюсь. Не хотелось бы повторять свои ошибки, — пояснил Колдун, немало меня удивив. В его голосе звучала лёгкая насмешка. Поскольку ни над кем, кроме себя, он смеяться не мог, я сделал вывод, что ему свойственна самоирония. Не очень типичная черта для главного злодея. Он должен бы полыхать огнём и подлость во все стороны рассыпать.

— Сам же его выбрал, — фыркнула Вельма, явно издеваясь. — Лицо ему знакомым показалось. Даже испытаниям его не подверг, а теперь жалуется.

Колдун вновь тихо рассмеялся.

Странно как-то. Кто из них главный-то? Колдун совершенно спокойно терпит её насмешки и только смеётся.

Стоп, о чём я думаю-то? Меня же сейчас опять посвящать будут. Интересно, что со мной произойдёт на этот раз? Вот бы Вельхеор опять смог появиться. Мы бы с ним во второй раз здесь всё разнесли. Кстати, о повторях. Мне опять чёрный костюмчик не достался. Вечно на мне экономят. Вернее, на нас. Девушки-то тоже без костюмчиков. Это ж дискриминация по половому признаку! Девушки ничем не хуже мужчин и имеют право на свою чёрную рясю! Э, куда меня понесло-то? Нервное это, нервное.

— Начнём, что ли? — то ли вопросительно, то ли утвердительно сказал Колдун.

— Начнём, — с лёгким нетерпением выдохнула Вельма.

— Начнём, — прокатился по залу тяжёлый баритон из ниоткуда.

А, старый знакомый. Интересно, а где он отсиживался, когда мы со статуей в салочки играли? И щас он, кстати, где?

— Готовы ли вы вступить на следующую ступень? — пророкотал голос.

— Да, — послышался в ответ тихий, но на редкость стройный хор голосов, только я, как всегда, всё испортил и немного запоздал.

— А она точно прошла все испытания? — спросил за моей спиной Колдун. Надо думать, обращался он к Вельме.

— Конечно, — поспешила уверить его Вельма. — Причём с очень, — она выделила это слово, — хорошими результатами.

— Верю, — сказал Колдун таким тоном, что даже стоящей напротив меня статуе стало понятно, что ни чуточки он не верит. Не только Вельме, а кому-либо вообще.

— Готовы ли вы стать теми, кто охотится в ночи, моими детьми?

Опять он свою волюнку завёл. Разве я уже не должен был стать охотящимся в ночи в тот раз? Мне казалось, что это следующая ступень. А тут повтор какой-то. Станьте моими детьми... кстати, что-то я давненько родителям не звонил. Стыдно как-то.

— Да! — На этот раз даже я умудрился рывкнуть в унисон со всеми.

Позади послышалось одобрительное покашливание Колдуна. По какой-то причине для него имеет большое значение именно ритуал.

— Так выпейте же напиток смерти, дающий жизнь!

«Эк он завернул-то, — подумал я, подходя со всеми к помосту с бокалами. Просто промоушн-акция какая-то по дегустации нового напитка».

— Пейте, — пророкотал голос.

Я послушно поднёс кубок к губам. Знакомый пряный запах ударил в нос, и я чуть было не чихнул.

Что-то подобное я уже пил. Результат был тот ещё. Минуточку... да ведь это наверняка наркотик! Говорят, что в сектах всех поят наркотиками. Тогда становится понятно, почему в прошлое Посвящение появился Вельхеор. Он же ведь без проблем появляется, только когда я под кайфом. И в первый раз он связь со мной установил именно в тот момент, когда мне Нестеров, подлец, кольнул какую-то гадость. То есть как только я выпью этот напиток, я могу спокойно громко подумать о Вельхеоре, и он придёт.

Придя к такому успокаивающему выводу, я залпом выпил содержимое кубка. В глазах слегка поплыло, но в целом стало приятно и легко.

— Повернитесь ко мне, — властно проговорил Колдун. И куда пропали весёлые нотки в его голосе?

Мы послушно повернулись. Вернее, они послушно повернулись, а я, как всегда, опоздал немного.

— Теперь вы ступили на следующую ступень затемнения, — начал объяснять Колдун. — Только одна ступень отделяет вас от высшей ступени нашего Братства.

Хм... ступень затемнения? Это что-то вроде противоположности просветлению, что ли? Вот шутники-то. Да, кстати, пора бы и о Вельхеоре подумать. Громко подумать.

Вельхеор!!!

Ам-м... я уже не я? Нет, вроде бы ничего не изменилось. Чёрт, неужели не сработало?

Тут Вельма, стоящая по левое плечо распинаящегося Колдуна, начала активно мне подмигивать. Ага, вот он — этот сигнал.

А что я сказать-то должен. И... что-то... Хоть убей, не помню. А ведь и вправду убьют, если не вспомню. Вон как Вельма мигает, любой светофор позавидует.

— Вы осознаете всю важность момента? — спросил Колдун, и где-то в его тёмных глазах вновь промелькнул весёлый огонёк.

— Да, — хором ответили двенадцать.

— Прямо весь насквозь проникся, — неожиданно для самого себя ляпнул я.

Тишина обрушилась на всех, находящихся в зале. Больше всего, как мне кажется, досталось именно мне. За то короткое время, в течение которого все приходили в себя от моей наглости, я успел поблагодарить свой длинный язык аж двадцать четыре раза. Причём поблагодарить далеко не рядовыми выражениями. Не вслух, конечно, но всё же.

— Проникся? — тихо переспросил Колдун, сделав ударение на окончании, выдающем мою принадлежность к мужскому полу.

Я сделал вид, что ничего не заметил.

— Ага, проникся до самых чакр. Все каналы энергетические аж засорились.

Вельма за спиной Колдуна прямо-таки светилась радостью. Параллельно с освещением помещения радостью она спешно и как можно незаметнее делала какие-то пассы над головой Колдуна.

— Ты вообще кто будешь-то? — Удивлённым, как, впрочем, и недовольным, Колдун совершенно не выглядел. У меня возникло такое подозрение, что ему откровенно любопытно, и не более того. О страхе я вообще молчу, мне кажется, он и не знает, что это такое.

— Я это... — Я судорожно продолжал вспоминать заклятие, бормоча себе под нос разные варианты: — Этил, Этап, и стул, и стол, и там... и тау... А! И таул!

Результат я видеть не мог, ведь зеркала-то рядом нет, но, судя по совсем удивлённому лицу Колдуна, всё получилось.

— Это что? — наконец спросил он и неожиданно расхохотался. — Ты что, из этого... Шоу? Какое шоу? Ой не могу... как в рекламе. Шоу трансвеститов.

Колдун чуть ли не согнулся пополам и откровенно заржал. Вельма, всё ещё активно размахивающая руками у него за спиной, от неожиданности сбилась, испугалась небось. Я ещё не решил, злиться мне или обижаться, но, когда Колдун не перестал смеяться и спустя минуту, я решил, что одно другому в общем-то не мешает.

«Вельхеор!» — как можно громче подумал я.

Никакой реакции. Жаль.

— Ты зачем маскарад-то устроил? — наконец немного успокоился Колдун.

Его вопрос почему-то поставил меня в тупик. Неужели он забыл, как убить меня хотел? И как душу мою того... ну, не мою, но он-то думал, что мою!

— Я разобраться с тобой пришёл, — пояснил я.

Колдун опять рассмеялся, но уже как-то вяло.

— Ты-то? Один? Здоровья не хватит.

Тут он прав вообще-то. Здоровья у меня и вправду маловато. Вот если бы Вельхеор... Ах да, Вельхеор!

Опять ничего. Может, наркотик не подействовал? Да нет, подействовал вроде бы, иначе я бы тут уже от страха сознание потерял. А тут даже наглость откуда-то взялась.

— А я вашу подружку запряг, чтобы она мне помогла, — нагло соврал я. Хотя почему соврал? — Прости, слегка искажил действительность, на самом деле все как раз наоборот. Колдун даже не обернулся посмотреть на Вельму.

— Эту-то? — Он не глядя ткнул пальцем за спину. — Так она весь последний год пытается что-нибудь со мной сделать. С тех пор как я её азам магии научил, с тех пор и пытается. Вельма так и застыла статуей с поднятыми в странном жесте руками.

Ага, не ожидала?! Так тебе и надо.

— Ты тут ещё вылез, — как-то огорчённо сказал Колдун. — Теперь опять придётся тебя убивать.

— А может, не надо? — неожиданно осипшим голосом спросил я.

— А куда деваться? — развёл руками Колдун. — По закону жанра придётся мне закончить то, что я начал.

Жанр у него, видите ли! Мне не по фигу, какой у него там жанр? Я-то жить ещё хочу.

— Вельхеор! — крикнул я и даже сам не сразу понял, что ору вслух.

— Чего разорался-то? — недовольно спросил Колдун. — Раньше надо было думать.

Когда это раньше, я спросить так и не сподобился.

— А ты куда собралась? — спросил он у Ведьмы, которая всё это время медленно, но верно отходила к двери.

— Так я это, — затараторила она, поняв, что её застукали. — Пойду посмотрю, как там снаружи, всё ли в порядке?

— В порядке, в порядке, — обнадежил её Колдун. — Всё вокруг уже давно окружено.

— Кем?! — вскрикнула Вельма, невольно шарахнувшись от двери, к которой только что так стремилась.

Фигуры в чёрном впервые зашевелились и тоже начали поглядывать на дверь. Девушки же и вовсе поспешили спрятаться за спины фигур в робах.

Мне даже смешно стало. Сектанты повели себя как мелкие воришки, пойманные на месте преступления. Даже Вельма и та не знала, куда деваться, стоя в нерешительности перед дверью. А ещё ведьма...

— Щас вас всех повяжут, — как можно зловеще пообещал я. — Я вызвал подкрепление.

Колдун, единственный из всех не проявивший ни намёка на страх, рассмеялся:

— Ага, повяжут целую кровавую секту во главе с ведьмой. М-да, хорошая концовочка нашей истории. Ты — героически погибаешь, Вельмочку гребут, и она мотает полный срок, а я преспокойненько исчезаю и попиваю коктейли где-нибудь в Бразилии.

— А почему в Бразилии? — спросил я по инерции. Нет, однозначно, варено на меня действовало ещё как. Всякая дурь на язык лезет, а в голове ни одной дельной мысли.

— Потому что там много диких обезьян, — процитировал Колдун. — Хочется так потому что.

Я не нашёл что ответить. Да, кстати, раз уж меня убивать собрались... Вельхеор!

— Ладно, засиделся я с вами, пора мне уже, — неожиданно заторопился Колдун. — А то сейчас тут такое начнётся. Боевик, натуральный Петросян! Драки, фу... неблагородно это.

— Он повернулся ко мне. — Ты как хочешь умереть?

От старости, я хотел было сказать, что лучше всего умер... но вовремя вспомнил, что передо мной маг. Этот что хочешь устроит.

— Я хочу умереть, лёжа в постели, — начал я. — Вокруг меня должны стоять: моя жена, трое моих сыновей, две дочки, адвокат, который заверит моё завещание, в котором я перевожу все свои восемнадцать машин, две яхты, четыре особняка...

Колдун начал зевать.

— ...остров, шестнадцать вертолётов, собственный самолёт...

Я так могу хоть весь день перечислять.

— Ты это, заканчивай, — не выдержал Колдун. — Время поджидает.

— Не, сам спросил, а теперь рот затыкает, — обиделся я.

Вельхеор!!! Где ты, гадёныш?!

Со стороны единственного входа в зал послышался тихий шорох. Вернее, он бы показался тихим в обычных условиях. Сейчас же, когда все только и ждали чего-то подобного, он прозвучал что выстрел в тишине. А ведь тихо-то у нас не было.

— А что, если... — начала Вельма до того момента, как прозвучал этот шорох, и замолчала, так и не закончив предложение.

Все замерли, прислушиваясь. Я с надеждой, девушки и Вельма — со страхом, а чёрные рясы — тех вообще не поймёшь. Что же касается Колдуна, тот на всё смотрел с постоянным интересом, как на хорошее кино, будто всё происходящее вокруг его не касалось.

Как я уже говорил, чёрные рясы за всё время нашего общения даже с места не двинулись.

Только головы несколько раз повернули. Вот и сейчас они всего лишь повернулись туда, поэтому понять, что они думают, и думают ли вообще, было просто невозможно. Входная дверь располагалась очень удачно: на возвышении в центре противоположной от нас стены, а к этому самому возвышению вела небольшая лестница. То есть обзор был стопроцентный, и посмотреть действительно было на что.

Дверь чуть-чуть приоткрылась, и через образовавшуюся щель появилось маленькое зеркальце.

— Что ты видишь? — послышался нетерпеливый шёпот из-за двери.

— Подожди ты, зеркало ещё настроить нужно, — шёпотом ответил другой голос.

— Быстрее давай, вдруг они нас заметят и разбегутся. Лови их потом...

— Не говори под руку, — огрызнулся первый. — Я всё по учебнику делаю, как в главе «Скрытая слежка с помощью подручных средств».

Если бы они знали, что выход отсюда всего один.

— А камеру слабо было взять? — спросил второй.

— Кто же мне её даст-то? — осведомился первый. — Последняя камера сгорела в доме этого... который за Лидкой приударил, как, кстати, и предыдущие восемь. На складе мне ни за что не дадут больше ни одной. Хорошо, у меня зеркало с собой оказалось.

— Зачем это нормальному мужику зеркало? — подозрительно спросил второй.

— Не твоё дело, — огрызнулся первый и, по всей видимости, наконец настроил свою систему скрытого слежения, в простонародье именуемую зеркалом.

Возникла короткая пауза, а затем первый голос произнёс трагическим шёпотом:

— Мне кажется, они нас заметили.

— Идиот! — выругался второй. — Системы слежения он тут использует. От тебя что требовалось?

— Узнать, сколько там человек и их расположение в пространстве зала, — виновато ответил первый.

— Вот. А ты нам чем тут мозги пудришь? Докладывай о местонахождении противника.

— Так точно, — браво шепнул любитель скрытого слежения. — Четыре... нет, пять девушек и девять фигур в чёрном. Половую принадлежность фигур определить не могу. Я, кстати, тоже. А где это он пять девушек-то нашёл? Ах да, издалека и не определишь, кто я (как он сказал?) по половой принадлежности. А Колдуна им, соответственно, не видно, потому что он в стороне стоит.

— И что они делают?

— На нас смотрят, товарищ капитан, — бодро ответил солдат.

— Так что же ты тут расселся со своим долбаным зеркалом, идиот?!

— Но я же говорил, что...

— Отставить разговорчики! Немедленно начинаем захват!

Дверь распахнулась от удара ногой, и в неё вкатился мужик в чёрной форме спецназа с зеркальцем в руках. Вслед за ним в зал начали вбегать люди в такой же чёрной форме.

— Ничего себе подвальчик? — восхитился незадачливый шпион, поднимаясь с каменного пола. — Да тут же стадион целый.

— Всем оставаться на местах! — гаркнул самый щуплый и, судя по всему, самый главный из всех спецназовцев. — Руки держать над головой.

Девушки во главе с Вельмой покорно подняли руки.

— А вам, дамочка, особое приглашение нужно?

Я даже не сразу понял, что это он меня дамочкой обозвал. А ведь заклинание личины-то уже не действует. Совсем слепой, что ли?!

Фигуры в чёрном стояли всё так же неподвижно и ни о каком поднятии рук, а тем более над головой, даже не помышляли. Колдун, кстати, тоже.

— Я сказал руки — над головой держать! — ещё раз рывкнул капитан.

Я поспешно поднял руки, а вот рясоносцы даже не шелохнулись. Капитан уже собрался было разразиться злобной тирадой, как его взор уткнулся в фигуру Колдуна, стоящего в сторонке и наблюдающего за всем происходящим с беспечной улыбкой. В капитанской голове прошли нехитрые математические операции, и он понял, что Колдун является неучтённой единицей противника.

— Ты! — Он резко повернулся к спецназовцу, бережно убирающему ценное зеркальце, кстати весёлого красного цвета, в карман. — Почему недосчитал боевую единицу противника?!

Спецназовец с испугу выронил зеркальце, и оно с негромким щелчком разбилось о каменный пол.

— Дык я... — начал оправдываться он.

— После операции пойдёшь зрение проверять, — пообещал ему капитан.

— Слушаюсь, — вяло козырнул солдат.

Капитан жестом приказал солдатам взять Колдуна на мушку.

— Руки поднять, — в очередной раз скомандовал он.

Колдун пожал плечами и поднял руки. Теперь всё внимание капитана было обращено к девяти чёрным фигурам.

— Если через три секунды вы все не поднимете руки, будут произведены предупредительные выстрелы в головы... тьфу, в ноги.

Все девять фигур совершенно синхронно повернулись к нему, но больше не двинули ни одной частью тела. Особенно они не двинули руками (солдатский юмор).

— Издеваться будете? — покраснел от злости капитан, и у него на шее забились жилки толщиной с небольшой канат.

Нервный он какой-то. Чего нервничать-то? Вот я, например, если меня случайно не пристрелят, скоро умру от яда. Я же не нервничаю и не ору ни на кого.

Кстати... Вельхор!

Тем временем фигуры в чёрном стояли себе, никак не реагируя на угрозы капитана.

— Всё, сами напросились, — наконец сделал вывод капитан. — Стрельните вот этому в ногу, — он наугад ткнул в одного из рясоносцев.

Один из десятка спецназовцев послушно направил свой пистолет на фигуру и выстрелил. Рясоносец даже не почесался. Как стоял, так и стоит.

— Совсем обморозили, — резюмировал капитан. — На стрельбище давно не были, так промазать.

Капитан достал свой пистолет, наверняка именной, и выстрелил навскидку в того же многострадального сектанта.

Опять никакой реакции. Только одна из девушек нервно хихикнула, но мигом сникла под злым взглядом, брошенным капитаном.

Он озадаченно перевёл взгляд с девушки на свой пистолет, затем на чёрную фигуру... и, не мудрствуя, произвёл ещё пять выстрелов.

Все вокруг, включая Ведьму и девушек, затаили дыхание. Только Колдун зевнул, всем своим видом показывая, что капитан определённо занимается совершеннейшими глупостями.

Чёрная фигура всё так же злоебно стояла напротив помоста, не выказывая ни малейших признаков жизни. Признаков смерти, впрочем, сектант также не выказывал. Только в рясе появилось несколько дыр на уровне ног.

Нервы капитана не выдержали. Он с криком схватился за автомат и начал поливать сектанта очередями, пока не кончились патроны.

— А-а-а... — ещё некоторое время кричал он, продолжая тупо жать на курок.

У всей группы захвата вид был не намного лучше, чем у капитана. Лица у всех побледнели, а девушки, которых я совершенно ошибочно считал настоящими ведьмами, и вовсе попадали в обморок. Самой стойкой оказалась Вельма, но и ту била мелкая дрожь. Хотя у меня такое подозрение, что пугали её вовсе не рясоносцы, а сам Колдун, продолжавший улыбаться как ни в чём не бывало.

Я перевёл взгляд на фигуру в рясе, вернее в ошметках, которые отдалённо напоминали рясу. Сам же человек, если это был человек, стоял всё так же невозмутимо.

— Что за фигня? — неизвестно у кого спросил капитан, дрожащей рукой утирая пот со лба. Кроме Колдуна и ещё, может быть, Ведьмы на его вопрос вряд ли кто-нибудь ответит. Я бы мог сделать несколько предположений, но, чёрт возьми, мне не до этого. Что же делать-то? Когда начнёт действовать яд? Сейчас? Через минуту, через час или, может быть, через день?

Лучше попробую подождать их начальство.

— Ребята, посмотрите, он что, в бронежилете? — приказал капитан.

Ребята желанием пообщаться поближе с только что расстрелянным практически в упор сектантом не горели, но пришлось. Приказ есть приказ.

— Эй, — неуверенно сказал один из солдат, ткнув пальцем в балахон. — Ты как, жив? Фигура отрицательно покачала головой.

Солдат издал непонятный звук — смесь визга с кашлем и отскочил от фигуры метров на десять. Отпрыгивая, он задел рукой капюшон на голове сектанта, и он соскользнул вниз.

Под капюшоном обнаружилось молодое конопатое лицо. Вот только взгляд был не очень молодым. При взгляде на чёрные как угольки глаза возникало желание бежать отсюда как можно дальше.

— Да он совсем мальчишка ещё, — удивился капитан.

Колдун, хотя на него никто не смотрел, кроме меня и Вельмы, согласно закивал головой. Затем он как-то по-хитрому махнул рукой, и тут всё началось.

«Совсем мальчишка» схватил ближайшего к нему спецназовца за грудки и швырнул его через весь зал (добрых полсотни метров!).

Тут все задвигались. Будто в замедленной съёмке я увидел, как Колдун растворяется в воздухе. В следующую секунду Вельма бросилась со всех ног к выходу, и три девушки поспешили за ней. Но это всё я увидел лишь мельком. Всё моё внимание было приковано к девяти чёрным фигурам. Удивительно плавно, но при этом невероятно быстро они заскользили по залу, раскидывая спецназовцев как кукол. Застрочили автоматы, и я поспешил залечь на пол. Из этого положения мне не было видно ничего, кроме каменного пола, поэтому мне осталось только молиться... довольно специфической молитвой... Вельхор! Спасай, сос, хелп! Где ты, предатель?!

Над моею головой ещё некоторое время полетали пули, и вскоре всё стихло. Я, переборов страх, поднял голову и увидел всего лишь в метре перед собой стоящих полукругом сектантов. Капюшоны больше не прикрывали их лица, и на меня смотрели совершенно разные люди, схожие лишь одним — взглядом. У всех у них были чёрные как уголь глаза. В остальном это были люди разного возраста и пола. Три девушки и шесть мужчин. И все смотрели на меня.

— А-а... как дела? — не очень уверенно спросил я, впрочем не ожидая получить ответ на свой вопрос.

Все девять фигур совершенно синхронно склонили головы.

Чего это они? Завод кончился, что ли?

Темнота позади зловещих фигур начала сгущаться и вскоре сгустилась настолько, что превратилась в Колдуна собственной персоной.

Он брезгливо отряхнул руки, будто только что хватал ими что-то гадкое и противное, и неторопливо направился ко мне.

— Чего разлётся-то? — спросил он, старательно обходя тела спецназовцев.

Интересно, они вообще-то живы? Лучше об этом сейчас не думать, как и о том, буду ли жив я спустя несколько минут.

Отвечать на вопрос Колдуна я, естественно, не собирался.

— Вставай, уж коли жив остался, — кивнул он мне, — встречай смерть как подобает мужчине.

Я, будто получив удар под дых, судорожно вздохнул, но всё же поднялся.

— Так-то лучше, — удовлетворённо сказал Колдун. — Ребята, аккуратненько утихомирьте его.

Услышав эти слова, я, несмотря на то что ноги стали ватными, бросился к выходу. Не успел я сделать и пары шагов, как кто-то схватил меня за шкуру, будто нашкодившего котёнка, и потащил обратно в центр зала. Я отчаянно упирался в меру своих скудных сил, но толку было мало. Если быть точным, то никакого толку не было.

Меня подтащили к Колдуну и поставили перед ним, не забывая придерживать за плечи, чтобы я вновь не попытался смыться.

— Вот что ты всё брыкаешься, а? — Колдун развёл руками. Я, ожидая, что сейчас он жажнет каким-нибудь очередным заклинанием, зажмурился, но оказалось, что это он всего лишь чувства выражает. — Всё время только брыкаешься и брыкаешься. Нет чтобы спокойно умереть и другим жизнь не портить. И ведь важного ничего в тебе нет, просто мешаешься ты. Мелкая букашка, которая портит общую картину. Мелкая, а, поди ж ты, живучая. Так бы и жил себе, никем не замеченный, если бы не случай. И если бы не что-то ещё...

Колдун задумался.

— Вот это самое что-то меня и волнует. Почему ты такой живучий, а? Просто сверхъестественно живучий. Хотя... в моих устах это звучит немного лицемерно, не находишь?

Я философски пожал плечами. Мне уже было всё до фени. Говори теперь сколько хочешь, всё равно ты меня уже не убьёшь. Я уже практически мёртв, скоро начнёт действовать яд. Не знаю почему, но я в этом уверен.

— И ведь когда я тебя наконец убил, я даже пожалел. А вдруг в тебе всё-таки есть что-то, что связывает тебя со мной? Да, да, именно связывает. У нас есть что-то общее, именно поэтому тебя пригласили на Посвящение. Потому что мне показалось, что в тебе есть что-то такое, что есть и во мне. Кого-то ты мне напоминаешь... из моей прошлой жизни. Чегой-то он такой откровенный? Видимо, уже точно решил, что пора меня убивать.

Я тяжело вздохнул.

— Знаешь... — Колдун посмотрел на меня так, как будто только что увидел что-то новое... во мне, на мне, в общем, что-то он решил со мной сделать такое, что ему очень понравилось. — Я ведь так и не решил, убивать тебя или нет. И всё ещё решал, до этого момента. А теперь решил.

Он сделал паузу, для эффектности. Откуда ему знать, что мне уже всё равно, что он там решил. У меня уже начала кружиться голова, а это явный признак начала действия яда. Если, конечно, это не от той гадости, которую я пил здесь. Но если бы виноват был напиток, то это началось бы сразу. А значит... значит, яд начал действовать.

— Я решил вот что, — провозгласил Колдун. — Если ты и в этот раз выживешь, то я больше не буду пытаться тебя убить. Мне кажется, что это достойная награда за твоё упорство.

Если он ожидал бурю радости с моей стороны, то он явно прогадал. Я едва сдерживался, чтобы не вывернуться наизнанку. В глазах уже всё начало плыть, в ушах звенеть, а в мозгах плавиться. Кстате, уже второй раз меня травят. Сначала Сорняк, теперь Вельма. Какой же я везучий...

— Так что... — у меня закружилась голова и половину я не понял, — ...готов. Ребята, гуляйте, а я...

Колдун сказал ещё что-то и вновь начал растворяться в воздухе. Дело-то привычное в общем-то.

Ребята отпустили мои плечи, и я с облегчением бухнулся на пол.

— Добивайте, короче, — приказал полурастворившийся в воздухе Колдун.

Вот незадача-то. Вельхеор! Пиявка-переросток, где ты?! Меня сейчас добивать будут! Но прежде чем меня начали добивать, со мной произошло то, чего я так боялся все последние часы. Яд начал действовать.

Тело начало скручивать судорогой, и я, лёжа на полу, выгнулся дугой. Боль, скажу я вам, просто адская. Перед глазами всё покраснело. Скорее всего это лопнули капилляры глаз, а пальцы мои невольно начали скрести по каменному полу.

— Чего это он? — озадаченно спросил Колдун, перестав растворяться в воздухе и так и оставшись полуисчезнувшим. Вопрос, надо думать, был риторическим.

Я бы с радостью объяснил, что со мной, но мне было не до того. Мой мозг взорвался множеством самых разнообразных картин, будто желая отвлечь меня от боли. И я действительно немного отвлёкся. Среди всей какофонии замысловатых образов один страшнее другого иногда проявлялись мои воспоминания. В основном те, которые были связаны с событиями последних двух недель. Мне вспомнился мой прыжок из окна морга, после которого у меня были переломаны почти все кости, но боль, если честно, была так себе. Когда в меня стреляли из автомата, я и вовсе ничего почувствовать толком не успел, а сразу провалился в забытие. Вообще, когда я ещё был связан с Вельхеором, боль была будто игрушечной.

Если честно, то мои мысли не были столь чёткими. Они были хаотичны, и лишь изредка мой мозг извергал связанные фразы, из которых и составила общую мысль.

Если бы я был таким, как неделю назад, то этой боли бы не было, — пронеслась нечёткая мысль...

О чудо! Эта мысль стала той соломинкой, которая смогла меня немного вытянуть из агонии.

«Если бы я и сейчас был вампиром», — вновь подумал я, на сей раз сосредоточившись на этой мысли и, если мне не показалось, получил слабый отклик. Не знаю откуда послышался тихий голос, повторяющий мою фразу. И сразу стало легче.

«Если бы я был вампиром!» — молча вскричал я и тут же понял, что Вельхеор имел в виду, когда говорил «громко подумай».

Эта фраза начала множиться в моём мозгу, бегая из одного уголка сознания в другой.

Если бы я... вампиром... был... если бы... вампиром.

Эту фразу уже повторяла сотня голосов. Всё громче и громче...

Неожиданно всё стихло, и я понял, что больше не ощущаю никакой боли. Я и тела-то не ощущаю.

Я что, опять умер?

— Мир его пуху, — раздался совсем рядом голос Колдуна. — Вернее, пух его праху...

Стоп. Если я слышу, значит, я жив? И тут меня будто вышвырнуло из темноты, как я успел заметить — это меня из моего тела вышвырнуло, и я увидел всё ту же картину. Колдун, по-прежнему видимый лишь наполовину, девять сектантов, стоящих полукругом надо мной, за их спинами тела спецназовцев и, собственно, себя самого. Вернее, моё тело. Я сам-то оказался в метре от Колдуна. Тот, что характерно, меня не замечал. Правильно, я же теперь призрак.

— Финита ля комедия, — на всякий случай уточнил Колдун и начал окончательно растворяться в воздухе.

— Кто тут меня обижает?

Знакомый голос. Ой! Это же я. Уже встал с пола. Будто это не меня только что крутило и месило. Бодренький такой, красными глазами посверкиваю. Стоп. Так ведь это же Вельхеор наконец-то прибыл на помощь. А я, значит, выдворен из своего тела и теперь вольный призрак — так, что ли?

Колдун от удивления материализовался обратно и, ничуть не смутившись, показал пальцем (а ведь это неприлично, между прочим!) на девятерых сектантов:

— Они вот.

— Та-а-ак, — протянул Вельхеор, поворачиваясь лицом к сектантам и плавно выдвигая из верхней челюсти свои клыки. Боевая форма — это вам не хухры-мухры.

Глава 23

Если бы я не знал, что сектанты бесчувственные зомби, то решил бы, что они застыли в нерешительности. Но нет, конечно же нет. Они застыли в ожидании приказа.

— Давайте, что ли, — пожал плечами Колдун, и все девять сектантов неожиданно исчезли. Вернее, они просто очень быстро скользнули вперёд. Так быстро, что в том месте, где они были всего секунду назад, даже не успела осесть пыль. Даже у меня — призрака — не хватило реакции усмотреть их движение. Зато у Вельхеора хватило.

Почему-то даже в нелепой женской одежде Вельхеор умудрился выглядеть внушительно. Это притом, что я во всём этом был похож исключительно на огородное пугало.

Я видел лишь размытые движения, похожие на движения Чина Кхо во время показательной драки с Хазом, только ещё быстрее и проворнее. Лишь иногда на пол падало тело одного из сектантов. Кстати о телах, будучи призраком, я наконец-то смог осмотреть поле боя сектантов со спецназом. Оказывается, вопреки всем моим опасениям, спецназовцы были живы. Побиты изрядно, но живы, хотя без надлежащей медицинской помощи в ближайшее время всё может и измениться.

Вообще, я начал видеть многие интересные вещи, обращать внимание на которые мне просто было некогда. Например, Колдун почему-то смотрит на Вельхеора и морщит лоб, будто пытается что-то вспомнить. Второе открытие оказалось куда интереснее и хуже первого: сектанты вскоре после безвольного падения на пол исчезали. Таяли как снег, только что лужиц никаких не оставалось. И ещё я заметил, что, хотя Вельхеор уже успел раскидать определённо более девяти сектантов (уж и не знаю, как такое возможно), их количество не уменьшилось.

Но это всё я видел постольку-поскольку, потому что главным, что занимало меня на данный момент, было моё состояние призрака. Насколько я понял, я был сейчас в том же состоянии, в котором был Вельхеор в своём мире после изгнания из моего тела. А значит,

длительная задержка в этом состоянии грозит мне потерей рассудка. Оставалось надеяться, что Вельхеор справится быстро и, самое главное, после этого вернёт мне моё тело.

Я сделал несколько шагов и подошёл к Колдуну. Было немного страшновато стоять напротив него, не успокаивало даже осознание того, что он меня не может видеть. Для проверки я скорчил ему рожу, но он, естественно, ничего не заметил. Чтобы уж наверняка удостовериться в том, что я призрак, я решил попробовать коснуться рукой Колдуна. Рука прошла сквозь него совершенно свободно. Так и есть, я призрак.

Чего я только ни ощущал за это время, но призраком ещё не был. Так что пусть Вельхеор здесь разбирается сам, а я пока осмотрюсь.

В нерешительности остановившись перед стеной, я взял себя в руки и, зажмурившись, шагнул сквозь неё.

Темнота.

Ах да, мы же под землёй. Куда же я собрался сквозь эту стену идти-то?

Я сделал быстрый шаг назад и вновь оказался в зале.

Уф, повезло. Не хотелось бы потеряться где-то под мостовой. И чего меня на сомнительные эксперименты потянуло?

Особых изменений в обстановке за моё отсутствие не произошло: Вельхеор всёётак же раскидывал сектантов, а Колдун всё так же размышлял о чём-то, наморщив лоб. Нет, он определённо что-то вспоминает. И что же такое он вспоминает, что даже внимания не обращает на то, что происходит вокруг?

А вокруг с моим прибытием начали разворачиваться интереснейшие события. Хорошо, что я вовремя вернулся и ничего не пропустил.

Началось всё с того, что один из доселе недвижимых спецназовцев очнулся. Очнулся и зашевелился. Причём зашевелился в сторону Колдуна. Прытко так зашевелился, но без лишнего шума и с явно недобрым намерением. Умный парень, сразу понял, кто здесь во всём виноват.

Колдун задумался настолько, что даже не заметил этого самого шевеления. Поэтому, когда спецназовец совершенно беззвучно бросился на Колдуна, тот лишь удивлённо хрипнул и упал на пол, накрытый тяжёлым спецназовским телом. Вот только Колдун и сам не уступал спецназовцу телосложением, и завязалась ожесточённая борьба.

В это же время из-за входной двери появилась красная от усердия физиономия Нестерова.

— Ну дела, — только и сказал он и вновь скрылся за дверью.

Вместо его головы тут же появилась чья-то рука, сжимающая что-то круглое. Ой! Это же граната! Они нас что, взорвать решили?.. Хотя мне-то что, я же призрак...

Граната полетела по идеально ровной параболе прямо в центр зала, прямо под ноги Вельхеору, а за ней потянулся газовый след.

Ага, значит, граната газовая. Интересно... нет, серьёзно. А газ на кого-нибудь подействует?

Весь зал заволокло неким подобием тумана.

«Хана всем?» — пронеслась шальная мысль, но тут же стала исчезать вместе с газом.

Когда газ рассеялся, выяснилось, что ничего, в общем-то, не изменилось. Вельхеор всё так же мордовал сектантов, которые даже и не думали травиться каким-то там газом.

Единственным, кто пострадал, оказался тот самый спецназовец. Он премило захрапел, лёжа на Колдуне, который брезгливо пытался столкнуть его с себя.

В дверь вновь просунулась голова Нестерова.

— Однако, — тем же тоном произнёс он и вновь скрылся за дверью.

Я не стал ждать очередной газовой гранаты, а решил подойти к двери и посмотреть, что там за ней происходит. Зажмурившись, я прошёл сквозь дерущихся сектантов и Вельхеора и подошёл к двери.

Кстати, интересно, а почему именно подошёл? А почему это я не летаю, как полагается призракам?

Я подпрыгнул на месте, но почему-то всё равно никуда не полетел.

Обидно, хотя, мне кажется, это дело привычки. Привык ходить по земле в жизни, не полетишь и став нематериальным. Без надлежащей помощи по крайней мере.

До двери-то я дошёл, но едва собрался заглянуть сквозь неё в прихожую, как она распахнулась прямо сквозь меня. Я с непривычки чуть заикой не стал. В двери появился всё тот же Нестеров (вечно он вокруг меня вертится, надоел уже, спасу нет) и ещё с десяток

человек в форме уже знакомого мне спецназа, только не чёрной, а защитной. Среди прочих оказались и два спецназовца, привёзшие меня в Агентство вчера вечером (один из них светил свежим фонарём под глазом, я аж залюбовался). Кроме них присутствовало ещё молодцев десять в камуфляже. Вслед за ними в зал вошли Сергей Иванович собственной персоной и Лида.

Ой, Лида, Лида. И куда тебя понесло-то? Сидела бы за компьютером себе. Эх... и ведь красива как всегда, даже в камуфляже. Со смешинкой в глазах и лёгкой улыбкой на губах. Я залюбовался и сам не заметил, как пошёл следом как привязанный.

— Какие предложения? — спросил Сергей Иванович у Нестерова.

Тот пожал плечами:

— Расстрелять.

— Всех? — удивился Сергей Иванович.

— А что делать? — Нестеров изобразил искреннее сожаление. — Проверенный способ, даже на Светлова подействовал.

— А если Виктора заденем? — резонно спросила Лида. Ох как резонно. Только Виктор вообще-то нематериален и стоит у вас за спиной. Да не важно...

— Восстановится, куда денется, — отмахнулся Нестеров, дав знак спецназовцам. — Ему даже полезно будет.

Ага, я те дам полезно. Я тебе ещё такое полезно устрою.

— Огонь, — махнул рукой Сергей Иванович, и десяток автоматов дружно затарахтели, изрыгая очереди одну за другой на сектантов, не минуя, впрочем, и Вельхеора.

Но сектанты-то, как я уже понял, после смерти исчезали, а на их месте появлялись новые. А Вельхеор то один-единёшенек. Таким образом, единственным, кто пострадал от «помощи» новоприбывших, оказался Вельхеор.

— Совсем офигели, — резюмировал Вельхеор и взмыл в воздух над сектантами.

Те, потеряв цель, мигом нашли новую и двинулись на неё. Новой целью оказались те самые «помощники».

— Ой, — запоздало удивился Нестеров, и на них запрыгнули сектанты. Их, как и до этого, было ровно девять.

Никто из них даже не успел высказать удивление по поводу полёта Вельхеора. Даже на женскую одежду вроде бы никто внимания не обратил. Хотя нет, вон Лида успела бросить удивлённый взгляд на парящего в воздухе Вельхеора, вернее, она-то считает, что это я. И я в женской одежде, стыдно-то как! Что Лида подумает... Или, может быть, она меня не узнала издали? Да что же это я?! Лида! Чёрт, там же Лида! Сектанты же напали на Лиду! Я, понимая, что в нематериальном состоянии ничего сделать не смогу, подбежал к Вельхеору.

— Ты чего остановился? Быстрее помоги тем, которые только что пришли! Это же союзники, блин.

Вельхеор никак не отреагировал на мой крик и продолжил висеть в воздухе, задумчиво наблюдая за сектантами.

Он же меня не слышит! Чтобы он услышал меня, я должен отразиться в чём-либо. Но зал-то весь разбит в который раз. Если что и было, в чём я смог бы отразиться, так давно уже покрошено и расстреляно.

Тем временем сектанты медленно, но верно крушили спецназовцев. Именно крушили, потому что оружия у них не было и действовали они исключительно кулаками. Зато как действовали! Спецназовцы отстреливались остервенело, и сектанты практически не могли приблизиться к ним, но, если кто-то из сектантов всё же дотягивался до спецназовца... тот мигом оседал на пол, оглушённый сильнейшим ударом. Понятно, почему вся предыдущая группа спецназа осталась жива: их же просто слегка в пол вбили, и всё.

Четверо спецназовцев уже свалились под ударами сектантов, и отстреливаться им становилось всё сложнее и сложнее. А ведь среди них была и Лида. Она ловко уворачивалась от ударов кулаков сектантов и стреляла из какого-то пистолета. Но долго это продолжаться не могло.

А что я мог сделать? Я же нематериален. И Вельхеор — предатель, висит тут, отдыхает. Вельхеор будто слышал мои мысли.

— Слышь, — проговорил он, висая под потолком. — Я знаю, ты где-то рядом. Мне сейчас некогда, я подбираю заклятие, чтобы успокоить этих живчиков. А ты, если хочешь помочь тем придуркам, а особенно той симпатяшке, попробуй воздействовать на материальные предметы. У тебя должно получиться. А ещё лучше вселись в кого-нибудь. Только этот кто-нибудь должен быть без сознания. Просто попробуй слиться с телом, и всё должно получиться само собой, твой дух уже должен привыкнуть к переселениям, так что автопилотируемое вселение тебе обеспечено.

Слиться с телом... само собой. Легко ему говорить. Я даже представления не имею, как это сделать. Тем более, что толку, если я вселюсь в тело спецназовца? Что я сделать-то смогу? Нужно думать быстрее, а не то будет поздно.

Я посмотрел на отбивавшихся от сектантов спецназовцев. Вот это профессионалы. Несмотря на то что число сектантов не уменьшалось, они умудрялись сдерживать их. Четыре спецназовца уже лежали без сознания, а ещё двое едва держались на ногах. Колдун почему-то ничего не предпринимал и всё ещё задумчиво смотрел на парящего в воздухе Вельхеора. Вельхеор же продолжал бормотать что-то себе под нос, причём явно не на русском языке. Больше никого и ничего в зале не было, что бы могло как-то пригодиться мне и помочь осаждённым агентам. Хотя погодите-ка...

Есть ещё статуя каменная. А ведь это же мысль! Сознания в этой каменной глыбе точно нет, а вот можно ли в неё вселиться — это нужно срочно выяснить.

Я торопливо подошёл к статуе, гордо скалившей свою пасть с высоты полуметрового постамента. Проведём проверку.

Я протянул к статуе руку. Так и есть, рука прошла сквозь камень без проблем. Значит, и я сам смогу.

Зажмурив для храбрости глаза, я шагнул в статую. Опять темнота.

Ах да, нужно же глаза открыть... нет, всё равно темнота. Что же теперь делать? По законам литературной магии и самой обычной йоги, нужно расслабиться и попробовать слиться с камнем. Я расслабился и начал сливаться, но то ли меня подводило воображение, то ли слиться с неживым предметом просто невозможно... короче, ничего у меня не получалось. Хм... а может, вселяться и не нужно? Можно попробовать ею просто управлять, как куклой, только каменной? Эх, жаль, что я не искусник и даже не Ремесленник. Но время-то идёт! Я должен помочь Лиде... ну, и остальным заодно... просто обязан!

Я отчаянно захотел сделать то, что задумал. Умей я молиться, я бы помолился. Только кому? Может быть, этому Кровавому богу? Ведь это его ж статуя. Попросить бы его: дескать, помоги, Кровавый бог, нужно твоих же слуг по самую тибетейку в землю вбить, ты уж не поскупись — одолжи статую на денёк.

— А вот возьму и одолжу, — появилась в голове странная мысль. Явно не моя. Но тогда чья же? А, не важно, главное, что после этого у меня получилось!

Я будто только распахнул глаза после сна. Ещё секунду назад я был в темноте, и вдруг вокруг меня начал формироваться окружающий мир. Он как бы выплывал из тумана вокруг меня, и я удивлённо осмотрелся.

Как выяснилось, за моё отсутствие ничего не изменилось.

Я почесал затылок.

И что это было? Опять глюки? Станный голос неизвестно откуда, который обещает мне что-то одолжить... И что это за странный скрип такой?

Я удивлённо обернулся, мигом перестав чесать затылок. Никого нет, да и звук странный уже исчез.

И снова глюки? Э-э-э... и почему в зале стало неожиданно тихо?

Я резко повернулся к ещё секунду назад отбивающимся от сектантов спецназовцам. Ой. Они все застыли и удивлённо таращились на меня. Вернее удивлёнными были лишь Лида и Сергей Иванович. Все спецназовцы во главе с Нестеровым таращились на меня с явным страхом, а сектанты со странным благоговением. Минутку, а зомби разве могут благоговеть? Тем более если учесть, что я призрак и увидеть меня нельзя.

Я подозрительно оглядел себя с головы до ног.

Эге. Всё каменное.

Ну дела, у меня и вправду получилось. Я теперь в статуе. А ведь я не чувствую никакого физического тела — лишь каменные кандалы на руках и ногах.

Так, осталось лишь разобраться с сектантами. Их всего-то девять. Правда, их всегда «всего-то девять», сколько ни убивай, но это уже мелочи.

Я взревел и бросился на них, вот только рёва моего никто не услышал, потому что каменный рот статуи вряд ли был способен произносить какие-либо звуки.

А сектанты... сектанты впервые повели себя как самые обычные люди и бросились врассыпную. Спецназовцы тоже повели себя не очень культурно — пальнули в меня из автоматов. Вот неблагодарные-то.

Не обращая внимания на неблагодарных спецназовцев и уже успевшую испугаться Лиду, я подошёл к ним вплотную, оставив за своей спиной сектантов. Моё движение сопровождалось жутким скрежетом и грохотом. Затем я повернулся своей каменной мордой к сектантам и приготовился рвать их на части.

Но, видимо, сектанты не хотели быть порванными на эти самые части, вместо этого они почему-то бухнулись передо мной на колени.

— Повелитель, ты вернулся! — хором проговорили они.

Вот ведь интересно, они же и вправду не зомби. И они определённо приняли меня за своего повелителя, вновь вселившегося в каменную статую. Может быть, они и на моём прошлом Посвящении были? Лиц-то я тогда не видел, так что с уверенностью ничего сказать не могу.

Я молча склонил каменную морду, дескать, вот он я, любимый. Говорить-то статуи не могут. Интересно, а как всё-таки говорила статуя, когда ожила в прошлое Посвящение? Пауза тем временем начинала затягиваться.

За моей спиной послышался шёпот Нестерова, предлагающего перестрелять всех сектантов, пока они сидят на полу, а статую взорвать осколочной гранатой. «Почему осколочной-то?» — осведомилась Лида. «А потому, что другой я с собой не взял» — нетерпеливо объяснил Нестеров.

Вот ведь недалёкий человек-то, неужели до сих пор не понял, что сектантов автоматом не возьмёшь? Да и взорвав меня, то есть статую, осколочной гранатой, они совершат просто-таки массовое самоубийство. Осколки гранаты и собственно меня разлетятся по всему залу со скоростью пули.

Тут над сектантами воспарил Вельхеор.

— Напрыгались, теперь вам пора баюшки, — проворковал он и взмахнул руками на манер феи из какой-нибудь детской сказки. Действительно, чем-то на фею он был похож... только эта фея довольно странной ориентации.

Но несмотря на внешний вид феи, её, тьфу, его заклинания подействовали. Непобедимые сектанты начали зевать и укладываться спать прямо на каменном полу. Спустя минуту зал стал похож на спящее царство. Причём на полу лежали не только спецназовцы и сектанты, но и новоприбывшая группа спасения во главе с Сергеем Ивановичем, Нестеровым и конечно же Лидой. Вельхеор явно слегка перестарался.

Я поднял свою каменную руку и повертел пальцем у виска, показывая Вельхеору, что думаю по поводу его заклинания.

— Чего ты тут показываешь? — заметил мой жест Вельхеор. — Так надо. Незачем им видеть и слышать то, что будет дальше происходить.

А что будет-то? Я что-то упустил?

Я огляделся.

Ах да, я же совсем про Колдуна забыл. Он так незаметненько в уголке о чём-то думал, что я и внимания-то на него не обратил.

— Пойдём пообщаемся, — кивнул Вельхеор в сторону Колдуна и поплыл к нему.

Я последовал за ним. Каждый мой шаг сопровождался лёгким грохотом и скрежетом, но я к этому уже почти привык и внимания особо не обращал.

Мы подошли (вернее, Вельхеор подлетел, а я пригрозил) к Колдуну, а тот — вот ведь нахал — даже не сразу среагировал на наше приближение.

— А, это ты, — непонятно кому сказал он, подняв на нас глаза. — Вот скажи мне, где я тебя видел?

— В гробу, — тут же среагировал Вельхеор.

Мне осталось лишь пожалеть о том, что я ничего сказать не могу, иначе я бы тоже высказался.

— Нет, серьёзно. Вот именно сейчас, когда ты взмыл в воздух, мне показалось, что я это уже когда-то видел. Давным-давно, где-то в прошлой жизни...

— Ты уже и эту жизнь можешь считать прошлой, — сказал Вельхеор, плавно опускаясь на пол перед Колдуном и ощерив клыки.

Я согласно кивнул каменной головой, издав очередную серию скрежетов и хрустов.

— Ведь ты не Виктор Светлов, я правильно понимаю? Ты кто-то другой, занявший его тело.

Я поднял свой полутонный кулак и потряс им перед собой, показывая, что пора заканчивать болтовню и раскатывать этого засранца по каменному полу в три слоя.

— Подожди-ка, — отмахнулся от Колдуна Вельхеор. — Тут мой друг что-то жаждет тебе сказать.

Ох как жажду. Что он тут с ним рассусоливает? Этот Колдун уже столько напакостил, что его сразу...

— ...давить нужно, а не слушать его бредни, — неожиданно услышал я свой голос.

— Так-то лучше, — обрадовался Вельхеор, и я только сейчас понял, что, пока я вёл внутренние монологи, он производил передо мной какие-то пассы. Наколдовал, выходит.

— А это, надо думать, сам Виктор Светлов, — отчего-то обрадовался Колдун.

— Он самый, — грозно рявкнул я. — И я тебя щас тут затопчу просто на месте. Будешь знать, как Посвящения некачественные устраивать.

— Ах да, это ведь ты из Посвящения чёрте что устраиваешь, да ещё в этом мире, совершенно не готовом к внедрению Искусства, — опомнился Вельхеор. — А у тебя лицензия от Международной Ассоциации Искусства есть?

Ну вот, опять. Вельхеор какой-то странный вообще-то. Свихнулся, должно быть, из-за своих скитаний, когда он духом бесплотным был. Какое-то у него поведение неустановившееся, то туда, то сюда. Вот и непонятно, шутит он сейчас или действительно этой чёртовой лицензией озабочен.

— Какое разрешение, когда я всего лишь воссоздавал то, что видел несколько сот лет назад, — неожиданно начал оправдываться Колдун.

Сколько лет?! Э-э-э... да у мужика крыша поехала. От страха, что ли?

— Это где ты такое видел? — подозрительно осведомился Вельхеор, и у меня возникло такое ощущение, что вампир ему верит. С чего бы вдруг?

— Слушай, давай его быстренько по стенкам размажем, и по домам, — решил я внести ясность в наши намерения.

— Слушай, ты чего такой кровожадный стал, а? — удивился Вельхеор. — Это ты от меня, что ли, нахватался? Или с Кельнмиром переобщался? С чего столько злости?

— С того, что меня тут травят, бьют, в меня стреляют, мне угрожают, меня даже унижают. И после этого я должен прикидываться ангелочком? — огрызнулся я.

— В чём-то он, конечно, прав, — неожиданно согласился Колдун.

— Значит, мы тебя сейчас... того? — Я с надеждой посмотрел на Колдуна.

— Но «того» меня всё же пока что не надо, — огорчил меня Колдун. — Давайте сначала сядем и поговорим, а затем уже решим, кто кого и за что.

Я незатейливо ругнулся.

— Поговорим, — махнул рукой Вельхеор. — Только ты недолго. Мне скоро домой пора уходить, а я ещё должен убедиться, что младшему ничего не угрожает...

Хм... младший — это, видимо, я. В общем-то в сравнении с его тремя тысячами лет я не то что младший, я младенец ещё. Но всё равно не очень приятно.

— Кстати, о безопасности, — неожиданно вспомнил я. — Меня же это...

— Отравили, — кивнул Вельхеор. — Всё уже сделано. Желудок, конечно, немного покрутит, но жить будешь.

Я облегчённо вздохнул, на радостях проглотив хотевшее вырваться высказывание на тему «да разве ж это жизнь?»

Как можно вздыхать, не имея лёгких, — тоже тот ещё вопросец.

— Тогда поговорим, — смиловился я и грузно сел на подобие алтаря. Не потому, что устал (чему уставать-то?), а потому, что просто привык говорить на серьёзные темы, сидя на чём-нибудь удобном. А что для каменной статуи может быть удобнее, чем каменный же постамент?

Вельхеор брезгливо оттолкнул ногой спящего спецназовца и выудил прямо из воздуха небольшой, но удобный деревянный стул.

Колдун лишь поднял бровь и проделал ту же самую операцию.

Вот жуки-то, а о бедной ходячей статуе никто не позаботился и даже стульчика не предложил. Ну и что, что вешу я десяток тон? Всё равно обидно.

— Ну давай, рассказывай, как ты дошёл до такой жизни, — спросил Вельхеор таким тоном, будто являлся обвинителем в суде. Может быть, это именно так и было. Сейчас решалась судьба Колдуна, и Вельхеор, вполне возможно, на этом процессе был и обвинителем, и судьёй, и палачом.

— Детства своего я не помню, — послушно начал излагать Колдун. — Хотя, как мне говорили мои знакомые, которых, кстати, я тоже не мог вспомнить, они (в смысле родители) у меня были. Мне рассказывали, что я ударился головой и потерял память. Где и как я ударился, я также не помнил и не помню до сих пор, а характер повреждений доктора определить не смогли. Да и доктора-то тогда были так... врачеватели-теоретики. Ни снимков не сделали, ни анализов не взяли... год тогда был где-то 1701-й, если не ошибаюсь.

— Ну, ты как Дунька Маклауд, — не удержал я нервного порыва глупо пошутить. — Головы никому не рубил?

Вельхеор удивлённо посмотрел на меня, явно не поняв шутки. Да и откуда ему знать-то? За то время, что он был в моём мире, разве ж поймёшь чего? А вот Колдун понял и лишь грустно усмехнулся в ответ, скорее просто из приличия.

— Ага, щас. Останется только один.

Вельхеор ещё раз удивлённо хлопнул глазами.

— Слышь, ты бы юбку поправил, — неожиданно сказал Колдун, глянув на Вельхеора.

— А что такое? — удивился тот. — Что-то не так?

— Знаешь ли, ты похож на извращенца, — пояснил Колдун.

Вельхеор аж подпрыгнул.

— Спасибо за комплимент, конечно, но тогда уж это не я, а Виктор. Я-то тут при чём?

— Ни при чём, ни при чём, — не выдержал я издевательств над собой. — А юбку поправь.

— Поздно вообще-то уже, — неожиданно передумал Колдун и повернулся ко мне. — Ты чего вообще так вырядился-то?

Я передёрнул каменными плечами:

— Заставили меня. И сюда приехать тоже заставили. Эта ваша Вельма, ведьма проклятая. Она ещё и смывать умудрилась.

— А... — отмахнулся Колдун. — Да ладно. Чего она сделает-то? Она была моей ученицей всего-то десяток лет и, видимо, решила, что стала достаточно крутой, чтобы тягаться со мной. Толку-то? Если бы я захотел, то я бы её как комара прихлопнул, только неинтересно это как-то.

— А меня, значит, убивать интересно?! — разозлился я.

— Ещё как, — отчего-то обрадовался Колдун. — До сих пор никак убить не могу. А ведь положено.

— Кем это? — осторожно поинтересовался я, слегка поостыв.

— Жанром положено, — объяснил Колдун.

Я слегка опешил:

— Не понял.

— Видишь ли, последнюю сотню лет я разыгрываю сценарии, в которых играю ту или иную роль. Когда-то я играл героев, когда-то помощников героев, я играл в политические, экономические игры. Чёрт побери, если бы не эти игры, я бы спятил от скуки.

— Та-а-ак, — протянул я, переваривая полученную информацию. — И какой же жанр был в моём романе?

— Современная фантастика с элементами боевика.

— А почему именно такой? — ударил я кулаком по алтарю, и он явственно хрустнул, но пока что остался цел. — Почему было не выбрать эротику, а? Я бы порадовался. Или там любовный роман? Почему фантастика?!

Я чуть ли не сорвался на крик. Шутка ли, кто-то играет с тобой как с оловянным солдатиком.

— Так ведь это неинтересно, — подал голос Вельхеор. — Я правильно понял? Колдун радостно кивнул.

— Значит, — ещё больше распалился я, — ты тут сюжетец развиваешь, да? А ты у нас, я полагаю, герой?

— Я? Э нет. — Колдун брезгливо поморщился. — Тошнит меня уже от этого героизма. Захотелось вот мне злодея сыграть. Никогда не играл, а тут вот захотелось вдруг.

— А ты у него, выходит, герой, — хлопнул меня по каменному плечу Вельхеор. — Тебе это должно льстить.

— Ага, весь мир театр, — пробурчал я, — а люди в нём актёры. Но у меня вопрос такой: а кто же режиссёр?

На время воцарилась тишина, а затем послышались одинокие аплодисменты. Хлопал Колдун.

— Зришь в корень.

— Вот и ладушки, — потёр руки Вельхеор. — И какой же конец у этого романа?

— Печальный. Ведь это же «современный» роман. А в современности чаще побеждают силы зла, нежели света.

— Но не в данном случае, — напряжённо, чуть ли не по слогам произнёс Вельхеор, буравя Колдуна острым взглядом.

— Не в этом, — вздохнул Колдун. — Под влиянием непредвиденных обстоятельств придётся закончить роман хеппи-эндом.

— Так бы и сразу, — кивнул Вельхеор. — Пора мне уже. Дела, знаете ли.

— Но у меня есть условие, — поспешил добавить Колдун.

— Какое это условие? — чуть ли не в один голос проговорили мы с Вельхеором.

— Объясни мне, где я тебя видел?

Мы с Вельхеором переглянулись. Вернее, он бросил взгляд на мою каменную голову, я-то и так смотрел на него.

— Меня? — одновременно спросили мы.

— Нет, именно тебя. — Он ткнул пальцем в Вельхеора. — Не Виктора Светлова, а тебя. Ты вообще-то кто?

— О-о-о, это долгая история, — вздохнул Вельхеор.

— А я не тороплюсь, — заверил Колдун.

— Зато я тороплюсь, — отрезал Вельхеор.

Атмосфера начала накаляться.

— Эй, ребята, — поспешил вмешаться я. — Удивляюсь я, на вас глядя. Живут чёрте сколько, а ведут себя как дети.

Вельхеор обиженно насупился, а Колдун, напротив, даже обрадовался:

— Правильно, вот поэтому мы себя так и ведём. Разве ж серьёзный человек сможет выдержать тяжесть веков? Да что там, вспомним пресловутого бога. Разве он не вёл себя как ребёнок, то разрушая, то создавая? Если он и существует, то он именно вечный ребёнок, потому что всезнающее существо просто не смогло бы жить. Представьте себе жизнь, если вы знаете всё. Не просто всё, а всё

. Нет жизни. Жизнь — это развитие. А какое развитие будет без любопытства? У всех свои средства борьбы с повседневностью, но именно долгоживущие должны достигнуть в этом совершенства, иначе им не выжить. Вот я, — Колдун скромно вздёрнул подбородок, — нашёл свой способ, я создаю сюжеты. Не в книгах, не в кино, а в реальном мире.

— Мысль довольно интересная, — задумчиво пробормотал Вельхеор. — Нужно будет подумать на досуге.

— Кстати, не считите за бестактность. — Колдун кашлянул. — А сколько вам лет?

— Двадцать один, — ответил я, хотя отлично знал, что вопрос задан вовсе не мне.

— Три тысячи двадцать один, — поправил Вельхеор.

Ну дела! Эк у нас с ним совпало-то. Ой неспроста это.

— Ясно, — слегка осел Колдун.

Ага! А самоуверенности-то у него мигом поубавилось. Так-то. Мы постарше будем. Хм... что-то я уже себя с Вельхеором стал ассоциировать. Свыкся, что ли?

— Ладно, мне действительно пора, — сказал Вельхеор, поднимаясь со стула. — Пусть тебе всё Виктор расскажет, если захочет. Я думаю, мы пришли к взаимопониманию и больше никого бить по мозгам не придётся.

Колдун явно не хотел отпускать Вельхеора без подробнейшего рассказа, но тут уж не попишешь. Если шеф сказал пора, значит, действительно пора.

— Раз так, тогда конечно. А нельзя подождать ещё минут десять? — всё же решил уточнить Колдун.

— Можно, — пожал плечами Вельхеор. — Но тогда Виктор, когда вернётся в своё тело, станет немного неадекватным.

— Неадекватным? — переспросил я... или Колдун... я как-то не заметил.

— Ага. Там... нервным или агрессивным. Кто его знает? Всё сугубо индивидуально, но ничего хорошего, как правило, нахождение вне своего тела не несёт.

— Так что же ты ждёшь? — вскричал уже точно я.

— Ну, поехали, — с готовностью произнёс Вельхеор.

Я выжидательно посмотрел на него.

— Поехали, говорю, — повторил он.

— Конечно, только куда и как?

Вельхеор вздохнул:

— Тьфу ты, дилетант, блин. По порядку: глаза закрыть, расслабиться, встать, сделать шаг вперёд, представь, что ты возвращаешься из долгого путешествия домой. Так. Через пару секунд можешь открыть глаза... — и уже откуда-то издалека донеслось: — Будь на связи-и...

— Готово? — раздался голос Колдуна.

— Не знаю, — ответил я и тут же на меня навалился мир ощущений.

— Получилось, значит.

— Значит, — эхом откликнулся я.

Я открыл глаза и увидел перед собой Колдуна, всё так же сидящего на своём стуле посреди зала. Одновременно я ощутил, что и сам сижу на чём-то подобном.

— Уф, — только и успел сказать я, как то, на чём я только что сидел, исчезло из-под меня и я упал на пол. Правильно, Вельхеор исчез, а значит всё, что он создал, тоже исчезло. А поскольку он создал только стул... бедный мой зад. И желудок.

Я судорожно вдохнул воздух и схватился за живот.

— Что-то не так? — скорее заинтересованно, нежели обеспокоено спросил Колдун.

— Всё нормально, — выдавил я. — Вельхеор предупредил, что живот будет болеть.

Но не говорил, что он будет

так

болеть. Интересно, а он ничего этого не чувствовал? Эх, хорошо быть вампиром. Мне бы так... хотя вообще-то теперь с мыслями нужно быть поаккуратнее. И думать потише, и пить поменьше.

Мой взгляд сам собой упал на каменную статую, в которой я обретался всего пару минут назад. Зрелище было поистине достойное запечатления: каменный монстр сидел на постаменте и задумчиво смотрел вдаль, подперев свою голову кулаком. Просто удивительно, до чего преобразила каменного монстра эта незамысловатая поза. Я невольно залюбовался...

— Сожалею. — Колдун поднялся со стула, и он (стул то есть) исчез. — Я бы помог, но лечить не умею. Я всё больше по гипнозу и телепортации работаю. Так что, с вашего позволения, я воспользуюсь вторым своим навыком и скроюсь. А то, наряду со стулом, который создал ваш друг, заклинание сна, наложенное им же, исчезает. Скоро все проснутся. Да, хотелось бы узнать ещё вот что: как Агентство нас нашло? Да ещё и так быстро.

— А-а! — Я, несмотря на боль в желудке, радостно усмехнулся. — С помощью жучка.

— Фу, как всё буднично и неинтересно, — высказался Колдун. — Ладно, с вашего позволения, я исчезаю.

— Конечно, конечно, — не стал спорить я. Всё, чего мне сейчас хотелось, — это выпить обезболивающее и лечь в мягкую кровать.

Колдун начал исчезать.

— Кстати, не забудьте о своём заказе на журналистское расследование. Очень хочется узнать о ваших ощущениях на Посвящении. А после этого, безусловно с новым весьма немаленьким гонораром, напишите мне, пожалуйста, фантастическое произведение на тему «Я и ещё кто-то в моём теле». — Сказав это, Колдун исчез.

А я остался стоять в полном ступоре. Это что же, он... и заказ тоже он... и перстни сделал он... Ну если все люди актёры, то одного режиссёра я встретил наверняка. И как он везде успел-то? Не удивлюсь, если окажется, что и за деятельностью Агентства он следит самым внимательным образом, а то и вовсе... управляет им. Невольно начинаешь ощущать себя таким маленьким. Право же, кто я такой в глазах этого «великого комбинатора»? И кто в его глазах все остальные люди?

Кстати, об остальных людях. Остальные люди в камуфляже и в балахонах начали просыпаться. Первыми конечно же вскочили спецназовцы.

— Стоять! Дамочка, руки за голову!

Опять двадцать пять! Где-то я это уже слышал.

Я было удивлённо обернулся, но вспомнил, что дамочка-то я. Смотрите-ка, уже почти привык.

Руки я всё же поднял, даже несмотря на боль в желудке. А то они небось нервные сейчас, мало ли что.

— Что это было? — пробормотал, поднимаясь на ноги, Сергей Иванович.

— Газовая атака, — уверенно подсказал Нестеров, всё ещё лёжа на полу.

Тут раздался выстрел. В той тихой и сонной атмосфере, что царила в зале, он был подобен концу света.

— Кто стрелял?! — пророкотал Нестеров, мигом вскочив на ноги. — И так башка раскалывается, и вы тут ещё стрельбище устроили.

Меня почему-то никто обыскивать не стал. Про меня вообще забыли, наверное потому, что начали просыпаться сектанты.

Чего уж говорить, сектантам определённо повезло. Поскольку очухавшиеся уже спецназовцы помогали другой, более израненной половине, на просыпающихся сектантов наткнулась Лида. И когда она встать успела, я даже не заметил.

Должен напомнить, что совсем недавно в этих зловещих сектантов стреляли очередями, резали ножами, им ломали шеи, и спустя пару секунд они вновь появлялись как новенькие. Поэтому, наткнись на одного из них, встающего с пола, спецназовец, он бы отработанным рефлексом пустил в него всю обойму. Сектанты-то, уж не знаю, стараниями Колдуна или стараниями Вельхеора, перестали быть зомбированными машинами для убийства. Но на поднимающегося с пола со словами «Что за...» сектанта наткнулась Лида. От природы она явно менее кровожадна, чем спецназовцы (или просто рука задрожала), поэтому она ответила ему лишь одним скромным выстрелом в ногу. Нет, промазать она всё же не могла, значит, просто умная она... и добрая.

После выстрела мы насладились воплем сектанта, который тут же прервал проходящий мимо спецназовец, просто ударив его по шее рукояткой пистолета.

Ещё некоторое время группе захвата потребовалось, чтобы понять, что сектанты теперь не представляют никакой опасности ввиду полной потери памяти и бессилия. Все проснувшиеся выражали удивление, а затем вновь теряли сознание от потери сил. Выглядели они такими измождёнными, будто не кормили их по крайней мере неделю.

А потом очередь дошла и до меня.

— А с дамочкой что? — осведомилась Лида, подойдя ко мне вплотную.

Тут уж я не выдержал. Сказалось напряжение последних дней и боль в желудке.

— Ты что, слепая совсем?! Я такая же дамочка, как ты борец сумо.

От удивления Лида отступила на шаг:

— Виктор?

— Удивительно, — съехидничал я. — Как это ты догадалась?

Лида неуверенно улыбнулась:

— Да, теперь вижу. А если не присматриваться, то и не отличишь.

Удивительно, это получается что же? Она меня не видела, но всё же боялась, что в меня попадут из автоматов? Ишь ты, заботливая какая. Даже приятно.

— Кого не отличишь? — подошёл Нестеров.

— Его, — ткнула в меня пальцем Лида, и все мои добрые чувства куда-то испарились.

— Ты хотела сказать её? — уточнил Сергей Иванович, подходя к нам.

Я уже откровенно начал беситься. Неужели все настолько слепые?!

— Достали! — рявкнул я, сдёргивая парик. — Совсем отупели, что ли?!

— Ты? — удивились теперь уже Нестеров и Сергей Иванович.

— А не отличишь, — ощерился Нестеров. — Тогда понятно, почему ты бил меня всё время в одно и то же место... типично женская привычка.

Сил злиться у меня больше не было, и я демонстративно отвернулся.

— О, и сзади не отличишь, — не унимался Нестеров.

— Козёл, — пробормотал себе под нос я и уже громче добавил: — А всё для того, чтобы вывести на чистую воду ваших сектантов. Что бы вы делали, если бы я жучок с собой не взял и записку не оставил, а? Мне медаль-то хоть полагается?

— Ага, щас, — тут же ответил Нестеров. — Трансвеститам медали не выдают.

Я резко повернулся с совершенно твёрдым намерением расквасить ему нос.

— Спокойно, спокойно, — встал между нами Сергей Иванович.

— Да, и жучок отдай, это дорогая техника, между прочим, — напомнил Нестеров.

Я слегка смутился:

— Видите ли... Когда меня насильно переодевали, мне ничего не оставалось, кроме как проглотить его.

— Да я тебя... — аж задохнулся Нестеров. — Да ты знаешь, сколько он стоит? Мало того что камеры попортил, так теперь ещё и жучок проглотил...

— Хватит, Нестеров, — повысил голос Сергей Иванович. — Вам придётся научиться ладить друг с другом, ясно? Вам предстоит работать вместе, причём довольно долго...

Эпилог

— Опять ты? — как ни в чём не бывало спросил Вельхеор.

— Опять я, — согласился я. — А что делать? Жизнь такая.

— Что на этот раз?

— Да ничего особенного, просто я теперь на полутюремном режиме. Туда нельзя, сюда только с сопровождением... Тошнит уже от всего.

— Это уже не мои трудности, — отмахнулся Вельхеор. — Ты узнал об искусственном интеллекте то, что спрашивал Кей?

Я вздохнул:

— Узнал.

— Диктуй, — отозвался Вельхеор.

— Конечно, только у меня вопрос.

— Опять?

— Конечно опять, — огрызнулся я. — Ты можешь начать меня учить Искусству?

— А зачем тебе? — удивился Вельхеор.

— Как это зачем? Защищаться, вот зачем.

— Чтобы опять привлечь внимание Агентства?

Я горестно усмехнулся:

— А сейчас они про меня забыли совсем...

— Ещё нет, но скоро они поймут, что добиваться от тебя нечего, и отстанут.

— Ты их не знаешь, — неуверенно ответил я. — И потом, я же ведь ученик. Имею же я право... Вельхеор поудобнее уселся в кресле.

— И чей же ты ученик? — неожиданно ласковым голосом спросил он.

— Э... Кельнмиира, — ответил я, уже понимая свою ошибку.

— Правильно! — рявкнул Вельхеор. — Вот он пусть тебя и учит.

Я ожидал как раз нечто подобное, но попробовать всё же стоило.

— Но он далеко, а ты можешь появляться раз в неделю...

— Вот именно, всего лишь раз в неделю! И нечего тратить драгоценное время на всякую фигню. Раз уж он твой учитель, пусть сам и обучает тебя как хочет. У меня своих дел хватает, нам ещё нужно три теста сегодня провести...

Опять эти тесты. Каждое утро я поднимаюсь и еду в Агентство, чтобы до вечера торчать нашпигованным проводками и снимаемым десятками камер. Каждый день без выходных я выслушиваю крики Нестерова и нелепые вопросы вроде: «А что вы ощущали, когда упали из окна третьего этажа?», «Что нужно сделать, чтобы читать мысли?» Ага, вот прямо сейчас я им объясню на пальцах, как читать мысли, и как летать, и как ускоряться... Как же меня всё достало! Даже в магазин со мной ходит неприметный для других, но уже намозоливший мне глаза охранник. Везде охранники...

Я сокрушённо покачал головой.

— Вот именно, — по-своему воспринял мой жест Вельхеор. — Так что давай продолжим.

Продолжить-то мы продолжим, но вот о своих подозрениях, связанных с Колдуном, я тебе не расскажу. Принципиально. Я же злопамятный. И мысли мои теперь так просто не прочитаешь, я уже почти научился ставить блок. Нужно-то всего лишь мысленно представлять каменную стену, и всё... Сначала трудновато, но я привыкну...

* * *

— Согласна ли ты, Светлана, взять в мужа этого мужчину и быть ему опорой и утешением, делить с ним все радости и горести? — пропищала толстая дама с красной ленточкой, кстати висящей кривовато на её необъятном туловище.

— Согласна.

— Согласен ли ты, Эдик, взять эту девушку в жёны и быть её защитой, кормильцем и пойти с ней дальше по жизни рука об руку?

— Согласен.

— Итак. Властью, данной мне, объявляю вас мужем и женой. Жених может поце... кхм. Вижу, вам объяснять не надо.

Интересно, а кто ей власть-то эту дал?

Заиграл оркестр, и счастливая пара прошествовала на улицу. Все гости поспешили вслед за ними, чтобы освободить место следующей паре влюблённых до чёртиков чудиков.

На улице толпился народ. Тут и весь «Литерхом» присутствовал, и родственники. Даже Клавдия Степановна где-то промелькнула. Её-то кто пригласил, а? Вокруг как бы невзначай прогуливались усиленные отряды милиции, состоящие из пяти человек, не считая собак. Ещё дальше, между зданиями и машинами, иногда мелькали одинокие каски спецназовцев.

Наверняка ещё и снайперы на крышах сидят...

— Виктор!

К нам подошёл сам, собственно, жених.

— Слушай, я так ещё никогда не трясся, — с ходу признался он. А сам засиял, будто только что узнал, что выиграл в лотерею... хотя, в каком-то смысле...

— Глупенький, это же здорово, — заметила Лида.

Ах да. Она же здесь, рядом со мной стоит. Просто я что-то задумался, а она так невесомо держится за мой локоть, что и не заметишь. А, ладно, признаюсь — это я стараюсь не замечать. Опять она ко мне приставлена вместе со всеми этими ментами, спецназовцами, снайперами и мухтарами. Хотя мухтары тут вообще-то ни при чём, они ж собаки всё-таки.

Я тоскливо посмотрел на Лиду... оглянулся по сторонам и вновь вздохнул.

— Ты что, не рад за меня? — заметил мою постную физиономию Чиж.

— Что ты, — поспешил улыбнуться я. — Тебе повезло. Жаль, на мальчишник к тебе не попал. Чиж всё ещё подозрительно смотрит на меня. Что ж поделать-то? Не получается у меня в последнее время от чистого сердца улыбаться. Настроение не то.

— Да, на мальчишнике было... — Чиж мечтательно закатил глаза. — Жаль, женятся всего один раз, а то я бы такие мальчишники каждый месяц устраивал.

Подошедшая к нам Лана как раз успела застать последнюю фразу Чижа.

— Та-а-ак, что это ты устраивать собираешься? — переспросила она, потянув Чижа за ухо.

— Уй ё! — от неожиданности вскрикнул Чиж. — Кто ж так пугает-то? Я это... шутю я.

— Как же, шутит он. Дома поговорим, — шутливо разозлилась Лана.

— Ты очаровательна, — сделала комплимент Лида.

Да и ты тоже, если честно, очень неплохо смотришься, Лида...

— Присоединяюсь, — поспешно согласился я.

— Да ладно вам, — тут же зарделась Лана, мигом забыв о провинности Чижа. Тот кинул благодарный взгляд на Лиду и заговорщический на меня.

— Пойдём мы, — вздохнул Чиж. — Сейчас со всеми попрощаемся и в свадебное путешествие.

Я удивился. А я думал, что это только в кино.

— Куда же? — не утерпел я.

— Да шутит он, — отмахнулась Лана. — На дачу его брата мы поедем. У него там особняк пятиэтажный. Он нам его на месяц презентовал.

Мы с Лидой поняливо и немного завистливо кивнули, мол, ну и везёт же некоторым. Лана и Чиж чуть ли не галопом поспешили прощаться с прочими гостями.

— Какие они счастливые! — восторженно прошептала Лида.

— Ага, — не очень оптимистично согласился я.

Тут я заметил Хаза. Он неторопливо пробирался к нам, аккуратно отесняя толпу со своего пути.

— О, щас он мной восхищаться будет, — прошептал я Лиде.

Та удивлённо посмотрела на меня. Во взгляде её читалось «откуда ты знаешь-то?»

Знаю, Лида. А откуда? У меня свои источники.

— Здравствуй, здравствуй, — громыхнул Хаз, протягивая мне свою лапищу.

Я слегка опасливо пожал ему руку. Уф, не сломал вроде бы. А то ему ж силу девать некуда.

— День добрый. — Хаз галантно поцеловал Лиде ручку. — Вы очаровательны.

Не знаю почему, но я тут же начал злиться.

— Ты, собственно, по какому поводу? — как можно культурнее спросил я.

И с чего это я так завёлся-то?

Хаз удивлённо хмыкнул:

— Просто решил извиниться. Работу ты проделал хорошую. Отчёт тоже качественно напечатан, работодатель был просто в восторге. Игнат Львович сначала на тебя обижался, а когда отчёт прочитал, чуть ли не молиться на тебя стал. Всё встречи ищет.

Чёрт! Мне невольно стало стыдно перед писателем. Он ведь, по сути, добрый и на удивление культурный человек. А я его так подвёл с этим исследованием. И на кой чёрт я согласился вообще? Из-за денег... кстати о деньгах.

— А ты ничего не забыл? — туманно намекнул я.

— Нет, конечно, — улыбнулся Хаз и достал из кармана пиджака явно заранее заготовленный конверт. — Всё твоё ношу с собой. Вот оно, честно заработанное. Плюс премия от нанимателя. Кстати, он попросил передать, что будет рад, если ты для него выполнишь ещё один заказ, там книга какая-то...

— Куда ж я денусь-то? — пробормотал я как можно тише.

— Ладно, ты не забудь, что у нас завтра тренировка, — напомнил Хаз. — Чин Кхо специально для тебя ввёл новую систему оплаты. Ты платишь только за те тренировки, что пропустил. Причём с каждой пропущенной тренировкой сумма удваивается. Так что смотри, через пару недель уже не рассчитаешься.

Хаз хрюкнул от удовольствия, увидев выражение моего лица, и отправился дальше по своим делам.

Я ошарашено посмотрел вслед уходящему Хазу, а потом перевёл взгляд на Лиду.

— Он что, шутит? — всё ещё не придя в себя, спросил я, в общем-то не ожидая никакого конкретного ответа.

— Мне кажется, что он совершенно серьёзно, — закусила губку Лида.

— А-а-а. — Я ещё немного подумал. — Тогда нужно у Сергея Ивановича попросить несколько отгулов по вечерам.

Лида как будто случайно отвернулась, провожая взглядом садящихся в шикарный белый лимузин молодожёнов.

Я понимаю, что никаких отгулов мне не светит, но, может, всё-таки...

— Как я им завидую, — совсем тихо сказала Лида, крепче ухватившись за мою руку.

— Ага, что интересно, неужели они не заметили, что каждый второй в этой толпе им совершенно незнаком? — Я огляделся по сторонам, цепляя взглядом подсадных охранников. — И того, что творится на улицах вокруг, они тоже не заметили? Жители, наверное, решили, что здесь как минимум президент женится.

— Им не до этого, — вздохнула Лида. — Они никого, кроме друг друга, не замечают.

— Как можно быть такими слепыми? — удивился я.

— Ты хотел сказать влюблёнными, — поправила Лида.

Влюблёнными... фу, как всё скучно.

— То же самое, — почему-то зло ответил я.

— Не то же, совсем не то же.

И такой у неё голос грустный...

— Что ты всё из себя мученицу корчишь?! — не выдержал я. — Никто меня не любит, бедная я бедная. А кто меня обманывал всю дорогу?! Кто меня пожалеет?! Это я — подопытная крыса... Лида промолчала.

— Теперь вот ещё на свадьбе моего друга ко мне приставили. Мало им батальона солдат и милиции вокруг, так ещё и сопровождающую приставили. Одного не могу понять, зачем? Чтобы я не сбежал, или защищают от кого-то? Это притом, что я уже объяснил, что секта исчезла, не без моей помощи между прочим. Что ты всё молчишь?!

Лида вновь отвернулась и не отвечала.

Я высвободил руку и не оглядываясь пошёл в сторону своего дома.

— Никто меня не приставлял, — услышал я за спиной тихий голос Лиды. Потом, уже оказавшись дома и упав на кровать с очередной бутылкой пива (я стал пить всё больше и больше), я пожалел о том, что ушёл. Потом я буду проклинать себя... но это потом. А сейчас меня жгла горечь и ненависть ко всему... ко всем.

Так оно и бывает, самое ужасное — находиться не вдалеке от любимого человека, а быть рядом, но в то же время невероятно далеко... Ладно, я что-нибудь обязательно придумаю. Я ведь всего лишь человек, и это здорово. Ведь если бы я был вампиром — тогда всё было бы гораздо сложнее.

Когда-нибудь я напишу Лиде обещанные стихи, в которых расскажу о том, как же трудно признаться в своих чувствах и как же легко бояться. Бояться близости, бояться предательства, бояться любви...

Слова сами стали складываться в рифмованные строки. Чтобы не забыть их, пришлось срочно искать листок бумаги и ручку.

Свести беседу к хвастовству,
Свести знакомство к неприязни.
И сжечь любовь, как жгут листву...

Разве мог я тогда предположить, что с этого момента история с перстнями, вампирами неожиданно для меня получит своё продолжение. Так начались совершенно иные приключения, о которых я вам расскажу в другой раз...

* * *

Р. С. Должен вам признаться: на книгу наложено маленькое заклинание. Какое? Спросите у Колдуна — это он любит такие штучки... Ладно, только для вас по секрету. Прежде чем объяснить систему его действий, хотелось бы задать один вопрос. Оцените книгу по пятибалльной шкале. Оценили? Теперь в зависимости от поставленной оценки фамилия и имя автора на обложке изменится на:

5 баллов — останется прежней.

4 балла — добавится второй автор с любой фамилией, которая вам понравится (например, Василий Пупкин), на которого я смогу свалить все минусы и недочёты книги.

3 балла — моя фамилия исчезнет, останется только второй автор (всё тот же Василий Пупкин).

2 балла — не стыдно? Ну и какая же вам разница, как зовут автора?

1 балл — я с вами не разговариваю, а книга сгорит через тридцать секунд.